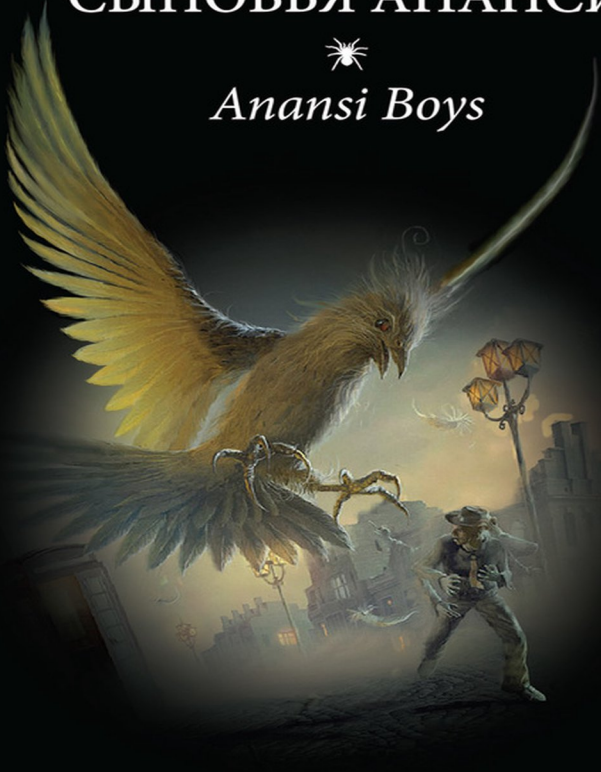
НИЛ ГЕЙМАН

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

Anansi Boys



Сыновья Ананси
Нил Гейман

Аннотация
Нил Гейман. Сыновья Ананси
Посвящение
Глава 1. в которой говорится об именах и семейных отношениях
Глава 2. в которой рассматриваются некоторые вещи, происходящие после похорон
Глава 3. в которой семья собирается вместе
Глава 4. которая завершается вечеринкой с вином, женщинами и песней
Глава 5. в которой мы изучаем многочисленные последствия похмельного утра
Глава 6. в которой Толстяк Чарли не может попасть домой даже на такси
Глава 7. в которой Толстяк Чарли заходит очень далеко
Глава 8. в которой в высшей степени полезной оказывается турка
Глава 9. в которой Толстяк Чарли открывает дверь, а Паук встречается с фламинго
Глава 10. в которой Толстяк Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон разочарована

Глава 11. в которой Рози учится говорить незнакомцам «нет», а Толстяк Чарли получает лайм
Глава 12. в которой Толстяк Чарли делает несколько вещей впервые
Глава 13. которая кое-кому принесет несчастье
Глава 14. благодаря которой можно прийти к нескольким заключениям

Аннотация

Толстяк Чарли Нанси, скромный житель Лондона, ведет приготовления к свадьбе, когда узнает о смерти своего горе-папаши. Вечно ставивший сына в неловкое положение, тот и умер словно в насмешку: флиртуя с девушками в караоке-баре. С этого момента жизнь Толстяка Чарли начинает рушиться. Чтобы вновь обрести себя, ему придется обратиться за помощью к ведьмам, отправиться на край света, потерять невесту и… спеть?

Нил Гейман
Сыновья Ананси

Neil Gaiman
ANANSI BOYS
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House LLC и Synopsis Literary Agency.
Copyright © Neil Gaiman, 2005
© В. Гуриев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2014
© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

Посвящение

Сами знаете, как бывает.

Берете книгу, открываете посвящение и обнаруживаете, что автор снова посвятил книгу не вам, а кому-то еще.

Но не в этот раз.

Поскольку мы еще не встречались/шапочно знакомы/ без ума друг от друга/слишком долго не виделись/ нас кое-что связывает/никогда не встретимся, — я верю, несмотря ни на что, мы всегда будем думать друг о друге с нежностью…

Эту книгу я посвящаю вам.

Сами знаете, с какими чувствами, и возможно, понимаете, почему.

Примечание: Пользуясь случаем, автор хотел бы почтительно снять шляпу перед призраками *Зоры Нил Хёрстон, Торна Смита, П. Г. Вудхауза и*

Фредерика «Текса» Эйвери[1].

[1] Примечания: 1

Зора Нил Хёрстон (1891–1960) — американская писательница, исследовательница афроамериканского фольклора (в особенности верований жителей Гаити и Ямайки). Торн Смит (1892–1934) — полузабытый ныне автор юмористических произведений с фантастической составляющей. П. Г. Вудхауз (1881–1975) — известный британский писатель, автор популярнейшего литературного сериала о Дживсе и Вустере. Фредерик «Текс» Эйвери (1908–1980) — американский аниматор, создатель таких персонажей, как Багз Банни и Даффи Дак. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.

Глава 1
в которой говорится об именах и семейных отношениях

Как почти все на свете, эта история началась с песни.

В самом деле, в начале были слова, а с ними возникла мелодия. Именно так был создан мир, свет отделен от тьмы, так все они — и суша, и звезды, и сны, и малые боги, и звери — явились в этот мир.

Их спели.

Большие звери были спеты в мир после того, как Певец разобрался с планетами, и горами, и деревьями, и морями, и зверьми помельче. Пропеты были скалы, что обозначают предел всему, и охотничьи угодья, и тьма.

Песни остались. Они все еще звучат. Правильная песня может сделать императора посмешищем, свергнуть династию. События и их участники давно превратились в пыль, быль и небыль, а песня все звучит. Такова сила песен.

С песней можно делать многое. Не только создавать миры и воскрешать сущее. Отцу Толстяка

Чарли, к примеру, песни пригождались для того, чтобы, как он надеялся и ожидал, провести отличный вечерок.

Пока отец Толстяка Чарли не вошел в бар, бармен пребывал в уверенности, что вечер караоке пройдет через пень колоду, но вот в зал проскользнул маленький старичок, прошел мимо свежеобгоревших на солнце блондинок с улыбками туристок, что сидели у маленькой импровизированной сцены, в углу. Он поприветствовал дам, вежливо приподняв шляпу (а он и правда был в шляпе, без единого пятнышка, зеленой фетровой шляпе и лимонного цвета перчатках), после чего запросто уселся за их столик. Блондинки захихикали.

— И как вам здесь нравится, дамы? — спросил он.

Они, не переставая хихикать, рассказали, что им тут здорово, спасибо, они тут в отпуске. Будет еще лучше, сказал он, дайте время.

Он был старше, много, много старше, но зато так любезен, словно явился из ушедшего века, когда изящные манеры и утонченные жесты еще что-то да значили. Бармен расслабился. Если в баре появляется такой человек, вечер наверняка удастся.

И было караоке. И были танцы. В тот вечер старик поднимался на импровизированную сцену не один раз, а дважды. У него был приятный голос, обаятельная улыбка, а ноги так и мелькали, когда он танцевал. В первый раз он вышел спеть «*What's new, Pussycat?*»[2].

А когда вышел во второй раз, он разрушил жизнь Толстяка Чарли.

* * *

Толстым Толстяк Чарли был недолго, лет с десяти, — когда его мать возвестила, что если есть на свете что-нибудь, чем она сыта по горло (а коль у джентльмена, о котором идет речь, имеются возражения, он может засунуть их сами знаете куда), то это брак со старым козлом, за которого она имела несчастье выйти замуж, и что нынче же утром она уезжает очень далеко, а он пусть не вздумает тащиться за ней, — и до четырнадцати, когда Толстяк Чарли немного подрос и окреп. Он не был толст. Говоря по правде, он и круглолицым не был, просто слегка закругленным по краям.

---

[2] Примечания: 2

«What's new, Pussycat?» — заглавная песня к одноименному фильму (название фильма на русский язык обычно переводится как «Что нового, кошечка?» или «Что нового, киска?»). Более всего известна в исполнении Тома Джонса.

Но кличка Толстяк Чарли к нему прилипла, как жвачка к подошве теннисной туфли. Он представлялся другим как Чарльз или, когда ему было чуть за двадцать, Чез, или, в письмах, как Ч. Нанси, но без толку: что ни делай, кличка проползет во все уголки жизни, словно таракан, трещина за трещиной осваивающий пространство за холодильником на новой кухне, и нравится Толстяку Чарли или нет — а ему не нравилось — он останется Толстяком Чарли.

Все потому, чувствовал он, что кличку дал отец, а когда отец придумывал имя, оно прилипало.

В доме напротив, на той же флоридской улочке, где рос Чарли, жил пес. Это был каштанового окраса боксер, длинноногий и остроухий, с такой мордой, будто, когда был щенком, этой мордой он приложился к стене. Голову он держал высоко, хвост короткий, свечкой. Это был, вне всяких сомнений, аристократ собачьих кровей. Участник выставок. Неоднократно отмеченный как «лучший представитель породы», «лучший в своем классе», а однажды даже как «лучший на выставке». Прозывался пес Кэмпбеллом Макинрори Арбутнотом Седьмым, а в неформальной обстановке хозяева звали его Каем. Так продолжалось до того дня, пока отец Толстяка Чарли, сидя

на крыльце в ветхом кресле-качалке и попивая пиво, не обратил внимание, как по соседнему двору на привязи, которой хватало от пальмы до изгороди, лениво разгуливает пес.

— Ну что за бестолковая псина, — сказал отец Толстяка Чарли. — Прямо как дружок Дональда Дака. Эй, Гуфи!

И тот, кто однажды был признан «лучшим на выставке», буквально на глазах сник и утратил свой лоск. Для Толстяка Чарли это было как если бы он вдруг увидел пса глазами своего отца и, черт возьми, если пес в самом деле не бестолков. Как мультяшный.

На то, чтобы кличка разошлась по всей улице, много времени не понадобилось. Владельцы Кэмпбелла Макинрори Арбутнота Седьмого пытались с этим справиться, но с тем же успехом они могли противостоять урагану. Даже совершенно незнакомые люди, поглаживая некогда гордого боксера по голове, говорили: «Привет, Гуфи. Хороший мальчик». Вскоре владельцы перестали пса выставлять. У них духу на это не хватало. «Вылитый Гуфи», — говорили судьи.

Отец Толстяка Чарли давал такие прозвища, что они прилипали, вот и все.

И это еще не самое худшее.

Пока Толстяк Чарли рос, на роль самого худшего в его отце претендовали и блуждающий голодный взгляд, и не менее блудливые руки, — если верить девицам, что имели обыкновение жаловаться матери Толстяка Чарли, после чего у родителей случались скандалы; и маленькие черные сигариллы, которые отец называл черутами и запах которых приставал ко всему, чего он касался; и его пристрастие к необычной шаркающей разновидности чечетки, которая, как подозревал Толстяк Чарли, если и была когда в моде, то разве что в Гарлеме, в двадцатые годы, и не дольше получаса; полное и неодолимое невежество отца в делах международных в сочетании с твердой верой в то, что получасовые ситкомы — это документальная хроника жизни реально существующих людей. Для Толстяка Чарли ни одно из этих качеств на роль самого худшего не тянуло, — худшее они давали в сумме.

Но самое наихудшее в отце было то, что он постоянно ставил Толстяка Чарли в неловкое положение.

Понятно, что всякий стесняется своих родителей. Это неотъемлемое родительское свойство: в родительской природе смущать детей самим фактом своего существования, тогда как в природе

детей определенного возраста — съеживаться от смущения, стыда и унижения в тот момент, когда родителям всего лишь вздумается обратиться к ним на улице.

Отец Толстяка Чарли, само собой, возвел это в ранг искусства, он наслаждался этим не меньше, чем розыгрышами, от простых — Толстяк Чарли никогда не забудет, как первый раз улегся в постель, уложенную «*яблочным пирогом*»[3] — до непредставимо сложных.

— Например? — спросила однажды Рози, невеста Толстяка Чарли. Тем вечером Толстяк Чарли, никогда не рассказывавший об отце, предпринял, запинаясь, попытку объяснить, почему он уверен, что пригласить отца на свадьбу — очень неудачная идея. Они сидели в маленьком винном баре в южном Лондоне. Толстяк Чарли давно уже считал, что четыре тысячи миль и Атлантический океан между ним и его отцом *никогда не лишние.*

— Ну… — сказал Толстяк Чарли, вспоминая пережитые унижения, от каждого из которых невольно сжимались пальцы на ногах.

---

[3] Примечания: 3

«Яблочный пирог» — способ заправки постели, когда простыня складывается так, что человек, забравшийся под одеяло, не может вытянуть ноги.

И выбрал одну историю.

— Ну вот, когда я перешел из одной школы в другую, папа все рассказывал, с каким нетерпением он, когда был мальчиком, ждал президентского дня, потому что по закону дети, которые в этот день приходят в школу в костюме своего любимого президента, получают большой мешок сладостей.

— Какой милый закон, — сказала Рози. — Нам бы, в Англии, такой не помешал.

Рози никогда не выезжала за пределы Соединенного Королевства, если не считать поездки с «*Клубом 18–30*»[4] на остров, который, она была почти уверена, расположен в Средиземном море. У нее были теплые карие глаза и доброе сердце, а знание географии не входило в число ее достоинств.

— Это не милый закон, — сказал Толстяк Чарли. — Это вообще не закон. Он все придумал. В большинстве штатов и в школу никто в президентский день не ходит, а в тех, где ходят, нет такой традиции, чтобы школьники наряжались

---

[4] Примечания: 4

«Клуб 18–30» — британская компания, предлагающая недорогие туры выходного дня. Большинство туристов — одинокие молодые люди, начинающие самостоятельную жизнь, так что репутация у таких туров соответствующая.

в президентов. И Конгресс не принимал закона, по которому школьникам, переодетым в президентов, давали бы по большому мешку конфет, и твоя популярность в школе и потом в университете вовсе не зависит от того, каким президентом ты оденешься — середняки, дескать, выбирают очевидных — Линкольна, Вашингтона, Джефферсона, — но истинный успех ожидает тех, кто одевается под Джона Квинси Адамса, Уоррена Гамалиеля Гардинга или кого-то в этом роде. И, мол, плохая примета обсуждать свой наряд до президентского дня. Точнее, нет такой приметы, но он сказал, что есть.

— И мальчики, и девочки наряжаются президентами?

— О да. И мальчики, и девочки. Так что за неделю до президентского дня я прочел о президентах все, что было в энциклопедии, чтобы не ошибиться с выбором.

— И ты ни разу не заподозрил, что он тебе голову морочит?

Толстяк Чарли покачал головой.

— Если мой отец за тебя берется, ты никогда ничего не заподозришь. Он — самый лучший лжец в мире. Он убедителен.

Рози отпила немного шардоне.

— Ну и каким президентом ты нарядился?

— Двадцать седьмым, Тафтом. Я надел коричневый костюм, который отец где-то раздобыл, подвернул штанины, заткнул за пояс подушку. Нарисовал на лице усы. Отец в тот день сам отвел меня в школу. Как я был горд! Но остальные дети ржали и показывали на меня пальцами, и тогда я заперся в кабинке туалета для мальчиков и расплакался. Меня даже не отпустили домой переодеться. Я ходил так весь день. Это был сущий ад.

— Надо было что-нибудь придумать, — посоветовала Рози. — Сказал бы, что идешь после школы на вечеринку или еще что-нибудь. Или просто сказал бы правду.

— Ага, — угрюмо кивнул Толстяк Чарли.

— А что сказал папа, когда ты пришел домой?

— О, он оборжался. Хихикал, фыркал, так и давился от смеха. А затем сказал, жаль, должно быть теперь больше не наряжаются в президентский день. Ну что же, добавил он, почему бы нам не отправиться на пляж поискать русалок?

— Поискать… русалок?

— Мы спустились к пляжу, и пошли вдоль воды, и он вел себя хуже некуда: пел, шаркал ногами

по песку, словно танцует *песочный танец*[5], заговаривал с людьми, что встречались на пути, — с людьми, которых он не знал и никогда прежде не видел, а я бесился от всего этого, пока он не сказал, что в Атлантике водятся русалки, и если резко и быстро посмотреть в сторону, хоть одну да увидишь. «Вон, — сказал он, — смотри! Большая и рыжая, с зеленым хвостом». И я все смотрел и смотрел, да так и не увидел.

Он опустил голову. Затем набрал в руку орешков из стоявшей на столе чаши и принялся забрасывать их в рот и так ожесточенно жевать, будто каждый орех представлял собой двадцатилетней давности унижение, которое не может быть забыто.

— А я думаю, он восхитителен! — радостно сказала Рози. — Большой оригинал. Нужно обязательно позвать его на свадьбу, он будет душой компании.

Ничего хуже этого, объяснил Толстяк Чарли, чуть не подавившись бразильским орехом, и представить невозможно — чтобы его отец вдруг

---

[5] Примечания: 5

Песочный танец отличается от классической чечетки тем, что исполняется в туфлях без набоек. Чтобы добиться звука при танце, исполнители песочного танца рассыпали на полу песок (отсюда и название). Как правило, песочный танец был частью комического номера.

объявился и стал душой компании. И нет и не было *во всем зеленом Божьем мире*[6] человека, который ставил бы его в неловкое положение чаще, чем отец. И еще добавил, что не видел старого козла несколько лет, очень тому рад, а решение матери оставить отца и отправиться в Англию к тете Аланне считает самым удачным в ее жизни. Эту декларацию он подкрепил заявлением, что будь он проклят, дважды проклят и, может, даже трижды проклят, если собирается пригласить на свадьбу собственного отца. На самом деле, сказал Чарли в заключение, *самое лучшее* в женитьбе — это *не приглашать*ь отца на свадьбу.

Тут Толстяк Чарли увидел лицо Рози и ледяные искорки в ее обычно доброжелательном взгляде и поспешил исправиться, объяснив, что это *еще одно* самое лучшее, однако было уже поздно.

— Ты просто должен с этим свыкнуться, — сказала Рози. — В конце концов, свадьба — прекрасная возможность для перемирия и восстановления отношений. Возможность показать, что ты не держишь на него зла.

---

[6] Примечания: 6

«...во всем зеленом Божьем мире» — довольно странный оборот, на самом деле неточная цитата из стихотворения преподобного В. М. Хетрингтона (1803–1865; W. M. Hetherington, «The Spirit of The Seasons»). Стихотворение и автора, как водится, почти никто не помнит, но фраза на слуху.

— Но я *держу*, — возразил Толстяк Чарли. — Еще как.

— У тебя, конечно, есть его адрес? — спросила Рози. — Или телефон. Лучше, наверное, позвонить. Письмо — это слишком официально, когда женится единственный сын… Ты ведь единственный, так? А электронная почта у него есть?

— Да, я единственный сын, и я понятия не имею, есть у него электронная почта или нет. Скорее всего, нет, — сказал Толстяк Чарли.

В бумажных письмах своя прелесть, подумал он. Начать хотя бы с того, что письмо могут потерять на почте.

— Но у тебя должен быть адрес или телефон.

— У меня их нет, — честно признался Толстяк Чарли. Не исключено, что отец уехал. Он мог покинуть Флориду и отправиться туда, где нет телефонов. И адресов.

— А у кого есть? — резко спросила Рози.

— У миссис Хигглер, — ответил Толстяк Чарли, которого вдруг покинул боевой дух.

Рози нежно улыбнулась.

— А кто у нас миссис Хигглер? — спросила она.

— Друг семьи, — сказал Толстяк Чарли. — Когда я был ребенком, она жила по соседству.

Последний раз он разговаривал с миссис Хиг-

глер несколько лет назад, когда умирала мать. Тогда, по просьбе матери, он позвонил миссис Хигглер, чтобы сообщить об этом отцу и попросить его с ними связаться. А через несколько дней, пока Толстяк Чарли был на работе, на его автоответчике появилось сообщение, наговоренное, без всяких сомнений, голосом отца, кажется, немного постаревшим и хмельным.

Отец сказал, что момент неудачный, и дела удерживают его в Америке. А затем добавил: несмотря ни на что, мать Толстяка Чарли чертовски хорошая женщина. А несколькими днями позже в приемный покой доставили букет. Прочитав приложенную к нему карточку, мать Толстяка Чарли фыркнула.

— Решил так легко от меня избавиться! — сказала она. — Пусть придумает что-нибудь получше.

Впрочем, она велела нянечке поставить цветы на почетное место у кровати и несколько раз спрашивала у Толстяка Чарли, не собирается ли отец посетить ее перед тем, как все закончится.

Нет, отвечал Толстяк Чарли. Со временем он возненавидел и этот вопрос, и свой ответ, и выражение ее лица, когда он говорил, нет, отец не приедет.

Худший, по мнению Толстяка Чарли, день на-

стал, когда врач, неприветливый маленький человечек, отвел Толстяка Чарли в сторонку и сообщил, что ждать уже недолго, мать быстро угасает, и теперь самое главное — облегчить ее последние дни.

Толстяк Чарли кивнул и отправился к матери. Она держала его руку, спрашивая, не забыл ли он оплатить счета за газ, когда в коридоре раздался шум — громыханье, пуканье, топанье, дребезжанье, барабаны и медные трубы, в общем, такой шум, какой нечасто услышишь в больнице, где таблички на лестницах требуют тишины, а ледяные искорки в глазах медицинского персонала ее обеспечивают.

Шум становился громче.

На секунду Толстяку Чарли показалось, что это террористы. Но мать, услышав какофонию, слабо улыбнулась. «Желтая птичка», — прошептала она.

— Что?! — переспросил Толстяк Чарли, испугавшись, что мать теряет рассудок.

— «Желтая птичка», — повторила она громче и тверже. — Они играют «Желтую птичку».

Толстяк Чарли вышел за дверь и огляделся.

По коридору, не обращая внимания на протесты нянечек и взгляды пациентов в пижамах,

а также членов их семей, шествовал очень маленький ново-орлеанский джаз-банд. В нем были саксофон, сузафон и труба. И громадный мужчина с чем-то вроде контрабаса на ремне. И человек с бас-барабаном, который бил в этот бас-барабан. А во главе группы, в изящном клетчатом костюме, фетровой шляпе и лимонно-желтых перчатках шел отец Толстяка Чарли. Он ни на чем не играл, но шаркал в такт по начищенному больничному линолеуму, приподнимая шляпу перед медицинским персоналом и пожимая руки всем, кто оказывался на расстоянии, возможном для разговора или выражения недовольства.

Толстяк Чарли прикусил губу и взмолился тому, кто, может быть, его слышит, прося о том, чтобы Земля вдруг разверзлась и поглотила его, или, когда с поглощением ничего не вышло, чтобы с ним случился короткий, милосердный, но абсолютно фатальный сердечный приступ. Не повезло. Он остался среди живых, оркестрик был все ближе, а отец танцевал, пожимая руки и улыбаясь.

Если есть на свете хоть немного справедливости, подумал Толстяк Чарли, о*тец пройдет мимо по коридору и направится прямиком в урологию*; однако никакой справедливости в мире не было, и отец дошел до двери в онкологическое отделе-

ние и остановился.

— Толстяк Чарли, — сказал тот достаточно громко, чтобы все в этом отделении, на этом этаже, в этой больнице догадались, что он знаком с Толстяком Чарли не понаслышке. — Толстяк Чарли, в сторону! Пришел твой отец.

Толстяк Чарли отступил.

Группа во главе с отцом Толстяка Чарли проскользнула в палату к постели матери. Она увидела, как они идут, и улыбнулась.

— «Желтая птичка», — сказала она. — Моя любимая.

— И кем бы я был, забудь я об этом? — спросил отец Толстяка Чарли.

Она медленно покачала головой, вытянула руку и сжала его ладонь в лимонно-желтой перчатке.

— Извините, — произнесла низенькая белая женщина с планшетом в руках, — все эти люди с вами?

— Нет, — ответил Толстяк Чарли, щеки у него горели. — Вообще-то, нет.

— Но мать-то *ваша*, верно? — сказала женщина, испепеляя его взглядом василиска. — Вы уж, пожалуйста, сделайте так, чтобы эти люди немедленно покинули палату, не нарушая тишины.

Толстяк Чарли что-то пробормотал.

— Что?

— Я говорю, уж я-то им точно не начальник, — повторил Толстяк Чарли. Он успокаивал себя тем, что хуже, наверное, быть уже не может, как вдруг отец забрал у барабанщика пластиковый пакет и принялся вытаскивать из него банки браун-эля и передавать их музыкантам, нянечкам и пациентам. И закурил черуту.

— Извините, — сказала женщина с планшетом, увидев дым, и взмыла через комнату в направлении отца Толстяка Чарли, как ракета «Скад».

Толстяк Чарли воспользовался моментом и удалился. Это показалось ему самым разумным.

Тем вечером, сидя дома, он все ждал телефонного звонка или стука в дверь. Так приговоренный к казни, стоя на коленях, ждет поцелуя гильотинного ножа. Но никто не позвонил.

Ночью он почти не спал, а на следующий день прокрался в больницу, готовясь к худшему.

Мать выглядела такой счастливой и спокойной, какой не была уже очень давно.

— Он опять уехал, — сказала она Толстяку Чарли, едва тот появился в дверях. — Не мог остаться. И должна сказать, Чарли, лучше бы ты вчера не уходил. Мы под конец совсем разошлись. Как в

старые добрые времена.

Ничего хуже, чем «совсем разойтись» в онкологическом отделении при участии джаз-банда и отца, Толстяк Чарли представить себе не мог. Он не произнес ни слова.

— Он не плохой человек, — сказала мать Толстяка Чарли с огоньком в глазах. Затем нахмурилась. — Точнее не так. Он, конечно, и не хороший человек. Но вчера он придал мне сил, — и она улыбнулась, улыбнулась по-настоящему, и снова, пусть всего на миг, стала молодой.

Женщина с планшетом, стоявшая в дверном проеме, поманила его пальцем. Толстяк Чарли засеменил к ней, начав извиняться еще до того, как она могла его услышать. Но ее взгляд, как он понял, подойдя ближе, больше не напоминал взгляд василиска с желудочными коликами. Сегодня она определенно была в игривом настроении.

— Ваш отец, — сказала она.

— Извините, — сказал Толстяк Чарли. Он привык просить прощения, когда речь заходила об отце.

— Нет-нет-нет, — сказала бывший василиск. — Извиняться не за что. Я тут просто подумала. Про вашего отца. Вдруг нам потребуется с ним связаться, а у нас ни телефонного номера, ни адреса.

Надо было спросить вчера вечером, но вылетело из головы.

— Не уверен, что у него есть телефонный номер, — ответил Толстяк Чарли. — А лучший способ его найти — это отправиться во Флориду, выехать на шоссе A1A, что идет вдоль океана почти по всей восточной части «*ручки*»[7]. Днем он обычно рыбачит с моста. Вечером идет в бар.

— Какой обаятельный мужчина! — сказала она томно. — А чем он занимается?

— Этим и занимается. По его словам, это чудо хлеба насущного.

В ее лице ничто не дрогнуло. Когда так говорил отец, люди обычно смеялись.

— Ну, как в Библии. Хлеб насущный, чудо пяти хлебов. Отец приговаривал, что целыми днями бездельничает, а денежки у него водятся просто чудом. Короче, шутка.

Взгляд ее затуманился.

— Да-да. Шутил он — обхохочешься.

Она цокнула языком и снова приняла деловой вид.

— В общем, вы должны вернуться в 17:30.

---

[7] Примечания: 7

Кажется, тут Толстяк Чарли слегка путается. «Ручкой сковородки» (panhandle) называют западную часть Флориды, тогда как шоссе A1A идет вдоль восточного побережья штата.

— Зачем?

— Чтобы забрать мать. И ее вещи. Разве доктор Джонсон не сказал, что мы ее выписываем?

— Вы отправляете ее домой?

— Да, мистер Нанси.

— А что же… А как же рак?

— Кажется, это была ложная тревога.

Толстяк Чарли не мог понять, как это могла оказаться ложная тревога. На прошлой неделе они собирались отправить мать в хоспис. Доктор употреблял фразы типа «недели, а не месяцы» и «обеспечить ей максимальный комфорт в ожидании неизбежного».

Тем не менее Чарли вернулся к 17.30 и забрал мать, которая выглядела не слишком удивленной тем, что больше не умирает. На пути домой она сказала Толстяку Чарли, что планирует потратить свои сбережения на путешествия.

— Врачи говорили, у меня три месяца, — сказала она. — И помню, я подумала, что если встану с больничной койки, отправлюсь посмотреть Париж, Рим и так далее. Съезжу на Барбадос и Сент-Эндрюс. В Африку могу поехать. И в Китай. Мне нравится китайская кухня.

Толстяк Чарли не очень хорошо понимал, что происходит, но чем бы это ни было, винил в

происходящем отца. Чарли проводил мать с громадным чемоданом в аэропорт Хитроу и помахал ей на прощанье в зале вылетов международных линий. Она широко улыбалась, крепко зажав в руке паспорт и билеты, и выглядела такой молодой, какой не была на его памяти уже много лет.

Она присылала открытки из Парижа, и из Рима, и из Афин, и из Лагоса, и из Кейптауна. В открытке из Нанкина сообщалось, что ей определенно пришлось не по вкусу то, что называют китайской кухней в Китае и она ждет не дождется возвращения в Лондон, чтобы поесть *настоящей* китайской еды.

Она умерла во сне, в вильямстаунском отеле, на карибском острове Сент-Эндрюс.

Во время похорон в южном лондонском крематории Толстяк Чарли все ждал, что появится отец: он представлял себе, как старик выходит на сцену во главе джаз-банда или ведет по проходу клоунскую труппу, или полдюжины пыхтящих сигарами шимпанзе на великах; служба уже началась, а Толстяк Чарли все оглядывался через плечо на дверь часовни. Но отца не было, и лишь друзья матери и дальние родственники — главным образом, дородные женщины в черных шляпках — покачивали головами, промокали

глаза и то и дело сморкались.

Только во время последнего гимна, после того как нажали кнопку, и мать Толстяка Чарли проследовала с ленты конвейера к своему последнему воздаянию, Толстяк Чарли заметил в дальнем конце часовни человека примерно своих лет. Это явно был не отец. Это был некто, кого он не знал, некто, кого он мог попросту не заметить, там, на задах, в тени, но он искал глазами отца… и увидел незнакомца в элегантном черном костюме, взгляд уперт в пол, руки скрещены на груди.

Толстяк Чарли позволил своему взгляду задержаться на одно лишнее мгновение, незнакомец посмотрел на Толстяка Чарли и вдруг улыбнулся безрадостной улыбкой, какой улыбаются люди, желая показать, что у вас общее горе. Незнакомцы так не улыбаются, а Толстяк Чарли не мог понять, кто это. Он отвернулся от него. В это время запели «Swing low, sweet chariot», песню, которую, Толстяк Чарли точно знал, мать никогда не любила, и преподобный Райт пригласил всех на поминки к двоюродной бабушке Толстяка Чарли Аланне.

За столом у двоюродной бабушки были только родственники и близкие друзья. Еще несколько лет после смерти матери он иногда задумывался,

кем был тот незнакомец и почему тогда пришел. Хотя порой Толстяку Чарли казалось, что все это ему привиделось…

— Значит так, — сказала Рози, осушая бокал шардоне. — Ты позвонишь миссис Хигглер и дашь ей номер моего мобильного. Расскажи ей о свадьбе, расскажи, когда… Слушай, а мы не должны ее пригласить?

— Можем, если захотим, — сказал Толстяк Чарли. — Но не думаю, что она придет. Она очень старая, они знакомы с отцом еще со Средних веков.

— В общем, уточни. Узнай, может, и ей следует послать приглашение.

Рози была хорошим человеком. В Рози было немножко от Франциска Ассизского, немножко от Робин Гуда, Будды и волшебницы Глинды из страны Оз: сознание того, что она вот-вот воссоединит свою настоящую большую любовь с отлученным отцом, переводило грядущую свадьбу в новое измерение. Теперь это была не просто свадьба. Это была гуманитарная миссия. И Толстяк Чарли был знаком с Рози достаточно давно, чтобы никогда не вставать между невестой и ее потребностью Творить Добро.

— Я позвоню миссис Хигглер завтра, — сдался

он.

— Вот что, — сказала Рози, очаровательно сморщив носик, — позвони ей сегодня. В конце концов, в Америке сейчас еще не поздно.

Толстяк Чарли кивнул. Они вышли из бара вместе: Рози летела как на крыльях, Толстяк Чарли плелся как приговоренный к повешению. Не будь дураком, говорил он себе, в конце концов, миссис Хигглер могла переехать или отключить телефон. Это возможно. Все возможно.

Они поднялись к Толстяку Чарли, он занимал верхнюю половину небольшого дома на Максвелл-Гарденс, в стороне от Брикстон-роуд.

— Который час во Флориде? — спросила Рози.

— Часов пять, — сказал Толстяк Чарли.

— Хорошо. Тогда звони.

— Может, лучше подождем? Вдруг она вышла.

— А может, лучше позвонить сейчас, пока она не села ужинать?

Толстяк Чарли нашел свою старую записную книжку, где к букве «Х» был вложен обрывок конверта, на котором рукой матери был выведен телефонный номер, а чуть ниже написано «*Келлиэнн Хигглер*».

Гудок, и еще гудок.

— Ее нет, — сказал он Рози, но в этот момент

на другом конце сняли трубку, и женский голос произнес: «Да! Кто говорит?».

— Хм. Это миссис Хигглер?

— Кто говорит? — повторила миссис Хигглер. — Если, черт вас возьми, вы хотите мне что-нибудь продать, немедленно вычеркните меня из своих списков или я вас засужу. Мне мои права известны.

— Нет. Это я. Чарльз Нанси. Я жил рядом с вами.

— Толстяк Чарли! Ну надо же! А я все утро искала твой номер. Все вверх дном перевернула и, как думаешь, нашла? Наверняка в старой расчетной книге записан. А ведь все перерыла! И я сказала себе: Келлиэнн, тебе следует помолиться в надежде, что Господь тебя услышит и поможет, и я упала на колени, ну, то есть мои колени уж не те, что раньше, я просто молитвенно сложила руки, но все-таки не нашла твой номер, зато ты сам вдруг взял и позвонил, и это даже лучше в каком-то смысле, например потому, что я ведь деньги не печатаю и не могу себе позволить международные звонки даже по такому поводу, хотя, учитывая обстоятельства, я, конечно, собиралась тебе позвонить, ты, главное, не волнуйся…

Тут она внезапно умолкла, то ли чтобы вдох-

нуть, то ли сделать глоток обжигающе горячего кофе из огромной чашки, которую всегда держала в левой руке. Во время этого короткого перерыва Толстяк Чарли сказал:

— Я папу собирался пригласить на свадьбу. Женюсь.

На другом конце линии тишина.

— Впрочем, не раньше декабря, — сказал он.

Молчание.

— Ее зовут Рози, — добавил он любезно.

Он уже начал подозревать, что связь оборвалась, потому что разговоры с миссис Хигглер обычно носили односторонний характер, и зачастую она говорила не только за себя, но и за собеседника, а тут, ни разу не перебив, трижды позволила ему высказаться. Толстяк Чарли решился на четвертую попытку.

— И вы приходите, если хотите, — сказал он.

— Боже, боже! — ответила миссис Хигглер. — Никто тебе не сообщил?

— Не сообщил что?

И она поведала ему во всех подробностях, а он стоял и ничего не отвечал, а когда она закончила, сказал: «Спасибо, миссис Хигглер». Написал что-то на обрывке бумаги, снова сказал: «Спасибо, нет, правда, спасибо», — и повесил трубку.

— Ну? — спросила Рози. — Номер взял?

Толстяк Чарли сказал, что отца на свадьбе не будет. Потом сообщил, что должен поехать во Флориду. Голосом ровным, без эмоций. Таким же тоном он мог заказать себе новую чековую книжку.

— Когда?

— Завтра.

— Зачем?

— Похороны. Моего отца. Он умер.

— Ах. Мне жаль. Мне так жаль! — Она крепко его обняла, а он застыл в ее объятиях, как манекен. — Как он… Он болел?

Толстяк Чарли покачал головой.

— Я не хочу говорить об этом, — сказал он.

И Рози обняла его еще крепче, а затем сочувственно кивнула и отстранилась. Она подумала, что он не может говорить, потому что ему очень больно.

Но нет. Дело было не в этом. Ему было очень стыдно.

* * *

Существует, кажется, тысяча почтенных способов умереть. К примеру, можно спрыгнуть с моста в речку, чтобы спасти тонущего ребенка,

или напичкать себя свинцом, в одиночку штурмуя бандитское гнездо. Не придерешься.

По правде говоря, есть и менее почтенные, но вполне сносные. Спонтанное самовозгорание, к примеру: рискованно с медицинской точки зрения и маловероятно с научной, но это не мешает человеку развеяться как дым, не оставив после себя ничего, кроме обугленной руки, сжимающей недокуренную сигарету. Толстяк Чарли читал о таком в журнале и ничего не имел бы против, если бы отец умер именно так. Или на улице, от сердечного приступа, преследуя вора, вытащившего из кармана мелочь.

А вот как в действительности умер отец Толстяка Чарли.

В баре он появился рано и начал караоке-вечеринку с песни «What's new, Pussycat?», и, как сказала миссис Хигглер, которой, правда, при этом не было, он проорал песню так, что, будь на его месте Том Джонс, его бы забросали женским бельем. Отцу же Толстяка Чарли досталось бесплатное пиво от туристок — блондинок из Мичигана, решивших, что он — ну просто душка.

— Это они виноваты, — горько сообщила миссис Хигглер в телефон. — Они *подначивали* его!

Эти втиснутые в топики женщины с красной

— слишком много солнца за слишком короткий срок — кожей годились ему в дочери.

Но довольно скоро он уже сидел за их столиком и курил черуту, толсто намекая, что служил во время войны в разведке (предусмотрительно не уточняя, о какой войне речь) и что знает десяток способов убить человека голыми руками и при этом не вспотеть.

И вот он вытягивает самую грудастую и блондинистую туристку на коротенькую прогулку по танцполу, пока ее подружка заливается со сцены, исполняя «Strangers in the Night». И кажется, все идет отлично, хотя туристка немного повыше, и он ухмыляется ей прямо в грудь.

А потом, после танца, он объявляет, что снова его очередь, и поет гимн геев «*I am what I am*»[8] (а ведь если что и можно было сказать об отце Толстяка Чарли вполне определенно, так это то, что он гетеросексуал) на весь зал, но главным образом — самой блондинистой туристке за столиком, как раз возле сцены. В песню он вложил всего себя. Он как раз добрался до места, где объяснял слушателям, мол, что до него, жизнь не стоит и гроша, если он не сможет сказать

---

[8] Примечания: 8

«Я таков, каков я есть» («I am what I am») — хит американской певицы Глории Гейнор, один из неформальных гимнов гей-движения.

каждому, что он таков, каков он есть, как вдруг изменился в лице, схватился рукой за грудь, а вторую выбросил в сторону и упал так степенно и элегантно, как только может упасть человек, сначала с импровизированной сцены на блондинистую отпускницу, а с нее — на пол.

— Как он всегда и хотел, — вздохнула миссис Хигглер.

И рассказала Толстяку Чарли, как его отец последним жестом, падая, ухватился за нечто, оказавшееся грудью блондинки, до того момента прикрытой топиком, причем так, что поначалу кое-кто подумал, что это был похотливый прыжок со сцены с единственной целью обнажить означенные груди, потому что блондинка, выставив их, вопила, а музыка продолжала играть «I am what I am», только никто больше не пел.

Когда зеваки поняли, что произошло на самом деле, они объявили минуту молчания. Приезжая блондинка билась в истерике в женском туалете, а отца Толстяка Чарли вынесли из бара и погрузили в «скорую».

Груди, вот что Толстяк Чарли не мог выбросить из головы. Ему представлялось, как они сурово следят за ним, как глаза с портрета. Он хотел извиниться перед целой кучей людей, которых

никогда не видел. И понимание того, что отец счел бы все это чрезвычайно забавным, только усугубляло его состояние. Гораздо хуже, если вас смущает что-то, чего вы не видели: ваш мозг преувеличивает случившееся, прокручивая все снова и снова, тщательно обдумывая каждую деталь. Ну, ваш, может, и нет, но мозг Толстяка Чарли — определенно да.

Как правило, Толстяк Чарли чувствовал стыд зубами и под ложечкой. Когда ситуация на телеэкране еще только грозила обернуться неловкостью, Толстяк Чарли подскакивал на месте и выключал телевизор. Если это было невозможно — скажем, в присутствии других людей — он выходил из комнаты под каким-либо предлогом и ждал до тех пор, пока неприятный момент останется позади.

Толстяк Чарли жил в южном Лондоне. Он приехал сюда, когда ему было десять, и поначалу говорил с американским акцентом, из-за которого его постоянно высмеивали и от которого он очень хотел избавиться, окончательно искореняя последние мягкие согласные и раскатистое «эр», изучая правильное и к месту употребление британского «нетакли». Он окончательно преуспел в потере американского акцента к шестнадцати,

как раз когда одноклассникам до зарезу потребовалось говорить так, будто они выросли в Гарлеме. Вскоре все они, за исключением Толстяка Чарли, звучали как люди, которые хотят звучать точно так, как звучал Толстяк Чарли, когда только приехал в Англию, правда, если бы он на людях употреблял такие словечки, немедленно бы схлопотал от матери.

Дело ведь в том, как ты звучишь.

Когда стыд, вызванный отцовским способом ухода из жизни, начал сходить на нет, Толстяк Чарли почувствовал себя опустошенным.

— Я совсем один, — сказал он Рози чуть не с обидой.

— У тебя есть я, — сказала Рози.

Это вызвало у Толстяка Чарли улыбку.

— И моя мама, — добавила она, и улыбка застыла на его губах.

Она чмокнула его в щеку.

— Но ты могла бы остаться на ночь, — предложил он. — Успокоишь меня, все такое.

— Я могла бы, — согласилась она. — Но не собираюсь.

Рози не собиралась спать с Толстяком Чарли, пока они не поженятся. Она сказала, что таково ее решение, и она приняла его, когда ей было

пятнадцать; не то чтобы она была тогда знакома с Толстяком Чарли, но так уж она решила. Поэтому она обняла его еще раз. Крепко. И сказала: «Знаешь, тебе нужно примириться с отцом». А потом ушла домой.

Он провел беспокойную ночь, то засыпая, то просыпаясь, то размышляя, то снова проваливаясь в сон.

Встал на рассвете. Когда начнется рабочий день, он позвонит турагенту и узнает, каковы скидки на билеты для тех, кто едет на похороны, а потом позвонит в агентство Грэма Коутса и скажет, что в связи со смертью родственника ему нужно отлучиться на несколько дней и да, он знает, что их вычтут из больничных или из отпуска. Но пока он радовался тому, что вокруг было тихо.

Он прошел по коридору к маленькой комнатушке и выглянул из окна в сад. Запели утренние птицы, и он разглядел черных дроздов, крохотных, порхавших у самой земли воробьев, а в ветвях ближайшего дерева одинокого пятнистогрудого дрозда. Толстяк Чарли подумал, что мир, в котором по утрам поют птицы, нормален и разумен и что он не возражает быть частью такого мира.

Позже, когда птицы станут опасны, Толстяк Чарли все еще будет вспоминать это утро, как что-то доброе и хорошее, но также как то, с чего все началось.

Это было прежде безумия. И прежде страха.

Глава 2
в которой рассматриваются некоторые вещи, происходящие после похорон

Проходя по Мемориальному саду упокоения, Толстяк Чарли тяжело дышал, щурясь от флоридского солнца. Весь его костюм, начиная с подмышек и груди, был в потных разводах. А когда побежал, он почувствовал, как пот стекает еще и по лицу.

Мемориальный сад упокоения и в самом деле был похож на сад, но на очень странный сад, в котором все цветы искусственные и растут в металлических вазах, выступающих из вкопанных в землю металлических плит. Толстяк Чарли пробежал мимо таблички «БЕСПЛАТНЫЕ Похоронные Участки для всех Почетных Ветеранов В Отставке!». Пересек Бэбиленд, где искусственные цветы на флоридском дерне дополняли разноцветные мельницы и несвежего вида голубые и розовые медвежата, среди которых печально глядел в голубые небеса подгнивший Винни Пух.

Заметив похоронную процессию, Толстяк Чар-

ли сменил направление и рванул напрямик. Вокруг могилы собралось человек тридцать, может, чуть больше. Женщины в темных платьях и больших черных шляпах, отделанных черным кружевом и похожих на сказочные цветы. Мужчины в костюмах без потных разводов. Серьезные дети. Толстяк Чарли замедлил ход до почтительного, все еще торопясь, но без того, чтобы кто-нибудь заметил, что он и правда торопится, а дойдя до друзей и родственников, попытался пробраться в первые ряды, не привлекая особого внимания. Учитывая, что он пыхтел как морж, только что преодолевший лестничный пролет, пот тек по нему ручьями, и к тому же он прошелся по чужим ногам, попытка явно не удалась.

Он притворился, будто не замечает свирепых взглядов. Все пели песню, которой он не знал. Толстяк Чарли принялся покачивать головой в такт, делая вид, будто поет, и двигая губами таким образом, что это могло означать, что он и вправду поет вполголоса, а могло означать, что он бормочет себе под нос молитву, но могло оказаться и случайным движением губ. Улучив возможность, он бросил взгляд на гроб, который, к счастью, был накрыт крышкой.

Гроб был замечательный, очень прочный с

виду, из армированной стали, темно-серый. В случае воскрешения, подумал Толстяк Чарли, когда Гавриил протрубит в свой мощный рог и мертвые восстанут из гробов, отец наверняка застрянет в могиле, тщетно долбясь об крышку и жалея, что его не похоронили с монтировкой или хотя бы ацетилено-кислородной горелкой.

Стихло последнее, очень мелодичное «аллилуйя». В наступившей тишине до Толстяка Чарли донеслось, как на другом конце мемориального сада, там, откуда он пришел, кто-то кричит.

— Кто-нибудь хочет сказать несколько слов о человеке, с которым мы прощаемся сегодня? — спросил священник.

Судя по выражению лиц тех, кто стоял ближе к могиле, говорить собирались несколько человек. Но Толстяк Чарли понимал — теперь или никогда. *Знаешь, тебе нужно примириться с отцом.* Ладно.

Он вдохнул поглубже, шагнул вперед, оказавшись на краю могилы, и сказал:

— Хм. Простите. Да. Думаю, мне есть что сказать.

Далекие крики становились все громче. Некоторые из присутствующих обернулись, чтобы посмотреть, кто кричит. Остальные уставились

на Толстяка Чарли.

— Мы с отцом никогда не были, что называется, близки, — сказал Толстяк Чарли. — Думаю, мы не знали, как это бывает. Я двадцать лет не принимал участия в его жизни, а он в моей. Многое трудно простить, но однажды ты оборачиваешься, а у тебя никого не осталось. — Он вытер рукой пот со лба. — Не думаю, что хоть когда-нибудь говорил «Я люблю тебя, папа». Все вы, кажется, знали его лучше, чем я. Некоторые, может, даже любили. Вы были частью его жизни, а я — нет. Так что я не стыжусь того, что сейчас скажу, а вы услышите. Скажу в первый раз за, по меньшей мере, двадцать лет.

Он опустил глаза на солидную металлическую крышку.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И никогда тебя не забуду.

Крики стали еще громче, настолько громче и отчетливей, что в тишине, последовавшей за выступлением Толстяка Чарли, каждый мог услышать и разобрать в этом оре, заполнившем сад упокоения, отдельные слова.

— Толстяк Чарли! Оставь в покое этих людей и *сейчас же* тащи сюда свою задницу!

Толстяк Чарли уставился в море незнакомых

лиц в хаосе прорвавшихся эмоций: шока, замешательства, злости и страха; с пылающими ушами он осознал, что произошло.

— Э. Извините. Ошибся похоронами, — сказал он.

Лопоухий мальчишка, рот до ушей, гордо изрек:

— Это была моя бабуля!

Толстяк Чарли двинул назад сквозь толпу, еле слышно бормоча извинения. Он бы предпочел, чтобы конец света наступил прямо сейчас. Он знал, что вины отца в происходящем нет, но также был уверен, что тот нашел бы все это очень забавным.

Дорогу ему преградила крупная седовласая дама: руки в боки, на лице — гроза. Толстяк Чарли приближался к ней, словно пересекая минное поле, будто ему снова девять лет, и у него неприятности.

— Ты что, не слышал, как я ору? — спросила она. — Мимо меня промчался. Выставил себя на *хосрамление*!

Она так и сказала, с «ха» в начале слова.

— Пойдем, — сказала она. — Службу и все остальное ты пропустил. Но горсть земли бросить успеешь.

Миссис Хигглер за последние два десятилетия почти не изменилась: чуть располнела, чуть поседела. Плотно сжав губы, она вела его по одной из многих дорожек мемориального сада. Толстяк Чарли подумал, что он, возможно, оставил о себе не самое лучшее первое впечатление. Она шла впереди, опозоренный Толстяк Чарли следовал за ней.

По металлической изгороди мемориального сада взбежала ящерка, задержалась на верхушке «пики», смакуя плотный флоридский воздух. Солнце скрылось за облаками, но тем не менее становилось все жарче. Ящерка раздула шею в яркий оранжевый шар.

Две длинноногие цапли, которых он поначалу принял за украшения лужаек, подняли головы, когда он проходил. Одна вдруг резко дернула головой и выпрямилась, а в клюве у нее болталась большая лягушка. Цапля, совершая глотательные движения, пыталась проглотить лягушку, а та лягалась и молотила лапками в воздухе.

— Ну хватит, — сказала миссис Хигглер. — Не отвлекайся. Достаточно того, что ты проворонил похороны собственного отца.

Толстяк Чарли подавил желание рассказать, каково это пролететь за один день четыре тысячи

миль, арендовать автомобиль, проехать весь путь от Орландо, а потом перепутать съезд с шоссе, да и вообще, кому пришло в голову разбить сад упокоения за «Уол-март», на самой окраине города?

Они шли мимо большого бетонного здания, от которого несло формальдегидом, пока не достигли открытой могилы на самых задворках. Дальше не было ничего, кроме высокой изгороди, а за изгородью — бурные заросли деревьев, пальм и прочей растительности. В могиле лежал скромный деревянный гроб, на крышку кто-то уже бросил несколько горстей земли. Рядом с могилой была куча грязи и лопата.

Миссис Хигглер подняла лопату и протянула ее Толстяку Чарли.

— Хорошая была служба, — сказала она. — Кое-кто из собутыльников твоего папаши пришел, и все дамы с нашей улицы. Он хоть и переехал, мы друг друга не теряли. Ему бы понравилось. Хотя, конечно, ему бы больше понравилось, если бы и ты пришел. — Она покачала головой. — А теперь закапывай, — сказала она. — И если тебе есть что сказать на прощанье, скажи, пока забрасываешь его землей.

— Я думал, от меня требуется бросить одну, ну две лопаты, — сказал он. — Проявить участие.

— Я дала могильщику двадцатку, чтобы он ушел, — сказала миссис Хигглер. — Я сказала ему, что сын усопшего летит аж из самой Ханглии, и он бы хотел сделать все по правилам. Как нужно. А не просто «проявить участие».

— Ладно, — сказал Толстяк Чарли. — Так и есть. Заметано.

Он снял пиджак и повесил на изгородь. Потом расслабил галстук, снял через голову и положил в карман жилета. И начал забрасывать открытую могилу черной землей. Флоридский воздух был густым, как суп.

Через некоторое время пошло что-то вроде дождя, из тех дождей, что никак не могут определиться, идут они или нет. И если вы за рулем, то не можете решить, включать дворники или еще рано. А если не за рулем, и в руках у вас лопата, для вас это означает пот, еще раз пот и неудобство. Толстяк Чарли продолжал закапывать, а миссис Хигглер стояла, сложив руки на своей колоссальной груди, в темном платье и соломенной шляпке с шелковой розой, под моросящим почти-дождем, и наблюдала, как заполняется яма.

Земля превратилась в грязь и стала, пожалуй, тяжелее.

Казалось, прошла целая жизнь — и очень

нелегкая — прежде чем Толстяк Чарли закинул последнюю лопату земли.

Миссис Хигглер подошла, сняла с изгороди пиджак и протянула Толстяку Чарли.

— Ты промок до нитки, весь потный и грязный, но прямо будто подрос. Добро пожаловать домой, Толстяк Чарли, — улыбнулась она и прижала его к безбрежной груди.

— Я не плачу, — сообщил ей Толстяк Чарли.

— Тише-тише, — сказала миссис Хигглер.

— Это все из-за дождя, — сказал Толстяк Чарли.

Миссис Хигглер не ответила. Она просто держала его, покачиваясь вперед и назад, и наконец Толстяк Чарли сказал: «Хватит. Мне уже лучше».

— Дома осталась еда, — ответила миссис Хигглер. — Давай я тебя накормлю.

На стоянке он вытер с ботинок грязь, после чего сел в серый арендованный автомобиль и, следуя за бордовым «универсалом» миссис Хигглер, поехал по улицам, которых двадцать лет назад еще не было. Миссис Хигглер вела автомобиль как женщина, которая собралась выпить крайне ей необходимую гигантскую чашку кофе, и при этом ее задачей было выпить его при максимально возможной скорости, а Толстяк Чарли ехал следом, держась за ней так плотно, как только

мог, и, разгоняясь от одного светофора до другого, пытался хотя бы приблизительно прикинуть, где они находятся.

А затем они свернули, и с нарастающим дурным предчувствием он понял, что узнает это место. На этой улице он жил, когда был маленьким. Даже дома выглядели примерно так же, хотя вокруг большинства дворов выросли внушительные сетчатые изгороди.

Напротив дома миссис Хигглер было припарковано несколько машин. Он остановился за стареньким серым «фордом». Миссис Хигглер отперла ключом входную дверь.

Толстяк Чарли оглядел себя, грязного и потного, хоть выжимай.

— Я не могу в таком виде, — сказал он.

— Видала и похуже, — хмыкнув, ответила миссис Хигглер. — Значит так, идешь прямиком в ванную, умываешься, приводишь себя в порядок, а как закончишь — мы ждем тебя на кухне. Он прошел в ванную. Все здесь пахло жасмином. Он снял перепачканную рубашку, вымыл в маленькой раковине лицо и руки мылом с ароматом жасмина. Протер грудь полотенцем, оттер грязь с костюмных брюк. Оглядел рубашку — утром она была белой, а теперь стала грязно-коричневой

— и решил ее не надевать. В сумке, на заднем сиденье арендованной машины, есть другие рубашки. Он незаметно выскользнет из дома, натянет чистую рубашку и уже после этого встретится с гостями миссис Хигглер.

Он щелкнул запором и отворил дверь ванной.

В коридоре, уставившись на него, стояли четыре старушки. И он их знал. Он знал их всех.

— Ну и что это ты делаешь? — спросила миссис Хигглер.

— Меняю рубашку, — сказал Толстяк Чарли. — Рубашка в машине. Да. Сейчас вернусь.

С высоко поднятой головой он прошагал по коридору и вышел на улицу.

— На каком это языке он говорил? — громко спросила крохотная миссис Данвидди за его спиной.

— Такое не каждый день увидишь, — сказала миссис Бустамонте, хотя если что на флоридском побережье каждый день и видишь, так это полуобнаженных мужчин — правда, чаще всего, не в грязных штанах.

Толстяк Чарли переоделся в машине и вернулся в дом. Четыре дамы были на кухне, они усердно перекладывали в пластиковые контейнеры еду, явно только что служившую угощением.

Миссис Хигглер была старше миссис Бустамонте, а обе они были старше мисс Ноулз, а миссис Данвидди была старше всех. Она была стара и выглядела соответствующе. Даже некоторые геологические эпохи, возможно, много моложе миссис Данвидди.

Мальчиком Толстяк Чарли представлял, как миссис Данвидди в Экваториальной Африке с неодобрением разглядывает сквозь толстые линзы очков только что выпрямившихся гоминидов. «Держись от моего двора подальше, — могла бы сказать она только что произошедшему и потому робкому представителю *homo habilis*, — а не то уши надеру — мало не покажется». Пахло от миссис Данвидди фиалковой водой, а под фиалками скрывался запах очень старой женщины.

Она была маленькой старушкой, но взглядом, кажется, могла укротить бурю, и Толстяк Чарли, который два десятилетия назад забрался к ней во двор в поисках теннисного мяча и сломал одно из садовых украшений на лужайке, до сих пор порядком ее побаивался.

Сейчас миссис Данвидди ела козлятину с соусом карри, доставая руками кусочки из маленького контейнера. «Не выкидывать же», — сказала она, складывая косточки на фарфоровое блюдце.

— Не пора ли тебе поесть, Толстяк Чарли? — спросила мисс Ноулз.

— Да нет, — сказал Толстяк Чарли. — Честно.

Четыре пары глаз укоризненно уставились на него сквозь четыре пары очков.

— Негоже морить себя голодом от горя, — сказала миссис Данвидди, облизав пальцы и схватив очередной поджаристый и жирный кусочек козлятины.

— Я не морю. Просто не хочу есть, вот и все.

— Если не есть с горя, кожа да кости останутся, — сказала мисс Ноулз с каким-то мрачным удовольствием.

— Я так не думаю.

— Я тебе уже положила, — сказала миссис Хигглер, — так что садись и ешь. И чтоб я ни слова от тебя больше не слышала. Еды у нас навалом, не волнуйся.

Толстяк Чарли сел, где ему было указано, и через секунду перед ним появились тарелка, заполненная до краев тушеным мясом с горохом и рисом, а также бататовый пудинг, вяленая свинина, козлятина, приправленная карри, курица, тоже в карри, жареные бананы и говяжий окорок

в маринаде[9]. Толстяк Чарли сразу почувствовал изжогу, хотя еще ни кусочка в рот не положил.

— А где все остальные? — спросил он.

— Собутыльники твоего папаши пьют и собираются устроить рыбалку с моста в память о нем. — Миссис Хигглер вылила из своей кружки размером с ведро остатки кофе в раковину и налила в нее же новый, только что сваренный.

Миссис Данвидди облизала маленьким багровым языком пальцы дочиста и переместилась поближе к Толстяку Чарли и его еще не тронутой еде. Когда он был маленьким, он искренне верил, что миссис Данвидди — колдунья. Причем не из добрых, а из тех, от кого можно избавиться, лишь засунув в печь. За последние двадцать лет, если не больше, Толстяк Чарли видел миссис Данвидди первый раз, но ему по-прежнему приходилось подавлять в себе желание при виде ее заорать «мама!» и залезть под стол.

— Я вот многих похоронила, — сказала миссис Данвидди. — За свою жизнь. Станешь старше, сам увидишь. Все когда-нибудь умрут, дай только время. — Она замолкла. — Но знаешь… Я никогда не думала, что это случится с твоим отцом, — по-

---

[9] Примечания: 9
Почти все — блюда с Ямайки, очень острые.

качала она головой.

— Каким он был? — спросил Толстяк Чарли. — В молодости.

Миссис Данвидди взглянула на него сквозь толстые-претолстые линзы, скривила губы и покачала головой.

— Я тогда еще не родилась, — вот и все, что она сказала. — Ешь свой окорок.

Толстяк Чарли вздохнул и приступил к еде.

* * *

День клонился к вечеру. В доме они остались одни.

— Где собираешься ночевать сегодня? — спросила миссис Хигглер.

— Думал снять номер в мотеле, — ответил Толстяк Чарли.

— При том, что в этом доме есть прекрасная спальня. А чуть ниже по улице прекрасный дом, на который ты даже не глянул еще? Если хочешь знать мое мнение, так твой отец хотел бы, чтобы ты остановился там.

— Мне нужно побыть одному. И я не уверен, что хочу ночевать в отцовском доме.

— Ну, твои деньги, тебе и тратиться, — сказала миссис Хигглер. — Но тебе в любом случае при-

дется решить, как ты собираешься поступить с отцовским домом. И всеми его пожитками.

— Да все равно, — сказал Толстяк Чарли. — Можно устроить гаражную распродажу. На И-бэй выставить. На свалку свезти.

— С какой это стати? — Она покопалась в кухонном столе и вытянула из ящика ключ от входной двери с большим бумажным ярлыком. — Он дал мне запасной ключ, когда въехал, — сказала она. — На тот случай, если потеряет свой, или захлопнет дверь, или еще что-нибудь. Он говорил, что и голову мог бы потерять, не будь она прикручена к шее. А когда продавал старый дом, сказал мне, не волнуйся, Келлиэнн, я далеко не уеду, он ведь прожил в этом доме столько, сколько я себя помню, но вот решил, что дом для него слишком велик, и ему нужно переехать… — не переставая говорить, она вывела Толстяка Чарли на улицу и провезла его в бордовом «универсале» несколько кварталов, к одноэтажному деревянному дому.

Она открыла дверь, и они вошли.

Знакомый запах: сладковатый, как будто последнее, что готовили на кухне, это шоколадные печенья, но готовили их очень давно. И здесь было слишком жарко. Миссис Хигглер провела его в маленькую гостиную и включила втиснутый

в оконный проем кондиционер. Тот загрохотал, затрясся, завонял мокрой псиной и погнал теплый воздух. Вокруг ветхого дивана, который Толстяк Чарли помнил с детства, штабелями лежали книжки и две фотографии в рамках: на первой, черно-белой, была мать Толстяка Чарли, молодая, в платье с блестками, волосы, черные и блестящие, собраны в высокую прическу; рядом — фотография Толстяка Чарли. Ему на снимке лет пять-шесть, и он стоит у зеркальной двери так, что поначалу кажется, будто с фотографии на тебя серьезно глядят два маленьких Толстяка Чарли, стоя плечом к плечу.

Толстяк Чарли взял верхнюю книжку из стопки. Это оказалась книга об итальянской архитектуре.

— Он интересовался архитектурой?

— Страстно. Весьма.

— Не знал.

Миссис Хигглер пожала плечами и отпила немного кофе.

Толстяк Чарли открыл книжку и увидел отцовское имя, аккуратно выведенное на первой странице. Захлопнул.

— Я ведь не знал его, — сказал Толстяк Чарли. — По-настоящему.

— Узнать его было нелегко, — ответила миссис Хигглер. — Я с ним была знакома лет шестьдесят. И то его не знала.

— Вы, должно быть, знали его, когда он был еще мальчишкой.

Миссис Хигглер помолчала. Казалось, она погрузилась в воспоминания. Затем сказала, очень тихо:

— Я знала его, когда была девчонкой.

Толстяк Чарли почувствовал, что тему надо сменить, и ткнул в фото матери.

— Мамина фотография, — сказал он.

Миссис Хигглер сделала шумный глоток.

— Это снято на корабле, — сказала она. — Задолго до твоего рождения. На одном из тех кораблей, где ты сначала ужинаешь, а потом он отходит мили на три от территориальных вод и начинаются азартные игры. А потом он возвращается. Не знаю даже, есть ли сейчас такое. Твоя мать говорила, что там она первый раз попробовала стейк.

Толстяк Чарли попытался представить родителей до своего рождения.

— Он всегда был красивым мужчиной, — задумчиво сказала миссис Хигглер, словно прочитав мысли Толстяка Чарли. — До самого конца. А улыбка такая, что у девочек пальцы на ногах

сжимались. И всегда такой был модник. Все женщины его любили.

Еще не задав вопрос, Толстяк Чарли знал, каким будет ответ.

— Но вы…

— Разве спрашивают такое у почтенной вдовы, — отпила она кофе. Толстяк Чарли ждал ответа. Она сказала: — Я целовалась с ним. Давно, очень давно. Еще до того, как он познакомился с твоей матерью. Целовался он прекрасно, прекрасно. Я все ждала, что он позвонит, позовет меня снова на танцы, а он взял и пропал. Уехал на сколько, на год? Или на два? А когда вернулся, я уже была замужем за мистером Хигглером, а он привез твою мать. На островах ее встретил, вот где.

— Вы расстроились?

— Я была замужем, — еще один глоток кофе. — И его нельзя было ненавидеть. Даже если ты был очень на него зол. А как он смотрел на нее — черт возьми, да если бы он на меня так хоть раз посмотрел, я бы умерла от счастья. Ты знал, что я была подружкой невесты на их свадьбе?

— Нет.

Кондиционер начал реветь холодным. Мокрой псиной, впрочем, несло по-прежнему.

Он спросил:

— Думаете, они были счастливы?

— Поначалу. — Она подняла огромную горячую кружку, собираясь, кажется, сделать глоток, но передумала. — Поначалу. Но даже она не могла занять его надолго. У него было столько дел. Он был очень занят, твой отец.

Толстяк Чарли пытался разобраться, шутит миссис Хигглер или нет. Непонятно. Впрочем, она не улыбалась.

— Столько дел? Например? Рыбачить с моста? В домино играть на крыльце? Ждать неминуемого изобретения караоке? Он не был занят. Он вообще ни дня не работал, сколько я его знал.

— Ты не должен говорить о своем отце такое!

— Но это правда. Он был дерьмом! Поганый муж и поганый отец.

— Разумеется! — свирепо сказала миссис Хигглер. — Но его нельзя судить как обычного человека. Нужно учитывать, Толстяк Чарли, что твой отец был божеством.

– *Божеством среди людей*[10]?

— Нет. Просто божеством. — Она сказала это без нажима, так спокойно и обыденно, как если бы

---

[10] Примечания: 10

«Божество среди людей» — прямая цитата из «Политики» Аристотеля, но не факт, что Чарли об этом знает.

утверждала, что отец Толстяка Чарли диабетик или, еще банальнее, черный.

Толстяк Чарли хотел свести все к шутке, но увидел, как смотрит на него миссис Хигглер, и все забавные мысли вылетели у него из головы. Поэтому он мягко сказал:

— Он не был богом. Боги особенные. Они мифические. Они совершают чудеса и всякие штуки.

— Нет, был, — сказала миссис Хигглер. — Мы не рассказывали тебе, пока он был жив, но теперь его нет, так что вреда никакого не будет.

— Он не был богом. Он был моим отцом.

— Одно другому не мешает, — сказала она. — Всякое случается.

Это все равно что спорить с сумасшедшей, подумал Толстяк Чарли. Он понял, что должен просто заткнуться, но язык его считал иначе. И его язык говорил:

— Слушайте, если бы мой отец был богом, у него были бы божественные способности.

— А они и были. Он ими не злоупотреблял, уверяю тебя. Но он был стар. В любом случае, как, ты думаешь, он избегал работы? Каждый раз, когда ему требовались деньги, он играл в лотерею или

отправлялся в *Хэллендейл*[11] и ставил на собак или лошадей. Выигрывал понемногу, чтобы не привлекать лишнего внимания. Так, сводил концы с концами.

Толстяк Чарли никогда в жизни ничего не выигрывал. Ничегошеньки. Если он и принимал участие в офисных тотализаторах, то лошадь, на которую он ставил, так и не выбегала из-за передвижного барьера, а выбранная им команда оказывалась в лиге, о которой до сих пор никто не слышал, на слоновьем кладбище профессионального спорта. И это не давало ему покоя.

— Если мой отец был богом — чего, должен добавить, я ни на миг не допускаю — тогда почему я, например, не бог? В смысле, по вашим словам, я получаюсь божий сын, ведь так?

— Очевидно.

— Тогда почему я не могу ставить на победителей, или творить волшебство, или чудеса и всякие там штуки?

Она шмыгнула носом.

— Всякие божественные штуки достались твоему брату.

Толстяк Чарли почувствовал, что улыбается.

---

[11] Примечания: 11

Хеллендейл — такого места во Флориде нет, но есть Халландейл Бич.

Он выдохнул. Все-таки это была шутка.

— Ох. Миссис Хигглер, у меня, в общем-то, нет брата.

— Конечно есть. Вот же ты с ним, на фотографии.

Хотя Толстяк Чарли и знал, что изображено на снимке, он еще раз бросил взгляд на фотографию. Она безумна, да. Совсем с катушек съехала.

— Миссис Хигглер, — сказал он так мягко, как только возможно. — Это я. Только я, маленький. Это зеркальная дверь. Я стою рядом с ней. Это я и мое отражение.

— Это ты и твой брат.

— У меня никогда не было брата!

— Конечно был. Но я по нему не скучаю. Ты всегда был добрым мальчиком, а с ним, пока он был здесь, были проблемы. — И не успел Толстяк Чарли ничего ответить, как она добавила: — Он уехал, когда ты был совсем маленьким.

Толстяк Чарли наклонился к ней. Он положил свою большую руку на костлявую руку миссис Хигглер, ту, в которой не было чашки.

— Это неправда, — возразил он.

— Луэлла Данвидди заставила его уехать, — сказала она. — Ее-то он боялся. Но он все равно приезжал, время от времени. Может быть очаро-

вательным, когда хочет.

Кофе она допила.

— Всегда хотел брата, — заметил Толстяк Чарли, — чтобы вместе играть.

Миссис Хигглер поднялась.

— Комната сама не приберется, — сказала она. — У меня в машине мешки для мусора. Думаю, мешков понадобится много.

— Да, — сказал Толстяк Чарли.

Он переночевал в мотеле. Утром они с миссис Хигглер снова встретились в доме его отца и сложили мусор в большие черные мешки. Собрали в пакеты одежду, чтобы отдать беднякам. Одну из коробок они заполнили вещами, которые Толстяк Чарли хотел сохранить из сентиментальных соображений: главным образом, детскими фотографиями и снимками, сделанными до его рождения.

На полу лежал старый чемодан, похожий на маленький пиратский сундук с сокровищами, только в нем хранились документы и старые бумаги. Чтобы разобраться с бумагами, Толстяк Чарли сел рядом с чемоданом. Миссис Хигглер пришла из спальни с очередным черным мешком для мусора с побитой молью одеждой.

— Твой брат ему чемодан подарил, — неожи-

данно брякнула миссис Хигглер. До этого момента она о своих ночных фантазиях и не вспоминала.

— Хотел бы я, чтобы у меня был брат, — сказал Толстяк Чарли и даже не понял, что сказал это вслух, пока миссис Хигглер не ответила:

— Я же сказала. У тебя *есть* брат.

— Вот как, — сказал он. — Ну и где мне искать своего мифического брата?

Позже он гадал, зачем задал этот вопрос. Он ей потакал? Или поддразнивал? Или просто брякнул, чтобы заполнить пустоту? Какой бы ни была истинная причина, он это произнес. А она пожевала нижнюю губу и кивнула.

— Ты должен знать, это твое наследие. Твоя кровь. — Она подошла к нему и поманила пальцем. Толстяк Чарли склонился к ней. Губы старухи щекотали его ухо, пока она шептала «понадобится… скажи…».

— Что?

— Я говорю, — сказала она нормальным тоном, — что если он тебе понадобится, скажи пауку. И брат тут как тут.

— Пауку?

— Ну да, я так и сказала. Или ты думаешь, я для здоровья говорю? Легкие упражняю? Ты что, никогда не слышал о разговорах с пчелами? Когда я

была девчонкой, еще на Сент-Эндрюсе, до того как мои родители приехали сюда, мы рассказывали пчелам все хорошие новости. Ничего сложного. Поговори с пауком. Когда твой отец исчезал, я обычно так посылала ему сообщения.

— …Понятно.

— Не говори мне свое «понятно», как будто…

— Как будто что?

— Как будто я безумная старуха, которая не разбирает, что к чему. Думаешь, я право от лева не отличу?

— Хм. Нет, уверен, что отличите. Честное слово.

Миссис Хигглер это не смягчило. Она явно не была этим удовлетворена. Она подхватила со стола кофейную чашку и неодобрительно прижала ее к груди. Толстяк Чарли перешел черту, и миссис Хигглер решила удостовериться, что он понимает, что натворил.

— Да я вообще не обязана это делать, — сказала она. — Не обязана тебе помогать. Я это делаю только ради твоего отца, он был особенный, и твоей матери, она была хорошей женщиной. Рассказываю тебе важные вещи, значительные вещи. И ты должен меня слушать. Ты должен мне верить.

— Я верю, — сказал Толстяк Чарли так убедительно, как только мог.

— Ты просто угождаешь старухе.

— Нет, — солгал он. — Не угождаю. Честно, нет.

В его словах звучали честность, искренность и правда. Он был в тысячах миль от дома, в доме своего покойного отца, с безумной старухой на грани апоплексического удара. Если бы ее это успокоило, он бы с максимально возможной искренностью согласился даже с тем, что луна — это экзотический тропический фрукт.

Она шмыгнула носом.

— Все-то вы знаете, молодежь, — сказала она. — Только что появились, и на тебе, во всем разобрались. Да я забыла больше, чем ты знал. Ты ничегошеньки не знаешь об отце, о своей семье ничегошеньки не знаешь. Я тебе рассказываю, что твой отец бог, а ты даже не спрашиваешь, о каком боге я говорю.

Толстяк Чарли попытался припомнить, как звали известных ему богов.

— Зевс? — предположил он.

Миссис Хигглер издала звук чайника, который подавляет в себе желание закипеть. Толстяк Чарли понял, что Зевс — неправильный ответ.

— Купидон?

Она издала еще один звук, начинающийся с фырчания и заканчивающийся хихиканьем.

— Так и представляю твоего папашу, на котором ничего нет, кроме этих мягких подгузников, с большим луком и стрелой.

Она еще немного похихикала и отпила свой кофе.

— Когда он был богом, — сказала она, — его называли Ананси.

* * *

Вам, возможно, уже известны кое-какие истории про Ананси. И может быть, в целом мире не найти теперь человека, который бы не знал про него несколько историй.

Ананси был пауком, когда мир был юн, и все истории рассказывались в первый раз. Он имел обыкновение попадать в неприятности и выпутываться из них. История смоляного чучела, та, что рассказывают про братца Кролика, — сначала была историей про Ананси. Но кое-кто по ошибке принял его за кролика. Он не был кроликом. Он был пауком.

Сколько лет люди рассказывают друг другу истории, столько лет историям про Ананси. Еще в Африке, где все началось, даже прежде, чем

люди стали рисовать на скалах пещерных львов и медведей, они рассказывали друг другу истории про обезьян, и львов, и буйволов: длинные истории на сон грядущий. У людей всегда была к этому склонность. Так они ищут смысл для своих миров. Все, что бегало, и ползало, и вертелось, и змеилось, пробралось через эти истории, и разные племена чтили разных созданий.

Уже тогда Лев был царем зверей, а Газель — самой быстроногой, Обезьяна — самой глупой, а Тигр — самым ужасным. Но люди хотели услышать другие истории.

Ананси дал историям свое имя. Теперь каждая принадлежит ему. Когда-то, до того как у историй появилось имя Ананси, все они принадлежали Тигру (так люди с островов называли всех больших кошек), и сказки были темны, и злы, и наполнены болью, и ни одна не заканчивалась счастливо. Но это было очень давно. А в наши дни все истории принадлежат Ананси.

Раз уж мы только что с похорон, позвольте рассказать вам про Ананси в те времена, когда умерла его бабушка. (Не стоит переживать: она была очень стара и умерла во сне. Бывает.) Умерла она далеко от дома, и вот Ананси, он отправился со своей тележкой через весь остров, взял мерт-

вую бабушку, положил на тележку и покатил домой. Он, видите ли, собирался похоронить ее под баньяном, что рос за его хижиной.

И вот с самого утра он идет через город, толкая тележку с бабушкой, и думает: выпить бы немного виски. Тогда идет он в магазин, а в той деревеньке есть магазин, из тех, что продают все подряд, а в нем хозяин, у которого нервы ни к черту. Ананси, значит, заходит, выпивает немного виски. А потом еще немного, а сам думает, ох и разыграю я этого парня, ну и говорит хозяину, отнеси выпить моей бабушке, она там в тележке спит. Тебе придется ее разбудить, спит она уж больно крепко.

И значит, хозяин, выходит с бутылкой к тележке и говорит старой леди, эй, вот твой виски, но старая леди не отвечает. А хозяин, он злится все сильнее и сильнее, ведь нервы у него ни к черту, и говорит старушке, а ну-ка пей свой виски, но та в ответ ни гугу. И тут она сделала то, что, случается, делают мертвецы в жаркий день: громко выпустила газы. Ну и хозяин так разозлился на то, что старушка выпустила газы прямо на него, что как даст ей, а потом снова как даст, а когда ударил в третий раз, она взяла и свалилась с тележки на землю.

Ананси же выбежал на улицу и ну вопить, и причитать, и ругаться, и говорить, вот, моя бабушка, она теперь мертва, смотри, что ты сделал! Убийца! Злодей! А хозяин магазина и говорит, мол, не рассказывай никому, что это я сделал, и дает Ананси целых пять бутылок виски и сумку с золотом и мешок с бананами, ананасами и манго, чтобы тот перестал вопить и ушел.

(Он-то, видите ли, думает, что убил старушку.)

Ну а Ананси взял да и покатил свою тележку домой и похоронил бабушку под баньяновым деревом.

И вот на следующий день мимо дома Ананси проходит Тигр, и чует Тигр запах еды. Ну, он сам себя приглашает войти, а там Ананси устраивает пир, и поскольку у Ананси нет другого выхода, он предлагает Тигру сесть и вкусить вместе с ним.

Расскажи, брат Ананси, говорит Тигр, где ты достал столько вкусной еды, да только не лги мне. И откуда у тебя эти бутылки виски, и эта большая сумка, полная золота? Но если солжешь, я тебе горло перегрызу.

Ну а Ананси отвечает, мол, не могу я лгать тебе, брат Тигр. Я получил все это за свою мертвую бабушку, которую отвез в деревню на тележке. Хозяин магазина одарил меня этими прекрас-

ными вещами за то, что я привез ему мертвую бабушку.

А у Тигра бабушек уже никаких не было, зато у его жены была мать, ну он пошел домой, вызвал ее, мол, бабушка, выходи, нам с тобой поговорить надо. И она выходит, озирается по сторонам и говорит, что случилось? Ну Тигр ее убивает, хоть жена ее и любила, а тело кладет на тележку.

Вот катит он тележку с мертвой тещей в деревню. Кому мертвое тело? — кричит. Кому мертвую бабушку? Но все над ним смеялись, и глумились, и насмехались, а когда увидели, что он не шутит и что стоит на своем, его забросали гнилыми фруктами, ну он и убежал.

Не в первый раз Ананси одурачил Тигра, да и не в последний. Жена Тигра никогда ему не забыла, как он убил ее мать. И случались дни, что лучше бы ему вообще не появляться на свет.

Это вам про Ананси.

Понятно, что все истории про Ананси. Даже эта.

В былые дни все звери хотели, чтобы истории называли их именем, это было как раз тогда, когда песни, что пропели мир, все еще звучали, когда они еще пели небо, и радугу, и океан, как раз тогда, когда животные были людьми, в том

числе и те, кого провел паук Ананси, особенно Тигр, который хотел, чтобы все истории называли его именем.

Истории похожи на пауков со всеми их длинными лапками, и похожи на паучьи сети, в которых человек сам и запутывается, но которые кажутся такими красивыми, когда вы видите их под листвой на утренней росе, и так изящно соединяются между собой, каждая с каждой.

Что из того? Вы хотите знать, был ли Ананси похож на паука? Ну конечно — когда не был похож на человека.

Нет, он никогда не менял облик. Зависит от того, как рассказывать историю. Вот и все.

Глава 3
в которой семья собирается вместе

Толстяк Чарли улетел домой, в Англию; не совсем, конечно, домой. Но в других местах он уж точно был в гостях.

Рози поджидала его на выходе из зала прибытия, откуда он появился с маленьким чемоданчиком и большой картонной коробкой.

Задушила в объятиях, спросила:

— Как все прошло?

Он пожал плечами.

— Могло быть хуже.

— Ну, — сказала она, — по крайней мере, теперь ты можешь не беспокоиться, что он явится на свадьбу и вгонит тебя в краску.

— Есть такое.

— Мама говорит, что мы должны отложить на несколько месяцев свадьбу в знак траура.

— Твоя мама просто хочет отложить свадьбу, вот и все.

— Что за ерунда! Она считает тебя выгодной партией.

— Твоя мама не сочтет «выгодной партией» даже Брэда Питта, Билла Гейтса и принца Уильяма в одном лице. На белом свете нет такого человека, который был бы достаточно хорош, чтобы стать ее зятем.

— Ты ей нравишься, — без энтузиазма возразила Рози, и в ее голосе не было уверенности.

Матери Рози Толстяк Чарли не нравился, и это было известно всем. Мать Рози представляла собой крайне взвинченную особу со множеством недодуманных мыслей, предрассудков, тревог и надрывов. Она жила в великолепной квартире на Уимпол-стрит, и в ее огромном холодильнике не было ничего, кроме бутылок с витаминизированной водой и ржаных крекеров, а на старинном буфете стояли вазы с восковыми фруктами, с которых дважды в неделю стиралась пыль.

Во время первого визита к матери Рози Толстяк Чарли попробовал восковое яблоко на вкус. Он ужасно нервничал, он нервничал так сильно, что взял яблоко — в оправдание Чарли, от настоящего его было не отличить — и впился в него зубами. Рози яростно выдохнула. Толстяк Чарли выплюнул кусок воска в руку и решил притвориться, что любит восковые фрукты или что он с самого начала все знал и откусил просто

так, для смеха; однако мать Рози, вздернув бровь, подошла к нему, забрала надкушенное яблоко и вкратце объяснила, как дороги нынче настоящие восковые фрукты, если вообще удастся их найти, и выбросила яблоко в корзину. Оставшуюся часть вечера он просидел на диване с ощущением во рту, будто свечку съел, а мать Рози не сводила с него глаз, на случай, если он покусится на очередной восковый фрукт или вздумает обглодать ножку чиппендейловского стула.

На буфете у матери Рози стояли большие цветные фотографии в серебряных рамках: Рози, когда она была девочкой, а также мамы и папы Рози, и Толстяк Чарли пристально изучал их, пытаясь найти ключ к загадке, которой была Рози. Ее отец — он умер, когда Рози было пятнадцать, — был огромным мужчиной. Начинал он поваром, потом стал шеф-поваром, затем — ресторатором. На фото он всегда прекрасно получался, словно перед каждым кадром его наряжал костюмер, был толст, улыбчив и одной рукой постоянно обнимал жену.

— Готовил он потрясающе, — сказала Рози.

На фотографиях мать Рози представала улыбчивой пышечкой.

Теперь, двадцать лет спустя, она напоминала

тощую *Эрту Китт*[12], и Толстяк Чарли ни разу не видел на ее лице улыбки.

— А твоя мама когда-нибудь готовила? — спросил как-то Чарли.

— Не знаю. Не помню такого.

— Что же она ест? В смысле, не может ведь она жить на крекерах и воде.

Рози сказала:

— Думаю, она заказывает еду с доставкой.

Толстяк Чарли решил, что мама Рози, скорее всего, превращается ночью в летучую мышь и пьет кровь у ничего не ведающих спящих людей. Однажды его угораздило сказать об этом Рози, но та ничего забавного в этой фантазии не нашла.

Мать сказала Рози, что Толстяк Чарли женится на ней ради денег.

— Каких денег? — спросила Рози.

Мать обвела рукой свою квартиру, объединив этим жестом восковые фрукты, антикварную мебель, картины на стенах, и поджала губы.

— Но это же все твое, — сказала Рози, которая жила на свою зарплату и работала в лондонской благотворительной конторе, но зарплата была такой скромной, что ей приходилось тратить

---

[12] Примечания: 12
Эрта Китт (1927–2008) — американская певица и актриса.

деньги, оставленные по завещанию отцом. Из них она оплачивала маленькую квартирку, которую делила сначала с австралийками, а потом новозеландками, и подержанный «гольф».

— Я же не вечная, — фыркнула мать так, что стало ясно: она твердо решила жить вечно, становясь все жестче и тоньше, и все больше походя на камень, а есть при этом все меньше, пока ей не достанет лишь воздуха, восковых фруктов и неизбывной злобы.

Рози, которая везла Толстяка Чарли из Хитроу, решила сменить тему.

— У меня в квартире нет воды, — сказала она. — И во всем доме тоже.

— Почему это?

— Из-за миссис Клингер с нижнего этажа. Она говорит, где-то протечка.

— Может, это у миссис Клингер протечка?

– *Чарли*! Так что я подумала, может, принять ванну у тебя?

— Потереть тебе спинку?

– *Чарли*!

— Конечно. Без проблем.

Рози вперилась в багажник остановившегося впереди автомобиля, потом сняла руку с рычага переключения скоростей, дотянулась до его гро-

мадной ладони и сжала ее.

— Мы ведь скоро поженимся, — сказала она.

— Ну да, — согласился Толстяк Чарли.

— Ну, я имею в виду, — сказала она, — у нас будет куча времени для этого, понимаешь?

— Да, конечно, — снова согласился Толстяк Чарли.

— Знаешь, что сказала мама?

— Э-э-э. Что смертную казнь через повешение стоило бы вернуть?

— Нет. Она сказала, что если бы в первый год совместной жизни молодожены кидали в банку монетку каждый раз, когда занимаются любовью, а потом перед каждым занятием любовью монетку вынимали, банка никогда бы не опустела.

— И это означает?..

— Ну, — сказала она, — это любопытно, разве нет? Мы с резиновой уточкой приедем часов в восемь. Как у тебя с полотенцами?

— Гм.

— Я привезу свое.

Толстяк Чарли не думал, что мир перевернется, если в банке окажется хоть одна монетка до того, как они свяжут себя узами брака и разрежут свадебный торт, но у Рози по этому вопросу было собственное мнение, так что вопрос был закрыт.

Банка оставалась пустой.

* * *

Оказавшись дома, Толстяк Чарли понял, что проблема с возвращением в Лондон после краткого отсутствия заключается в том, что если ты прибыл ранним утром, до конца дня занять себя практически нечем.

Толстяк Чарли был из тех, кто предпочитал работать. Валяться на диване и смотреть по телеку дневные шоу означало для него вернуться во времена, когда он принадлежал к когорте безработных. А потому он решил, что разумнее всего просто появиться на работе днем раньше. В олдвичском офисе агентства Грэма Коутса, на шестом, самом верхнем этаже он почувствует себя снова в строю. Они будут вести с коллегами интересные разговоры за чашечкой чая. Все великолепие жизни развернется перед ним, этот волшебный гобелен, ткущийся так непреклонно и безостановочно. И Толстяку Чарли будут рады.

— Ты ведь возвращаешься только завтра, — сказала секретарша Энни, когда он вошел. — Я всем говорила, ты вернешься только завтра. Когда звонили.

Она не шутила.

— Не мог удержаться, — сказал Толстяк Чарли.

— Очевидно не мог! — фыркнула она. — Набери Мэв Ливингстон. Она каждый день названивала.

— Я думал, ею занимается Грэм Коутс.

— Ну, значит, он хочет, чтобы ты с ней поговорил. Подожди-ка.

Она сняла трубку.

Все всегда так и говорили, Грэм Коутс. Не мистер Коутс. И никогда просто Грэм. Это было его агентство, и оно работало с деньгами клиентов, получая процент от их прибыли.

Толстяк Чарли вернулся в свой кабинет, крохотную комнатку, которую занимал вместе со шкафами для хранения документов. На компьютерном экране висел стикер с надписью «Зайди. ГК», и он прошел через холл к огромному кабинету Грэма Коутса. Дверь была закрыта. Он постучал, затем, не вполне уверенный, услышал ли ответ, если ему кто-нибудь ответил, открыл дверь и просунул голову.

Комната была пуста. Там никого не было.

— Эй, здрасте! — сказал Толстяк Чарли не слишком громко.

Нет ответа. В комнате, впрочем, что-то было не так: книжный шкаф стоял под странным углом к стене, а из-за него доносился глухой стук, будто

били молотком.

Он закрыл дверь как можно тише и вернулся за свой стол. Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Это Грэм Коутс. Зайди.

На этот раз Грэм Коутс сидел за своим столом, а книжный шкаф стоял вплотную к стене. Грэм Коутс не предложил Толстяку Чарли присесть. Это был средних лет человек с редеющими очень светлыми волосами. При виде Грэма Коутса вам наверняка не раз случалось представлять себе хорька-альбиноса в дорогом костюме.

— Я вижу, ты снова с нами, — сказал Грэм Коутс. — Как обычно.

— Да, — сказал Толстяк Чарли и, поскольку Грэм Коутс не выказал особого удовольствия от его раннего возвращения, добавил: — извините.

Грэм Коутс сжал губы, опустил глаза на листок, лежавший на столе, и снова их поднял.

— Мне дали понять, что ты до завтра не вернешься. Чуток рановато, нет?

— Мы, в смысле, я прилетел этим утром. Из Флориды. Подумал, что можно прийти. Много дел. Горю на работе. Если можно.

— Безус*лав*но, — сказал Грэм Коутс. От этого слова — лобового столкновения «безусловно» и «ну и славно» — у Толстяка Чарли всегда сводило

зубы. — Это ж твои похороны.

— Скорее, моего отца.

Поворот головы — ну в точности хорек.

— Все равно, это твой день по болезни, как договаривались.

— Конечно.

— Мэв Ливингстон. Вдова Морриса. Беспокоится. Нуждается в утешении. Комплименты и обещания. Рим не сразу строился. Мы по-прежнему пытаемся разобраться с наследством Морриса Ливингстона и передать ей деньги. Звонит практически ежедневно, нуждается в поддержке. Поручаю это тебе.

— Понятно, — сказал Толстяк Чарли. — Работать, чтобы, гм, не было покоя нечестивцам.

— Один день — один доллар, — погрозил Грэм Коутс.

— Не покладая рук! — вставил Толстяк Чарли.

— До седьмого пота, — кивнул Грэм Коутс. — Ну, приятно было поболтать, но у нас обоих много работы.

Когда Толстяк Чарли оказывался в непосредственной близости к Грэму Коутсу, с ним случались две вещи: а) он принимался говорить штампами и б) мечтать о больших черных вертолетах, которые сначала расстреляют офис

агентства Грэма Коутса с воздуха, а потом сбросят на него канистры с горящим напалмом. Толстяк Чарли в своих мечтах, конечно, в офисе отсутствовал. Он сидел на веранде маленького кафе на другой стороне Олдвича, потягивал кофе с пенкой и время от времени аплодировал тем канистрам, что особенно метко достигали цели.

Из этого вы могли бы заключить, что работой Толстяка Чарли вам заморачиваться не следует, поскольку счастья она ему не приносила, — и, в целом, были бы правы. У Толстяка Чарли имелись способности к счету, которые не оставляли его без работы, а еще неповоротливость и робость, которые не оставляли ему шанса объяснить окружающим, что это такое он делает и как много он сделал.

Толстяк Чарли наблюдал, как люди неустанно стремятся к вершинам собственной некомпетентности, он же оставался на начальном уровне, делая минимально необходимое, вплоть до того дня, когда снова пополнял ряды безработных и возвращался к дневным телепрограммам. Он никогда надолго не оставался без работы, но за последние десять лет его увольняли слишком часто, чтобы он мог чувствовать себя уверенно в любой должности. Впрочем, он не принимал это

на свой счет.

Он позвонил Мэв Ливингстон, вдове Морриса Ливингстона, когда-то самого известного в Британии низкорослого йоркширского комика, давнего клиента агентства Грэма Коутса.

— Здравствуйте, — сказал он. — Это Чарльз Нанси из отдела клиентских счетов агентства Грэма Коутса.

— Ах, — ответил женский голос на другом конце линии. — Я думала, Грэм сам мне позвонит.

— Он немного занят. Поэтому он, кхм, перепоручил это, — сказал Толстяк Чарли, — мне. Так что… Чем могу помочь?

— Ну, не знаю. Я просто хотела узнать, ну, то есть мой менеджер в банке хотел узнать, когда поступят остальные деньги из наследства Морриса. Грэм Коутс объяснил мне в прошлый раз, то есть, я думаю, это было в прошлый раз, когда мы обсуждали, что средства были инвестированы, в смысле, я понимаю, что для таких вещей нужно время, и он сказал, в противном случае я потеряю значительную сумму…

— Ну, — сказал Толстяк Чарли, — он над этим работает. Но для таких вещей действительно нужно время.

— Да, — сказала она. — Думаю, что это так. Я

звонила в Би-би-си, и они сказали, что после смерти Морриса провели несколько платежей. Знаете, они выпустили всю серию «*Моррис Ливингстон, я полагаю?*»[13] на DVD. И покажут оба сезона «Сзади и на висках покороче» на Рождество.

— Я этого не знал, — признался Толстяк Чарли. — Но, уверен, Грэму Коутсу это известно. Он всегда в курсе таких вещей.

— Мне пришлось купить себе этот диск, — сказала она тоскливо. — И все вернулось. *Рев грима, запах клуба Би-би-си*[14]. Теперь скучаю по сцене, вот что. Там я и встретила Морриса, понимаете. Я танцевала. У меня был успех.

Толстяк Чарли пообещал ей дать знать Грэму Коутсу, что ее менеджер в банке слегка озабочен, и положил трубку.

Как это возможно вообще, скучать по сцене, подумал он.

В самых страшных снах Толстяка Чарли луч света падал с темных небес на широкую сцену, а

---

[13] Примечания: 13

«Моррис Ливингстон, я полагаю?» — в названии шоу обыгрывается фраза, которой встретил разыскиваемого в джунглях Африки миссионера Дэвида Ливингстона (1813–1873) Генри Стэнли (1841–1904), журналист и путешественник: «Доктор Ливингстон, я полагаю?».

[14] Примечания: 14

Рев грима, запах клуба Би-би-си — аллюзия на название мюзикла «Рев грима, запах толпы» («The Roar Of The Greasepaint, The Smell Of The Crowd», 1964).

невидимые фигуры пытались заставить Толстяка Чарли войти в этот луч света и спеть. И неважно, как далеко и как быстро он убегал или как хорошо прятался, его находили и вытаскивали обратно на сцену, на глаза десяткам замерших в ожидании людей. Каждый раз он просыпался до того, как начинал петь, потный и дрожащий, с сердцем, взрывающимся в груди, как снаряды при артобстреле.

Рабочий день подходил к концу. Толстяк Чарли работал в этой конторе почти два года. Он работал здесь дольше всех, кроме самого Грэма Коутса, ибо текучка в агентстве была высока. И все же никто ему здесь не был рад.

Временами Толстяк Чарли просто сидел за столом, уставившись в окно и слушая, как бьет по стеклу бесчувственный серый дождь, воображая себя на тропическом пляже, где волны невозможно синего моря разбиваются о невозможно желтый песок. Он часто представлял себе, как люди на том пляже, наблюдая белые пальцы волн, цепляющиеся за берег, и слушая тропических птиц, насвистывающих в пальмах, мечтают о том, чтобы оказаться в Англии, в дождь, в комнатке размером со шкаф, на шестом этаже, на безопасном удалении от матово-золотого

чистейшего песка и адской скуки дня, столь совершенного, что даже кремовый коктейль, куда немного перелили рома, и с красным бумажным зонтиком в бокале, не может ее смягчить. И это его утешало.

На пути домой он купил в винном магазине бутылку немецкого белого вина, а в крохотном супермаркете по соседству взял свечку с запахом пачули и захватил пиццу в «Пицца плейс».

Рози позвонила в половине восьмого с занятий йогой и предупредила, что немного задерживается. Затем она позвонила из своей машины в восемь и предупредила, что попала в пробку, и через пятнадцать минут, предупредив, что подъезжает, хотя к этому времени Толстяк Чарли один выпил почти всю бутылку, а от пиццы у него оставался лишь одинокий треугольник.

Позднее он предположил, что за него говорило вино.

Рози приехала в 21.20, с полотенцами и сумкой «Теско», полной шампуней, мыла и большой банкой майонеза, из которого делала маску для волос. Она быстро и радостно отказалась от бокала белого вина и кусочка пиццы — как она объяснила, успела перекусить в пробке. Прямо туда заказала еду с доставкой. Тогда Толстяк Чар-

ли сел на кухне и налил себе последний бокал вина, собрал сыр и пепперони с холодной пиццы, а Рози ушла наполнять ванну, как вдруг довольно громко закричала.

Толстяк Чарли оказался в ванной прежде, чем стих первый крик, в тот момент, когда Рози набирала в легкие воздуху, чтобы крикнуть еще. Он был уверен, что обнаружит ее истекающей кровью. К его удивлению и облегчению, это было не так. Она стояла в голубом лифчике и трусиках и указывала пальцем на ванну, в центре которой сидел огромный коричневый садовый паук.

— Извини, — жалобно сказала она, — он застал меня врасплох.

— Они такие, — сказал Толстяк Чарли. — Сейчас я его смою.

— Даже не думай! — энергично возразила Рози. — Это живое существо. Просто вынеси его отсюда.

— Хорошо, — согласился Толстяк Чарли.

— Я подожду на кухне, — сказала она. — Позови, когда закончишь.

Приняв на грудь бутылку белого вина, уговорить с помощью старой открытки ко дню рождения упрямого садового паука забраться в чистый пластиковый стаканчик довольно

непросто; решению этой задачи не слишком способствует полураздетая невеста на грани истерики, которая хоть и заявила, что подождет на кухне, постоянно заглядывает через плечо и лезет с советами.

Но довольно скоро, несмотря на помощь, он загнал паука в стаканчик, накрыв его сверху открыткой от одноклассницы «ТЕБЕ СЕГОДНЯ СТОЛЬКО, НА СКОЛЬКО ТЫ СЕБЯ ОЩУЩАЕШЬ» (а на внутренней стороне — шутливое: «ТАК ПЕРЕСТАНЬ СЕБЯ ОЩУЩАТЬ, СЕКС-МАНЬЯК! С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ»).

Он спустился с пауком вниз, вышел за дверь, в маленький садик, состоящий из живой изгороди, в которую можно было блевать, вымощенный крупной плиткой, меж которой пробивалась трава. Поднял стаканчик повыше. В желтом свете газоразрядной лампы паук казался черным. Толстяк Чарли вообразил, будто паук смотрит прямо на него.

— Извини, — сказал он пауку и, поскольку внутри у него приятно плескалось белое вино, произнес это вслух.

Он положил открытку, поставил стаканчик на расколотую плитку и подождал, пока паук убежит. Однако тот замер аккурат на морде счаст-

ливого медвежонка с открытки. Человек и паук разглядывали друг друга.

И тут он вспомнил то, что сказала миссис Хигглер, и слова вылетели из его рта прежде, чем он успел их остановить. Может, в него черт вселился. А может, это все алкоголь.

— Если увидишь моего братца, — сказал Толстяк Чарли, — передай, пусть заглянет на огонек.

Паук замер на месте, поднял лапку, словно решил поразмышлять над услышанным, а затем рванул через плитку в сторону изгороди, и был таков.

* * *

Рози приняла ванну, одарила Толстяка Чарли долгим поцелуем в щеку и уехала домой.

Толстяк Чарли включил телевизор, но почувствовав, что клюет носом, выключил его и отправился в постель, где ему приснился сон такой яркий и странный, какие не забывают до конца своих дней.

Есть один точный способ отделить сон от яви: это когда во сне вы попадаете куда-то, где никогда не были в реальной жизни. Толстяк Чарли никогда не был в Калифорнии. Он никогда не был в Беверли Хиллз. Однако довольно часто

видел эти места в кино и по телевизору, чтобы ощутить сладкий трепет узнавания. Вечеринка была в разгаре.

Внизу мигали и мерцали огни Лос-Анджелеса.

Люди на вечеринке, похоже, четко делились на тех, у кого были серебряные подносы с безупречными канапе, и тех, кто брал с серебряных подносов канапе или отказывался от них. Те, что ели, перемещались по огромному дому, сплетничая, улыбаясь, болтая, каждый будучи столь же уверен в собственной принадлежности миру Голливуда, как придворные в Древней Японии были уверены в своей принадлежности императорскому двору — и точно так же, как при японском императорском дворе, каждый был убежден, что стоит подняться всего на ступеньку выше — и он в безопасности. Здесь были актеры, желавшие стать звездами, звезды, которые хотели быть независимыми продюсерами, независимые продюсеры, тосковавшие по надежной студийной работе, режиссеры, мечтавшие о статусе звезд, студийные боссы, желавшие быть боссами других, менее респектабельных студий, студийные адвокаты, которые хотели, чтобы их любили такими, какие они есть, а когда это не получалось — чтобы просто любили.

Во сне Толстяк Чарли видел себя сразу изнутри и снаружи, при этом он не был собой. В обычном сне Толстяк Чарли оказался бы, скорее всего, на экзамене по двойной бухгалтерии, которую он не выучил, при обстоятельствах, делавших несомненным тот факт, что когда он наконец встанет из-за стола, то обнаружит, что, одеваясь утром, позабыл что-либо на себя надеть. В обычных снах Толстяк Чарли был самим собой, только еще нескладнее.

Но не в этом сне.

В этом сне Толстяк Чарли был крут. Больше чем крут. Симпатичный, сообразительный, умный, единственный, кто оказался на вечеринке без приглашения и серебряного подноса. И (что поразило спящего Толстяка Чарли, который и представить не мог ничего более неприятного, чем явиться куда-либо без приглашения) он прекрасно проводил время.

Каждому, кто спрашивал, кто он и откуда, он говорил что-то свое. Через полчаса большинство участников вечеринки были убеждены, что он — представитель иностранной инвестиционной компании, которая целиком выкупает одну из студий, а еще через полчаса выяснилось, что он нацелился на «Парамаунт».

Смеялся он хрипло и заразительно и, похоже, проводил время лучше, чем кто-либо еще в этот вечер, можно не сомневаться. Он научил бармена готовить коктейль, названный им «Двойной entendre», который хоть и основан, на первый взгляд, на шампанском, на самом деле, как объяснил он бармену, с научной точки зрения, абсолютно безалкоголен. Плеснул того, плеснул сего — пока коктейль не приобретет яркий фиолетовый цвет. Он передавал бокалы участникам вечеринки с таким удовольствием и энтузиазмом, что даже те, кто осторожно потягивал газировку, словно опасаясь, что она может взорваться, с радостью заливали в себя фиолетовый напиток.

А затем, повинуясь логике сна, он повел всех к бассейну и предложил научить ходить по воде аки посуху. Все дело в вере, сказал он, в подходе, напоре, знании, как это делать. И людям на вечеринке показалось, что хождение по водам — прекрасный фокус, секрет которого они всегда — в глубине души — знали, но забыли, пока этот человек не напомнил, как это делать.

Снимите туфли, сказал он, и они сняли туфли. «Серджо Росси», «Кристиан Лубутен» и «Рене Каовилла» выстроились бок о бок с «Найками»

и «Мартенсами», и безымянными агентскими туфлями черной кожи, и он повел людей, будто танцующих конгу, вдоль бассейна, а затем — прямо по воде. Вода была прохладной, и колыхалась под ногами как желе; некоторые дамы и несколько мужчин похихикали над этим, а парочка молодых агентов принялась подпрыгивать, как дети в надувном замке. Далеко внизу, сквозь смог, как далекие галактики, сияли огни Лос-Анджелеса.

Вскоре на каждом дюйме водной поверхности кто-нибудь стоял, плясал, дергался или скакал. Толпа так наседала, что стильный парень — то есть Чарли-в-своем-сне — отступил на бетонный бортик, чтобы взять с серебряного подноса шарик фалафеля с сашими.

С куста жасмина на плечо стильного парня упал паук. Он быстро сбежал по его руке в ладонь, а стильный парень приветствовал его радостным «здорово!».

Наступило молчание, словно он прислушивался к тому, что говорил паук и что мог слышать он один, а потом сказал:

— Просите и получите. Разве не так?

И осторожно посадил паука на лист жасмина.

И в тот же самый момент все, кто стоял босиком

на воде, вспомнили, что вода жидкая, а не твердая, и лишь по одной причине люди обычно по ней не гуляют, не говоря уже о танцах и прыжках, а именно: потому что это невозможно.

Эти люди, распорядители на фабрике грез, внезапно замолотили руками и ногами в полном облачении на глубине от четырех до двенадцати футов, мокрые, цепляющиеся друг за друга, испуганные.

А стильный парень пересек бассейн, прямо по рукам и головам — и ни разу при этом не потерял равновесия. Оказавшись в дальнем углу бассейна, где все заканчивалось крутым обрывом, он с силой оттолкнулся и спикировал в мерцающие огни ночного Лос-Анджелеса, которые поглотили его словно океан.

А из бассейна выкарабкивались злые, расстроенные, обескураженные, мокрые и нахлебавшиеся воды участники вечеринки…

В южном Лондоне стояло раннее сизое утро.

Толстяк Чарли выбрался из постели, встревоженный сном, и подошел к окну. Шторы были раздвинуты. Занималась заря, огромное кроваво-оранжевое утреннее солнце, окруженное серыми тучами, окрашивалось багрянцем. При виде такого неба даже у самого прагматичного человека

пробуждается потаенное желание писать маслом пейзажи.

Толстяк Чарли смотрел, как вставало солнце. Небо красное с утра, моряку не ждать добра[15], подумал он.

Какой странный сон. *Вечеринка в Голливуде. Тайна хождения по водам. И тот человек, вроде бы он сам — и как будто нет…*

Толстяк Чарли понял, что знает человека из своего сна, откуда-то знает, а также, что если Чарли даст слабину, это будет беспокоить его весь день, словно обрывок зубной нити, застрявший между зубами, или вопрос о различии между словами «похотливый» и «сладострастный» — застрянет и будет раздражать.

Он уставился в окно.

Было всего шесть утра, и мир пребывал в покое. Проснувшийся раньше других собачник на другом конце улицы побуждал своего шпица очистить желудок. Почтальон неторопливо перемещался от дома к дому и обратно к своему красному минивэну. Но вдруг что-то как будто

---

[15] Примечания: 15

Red sky in the morning, sailor's warning — английская поговорка, которая берет свое начало от евангельского текста (Матфей, 16:2–3): «Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово».

сдвинулось на тротуаре перед домом, и Толстяк Чарли опустил взгляд. У изгороди стоял человек.

Когда тот заметил, что Толстяк Чарли, в пижаме, смотрит на него сверху вниз, он ухмыльнулся и помахал рукой. Мгновенное узнавание потрясло Толстяка Чарли до глубины души: и усмешка, и этот жест были ему знакомы, хотя он не мог сразу сказать, откуда. Что-то связанное со сном все еще не оставляло Толстяка Чарли, беспокоя и превращая реальность в продолжение сна. Он протер глаза, и человек у изгороди исчез. Толстяк Чарли надеялся, что тот двинулся дальше по улице, в клочья утреннего тумана, забрав с собой и неловкость, и раздражение, и помешательство, которые принес.

И тут в дверь позвонили.

Толстяк Чарли накинул халат и спустился.

Он никогда, ни разу в жизни, не использовал дверную цепочку, но на этот раз, прежде чем повернуть ручку двери, накинул цепочку и лишь тогда на шесть дюймов приоткрыл дверь.

— Доброе… — сказал он осторожно.

Улыбка, которая пробилась сквозь щель, могла бы осветить небольшую деревню.

— Ты звал, и я пришел, — сказал незнакомец. — Вот. Ты собираешься впустить меня, Толстяк

Чарли?

— Кто вы? — сказав это, он уже знал, где видел этого человека: на похоронах матери, в маленькой часовне при крематории. Именно там он в последний раз видел эту улыбку. И он уже знал ответ, еще до того, как человек произнес хоть слово.

— Я твой брат, — сказал тот.

Толстяк Чарли закрыл дверь. Он снял дверную цепочку и открыл дверь настежь. Человек никуда не делся.

Толстяк Чарли в точности не знал, как приветствовать брата, в которого он прежде не верил. Так они стояли, каждый на своей стороне, пока брат не сказал:

— Зови меня Пауком. Войти пригласишь?

— Да. Я. Конечно. Ну да. Прошу. Заходи.

Толстяк Чарли провел человека наверх.

Невозможное случается. И когда это происходит, большинство из нас с этим справляется. Сегодня, как и в любой другой день, около пяти тысяч человек на этой планете получат один-шанс-на-мил-лион, встретившись с чем-то необыкновенным, и никто из них не откажется верить собственным глазам. Большинство просто скажет на своем языке что-то вроде «чего на

свете не бывает» — и пойдет себе дальше. Так что пока какая-то часть Толстяка Чарли пыталась придумать логичное, разумное, здравое объяснение происходящему, большая его часть уже привыкала к мысли, что брат, о существовании которого он не подозревал, поднимается за его спиной по лестнице.

Они дошли до кухни и остановились.

— Хочешь чаю?

— А кофе есть?

— Боюсь, только растворимый.

— Сойдет.

Толстяк Чарли включил чайник.

— Издалека, значит? — спросил он.

— Из Лос-Анджелеса.

— Как долетел?

Человек присел за стол. Пожал плечами с таким видом, который мог означать что угодно.

— Хм. Надолго к нам?

— Я как-то не думал об этом. — Человек, то есть Паук, озирался по сторонам, будто ему никогда не доводилось бывать на кухне.

— Кофе какой предпочитаешь?

— Черный как ночь, сладкий как грех.

Толстяк Чарли поставил перед ним чашку и передал сахарницу.

— Угощайся.

Пока Паук, ложка за ложкой, накладывал в кофе сахар, Толстяк Чарли сидел напротив и смотрел.

У них наблюдалось семейное сходство. Это неоспоримо, хотя только им нельзя объяснить то чувство близости, которое Толстяк Чарли так явно ощутил, увидев Паука. Брат выглядел так, как хотел бы выглядеть Толстяк Чарли, когда его не отвлекал от этих мыслей парень, которого он с легкой досадой и утомительной регулярностью видел в зеркале ванной. Паук был выше, стройнее и круче.

Он носил черно-алую кожаную куртку и черные кожаные леггинсы (в которых чувствовал себя очень естественно). Толстяк Чарли пытался вспомнить, во что был одет стильный парень из его сна. Но было в нем что-то еще: сидя за столом напротив этого человека, Толстяк Чарли чувствовал себя нелепым, нескладным и не очень умным. Дело было не в одежде, которую носил Паук, а в понимании того, что если так оденется Толстяк Чарли, выглядеть он будет как пугало огородное. И дело было не в том, как Паук улыбался — ненарочито и радостно, — а в холодной, неопровержимой уверенности Толстяка Чарли, что он может до конца времен репетировать

такую улыбку перед зеркалом, но ему никогда не удастся улыбнуться хотя бы наполовину столь обаятельно, дерзко и столь обходительно.

— Ты был на кремации мамы, — сказал Толстяк Чарли.

— Я собирался подойти к тебе после службы, — сказал Паук. — Но не был уверен, что это хорошая идея.

— Лучше бы подошел. — Толстяк Чарли подумал о чем-то и продолжил: — Я было решил, что ты и на похороны отца явишься.

— Что? — спросил Паук.

— На его похороны. Во Флориде. Пару дней назад.

Паук покачал головой.

— Он не умер. Если бы он умер, я бы точно об этом знал.

— Он умер. Я зарыл его. В смысле, засыпал могилу. Спроси миссис Хигглер.

— Ну и как он умер? — спросил Паук.

— Сердечный приступ.

— Это ничего не означает. Кроме того, что он умер.

— Ну да. Он и умер.

Паук перестал улыбаться и уставился в свой кофе, словно предполагая, что на дне чашки смо-

жет найти ответ.

— Мне нужно проверить, — сказал Паук. — Не то чтобы я тебе не верил. Но когда речь идет о твоем старике… Тем более когда твой старик — это мой старик… — И состроил гримасу.

Толстяк Чарли знал, что она означает. Он сам, про себя, конечно, корчил такую рожу, и не один раз, когда речь шла о его отце.

— Она живет все там же? По соседству с нашим бывшим домом?

— Миссис Хигглер? Да. Там.

— Ты привез оттуда что-нибудь? Картинку или, может, фотографию?

— Да, целую коробку. — Толстяк Чарли еще не открывал большую картонную коробку, она так и стояла в гостиной. Он принес коробку на кухню и поставил на стол. Взял кухонный нож и разрезал упаковочную ленту. Паук залез в коробку своими тонкими пальцами и быстро перебирал фотографии как игральные карты, пока не вытащил ту, на которой их мать и миссис Хигглер сидят на крыльце, двадцать пять лет назад.

— Крыльцо еще на месте?

Толстяк Чарли попытался сообразить.

— Думаю, да, — сказал он.

Позже он силился припомнить, картинка ли

стала очень большой или Паук сделался совсем маленьким. Он мог поклясться, что на самом деле не случилось ни того, ни другого, однако несомненно то, что Паук вошел в фотографию, которая замерцала, покрылась рябью и поглотила его целиком.

Толстяк Чарли протер глаза. Было шесть утра, и он сидел на кухне один. А перед ним на столе стояли коробка с бумагами и фотографиями и пустая чашка, которую он переставил в раковину.

Пройдя через гостиную в спальню, Толстяк Чарли лег на кровать и проспал до звонка будильника, который раздался ровно в семь пятнадцать.

Глава 4
которая завершается вечеринкой с вином, женщинами и песней

Толстяк Чарли проснулся.

Воспоминания о сне, где он встречался с кинозвездным братцем, смешались со сном, где президент Тафт заглянул на огонек, прихватив с собой полный актерский состав мультфильма «Том и Джерри». Толстяк Чарли принял душ и на метро отправился на работу.

Весь день он ощущал, что в его голове что-то засело, но никак не мог понять, что именно. Он все путал, все забывал, а в какой-то момент запел за столом — не от хорошего настроения, но запамятовав, что этого делать не следует. И лишь когда Грэм Коутс собственной персоной просунул голову в кабинет Толстяка Чарли, тот понял, что поет.

— Никаких радио, уокмэнов, MP3-плейеров и подобных музыкальных устройств в конторе, — сказал Грэм Коутс, бросив на него свой хорьковый взгляд. — Это привносит апатичное настроение, а такого никто на рабочем месте

терпеть не станет.

— Это не радио, — признался Толстяк Чарли с горящими ушами.

— Нет? Тогда что это было?

— Это я.

— Ты?

— Да. Это я пел, простите…

— Мог бы поклясться, это было радио. И тем не менее я ошибся. Боже правый. Да с такими талантами, с такой поразительной квалификацией, возможно, тебе следует оставить нас ради сцены, ради развлечения толпы, положим, бесплатных выступлений в каком-нибудь порту. Зачем занимать стол в конторе, где другие люди пытаются работать! Так ведь? Где люди делают карьеру.

— Нет, — ответил Толстяк Чарли. — Я не хочу уходить. Я просто не подумал.

— Тогда, — сказал Грэм Коутс, — тебе следует воздерживаться от пения: оставь его для ванны, душа или, предположим, пой на трибунах, поддерживая любимую команду. Я, например, болею за «Кристал пэлас». А не то тебе придется искать доходное занятие где-либо еще.

Толстяк Чарли улыбнулся, но вдруг понял, что вовсе не так хотел отреагировать, и принял серьезный вид, однако к этому времени Грэм

Коутс уже ушел, и тогда Толстяк Чарли шепотом выругался, сложил на столе руки и опустил на них голову.

— Так это ты пел? — спросила новенькая из отдела взаимодействия с артистами. Девушки из этого отдела увольнялись раньше, чем Толстяк Чарли успевал запомнить их имена.

— Боюсь, что да.

— А что ты пел? Это было мило.

Толстяк Чарли вдруг понял, что не знает.

— Не могу сказать, — сказал он. — Я не слушал.

Она рассмеялась, хоть и негромко.

— Он прав. Тебе бы в студии записываться, а не терять здесь время.

Толстяк Чарли не знал, что сказать. С горящими щеками он начал вычеркивать цифры, делать заметки, подбирать стикеры с записями и приклеивать их на монитор, пока не удостоверился, что она ушла.

Позвонила Мэв Ливингстон: не мог бы Толстяк Чарли, *пожалуйста*, выяснить, звонил ли Грэм Коутс ее менеджеру в банк. Он пообещал. Она сообщила, что намерена за этим проследить.

В четыре на мобильный позвонила Рози. В ее квартире снова появилась вода и, еще одна хорошая новость, ее мать решила принять участие в

организации свадьбы и предложила ей вечером обсудить детали.

— Ну, — сказал Толстяк Чарли, — если она займется организацией банкета, мы здорово сэкономим на еде.

— Не говори так. Я позвоню тебе вечером и все расскажу.

Толстяк Чарли сказал, что любит ее, и нажал на отбой.

— Тот, кто совершает личные телефонные звонки в рабочее время, пожнет бурю, — сказал Грэм Коутс. — Знаешь, чьи слова?

— Ваши?

— Именно. Именно, мои. И правдивей слов не сыщешь. Официально тебя предупреждаю.

И улыбнулся — той самодовольной улыбкой, при виде которой Толстяк Чарли начинал прикидывать все возможные последствия погружения его кулака в плотно набитую среднюю секцию Грэма Коутса. Их может быть два, решил он: увольнение и иск за причинение вреда здоровью. И все-таки это было бы здорово…

Толстяк Чарли не был жесток от природы, но помечтать-то он мог. Обычно мечты у него были маленькие и уютные. Ему бы хотелось иметь достаточно денег, чтобы при желании питаться в

хороших ресторанах. Он хотел, чтобы у него была такая работа, где никто не говорил бы ему, что следует делать. Он хотел бы петь, не стесняясь, где-нибудь в таком месте, где никто бы его не услышал.

Но в тот день его мечты приняли другие очертания: для начала он научился летать, а пули так и отскакивали от его могучей груди, когда он, жужжа, падал с небес и спасал Рози от банды подлых и негодяйских похитителей. Она плотно прижималась к нему, когда они улетали на закате в его Крепость Крутости, где Рози исполнилась такой глубокой благодарности, что восторженно предложила больше не заморачиваться ожиданием и прямо сейчас проверить, как часто и как быстро они смогут наполнить свою банку…

Мечты помогали ему справиться с ежедневным стрессом в агентстве Грэма Коутса, когда он заверял клиентов, что чеки им уже отправлены, или требовал назад деньги, одолженные у агентства.

В шесть вечера Толстяк Чарли выключил компьютер и спустился с шестого этажа вниз, на улицу. Дождя не было. Над головой, пища, кружили скворцы: предзакатная городская песнь. Все куда-то торопились. Большинству, как Толстяку Чарли, нужно было подняться по Кингсвей до

«Холборн-стейшн». Люди шли, опустив головы, и видно было, что всем хотелось поскорее оказаться дома.

Впрочем, один человек на улице никуда не торопился. Он стоял прямо перед Толстяком Чарли и другими прохожими, и полы его кожаной куртки хлопали на ветру. И он не улыбался.

Толстяк Чарли увидел его с другого конца улицы. И чем ближе подходил, тем нереальнее становилось все вокруг. День растаял, и Толстяк Чарли понял, что именно пытался вспомнить в течение целого дня.

— Привет, Паук, — сказал он, подходя ближе.

Паук выглядел так, словно внутри у него бушевала буря. Того и гляди расплачется, хотя в этом Толстяк Чарли не был уверен. На лице Паука и в его позе было так много эмоций, что прохожие смущенно отворачивались.

— Я был там, — сказал он глухо. — Видел миссис Хигглер. Она возила меня на могилу. Мой отец умер, а я даже не знал.

— Он был и моим отцом, Паук, — сказал Толстяк Чарли.

Как он мог забыть о Пауке, как мог отпустить его так же легко, как сон?

— Верно.

Скворцы заштриховывали предзакатное небо, кружа и перелетая от крыши к крыше.

Паук чертыхнулся и выпрямился. Похоже, он принял решение.

— Ты прав, — сказал он. — Сделаем это вместе.

— Точно, — сказал Толстяк Чарли. Потом спросил: — А что мы сделаем? — но Паук уже поймал такси.

— У нас проблемы, — поведал миру Паук. — Нет больше нашего отца. У нас тяжело на сердце. Печаль покрыла нас, как пыльца в сезон сенной лихорадки. Тьма — наш удел, а несчастье — единственный попутчик.

— Так и есть, джентльмены, — радостно отозвался таксист. — А едем-то куда?

— К трем верным средствам, что души развеют тьму, — ответил Паук.

— Я бы съел карри, — предложил Толстяк Чарли.

— Три средства есть, и только три, для облегчения смертных мук и жизненных потерь, — сказал Паук. — И средства эти: вино, женщины и песня.

— Карри — тоже неплохо, — отметил Толстяк Чарли, но никто его не слушал.

— А порядок имеет значение? — спросил водила.

— Первое — вино, — объявил Паук. — Реки, и озера, и безбрежные океаны вина.

— Идет, — сказал таксист, встраиваясь в поток.

— У меня дурное предчувствие насчет всего этого, — с готовностью поделился Толстяк Чарли.

Паук кивнул.

— Дурное предчувствие, — сказал он. — Да. Мы оба испытываем дурное предчувствие. И сегодня мы возьмем эти дурные предчувствия и разделим их, и глянем им в лицо. Мы будем скорбеть и осушим жалкие опивки бытия. Боль разделенная, брат мой, не умножается, но сокращается наполовину. Один в поле не воин.

— Не спрашивай, по ком звонит колокол, — подхватил таксист. — Он звонит по тебе.

— Ого, — сказал Паук. — Ну и головоломку ты нам подкинул.

— Спасибо, — сказал таксист.

— Этим все и кончается, ладно. А ты у нас, типа, философ. Меня зовут Паук. Это мой брат, Толстяк Чарли.

— Чарльз, — поправил Толстяк Чарли.

— Стив, — представился таксист. — Стив Берридж.

— Мистер Берридж, — сказал Паук. — Как вы смотрите на то, чтобы быть нашим персональ-

ным водителем сегодня ночью?

Стив Берридж объяснил, что его смена подходит к концу, и он собирается ехать домой, где его ждут к ужину миссис Берридж и маленькие Берриджи.

— Слыхал? — спросил Паук. — Семейный человек. А в нашей семье только мы с братом и остались. Вот встретились в первый раз.

— Ничего себе история, — сказал таксист. — Кровная вражда?

— Вовсе нет. Он просто не знал, что у него есть брат, — ответил Паук.

— А ты? — спросил Толстяк Чарли. — Ты-то знал обо мне?

— Может, и знал, — сказал Паук. — Но разве ж все в голове удержишь, в наши-то годы.

Машина остановилась у тротуара.

— И где мы? — спросил Толстяк Чарли. Уехали они недалеко. Ему казалось, они где-то поблизости от Флит-стрит.

— То, что просили, — сказал таксист. — Вино.

Паук выбрался из такси и уставился на грязные дубовые доски и чумазые окна старинного винного бара.

— Отлично, — сказал он. — Заплати ему, брат.

Толстяк Чарли расплатился с таксистом. Они

прошли внутрь: по деревянным ступенькам спустились в подвал, где румяные адвокаты пили плечо к плечу с бледными банковскими служащими. Пол был посыпан опилками, а список имевшихся в наличии вин неразборчиво выведен мелом на черной доске за барной стойкой.

— Что будешь пить? — спросил Паук.

— Бокал столового красного, — сказал Толстяк Чарли.

Паук глянул на него сурово.

— Мы — последние отпрыски рода Ананси. И мы не можем скорбеть о нашем отце со столовым красным.

— Хм. Верно. Ну, тогда что ты, то и я.

Паук подошел к барной стойке, с легкостью прокладывая путь сквозь толпу, будто никакой толпы и не было. Через несколько минут он вернулся, держа в руках два бокала, штопор и чрезвычайно пыльную бутылку. Он открыл бутылку очень легко, что особенно впечатлило Толстяка Чарли, который обычно, открыв бутылку, страдал, выуживая из своего бокала пробочные крошки.

А Паук уже разливал вино, такое темное, что оно казалось почти черным. Он наполнил оба бокала и поставил один перед Толстяком Чарли.

— Тост, — сказал он. — В память о нашем отце.

— За папу, — сказал Толстяк Чарли. Он чокнулся с Пауком, почему-то не разлив ни капли, — и сделал глоток. Вино было заметно горше обычного, с травами и солью.

— Что это?

— Похоронное вино, как раз такое, какое пьют за богов. Давненько они его не готовили. В него добавляют горькое алоэ и розмарин, и слезы дев с разбитыми сердцами.

— И его продают в баре на Флит-стрит? — Толстяк Чарли взял бутылку, но пыльная этикетка к тому же так выцвела, что ничего было не разобрать. — Никогда о таком не слышал.

— В старых барах попадаются неплохие вещи, если попросишь, — сказал Паук. — Или, может, мне так кажется.

Толстяк Чарли сделал еще глоток. Крепко и пряно.

— Не пей по глоточку, — посоветовал Паук. — Это вино скорби. Выпей залпом. Вот так. — Он сделал большой глоток и скорчил гримасу. — И так вкуснее.

Толстяк Чарли поколебался и набрал полный рот странного вина. Ему даже показалось, что он различает вкус алоэ и розмарина. Неужели оно

действительно солоно от слез?

— Они кладут розмарин, чтобы помнилось, — сказал Паук и вновь наполнил бокалы. Толстяк Чарли попытался было сказать, что не настроен так много пить, ведь завтра на работу, но Паук его остановил.

— Твоя очередь говорить тост, — сказал он.

— Хм. Ладно, — сказал Толстяк Чарли. — За маму.

Они выпили за мать. Толстяк Чарли чувствовал, как усилился вкус горького вина: в глазах защипало, и чувство утраты, глубокой и болезненной, пронзило его. Он скучал по матери. Скучал по своему детству. Даже по отцу он скучал. Напротив него качал головой Паук, по лицу его скатилась и плюхнулась в бокал с вином слеза; он дотянулся до бутылки и разлил еще.

Толстяк Чарли выпил.

Скорбь пронизывала его, пока он пил, наполняя голову и тело ощущением потери и болью утраты, накрывая его с головой, как океанская волна.

Вот уже слезы потекли по лицу, растворяясь в бокале. Он ощупал карман в поисках платка. Паук разлил остатки черного вина.

— Так это вино здесь правда продают?

— У них была бутылка, но они об этом не знали.

Нужно было просто напомнить.

Толстяк Чарли высморкался.

— Я никогда не знал, что у меня есть брат, — сказал он.

— Я знал, — сказал Паук. — Всегда хотел тебя отыскать, но стеснялся. Знаешь, как это бывает.

— Не совсем.

— Случались всякие вещи.

— Какие вещи?

— Вещи. Случались. Вот что делают вещи. Они случаются. Невозможно рассчитывать, что удастся за всем уследить.

— Напр'мер?

Паук отпил еще вина.

— Хорошо. В последний раз, когда я решил, что мы должны встретиться, я, типа, целыми днями это обдумывал. Чтобы все хорошо прошло. Нужно было выбрать, во что одеться. Затем нужно было решить, что сказать, когда мы встретимся. Встреча двух братьев это ж, типа, тема для эпоса, разве нет? Я решил, что единственная возможность изъясниться в подобающем тоне, — это если говорить стихами. Но какими стихами? Прочитать рэп? Устроить декламацию? В смысле, я ведь не собирался приветствовать тебя лимериком. Итак. Это должно быть что-то кромешное, мощное,

ритмическое и эпическое. И я нашел нужное начало. Идеальная первая строка. «Кровь взывает к крови, как сирены в ночи». Этим многое сказано. Я знал, что мог бы все в них вместить: людей, умирающих на улицах, пот и кошмары, несокрушимую мощь свободных духом. Все бы туда засунул. Но потом я стал придумывать вторую строку, и все пошло наперекосяк. Самое лучшее, что пришло в голову, было: «*Малтай*[16]-талалалай-талалалай-не-кричи».

— А кто такой Малтай-талалалай? — прищурился Толстяк Чарли.

— Это не кто. Я просто показываю, где должны быть слова. Но дальше этого я так и не продвинулся, а не мог же я заявиться с одной первой строкой, несколькими малтаями и несколькими словами из эпической поэмы. Это было бы неуважительно по отношению к тебе.

— Ну…

— Вот видишь. Так что вместо этого я отправился на недельку на Гавайи. Как я и говорил, время от времени что-то такое случается.

Толстяк Чарли выпил еще вина. Оно начинало

---

[16] Примечания: 16

Почему малтай — потому что шалтай (humpty-dumpty). Аллюзия на стишок про Шалтая-Болтая в книге Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» в переводе А. Щербакова.

ему нравиться. Иногда яркому вкусу соответствуют яркие эмоции, и это был тот самый случай.

— Но не мог же ты *всегда* упираться во вторую строку, — сказал он.

Паук накрыл ручищу Толстяка Чарли своей изящной ладонью и сказал:

— Хватит обо мне. Хочу о тебе послушать.

— Нечего особо рассказывать, — сказал Толстяк Чарли.

Он поведал брату о своей жизни. О Рози и матери Рози, о Грэме Коутсе и агентстве Грэма Коутса, а брат слушал его и кивал. Когда Толстяк Чарли облек свою жизнь в слова, выяснилось, что она не очень-то похожа на жизнь.

— И все же, — философски заметил Толстяк Чарли, — ведь есть же люди, о которых пишут в светской хронике. И они всегда говорят, как скучна, и пуста, и бесцельна их жизнь.

Он держал над бокалом бутылку, надеясь, что вина еще хватит на солидный глоток, но из нее не вылилось ни капли. Бутылка была пуста. Она держалась дольше, чем возможно, но теперь опустела начисто.

Паук встал.

— Я встречал таких людей, — сказал он. — Людей из глянцевых журналов. Я ходил среди них и

собственными глазами видел их глупые пустые жизни. Я наблюдал за ними из тени, пока они думали, что одни. И вот что могу тебе сказать. Боюсь, никто из них не поменялся бы с тобой жизнями даже под дулом пистолета, брат. Пойдем.

— Чего? Куда это ты?

— Куда это мы. Мы выполнили первую часть сегодняшней триединой миссии. Вино выпито. Осталось еще две.

— Хм.

Толстяк Чарли вышел за Пауком на улицу в надежде, что холодный ночной воздух остудит ему голову. Не остудил. Не будь голова Толстяка Чарли надежно пристегнута к телу, она бы наверняка уплыла.

— Теперь женщины, — сказал Паук. — Потом песня.

* * *

Возможно, стоит упомянуть, что в мире Толстяка Чарли женщины просто так не появлялись. Их должны были ему представить; он должен был найти в себе смелость с ними заговорить; а заговорив, придумать тему для разговора; а потом, достигнув этих высот, приступить к покорению следующих. От него требовалось осмелиться

спросить, что они делают в субботу вечером, а когда он это делал, почти неизменно выяснялось, что в это время они как раз моют голову, или ведут дневник, или чистят перышки попугаю, или просто ждут звонка от другого мужчины, который все не звонит.

Но Паук жил совсем в другом мире.

Они прошли в сторону Вест-Энда и остановились у переполненного паба. На улицу высыпали постоянные клиенты, Паук остановился и поприветствовал тех, кто, как выяснилось, праздновал день рождения молодой леди по имени Сивилла, которая была чрезвычайно польщена, когда Паук настоял на том, чтобы она и ее подруги в честь дня рождения угостились за его счет. Потом он рассказывал анекдоты (…а Дональд Дак говорит: «Пописаете на мой счет? Да за кого меня тут держат? Я вам что, извращенец какой?») и сам над ними хохотал, громко и раскатисто. Он запомнил имена всех, кто там был, разговаривал со всеми и всех внимательно слушал. А когда Паук объявил, что пора поискать другой паб, все как одна участницы дня рождения решили пойти вместе с ним…

К тому времени, когда они добрались до третьего паба, Паук напоминал героя рок-клипа.

Он был увешан девушками. Девушки к нему прижимались. Некоторые его целовали, полушутя-полусерьезно. Толстяк Чарли наблюдал за всем с завистливым ужасом.

— Ты телохранитель? — спросила одна девушка.

— Что?

— Его телохранитель. Так?

— Нет, — сказал Толстяк Чарли. — Я его брат.

— Вау! — сказала она. — Не знала, что у него есть брат. Я нахожу его потрясным.

— Я тоже, — сказала еще одна, которая обнималась с Пауком, пока ее не оттеснили другие тела. Она впервые обратила внимание на Толстяка Чарли. — Ты его менеджер?

— Нет. Он его брат, — сказала первая и многозначительно добавила: — Он только что мне сказал.

Вторая не обратила на нее внимания.

— Ты тоже из Штатов? — спросила она. — У тебя, типа, небольшой акцент.

— Когда я был маленьким, — сказал Толстяк Чарли, — мы жили во Флориде. Мой отец американец, а мама — ну, она родилась на Сент-Эндрюсе, но выросла…

Никто его не слушал.

Когда они выдвинулись оттуда, оставшиеся подружки именинницы увязались за ними. Девушки обступили Паука, расспрашивая, куда они идут теперь. Назывались рестораны и ночные клубы. Но Паук только ухмылялся и продолжал идти вперед.

Толстяк Чарли, чуть поотстав, шел по их следам и чувствовал себя еще более покинутым, чем обычно.

Они, спотыкаясь, брели по миру неона и световодных ламп. Паук приобнял нескольких сразу. Он целовал их, не замедляя шага, без разбору, как человек, который сначала откусывает от одного плода, а потом от другого. Никто, кажется, не возражал.

Это ненормально, подумал Толстяк Чарли, *вот что.* Он даже не пытался их догнать, стараясь лишь не терять Паука из виду.

На языке все еще чувствовалась горечь вина.

Он вдруг понял, что рядом с ним идет девушка. Маленькая и симпатичная, если вам нравятся *пикси*[17]. Она дернула его за рукав.

— Что мы делаем? — спросила она. — Куда идем?

---

[17] Примечания: 17

Пикси — невысокий проказливый народец в английской мифологии. Пикси частенько путают с феями (и даже эльфами).

— Мы оплакиваем моего отца, — ответил он. — Кажется.

— Это что, реалити-шоу?

— Надеюсь, нет.

Паук остановился и развернулся. Глаза его беспокойно блестели.

— Здесь, — объявил он. — Прибыли. Это то, чего бы он хотел.

На входной двери паба висел оранжевый листок, на котором от руки было написано: «Сегодня. Наверху. КАРАОКЕ».

— Песня, — сказал Паук, потом добавил: — Мы начинаем!

— Нет, — возразил Толстяк Чарли.

Он остановился там, где стоял.

— Это то, что он любил, — сказал Паук.

— Я не пою. Не на людях. И я пьян. И я не думаю, что это хорошая идея.

— Это *великолепная* идея, — улыбка у Паука была всепобеждающей. Если ее правильно применить, из-за такой улыбки могла бы начаться священная война. Впрочем, Толстяка Чарли она не переубедила.

— Послушай, — сказал он, сдерживая прорывающуюся в голосе панику. — Есть вещи, которые люди не делают, верно? Некоторые не летают.

Другие не занимаются сексом на людях. Кто-то не обкуривается и не торчит. Я не делаю ничего из вышеперечисленного, а еще я не пою.

— Даже ради папы?

— Особенно ради папы. Я не дам ему опозорить меня из могилы. Ну, то есть не дам опозорить еще сильнее.

— ‘Звините, — сказала одна из девушек. — ‘Звините, мы заходим? Мне холодно тут уже, а Сивилле нужно пи-пи.

— Заходим, — сказал Паук и одарил ее своей улыбкой.

Толстяк Чарли хотел было возразить, настоять на своем, но вдруг оказался в толчее паба. Себя он ненавидел.

Он поймал Паука на лестнице.

— Я войду, — сказал он. — Но петь не буду.

— Ты уже вошел.

— Я знаю. Но я не пою.

— Какой смысл говорить, что не войдешь, если ты уже вошел?

— Я не могу петь.

— Хочешь сказать, что и музыкальные таланты целиком достались мне?

— Я хочу сказать, что если мне придется открыть рот, чтобы запеть на людях, я сблюю.

Паук ободряюще сжал его руку.

— Посмотришь, как я это делаю, — сказал он.

Именинница и две ее подруги вскарабкались на низенькую сцену и прохихикали «Dancing Queen». Толстяк Чарли пил джин-тоник, который кто-то сунул ему в руку, вздрагивая при каждой неправильно взятой ноте, при каждой не случившейся смене тональности. Остальные участницы дня рождения дружно аплодировали.

На сцене появилась другая девушка. Та, что спрашивала Толстяка Чарли, куда они направляются. Прозвучали первые аккорды «Stand by Me», и она запела, если понимать это слово в наиболее приблизительном и всеохватывающем смысле: она не попадала ни в одну ноту, вступала слишком поздно или слишком рано, да еще и в большинстве строчек перепутала слова. Толстяку Чарли стало ее жаль.

Девушка слезла со сцены и направилась в бар. Толстяк Чарли собирался сказать что-нибудь сочувственное, но она буквально светилась от радости.

— Это было *так* здорово, — сказала она. — В смысле, просто *потрясающе.*

Толстяк Чарли угостил ее водкой с апельсиновым соком.

– *Такая* ржачка! — сказала она. — А ты пойдешь? Давай. Ты должен попробовать. Не можешь же ты петь хреновее, чем я.

Толстяк Чарли пожал плечами, чтобы показать, как он надеялся, что в нем содержатся немереные запасы всякой хрени.

На маленькую сцену вышел Паук, и она как будто ярче осветилась.

— Ручаюсь, это будет здорово, — сообщила «водка с соком». — Кто-то говорил, ты его брат?

— Нет, — неучтиво пробормотал Толстяк Чарли, — я говорил, что *он — мой* брат.

Паук запел. Это была «Under the Boardwalk».

Ничего бы не случилось, не люби Толстяк Чарли так сильно эту песню. Когда ему было тринадцать, он считал «Under the Boardwalk» лучшей в мире песней. К тому времени, когда он превратился в уставшего от жизни пресыщенного четырнадцатилетнего подростка, этот титул перешел к «No Woman, No Cry» Боба Марли. А теперь Паук пел его песню, и пел хорошо. Он попадал в ноты, пел с чувством. Публика перестала выпивать и говорить, все смотрели на него и слушали.

Паук умолк, и все одобрительно зашумели. Будь у них шляпы, они бы наверняка подбрасывали их в воздух.

— Теперь понятно, почему ты выходить не хочешь, — сказала «водка с соком». — В смысле, куда тебе, теперь-то.

— Ну… — сказал Толстяк Чарли.

— В смысле, — добавила она с ухмылкой, — понятно, на ком из вас природа отдохнула.

Сказав это, она коснулась рукой виска и наклонила голову. Вот этот наклон головы все и решил.

Толстяк Чарли направился к сцене, выбрасывая одну ногу перед другой и демонстрируя при этом впечатляющую физическую сноровку. Пот катился с него градом.

Следующие несколько минут прошли как во сне. Он поговорил с диджеем, выбрал из списка песню — «Unforgettable» — и подождал маленькую вечность, пока ему дадут микрофон.

Во рту пересохло. Сердце ухало в груди.

На экране появилось первое слово: «Незабываема…».

Толстяк Чарли *действительно* умел петь. У него был диапазон, и мощь, и чувство. Когда он пел, в этом участвовало все его тело.

Заиграла музыка.

Мысленно Толстяк Чарли был готов открыть рот и запеть. «Незабываема, — споет он. — Ты для

меня...» — Он спел бы это своему мертвому отцу, и своему брату, и этой ночи.

Только он не мог. На него смотрели люди. Дюжины две в этом верхнем зале паба. В большинстве своем женщины. Перед публикой Толстяк Чарли даже рта раскрыть не мог.

Он слышал, как играет музыка, а сам просто стоял на месте. Ему было холодно. Ноги оказались где-то очень от него далеко.

Он заставил себя открыть рот.

— Думаю, — очень отчетливо сказал он в микрофон, перекрикивая музыку, и услышал, как сказанное отражается от стен. — Думаю, меня сейчас стошнит.

И никуда ведь не сбежишь.

А потом все вокруг потеряло очертания.

* * *

Существуют мифические места. Каждое в своем роде. Некоторые имеют выход в наш мир, иные пребывают под миром, как грунтовка под краской.

И есть горы. Каменистая местность, куда вы забредаете перед тем, как добраться до скал, обозначающих пределы мира, а в этих скалах есть пещеры, глубокие пещеры, которые были оби-

таемы задолго до того, как на земле появились первые люди.

Они и теперь обитаемы.

Глава 5
в которой мы изучаем многочисленные последствия похмельного утра

Толстяка Чарли мучила жажда.

Толстяка Чарли мучила жажда, и у него раскалывалась голова.

Толстяка Чарли мучила жажда, и у него раскалывалась голова, а во рту было адски противно, глазам в глазницах было тесно, зубы ломило, в желудке пекло, от коленей до лба его пронзали молнии, а мозги, видимо, кто-то вытащил и заменил на ватные диски с иголками и булавками, вот почему ему так больно было даже пытаться думать, а глазам в глазницах было не просто тесно, они, очевидно, выкатились ночью, а потом их прибили на место кровельными гвоздями; а еще он чувствовал, что любой звук чуть громче обычного нежного броуновского движения молекул воздуха превышал его болевой порог. Проще было умереть.

Толстяк Чарли открыл глаза, что было ошибкой: в них попал дневной свет, а это было больно.

Правда, так он узнал, где находится (в своей постели, в своей спальне), и поскольку ему на глаза попались часы на прикроватном столике, он узнал, что уже полдвенадцатого.

Хуже, думал он, с трудом подбирая слова, и быть не может: таким похмельем, возможно, ветхозаветный бог сражал мадианитян, а когда он, Толстяк Чарли, вновь увидит Грэма Коутса, то несомненно узнает, что уволен.

Он подумал, сможет ли убедительно сказаться по телефону больным, но тут же осознал, что куда труднее сказаться кем-либо еще.

Как попал домой, он не помнил.

Он позвонит в контору, как только вспомнит, как туда звонить. Он извинится — нетрудоспособен, желудочный грипп, в лежку, поделать ничего нельзя…

— Слушай, — сказал ему голос кого-то, кто лежал рядом с ним в постели, — кажется, с твоей стороны стоит бутылка воды. Ты не мог бы передать ее мне?

Толстяк Чарли хотел было объяснить, что с этой стороны нет никакой воды и что в действительности ближайшая вода в раковине ванной (если предварительно продезинфицировать стаканчик для зубной щетки), но вдруг понял, что смотрит

на одну из бутылок воды, выстроившихся на прикроватном столике. Он протянул руку и сомкнул пальцы, которые, казалось, принадлежат теперь кому-то другому, а затем с усилием, которое люди обычно приберегают для преодоления последних метров отвесной скалы, развернулся в постели.

Это была «водка с соком».

Голая. По крайней мере, в тех частях, которые он видел.

Она взяла воду и прикрыла простыней грудь.

— Угу, — сказала она. — Он просил передать, чтобы ты, как проснешься, не переживал насчет работы и насчет того, что сказать. Он просил передать, что обо всем позаботился.

Разум Толстяка Чарли не отпускало. Страхов и тревог не стало меньше. В состоянии, в котором он пребывал, в его голове хватало места лишь на один повод для беспокойства, и сейчас он переживал, успеет добраться до ванной или нет.

— Тебе нужно побольше жидкости, — сказала девушка. — Нужно пополнить свои электролиты.

В ванную Толстяк Чарли успел. После чего, раз уж он оказался там, встал под душ и стоял так, пока стены не перестали на него наплывать, а потом почистил зубы, не сблевав.

Когда он вернулся в спальню, к его облегчению, «водки с соком» там уже не было, и он начал надеяться, что она, возможно, была алкогольной галлюцинацией, как розовые слоны или кошмарное воспоминание о том, как накануне вечером он вылез на сцену петь.

Халата он найти не смог и напялил спортивный костюм, чтобы чувствовать себя достаточно одетым для посещения кухни в дальнем конце коридора.

Зазвонил телефон. Толстяк Чарли тщательно обыскал лежавший на полу у кровати пиджак, пока не нашел и не раскрыл свою «раскладушку». Он хрюкнул в трубку так неразборчиво, как только мог, на случай, если кто-то из агентства Грэма Коутса пытается выяснить его местонахождение.

— Это я, — раздался голос Паука. — Все нормально.

— Ты сказал им, что я умер?

— Даже лучше. Я сказал им, что я — это ты.

— Но, — Толстяк Чарли попытался мыслить отчетливо, — ты это не я.

— Да, я знаю. Но я сказал, что ты.

— Ты на меня даже не похож.

— Брат, не выноси мне мозг. Все улажено. Упс, мне пора. Главный босс хочет со мной погово-

рить.

— Грэм Коутс? Слушай, Паук…

Но Паук уже положил трубку.

В комнату вошел халат Толстяка Чарли. В нем была девушка. На ней халат смотрелся намного лучше, чем на нем. Она держала поднос, на котором стоял стакан с шипящим алка-зельцером, и еще чашка.

— Выпей и то и другое, — сказала она. — Начни с чашки. Залпом.

— А что там?

— Яичный желток, вустерский соус, табаско, соль, капелька водки, как-то так, — сказала она. — Убьет или поможет. Давай, — добавила она тоном, не терпящим возражений. — Пей.

Толстяк Чарли выпил.

— О боже, — сказал он.

— Ага, — согласилась она. — Но ты еще жив.

Он не был в том уверен. Как бы то ни было, он выпил и алка-зельцер. И тут ему пришла в голову одна мысль.

— Хм, — сказал Толстяк Чарли. — Хм. Послушай. Прошлой ночью. Мы как бы. Хм.

Она выглядела озадаченной.

— Мы как бы что?

— Мы как бы. Типа. Делали *это*?

— То есть ты не помнишь? — Она изменилась в лице. — Ты говорил, что это была лучшая ночь в твоей жизни. Словно прежде ты никогда не был с женщиной. Ты был то богом, то животным, то неутомимой секс-машиной…

Толстяк Чарли не знал, куда смотреть. Она усмехнулась.

— Шучу, — сказала она. — Я помогла твоему брату доставить тебя домой, мы почистили тебе перышки, ну а потом — сам знаешь.

— Нет, — сказал он. — Я не знаю.

— Ну, ты был в полной отключке, а кровать большая. Не знаю, где спал твой брат. Он здоров, как буйвол, — поднялся с рассветом, весь светясь и сияя.

— Он пошел на работу, — сказал Толстяк Чарли. — Сказал им, что он это я.

— Разве они не заметят разницу? В смысле, вы ведь не такие уж близнецы.

— Конечно не такие. — Он тряхнул головой и посмотрел на нее. Она показала ему маленький и чрезвычайно розовый язычок. — Как тебя зовут?

— Так ты и это забыл? Я-то *твое* имя помню, ты — Толстяк Чарли.

— Чарльз, — поправил он. — Можно просто Чарльз.

— Меня зовут Дейзи, — сказала она и протянула ему руку. — Приятно познакомиться.

Они торжественно пожали друг другу руки.

— Мне немного лучше, — сказал Толстяк Чарли.

— Я же говорила: убьет или поможет.

* * *

У Паука в конторе выдался отличный день. Он почти никогда не работал в конторах. Он вообще почти никогда не работал. Все ему было в новинку, все казалось удивительным и странным, от крохотного лифта, который, дребезжа, доставил его на шестой этаж, к кабинетам агентства Грэма Коутса размером с кроличьи клетки. Он как зачарованный разглядывал выставленные в лобби в стеклянной витрине пыльные награды. Он ходил по офисам, а когда его спрашивали, кто он такой, отвечал: «Я Толстяк Чарли Нанси», — произнося это своим божественным голосом, который превращал почти что в правду все, что бы он ни сказал.

В обнаруженной кухоньке Паук заварил себе несколько чашек чая. Он принес их в комнату Толстяка Чарли и расставил на столе в художественном беспорядке. И принялся забавляться с

компьютером. Тот потребовал пароль. «Я Толстяк Чарли Нанси», — сообщил Паук компьютеру, но кое-куда доступа все равно не получил, и тогда он сказал: «Я Грэм Коутс», — и сеть раскрылась перед ним, как цветок.

Он пялился в компьютер, пока не заскучал.

Он разобрался с содержимым лотка для входящих документов. Разобрался с документами, ожидающими решения.

Тут ему пришло в голову, что Толстяк Чарли уже проснулся, и он позвонил домой, чтобы успокоить брата; и только он почувствовал, что делает успехи, как в дверь просунул голову Грэм Коутс и, потеребив пальцами свои куньи губы, подозвал его.

— Мне пора, — сказал Паук брату. — Главный босс хочет со мной поговорить.

И положил трубку.

— Личные телефонные звонки в рабочее время, Нанси, — констатировал Грэм Коутс.

— Еще черт бы возьми, — согласился Паук.

— Это ты обо мне сказал «главный босс»? — осведомился Грэм Коутс.

Они пересекли холл и вошли в его кабинет.

— Вы у нас наиглавнейший, — сказал Паук. — Экстра-босс.

Грэм Коутс выглядел озадаченным. Он подозревал, что над ним смеются, но не был уверен, и это его беспокоило.

— Садись уже, — сказал он.

Паук уселся.

Грэм Коутс имел обыкновение придерживаться определенного уровня текучести кадров в агентстве Грэма Коутса. Одни приходили и уходили. Другие задерживались ровно столько, чтобы их можно было уволить без особых проблем. Толстяк Чарли проработал дольше остальных: один год и одиннадцать месяцев. Еще месяц, и его без компенсационных выплат и судов не уволишь.

У Грэма Коутса была заготовлена специальная речь, которую он произносил, когда кого-нибудь увольнял. Он ею очень гордился.

– *Ненастья в жизни есть любой*[18], — начал он. — Но не бывает худа без добра.

— Что одному здорово, — предположил Паук, — другому смерть.

— Ох. Да. Именно так. Так вот. И проходя долиной плача, следует нам остановиться, чтобы отразить…

---

[18] Примечания: 18

«Ненастья в жизни есть любой» — Грэм Коутс цитирует стихотворение «Дождливый день» Генри У. Лонгфелло (1807–1882) в переводе Антона Черного.

– *Первая любовь*, — сообщил Паук, — *ранит всех сильнее*[19].

— Что? Ах, — Грэм Коутс рылся в своей памяти, чтобы вспомнить, что дальше. — *Счастье*, — объявил он, — *это бабочка*[20].

— Или *синяя птица*[21], — согласился Паук.

— Почти. Могу я закончить?

— Конечно. К вашим услугам, — с готовностью откликнулся Паук.

— И счастье каждого в агентстве Грэма Коутса так же важно для меня, как мое собственное.

— Даже не передать, — сказал Паук, — как я теперь счастлив.

— Да, — сказал Грэм Коутс.

— Ну, мне пора возвращаться к работе, — сказал Паук. — Но речь была о-го-го. Если еще чем-ни-

---

[19] Примечания: 19

«Первая любовь ранит всех сильнее» — Паук цитирует название популярной песни британского рок-певца и композитора Кэта Стивенса (Cat Stevens) «The First Cut Is The Deepest», известной в исполнении Рода Стюарта и Шерил Кроу.

[20] Примечания: 20

«Счастье — это бабочка, которая ускользает, когда ее преследуют; но стоит замереть спокойно — и она сама опустится к тебе на грудь» — слова Натаниэля Готорна (1804–1864), американского писателя.

[21] Примечания: 21

Паук цитирует Мориса Метерлинка (1862–1949), бельгийского поэта, драматурга и философа, автора всемирно известной пьесы «Синяя птица».

будь решите поделиться, сразу зовите меня. Вы знаете, где меня найти.

— Счастье, — произнес Грэм Коутс, и голос его прозвучал немного сдавленно. — И что интересно, Нанси Чарльз, так это — счастлив ли ты у нас? Не кажется ли тебе, что где-нибудь еще ты был бы счастливее?

— Да мне это неинтересно, — сказал Паук. — Хотите узнать, что мне интересно?

Грэм Коутс ничего не ответил. Прежде такого никогда не случалось. Обычно в этот момент у них вытягивались лица, и они впадали в ступор, а иногда плакали. Грэм Коутс ничего не имел против.

— Мне вот что интересно, — сказал Паук, — для чего нужны счета на Каймановых островах. Видите ли, это выглядит так, будто деньги, которые должны поступать на счета клиентов, вместо этого порой оказываются на Каймановых островах. Забавная финансовая схема: деньги просто оседают на этих счетах. Никогда ничего подобного не встречал. Я полагал, у вас-то найдется объяснение.

Лицо Грэма Коутса стало не то чтобы совсем белым, а такого цвета, который в каталоге красок обозначен под названием «пергамент» или

«магнолия».

— Как ты получил доступ к этим счетам? — спросил он.

— Эти компьютеры, — ответил Паук. — Вас они тоже выводят из себя? Вы что умеете с ними делать?

Грэм Коутс надолго задумался. Ему всегда представлялось, что его финансовые дела так запутаны, что даже если отдел по борьбе с мошенничеством и придет к выводу, что здесь имеет место экономическое преступление, экспертам будет чрезвычайно трудно точно определить, в чем именно оно заключается.

— Ничего незаконного в наличии офшорных счетов нет, — сказал он как можно небрежнее.

— Незаконного? — переспросил Паук. — Надеюсь, что нет. В смысле, если обнаружу что-то незаконное, я ведь обязан сообщить об этом куда следует.

Грэм Коутс взял со стола ручку и тут же положил обратно.

— А, — сказал он. — Как ни приятно с тобой болтать, беседовать, время проводить и всячески компанию водить, Чарльз, подозреваю, что каждому из нас пора вернуться к работе. Работать и родить, в конце концов, нельзя погодить. Не

откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

— Жизнь нелегка, — продолжил Паук, — но я балдею от радио[22].

— Как скажешь.

* * *

Толстяк Чарли начал ощущать себя человеком. Боль ушла; медленно накатывавшие волны тошноты отступили. И хотя он еще не был убежден в том, что мир — это чудесное радостное местечко, он уже покинул девятый круг похмельного ада, и это было хорошо.

Во владение ванной вступила Дейзи. Он слышал, как из-под крана побежала вода и как там обстоятельно плещутся.

Он постучал в дверь.

— Я здесь, — сказала Дейзи. — Ванну принимаю.

— Знаю, — сказал Толстяк Чарли. — В смысле, я не знал, но как раз подумал, что ты там.

— Да? — спросила Дейзи.

— Я просто подумал, — сказал он через дверь, — подумал, зачем это ты вернулась. Прошлой

---

[22] Примечания: 22
Песня Reunion «Life Is a Rock (But the Radio Rolled Me)» (1974).

ночью.

— Ну, — ответила она. — ты порядочно перебрал. Мне показалось, твоему брату нужна помощь. Этим утром мне на работу не идти. Вуаля.

— Вуаля, — повторил Толстяк Чарли. С одной стороны, она его пожалела. А с другой — ей понравился Паук. Да. Чуть больше суток прошло с тех пор, как у него появился брат, и уже понятно, что сюрпризов в новых семейных отношениях не будет. Паук крут, а он — ни то ни се.

— У тебя прекрасный голос, — сказала она.

— Что?

—

Ты пел в такси по дороге домой. «Unforgettable». Было здорово.

Ему удалось вытеснить инцидент с караоке из памяти в какой-то темный закоулок, куда складывают то, что причиняет беспокойство. Теперь он все вспомнил, а ему этого не хотелось.

— Ты был великолепен, — сказала она. — Споешь мне потом?

Толстяк Чарли отчаянно размышлял, но от этих размышлений его спас звонок в дверь.

— Кто-то пришел, — сказал он.

Он спустился, открыл дверь, и стало еще ху-

же. Мать Рози пригвоздила его взглядом, но не сказала ни слова. В руке она держала большой белый конверт.

— Здрасте, — сказал Толстяк Чарли, — миссис Ной. Рад вас видеть. Хм.

Она фыркнула, воинственно выставив конверт перед собой.

— А, — сказала она. — Ты здесь. Что ж. Может, пригласишь войти?

Точно, подумал Толстяк Чарли, *таким, как она, вечно нужно приглашение. Достаточно сказать «нет», и она уйдет*.

— Да, конечно, миссис Ной. Прошу.

Вот, значит, как вампиры это делают.

— Не хотите ли чашечку чая?

— Не думай, что тебе это поможет, — сказала она. — Потому что не поможет.

— Хм. Конечно.

Вверх по узкой лестнице и на кухню. Мать Рози осмотрелась, и на лице у нее было написано, что кухня не соответствует ее гигиеническим стандартам как содержащая (а она содержала) съедобные продукты питания.

— Кофе? Воды?

Только не говори «восковых фруктов».

— Восковых фруктов?

Черт.

— От Рози я узнала, что твой отец недавно перешел в мир иной, — сказала она.

— Да, он умер.

— Когда не стало отца Рози, в «Кулинарах и кулинарии» поместили четырехстраничный некролог. И там было сказано, что карибский фьюжн появился в этой стране только благодаря ему.

— Ах, — сказал он.

— И он не оставил меня в нужде. Он был застрахован и являлся совладельцем двух успешных ресторанов. Я очень обеспеченная женщина. И когда умру, все перейдет к Рози.

— Когда мы поженимся, — сказал Толстяк Чарли, — я о ней позабочусь, вы не думайте.

— Я не хочу сказать, что ты женишься на Рози только из-за моих денег, — сказала мать Рози таким тоном, что было очевидно: именно это она и хочет сказать.

У Толстяка Чарли вновь заломило в висках.

— Миссис Ной, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я говорила с Рози, и мы решили, что мне стоит помочь вам с вашей свадьбой, — сказала она чопорно. — Мне нужен список твоих родственников и друзей. Тех, кого ты рассчитывал

пригласить. Имена, адреса, электронные адреса и телефоны. Я приготовила тебе анкеты, которые нужно заполнить. Думала сэкономить на марках, доставив их сюда, все равно проезжала мимо. Не ожидала застать тебя дома.

Она протянула ему большой белый конверт.

— Всего на свадьбе будет девяносто гостей. Ты можешь пригласить восемь членов семьи и шестерых друзей. Друзья и четыре члена семьи займут столик «h». Остальные члены семьи будут за столиком «c». Твой отец сидел бы с нами за главным столом, но с учетом того, что он умер, мы думаем посадить на это место тетю Уинифред. Ты уже решил, кто будет твоим дружкой на свадьбе?

Толстяк Чарли покачал головой.

— Ну, когда решишь, удостоверься, что он понимает, что никаких пошлостей в его речи быть не должно. Я не хочу слышать от него ничего такого, что не принято говорить в церкви. Ты меня понял?

Толстяку Чарли стало интересно, что она обычно слышит в церкви. Возможно, крики: «Назад! Нечистый из ада!» — а после: «Оно живое?!» — и истерический голос спрашивает, принес ли кто колья и молоты.

— Мне кажется, — сказал Толстяк Чарли, — у меня больше десяти родственников. В смысле, кузины, двоюродные бабки и всякое такое.

— Ты просто не способен понять! — ответила мать Рози. — Свадьба стоит денег. На каждого гостя за столиками от «a» до «d», где «a» это главный стол, я планирую израсходовать по 175 фунтов — здесь будут сидеть ближайшие родственники Рози и дамы из моего клуба. За столиками от «e» до «g», где, значит, сидят более дальние знакомые, дети и так далее, меню обойдется в 125 фунтов на человека.

— Вы сказали, мои друзья будут сидеть за столиком «h», — уточнил Толстяк Чарли.

— Это классом ниже. Им не принесут салаты с креветками и авокадо, а также трайфл с хересом.

— Когда мы с Рози обсуждали это последний раз, мы полагали, что это будут вест-индские блюда.

Мать Рози фыркнула.

— Эта девчонка сама порой не знает, чего хочет. Но сейчас мы с ней обо всем договорились.

— Послушайте, — сказал Толстяк Чарли, — может, мне стоит поговорить обо всем с Рози, а потом уже с вами?

— Просто заполни анкеты, — сказала мать Рози

и вдруг спросила: — А почему ты не на работе?

— Я. Хм. Да, я нет. Так сказать, с утра в отгуле. Не иду туда сегодня. Я. Нет.

— Надеюсь, ты сообщил об этом Рози. Она собиралась увидеться с тобой за обедом. И поэтому не могла пообедать со мной.

Толстяк Чарли это проглотил.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо, что заскочили, миссис Ной. Я скажу Рози, и…

На кухню вошла Дейзи. Она была в полотенце, обернутом вокруг головы, и халате Толстяка Чарли, который плотно облегал ее влажное тело.

— Тут был апельсиновый сок! — сказала она. — Я точно его видела. Как голова? Лучше?

Она открыла дверцу холодильника и налила в высокий стакан апельсинового сока.

Мать Рози прочистила горло. Правда, звук получился не такой, какой бывает, когда прочищают горло. Звук получился такой, будто на пляже перекатывается галька.

— Привет, — сказала Дейзи. — Я Дейзи.

Температура на кухне резко понизилась.

— В самом деле? — спросила мать Рози. С последнего слога «ле» свисали сосульки.

— Вот интересно, как бы называли апельсины, — сказал Толстяк Чарли в наступившей

тишине, — если бы они не были апельсинового цвета. В смысле, если бы были какие-нибудь прежде неизвестные фиолетовые фрукты, как бы их называли, *фиолеты*, что ли? А мы бы пили фиолетный сок?

— Что? — спросила мать Рози.

— Ей-богу, ты бы послушал, что несешь, — весело сказала Дейзи. — Ладно, пойду, поищу свою одежду. Приятно было познакомиться.

Она вышла. Толстяк Чарли все еще не дышал.

— Кто, — очень спокойно сказала мать Рози. — Это. Такая.

— Дво-стра, — сказал Толстяк Чарли. — Двоюродная. Сестра. Но она мне как родная. Вместе росли. Вдруг решила тут вчера переночевать. Она у нас немного дикарка. Вот. Да. Вы и на свадьбе ее увидите.

— Я размещу ее за столиком «h», — сказала мать Рози. — Там ей будет удобней.

Она произнесла это таким тоном, каким обычно говорят фразы вроде: «Желаешь умереть сразу, или позволить Монго немного с тобой позабавиться?».

— Отлично, — сказал Толстяк Чарли. — Ладно, — сказал он. — Приятно было повидаться. У вас, — сказал он, — наверняка еще куча дел.

И, — сказал он, — мне пора на работу.

— Ты вроде взял отгул.

— На утро. Я взял утренний отгул, и он почти закончился. И мне пора на работу, так что пока.

Она схватила сумочку и встала. Толстяк Чарли прошел за ней в прихожую.

— Рад был видеть вас, — сказал он.

Она моргнула, как мог бы моргнуть перед атакой мигающий питон, если бы у него были веки.

— До свидания, Дейзи! — крикнула она. — Увидимся на свадьбе!

Дейзи — в трусиках и лифчике, натягивающая футболку, — выглянула в коридор.

— Всего доброго, — сказала она и вернулась в спальню Толстяка Чарли.

Спускаясь с Толстяком Чарли по лестнице, мать Рози не сказала больше ни слова. Он открыл ей дверь и, пропуская вперед, заметил на ее лице нечто ужасное, нечто такое, от чего желудок у него скрутило еще сильнее: он увидел, что сделала мать Рози со своим ртом. Уголки его были приподняты и застыли в жуткой гримасе. Словно у черепа с губами. Мать Рози улыбалась.

Он закрыл за ней дверь и замер в прихожей. Его трясло. Потом, как человек, идущий на электрический стул, он поплелся вверх по ступенькам.

— И кто это был? — спросила Дейзи, уже почти одетая.

— Мать моей невесты.

— Воплощенная жизнерадостность, скажи?

Тут он заметил, что она одета, естественно, в то же платье, что и накануне вечером.

— Ты так на работу пойдешь?

— О боже. Нет, поеду домой и переоденусь. Во всяком случае, в таком виде я на работу не хожу. Ты не мог бы вызвать такси?

— А куда тебе?

— В Хендон.

Он позвонил в местный таксопарк, а потом сел на пол, представляя себе вероятные сценарии, все совершенно невероятные.

Кто-то встал рядом.

— У меня в сумочке есть витамин В, — сказала Дейзи. — Или пососи ложечку меда. Мне никогда не помогало, но моя соседка по квартире говорит, что с похмелья ей просто чудо как помогает.

— Дело не в этом, — вздохнул Толстяк Чарли. — Я сказал ей, что ты моя кузина. Чтобы она не подумала, что ты, то есть, что мы, то есть, что ты, типа, незнакомая девушка у меня дома, и все такое.

— Кузина? Ну, не переживай. Она наверняка

обо мне забудет, а если нет, скажи ей, что я внезапно исчезла из страны. Ты меня больше не увидишь.

— Правда? Обещаешь?

— Вовсе не обязательно так этому радоваться.

С улицы донесся сигнал автомобиля.

— Это мое такси. Встань и попрощайся.

Он встал.

— Не переживай, — сказала она. И обняла его.

— Думаю, мне конец, — сказал он.

— Нет, не конец.

— Я обречен.

— Спасибо, — сказала она. И потянулась к нему, и поцеловала его в губы, поцелуем более долгим и крепким, чем это допустимо при таком недолгом знакомстве. А потом она улыбнулась, весело сбежала по ступенькам и выскочила на улицу.

— Этого, — громко сказал Толстяк Чарли, когда дверь закрылась, — на самом деле не было.

Он все еще ощущал вкус ее губ: апельсиновый сок и малина. Это был поцелуй. Настоящий поцелуй. В нем чувствовалось нечто необычайное, такое, чего Толстяк Чарли никогда еще не испытывал, даже с…

— Рози, — сказал он.

Он щелчком открыл телефон и соединился с ее

номером быстрым набором.

— Вы позвонили Рози, — сказал голос Рози. — Я или занята, или снова потеряла трубку. Перезвоните мне на домашний или оставьте сообщение после звукового сигнала.

Толстяк Чарли захлопнул телефон, накинул поверх спортивного костюма куртку и, щурясь от яростного дневного света, выбежал на улицу.

* * *

Рози Ной беспокоилась, и это ее беспокоило. И хотя она не всегда признавалась в том самой себе, как и во многих других вещах, из которых состоял мир Рози, она заранее была уверена, что тут виновата ее мать.

Рози привыкла к миру, в котором мать ненавидела саму идею о том, чтобы выдать дочь за Толстяка Чарли Нанси. Она принимала сопротивление матери своему браку как знак свыше, указывавший на то, что она, возможно, поступает правильно, даже когда сама была не вполне уверена, что это так.

Конечно, она его любила. Он такой цельный, надежный, разумный…

То, что отношение матери к Толстяку Чарли изменилось, обеспокоило Рози, а внезапный

энтузиазм, с которым та взялась за организацию свадьбы, глубоко встревожил.

Она звонила Толстяку Чарли накануне вечером, чтобы об этом поговорить, но он не ответил ни по одному из телефонов. Рози решила, что, возможно, он лег пораньше спать.

Вот почему она пожертвовала обеденным перерывом, чтобы с ним встретиться.

Агентство Грэма Коутса занимало верхний этаж серого викторианского здания в Олдвиче и находилось на высоте пяти лестничных маршей. Лифт, впрочем, был — его установил сто лет назад театральный агент Руперт «Бинки» Баттерворт. Это был чрезвычайно маленький, медленный, трясучий лифт, чей дизайн и чье назначение можно понять лишь узнав, что Бинки Баттерворт, обладавший размерами и формами юного, но дородного гиппопотама, способного втискиваться в тесные пространства, спроектировал его для того, чтобы в нем помещались — в тесноте да не в обиде — он сам и еще один человек, куда более стройный — девочка из хора, например, или мальчик, Бинки был непривередлив. Все, что нужно было Бинки для счастья, — это попасть с кем-нибудь, кому нужен театральный агент, в тесный лифт, чтобы отправиться в очень медлен-

ное и зыбкое путешествие на пять этажей вверх. Частенько случалось, что к моменту прибытия лифта на верхний этаж Бинки был столь изможден тяготами подъема, что ему приходилось ненадолго уйти и прилечь, оставив девочку или мальчика дожидаться непонятно чего, в тяжких переживаниях по поводу раскрасневшегося лица и судорожного дыхания Бинки на последних этажах, которые являлись симптомами ранней *эдвардианской эмболии*[23].

Те, кому доводилось однажды проехаться в лифте с Бинки Баттервортом, в дальнейшем предпочитали лестницы.

Грэм Коутс, больше двадцати лет назад выкупивший остатки агентства Баттерворта у его внучки, содержал лифт в исправности, считая его исторической ценностью.

Рози сложила внутреннюю дверь лифта «гармошкой», закрыла внешнюю дверь и оказалась в приемной, где сообщила секретарше, что хочет видеть Чарльза Нанси. Она присела под фотографиями Грэма Коутса с людьми, интересы которых он представлял, — ей удалось узнать комика Морриса Ливингстона, некогда популярные

---

[23] Примечания: 23
Эдвардианская эмболия — несуществующее заболевание.

бойз-бэнды и целый выводок спортивных звезд, которые с возрастом превращались в «известных деятелей» — того сорта, что берут от жизни все, вплоть до новой печени.

В приемную вышел человек, не слишком похожий на Толстяка Чарли. Он был смуглее и улыбался так, словно все его забавляло — столь же сильно, сколь и опасно.

— Я Толстяк Чарли Нанси, — сказал он.

Рози подошла к Толстяку Чарли и чмокнула его в щеку.

— Я вас знаю? — спросил он, и это было странно, а затем сказал: — Конечно, знаю. Вы — Рози. И с каждым днем все хорошеете, — и вернул ей поцелуй, коснувшись ее губ своими. И хотя их губы лишь слегка задели друг друга, сердце Рози забилось, как сердце Бинки Баттерворта после особенно тряской поездки в лифте с прижатой к стенке хористкой.

— Обед, — пискнула Рози. — Проходит. Подумала, мы могли бы. Поговорить.

— Точно, — сказал тот, которого Рози теперь принимала за Толстяка Чарли. — Обед.

И нежно ее приобнял.

— И где бы ты хотела пообедать?

— Ой, — ответила она, — просто. Где хочешь.

Все дело в запахе, подумала она. Почему никогда прежде она не замечала, как сильно ей нравится его запах?

— Что-нибудь найдем, — сказал он. — Спустимся по лестнице?

— Если тебе без разницы, — ответила она, — я бы предпочла лифт.

Она вернула на место дверь «гармошкой», и они, медленно трясясь, поехали вниз, прижатые друг к другу.

Рози не помнила, когда была так счастлива в последний раз.

Едва они вышли на улицу, как телефон Рози пропищал, извещая о пропущенном звонке. Она не обратила на это внимания.

Они вошли в первый ресторан, который попался им на пути. Еще в прошлом месяце тут был суши-ресторан в стиле хай-тек, где на ленте транспортера, идущей по периметру зала, стояли тарелочки с крохотными кусочками сырой рыбы (цена определялась по цвету тарелки). Но японский ресторан разорился и незамедлительно, как принято среди лондонских ресторанов, превратился в венгерский, сохранивший транспортер в качестве высокотехнологичной добавки к миру венгерской кухни, и теперь через зал величаво

проплывали быстро остывающие тарелки с гуляшом, а также клецки в паприке и горшочки со сметаной.

Рози подумала, что популярность ресторану не грозит.

— Где ты был вчера вечером? — спросила она.

— Да так, — сказал он, — виделся с братом.

— Ты же единственный ребенок, — сказала она.

— Нет. Выяснилось, что я — половинка парного набора.

— Серьезно? И это все, что отец оставил тебе в наследство?

— Милая, — сказал тот, которого она принимала за Толстяка Чарли, — ты и половины не знаешь.

— Ну, — сказала она, — надеюсь, он придет на свадьбу.

— Уверен, он не пропустит свадьбу ни за что на свете. — Он накрыл ее руку своей, и она чуть не выронила ложку с гуляшом. — Чем занимаешься после обеда?

— Да ничем особенно. В офисе жизнь практически замерла. Надо бы сделать пару звонков для сбора средств, но это может подождать. Но если. Гм. Ты, или как. А что?

— Сегодня такой прекрасный день. Не хочешь прогуляться?

— Это, — сказала Рози, — было бы просто чудесно.

Они спустились к набережной Виктории, и пошли вдоль северного берега Темзы, медленно, рука в руке, ни о чем особенно не говоря.

— А как же *твоя* работа? — спросила Рози, когда они остановились купить мороженое.

— А, — сказал он, — да им все равно. Они, небось, и не заметят, что меня нет.

* * *

Толстяк Чарли взбежал по ступенькам в агентство Грэма Коутса. Он всегда поднимался по лестнице. Начать с того, что это полезно для здоровья. И потом, не нужно беспокоиться о том, что в лифт втиснется кто-то еще и станет невозможно притворяться, будто они друг друга не замечают.

Он прошел в приемную, немного запыхавшись.

— Рози заходила, Энни?

— Ты что, ее потерял? — спросила секретарша.

Он прошел в кабинет. Стол был странно чист. От кипы неразобранной входящей корреспонденции не осталось и следа. Только желтый стикер

на мониторе: «Зайди. ГК».

Он постучал в дверь кабинета Грэма Коутса. На этот раз ему ответили.

— Да! — произнес знакомый голос.

— Это я, — сказал он.

— Да, — сказал Грэм Коутс. — Входи же, мастер Нанси. Тащи кресло. Я крепко поразмыслил над нашей утренней беседой. И кажется мне, я тебя недооценил. Ведь ты работаешь здесь… Как долго?

— Почти два года.

— Работаешь давно и упорно. И теперь, после печальной кончины твоего отца…

— По-настоящему-то я его не знал.

— А. Дружище Нанси. Учитывая, что сейчас у нас мертвый сезон, как ты посмотришь на предложение о двухнедельном отпуске? Оплачиваемом, разумеется.

— Оплачиваемом?

— Ну конечно, хотя я понимаю, что ты имеешь в виду. Деньги на расходы. Уверен, немного денег на расходы не помешает, не так ли?

Толстяку Чарли показалось, что это недоразумение.

— Меня увольняют?

Грэм Коутс рассмеялся, как ласка, у которой в

горле застряла острая кость.

— Безу*слав*но нет. Совсем наоборот. На самом деле, я полагаю, — сказал он, — что отныне мы достигли полного взаимопонимания. Твоя должность цела и невредима. Все надежно, как в банке. До тех самых пор, пока ты остаешься образцом осмотрительности и благоразумия.

— А в банке надежно? — переспросил Толстяк Чарли.

— Чрезвычайно надежно.

— Я просто, знаете ли, где-то читал, что большинство мошенничеств совершается в банках.

— Следовательно, — сказал Грэм Коутс, — я думаю, для тебя жизненно важно как можно скорее проверить состояние твоего банковского счета. — Он протянул Толстяку Чарли прямоугольный листок. — Вот, небольшая благодарность за преданную службу в агентстве Грэма Коутса. — И добавил то, что всегда говорил, передавая сотрудникам деньги: — Не трать все сразу.

Толстяк Чарли посмотрел на листок. Это был чек.

— Две тысячи фунтов. Господи. В смысле, хорошо.

Грэм Коутс улыбнулся Толстяку Чарли. Если улыбка и была победной, Толстяк Чарли был

слишком озадачен, слишком потрясен, слишком ошеломлен, чтобы это заметить.

— Добрый путь, — сказал Грэм Коутс.

Толстяк Чарли направился в свой кабинет.

Грэм Коутс небрежно выглянул за дверь, как паук, лениво висящий на паутине.

— Просто ради интереса. Если вдруг, пока ты отдыхаешь и расслабляешься — на чем я положительно настаиваю, — так вот, если вдруг в это время мне понадобится доступ к твоим файлам, не мог бы ты сообщить мне на этот случай свой пароль?

— Я думал, с вашим паролем можно попасть куда угодно, — сказал Толстяк Чарли.

— Вне всяких сомнений, — жизнерадостно согласился Грэм Коутс. — Это просто на всякий случай. Это же компьютеры, знаешь, как бывает.

– *Русалка*, — сказал Толстяк Чарли. — РУ-САЛ-КА.

— Отлично, — сказал Грэм Коутс. — Отлично.

Рук он не потирал, но вполне мог бы это сделать.

Толстяк Чарли спустился по лестнице с чеком на две тысячи фунтов в кармане, гадая, почему он так недооценивал Грэма Коутса все эти два года.

За углом он повернул к своему банку и депони-

ровал чек на свой счет.

Потом спустился к набережной Виктории, подышать и подумать.

Теперь он был на две тысячи фунтов богаче. Головная боль совершенно отпустила. Он чувствовал себя солидным и преуспевающим человеком. И думал, удастся ли уговорить Рози вместе уехать куда-нибудь. Мысль была короткой, но…

И тут он увидел, как по другой стороне улицы идут, держась за руки, Паук и Рози. Рози доела мороженое, остановилась и выбросила обертку в урну, а потом притянула к себе Паука и стала жадно целовать его липким от мороженого ртом.

У Толстяка Чарли снова заболела голова. И он не мог пошевельнуться.

Он смотрел, как они целуются. Он придерживался мнения, что рано или поздно им все же потребуется глотнуть воздуха, но они обошлись, и, чувствуя себя ничтожеством, он побрел в другую сторону, пока не вышел к метро.

И поехал домой.

Добравшись до дома, Толстяк Чарли, совершенно несчастный, упал на кровать, где еще сохранялся легкий запах Дейзи, и закрыл глаза.

Прошло время, и вот Толстяк Чарли гуляет с от-

цом по песчаному пляжу. Оба босиком. Он снова ребенок, а возраст отца неопределим.

– *Ну и как вы ладите с Пауком*? — спрашивает отец.

– *Это сон*, — отмечает Толстяк Чарли, — *и я не хочу это обсуждать.*

— *Мальчишки*, — говорит отец, качая головой. — *Послушай. Я хочу рассказать кое-что важное.*

— *Что?*

Но отец не отвечает. Что-то в морской пене задержало его взгляд, он наклонился и подобрал. Пять остроконечных лучей безжизненно повисли.

— *Морская звезда*, — задумчиво сказал отец. — *Если ее разрезать надвое, из каждой половинки вырастает новая звезда.*

— *Ты вроде собирался сказать что-то важное.*

Отец схватился за грудь, осел на песок и застыл. Из песка выбрались черви и мгновенно обглодали его, оставив лишь кости.

— Пап!

Толстяк Чарли проснулся с мокрыми от слез щеками. Перестал плакать. Ему не о чем горевать. Его отец не умер, это просто плохой сон.

Он решил, что завтра вечером пригласит к себе

Рози. Они съедят стейк его собственного приготовления. И все будет хорошо.

Он поднялся и оделся.

Двадцать минут спустя, когда он размешивал ложечкой китайскую лапшу быстрого приготовления, ему пришло в голову, что хотя то, что случилось на пляже, было сном, его отец действительно умер.

* * *

В тот же день Рози забежала к матери на Уимпол-стрит.

— Я видела сегодня твоего парня, — сказала миссис Ной. Вообще-то ее звали Эвтерия, но тридцать лет ее так никто не звал, кроме покойного мужа, а с его смертью имя практически исчерпалось, и вряд ли о нем еще вспомнят при ее жизни.

— И я, — сказала Рози. — Как же я его люблю!

— Ну конечно. Ты же выходишь за него замуж.

— Ну да. В смысле, я всегда знала, что люблю его, но сегодня окончательно поняла, как сильно люблю его и все, что с ним связано.

— Ты выяснила, где он был вчера вечером?

— Да. Он все объяснил. Он встречался с братом.

— Не знала, что у него есть брат.

— Он прежде о нем не упоминал, они не слишком близки.

Мать Рози щелкнула языком.

— У них там, должно быть, вся семейка в сборе. Про кузину он говорил?

— Кузину?

— Или сестру. Он как-то неуверенно сказал. Хорошенькая — для девицы такого пошиба. Немного похожа на китаянку. Легкого поведения, если ты меня спросишь. Но такая уж у него семейка.

— Мама, ты не знаешь его семью.

— Знаю. Она была утром у него на кухне, ходила там чуть ли не голая. Ни стыда ни совести. Если она вообще кузина.

— Толстяк Чарли не стал бы врать.

— Он ведь мужчина, не так ли?

– *Мама*!

— В любом случае, почему он не был сегодня на работе?

— Он был! Он был на работе. И мы вместе обедали.

Мать Рози с помощью карманного зеркальца изучила, как легла помада, и указательным пальцем стерла с зубов алые пятна.

— Что еще ты ему сказала? — спросила Рози.

— Просто поговорили о свадьбе, о том, что я не хочу, чтобы его дружка сказал что-нибудь неприличное. Мне показалось, он накануне перепил. А я ведь тебя предупреждала: не связывай свою жизнь с пьяницей.

— Когда мы с ним виделись, он выглядел отлично, — надулась было Рози, а потом сказала: — Ой, мам, у меня был такой чудесный день! Мы гуляли и разговаривали и… Ой, я не говорила тебе, как необыкновенно он *пахнет*? И у него такие мягкие руки!

— Что до меня, — сказала мать, — от него несет тухлятиной. Вот что, когда снова его увидишь, спроси про эту кузину. Кузина она или нет — я не знаю. Но я знаю, если, конечно, она кузина, что у него в семейке есть воришки, стриптизерши и гулящие девицы, и он точно не годится для романтических встреч.

Теперь, когда мать снова стала наговаривать на Толстяка Чарли, Рози немного успокоилась.

— Мама, я ни слова больше слышать не хочу!

— Замечательно. Я умолкаю. Это не я за него выхожу, в конце концов. Не я выбрасываю жизнь на помойку. Не я буду рыдать в подушку, пока он будет всю ночь пьянствовать с проститутками. Это не мне ждать, день за днем, ночь за ночью,

когда он выйдет из тюрьмы.

— Мама! — Рози пыталась возмутиться, но мысль о том, что Толстяк Чарли может очутиться в тюрьме, была слишком смешной и глупой, и она чуть не рассмеялась.

Телефон Рози выдал трель. Она ответила, и сказала «да», и сказала «с удовольствием, это было бы чудесно», и отключилась.

— Это был он, — сообщила она матери. — Завтра я иду к нему. Он приготовит мне ужин. Разве это не мило? Я иду к нему в тюрьму!

— Я мать, — сказала хозяйка лишенной съестных припасов квартиры, где даже пыль не осмеливалась осесть. — И я знаю, что говорю.

* * *

Пока день выцветал в сумерках, Грэм Коутс сидел в офисе и глазел на компьютерный экран. Он открывал документ за документом, таблицу за таблицей. В некоторых он что-то менял. Но большинство удалял.

Тем вечером он собирался было отправиться в Бирмингем, где бывший футболист, его клиент, открывал ночной клуб. Но позвонил и извинился: неотложные дела.

Вскоре свет за окном полностью иссяк. Грэм

Коутс сидел в холодном сиянии компьютерного экрана — и менял, и переписывал, и удалял.

* * *

Про Ананси рассказывают такую историю.

Однажды — очень-очень давно — жена Ананси посеяла в поле горох. И у нее выросли самые лучшие, самые тучные, самые зеленые горошины, какие только можно встретить. Стоит лишь взглянуть — и слюнки потекут.

И как только Ананси увидел это поле, он сразу его возжелал. Ему нужна была не часть урожая, ибо у Ананси был великий аппетит. Он не хотел делиться. Ему нужен был урожай целиком.

Тогда Ананси лег на кровать, и давай охать, долго и громко, а жена и сыновья все к нему так и сбежались.

— Умираю я, — сказал Ананси тоненьким и слабеньким, как прутик, голосом, — жизни моей конец и венец.

При этих словах и жена и сыновья заплакали горючими слезами.

А Ананси своим тоненьким и слабеньким голосом и говорит:

— У моего смертного одра пообещайте мне две вещи.

— Во-первых, пообещайте похоронить меня под большим хлебным деревом.

— Под большим хлебным деревом у горохового поля? — спрашивает жена.

— А где же еще, — говорит Ананси и продолжает своим слабенько-тоненьким голосом. — А еще вы должны пообещать мне вот что. Пообещайте в память обо мне у подножия моей могилы развести небольшой костер. И чтобы показать, что вы меня не забыли, поддерживать этот маленький костер и не давать ему угаснуть.

— Не дадим! Не дадим! — говорят жена Ананси и дети, а сами воют и рыдают.

— И на этом огне, в знак вашего уважения и любви, я хотел бы видеть махонький горшочек с подсоленной водой, чтобы он напоминал вам о горячих соленых слезах, что пролили вы, пока я лежал умирая.

— Конечно! Конечно! — голосили они, а Ананси, он закрыл глаза и больше не вздохнул.

Ну они и отнесли Ананси к большому хлебному дереву, что росло у горохового поля, и закопали, а у подножия могилы развели небольшой костер, а рядом повесили горшочек с подсоленной водой.

Ананси, он ждал там внизу целый день, а когда опустилась ночь, вылез из могилы и отправился

на гороховое поле, где выбрал самые тучные, самые сладкие, самые спелые горошины. Он собрал их и вскипятил в горшке, и так набил себе брюхо, что оно раздулось и натянулось, как кожа на барабане.

А перед рассветом он вернулся под землю, и вернулся ко сну. Он спал, когда жена и сыновья обнаружили пропажу гороха. Он спал, когда они увидели, что горшочек пуст, и снова наполнили его водой.

Он спал, пока они по нем горевали.

Каждую ночь выходил Ананси из могилы, танцуя и радуясь своей хитрости, каждую ночь наполнял горшочек горошинами и набивал свое брюхо, и ел до тех пор, пока не опротивеет.

Шли дни, семейство Ананси все худело и худело, ведь все, что созревало, собирал по ночам Ананси, а есть им было больше нечего.

И вот жена Ананси, посмотрела она на пустые тарелки и спрашивает сыновей:

— Как бы поступил ваш отец?

Сыновья думали-думали и вспомнили все сказки, что рассказывал им Ананси. И спустились они к смоляным ямам, и купили на шесть пенсов смолы, чтобы хватило на четыре больших бадьи, и отнесли эту смолу на гороховое поле. И в центре

горохового поля поставили они смоляного человека: со смоляным лицом, смоляными глазами, смоляными руками, смоляными пальцами и смоляной грудью. Хороший получился человек. Такой же черный и гордый, как сам Ананси.

Той же ночью старик Ананси — такой толстый, каким он еще в жизни не был — вылез из земли и, пухлый и счастливый, с животом раздутым как барабан, побрел к гороховому полю.

— Ты кто? — спросил он смоляного человека.

А смоляной человек, он ни слова не отвечает.

— Это мое место, — говорит Ананси смоляному человеку. — Мое поле с горохом. Убирайся-ка по добру по здорову.

А смоляной человек он ни слова не отвечает, и ни один мускул у него не дрогнет.

— Нет, не было и не будет никого крепче, мощнее и сильнее меня, — говорит Ананси смоляному человеку. — Я свирепей Льва, быстрее Гепарда, сильнее Слона, ужаснее Тигра.

Он так раздулся от гордости за свою мощь и силу, и свирепость, что забыл, что он всего лишь маленький паучок.

— Трепещи, — сказал Ананси. — Трепещи и беги!

А смоляной человек, он не затрепетал и не убе-

жал. Сказать по правде, он просто стоял и все.

И Ананси его ударил.

Кулак Ананси накрепко приклеился.

— Руку мою отпусти, — говорит он смоляному человеку. — Руку отпусти, а не то я тебя в лицо ударю!

А смоляной человек, он не говорит ни слова, не шевельнет ничем, так что Ананси бьет его, бах, прямо в лицо.

— Ну ладно, — говорит Ананси. — Пошутили и хватит. Хочешь держать меня за руки — держи. Но у меня еще четыре руки и пара добрых ног, и все ты не удержишь, так что давай, отпусти меня, и я тебя пощажу.

А смоляной человек, он не отпускает руки Ананси, и ни слова не говорит, так что Ананси сначала бьет его всеми руками, а потом пинает ногами, всеми по очереди.

— Ну ладно, — говорит Ананси. — Отпусти меня, а не то я тебя укушу.

Смола заполняет ему рот, покрывает нос и лицо.

Вот так они и нашли Ананси на следующее утро, когда жена и сыновья пришли на гороховое поле к старому хлебному дереву: намертво приклеен к смоляному человеку, да и сам — мертвее

не бывает.

Они не удивились, увидев его таким.

В те времена Ананси именно в таком виде обычно и находили.

Глава 6
в которой Толстяк Чарли не может попасть домой даже на такси

У Дейзи прозвонил будильник. Она потянулась в постели, как кошечка. В ванной шумела вода, значит, соседка уже встала. Дейзи надела розовый махровый халат и вышла в столовую.

— Хочешь овсянки? — крикнула она через дверь.

— Не особенно. Но если сделаешь, я съем.

— Ты знаешь, как заставить девушку почувствовать себя желанной, — сказала Дейзи и отправилась в кухоньку, чтобы поставить вариться овсянку.

Потом она вернулась в спальню, переоделась и оглядела себя в зеркале. Скорчила рожицу. Убрала волосы наверх и затянула в тугой пучок на затылке.

Ее соседка Кэрол — узколицая белая девушка из Престона — заглянула в спальню. Она энергично вытирала волосы.

— Ванная в твоем распоряжении. Что там с овсянкой?

— Надо бы помешать.

— Так где же ты провела ту ночь? Говорила, что собираешься к Сивилле на день рождения, но домой не вернулась.

— Не твое дело, а? — Дейзи зашла на кухню и помешала овсянку. Добавила щепотку соли и помешала еще. Затем разлила овсянку по тарелкам и выставила их на стойку.

— Кэрол! Овсянка стынет.

Вошла Кэрол, села, уставилась на овсянку. Кэрол была полуодета.

— Разве это настоящий завтрак! По мне, настоящий завтрак — это глазунья, сосиски, кровяная колбаса и жареные помидоры.

— Вот и приготовь, — сказала Дейзи, — а я съем.

Кэрол высыпала в овсянку десертную ложечку сахара. Посмотрела. Посыпала еще немного.

— Черта с два. Ты только так говоришь. А потом начнешь свои песни про холестерин или про то, что от жареного с почками случается.

Она ела овсянку так, словно та могла в ответ укусить. Дейзи передала ей чашку чая.

— Ты и твои почки. В самом деле, было бы даже мило. Для разнообразия. Ты когда-нибудь пробовала почки, Дейзи?

— Однажды, — сказала Дейзи. — По мне, это то же самое, как если поджарить полфунта печенки и обоссать.

Кэрол фыркнула:

— Скажешь тоже!

— Ешь свою овсянку.

Они доели овсянку и выпили чай, поставили тарелки в посудомоечную машину и, поскольку та еще была не заполнена, не стали ее включать. И поехали на работу. За рулем была Кэрол, уже в форме.

В комнате, уставленной пустыми столами, Дейзи прошла к своему рабочему месту, но не успела она сесть, как раздался телефонный звонок.

— Дейзи! Ты опоздала.

Она посмотрела на часы.

— Нет, — сказала она. — Не опоздала. Сэр. А теперь могу ли я еще чем-нибудь вам помочь?

— Прямо в точку. Ты можешь позвонить человеку по фамилии Коутс. Дружок старшего инспектора. Они вместе болеют за «Кристал Пэлас». Он мне уже два эсэмэс с утра прислал. Кто, хотел бы я знать, научил старшего инспектора отправлять эсэмэс?

Дейзи все записала и набрала нужный номер. Самым деловым и разумным голосом она про-

изнесла:

— Детектив-констебль Дей. Чем могу быть полезна?

— А, — сказал мужской голос. — Ну, я рассказал все старшему инспектору вчера вечером, чудесный человек и старый друг. Хороший человек. Он посоветовал поговорить с кем-нибудь из вашего офиса. Я хотел бы донести. Я, правда, не уверен, что речь идет о преступлении. Возможно, есть абсолютно здравое объяснение. Но были определенные нарушения и, если быть совершенно откровенным, я отправил моего бухгалтера на пару недель в отпуск, а сам пытаюсь проверить, может ли он быть причастен к определенным, мм, финансовым нарушениям.

— Давайте перейдем к деталям, — сказала Дейзи. — Как ваше полное имя, сэр? И как зовут вашего бухгалтера?

— Меня зовут Грэм Коутс, — сказал человек на другом конце провода. — Агентство Грэма Коутса. А бухгалтерию у меня ведет человек по имени Нанси. Чарльз Нанси.

Она записала оба имени. Ни одно ей ни о чем не говорило.

* * *

Толстяк Чарли собирался серьезно поговорить с Пауком, как только тот вернется домой. Он все время прокручивал в голове аргументы и раз за разом выигрывал этот спор, честно и решительно.

Паук, однако, в тот вечер домой не пришел, и Толстяк Чарли в конце концов уснул перед телевизором, посмотрев до середины шумное игровое шоу для сексуально озабоченных полуночников. Кажется, оно называлось «Покажи-ка нам свой зад».

Он проснулся на диване, когда Паук раздвинул шторы.

— Прекрасный день, — сказал Паук.

— Ты! — сказал Толстяк Чарли. — Ты целовался с Рози. Даже не пытайся отрицать.

— Пришлось, — сказал Паук.

— Что значит «пришлось»? Мог бы и не целоваться!

— Она думала, что я это ты.

— Но ты-то знал, что ты — не я. Ты не должен был ее целовать.

— Но если бы я отказался ее поцеловать, она бы подумала, что это ты отказался.

— Но это же был не я!

— Она не знала. Я просто хотел помочь.

— Хотеть помочь, — сказал Толстяк Чарли с дивана, — и целоваться с моей невестой — *разные* вещи. Мог бы сказать, что у тебя зубы болят.

— Это, — сказал добродетельный Паук, — было бы ложью.

— Но ты и так лгал! Ты притворялся мной.

— Ну, это была бы уж слишком сложносочиненная ложь, — объяснил Паук. — А такие вещи я делаю только тогда, когда ты не в состоянии появиться на работе. Нет, — сказал он, — лгать еще больше я не мог, я бы чувствовал себя отвратительно.

— Зато теперь отвратительно чувствую себя я. Мне пришлось смотреть, как ты с ней целуешься.

— А, — сказал Паук, — но ведь она *думала*, что целуется с *тобой*!

— Хватит мне это талдычить!

— Ты должен чувствовать себя польщенным, — сказал Паук. — Хочешь пообедать?

— Конечно не хочу. Который вообще час?

— Самое время, — сказал Паук. — А ты снова опоздал на работу. Даже хорошо, что я тебя больше не покрываю, раз уж такая у тебя благо-

дарность.

— Все в порядке, — сказал Толстяк Чарли. — Мне дали отпуск на две недели. И бонус.

Паук приподнял бровь.

— Послушай, — сказал Толстяк Чарли, чувствуя, что пора переходить ко второму раунду спора, — не то чтобы я пытаюсь от тебя избавиться и вообще, но мне интересно, ты когда собирался уехать?

— Ну, когда я только приехал, — сказал Паук, — я думал, что дольше, чем на день, не задержусь. Ну, может, на два. Встречусь, думаю, с братишкой — и снова в путь. Я человек занятой.

— В общем, ты сегодня уезжаешь.

— Так и я *думал*! — сказал Паук. — Но потом встретил тебя. И поверить не могу, что мы чуть ли не всю жизнь провели друг без друга, брат.

— Я могу.

— Кровь не водица, — сказал Паук, — а крепче, как говорится.

— Вода не крепкая, — возразил Толстяк Чарли.

— Ну, тогда крепче водки. Или вулканов. Или… или нашатыря. Я к тому, что встретить тебя — ну, это большая удача. Еще вчера мы вообще друг о друге не знали, но это было вчера. Давай сегодня же начнем новое завтра. Оставим вчерашний

день позади и выкуем новые узы — узы братства.

— Ты запал на Рози, — сказал Толстяк Чарли.

— Запал, — согласился Паук. — Что будешь делать?

— Делать? Она *моя* невеста.

— Не переживай. Она же думает, что я это ты.

— Ты перестанешь наконец?!

Паук сложил руки в молитвенном жесте, но облизнулся и тем все испортил.

— Ну, — сказал Толстяк Чарли, — и что ты собираешься делать дальше? Жениться на ней, притворяясь мной?

— Жениться? — Паук замолк и с минуту размышлял. — Какая. Жуткая. Идея.

— Ну, я-то как раз хотел на ней жениться!

— Паук не женится, я не того склада.

— То есть Рози недостаточно хороша для тебя, ты это хочешь сказать?

Паук не ответил. Он вышел из комнаты.

Толстяк Чарли чувствовал, что каким-то образом ведет в счете. Он встал с дивана, подхватил пустые картонные коробки из-под съеденных накануне вечером куриной лапши по-китайски и поджаристых свиных тефтелей и выкинул в ведро. Он прошел в спальню, где снял с себя одежду,

в которой спал, но тут же обнаружил, что давно не стирал и ничего чистого у него не осталось, и тогда энергично встряхнул вчерашние шмотки — так что от сорочки отделились несколько отбившихся от основной массы ниток куриной лапши — и снова их надел.

И пошел на кухню.

Паук сидел за кухонным столом и наслаждался большим стейком, которого хватило бы на двоих.

— Где ты это взял? — спросил Толстяк Чарли, хотя и был уверен в том, что уже знает ответ.

— Я спрашивал, хочешь ли ты пообедать, — мягко заметил Паук.

— Где ты взял стейк?

— В холодильнике.

— Этот, — с пафосом сказал Толстяк Чарли, грозя пальцем, как прокурор на процессе по делу об убийстве, — *этот* стейк был куплен для сегодняшнего ужина. Для сегодняшнего ужина с Рози. Для ужина, который я собирался приготовить. А ты просто сидишь тут как, э, человек, который ест стейк, и, и просто ешь его, и…

— Да ничего страшного, — сказал Паук.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, — сказал Паук, — я уже позвонил Рози

утром и пригласил ее на ужин в ресторан. Стейк тебе все равно бы не понадобился.

Толстяк Чарли открыл рот. И снова закрыл.

— Уходи! — сказал он.

– Для мужского желания полезно опережать что-то там — то ли хватать, то ли достигать, то ли чего-то там такое — иначе на что еще пригодны небеса? — радостно сообщил Паук с набитым ртом[24].

— Что это, черт возьми, значит?

— Это значит, что я никуда не уйду. Мне тут нравится. — Он откромсал от стейка большой кусок и уплел его.

— Вон! — сказал Толстяк Чарли, и тут в холле зазвонил телефон.

Толстяк Чарли вздохнул, вышел в холл и поднял трубку.

— *Слушаю!*

— А. Чарльз. Рад тебя слышать. Я знаю, что в настоящее время ты наслаждаешься заслуженным отдыхом, но, надеюсь, тебе будет не слишком сложно заглянуть к нам завтра утром, э-э-э, на

---

[24] Примечания: 24

«Для мужского желания полезно опережать что-то там — то ли хватать, то ли достигать, то ли чего-то там такое — иначе на что еще пригодны небеса?» — Паук крайне неточно цитирует английского поэта и драматурга Роберта Браунинга (1812–1889), для которого характерен нарочито усложненный и полный неясностей язык.

час-полтора? Скажем, около десяти?

— Да, конечно, — сказал Толстяк Чарли. — Без проблем.

— Рад слышать. Нужно подписать кое-какие бумаги. Ну, до встречи.

— Кто это был? — спросил Паук. Он опустошил свою тарелку и вытирал бумажным полотенцем рот.

— Грэм Коутс. Хочет, чтобы я забежал завтра в офис.

— Он скотина, — сказал Паук.

— И что? Сам скотина.

— Я скотина другого сорта. А от него добра не жди. Поищи себе другую работу.

— Я люблю свою работу! — Сейчас Толстяк Чарли действительно в это верил, совершенно забыв, как ему не нравится его работа, и агентство, и наводящая ужас вездесущность Грэма Коутса.

Паук встал из-за стола.

— Хороший был стейк, — сказал он. — Да, я закинул свои вещи в комнату для гостей.

— Что?!

Толстяк Чарли поспешил в другой конец коридора, в комнатку, наличие которой позволяло именовать его жилье квартирой с двумя спальнями. В комнатке хранилось несколько ящиков

с книгами, старая игрушечная гоночная трасса «Скалекстрик рейсинг», жестяная коробка с машинками «Хот вилз», в основном без шин, и множество других ветхих экспонатов, имевших отношение к детству Толстяка Чарли. Эта комната вполне могла сойти за спальню садового гнома или низенького даже по карликовым меркам карлика, но для всех остальных это был просто шкаф с окном.

Точнее, раньше это был шкаф с окном. Но не теперь.

Толстяк Чарли толкнул дверь и остолбенел.

Да, за дверью была комната, но это единственное, в чем он не ошибся, потому что комната оказалась огромной. Великолепная комната. В дальней стене были большие венецианские окна, выходившие, кажется, на водопад. За водопадом низко над горизонтом висело тропическое солнце, заливавшее все своим золотым светом.

В комнате был камин, достаточно большой, чтобы в нем можно было запечь парочку бычков — здесь потрескивали и плевались огнем три полена. В углу, рядом с белоснежным диваном и кроватью под балдахином, висел гамак. А у камина Толстяк Чарли увидел нечто, ранее виденное лишь в журналах, — возможно, это было что-то

вроде джакузи. На одной стене висели полосатый, как зебра, ковер и медвежья шкура, а на другой — суперсовременный музыкальный центр в черном блестящем пластиковом корпусе, включавшийся взмахом руки. На третьей стене висел плоский телевизор шириной с комнату, которая прежде здесь находилась. И это еще не все…

— Что ты наделал?! — спросил Толстяк Чарли. Заходить он не стал.

— Ну, — сказал за его спиной Паук, — я, похоже, задержусь здесь на пару дней, вот, решил перенести сюда свои пожитки.

— Пожитки? *Пожитки*?! Пожитки — это пара пакетов с грязным бельем, дисками для «Playstation» и еще горшок с хлорофитумом. А это, *это*…

У него не было слов.

Паук, проходя мимо Толстяка Чарли, похлопал его по плечу.

— Если понадоблюсь, — сказал он брату, — я в своей комнате.

И закрыл за собой дверь.

Толстяк Чарли подергал ручку. Дверь была заперта.

Он вернулся в гостиную, притащил из холла телефон и набрал миссис Хигглер.

— Какого черта звоните в такую рань! — сказала она.

— Это я, Толстяк Чарли, простите.

— Ну! Чего звонишь?

— Да я хотел посоветоваться. Понимаете, ко мне тут мой брат приехал.

— Твой брат.

— Паук. Вы рассказывали мне о нем. Вы сказали поговорить с пауком, если захочу увидеть брата, я поговорил, и вот он здесь.

— Хорошо, — неуверенно сказала она.

— Вовсе нет.

— Почему? Он ведь член семьи, разве не так?

— Послушайте, я сейчас не буду вдаваться в подробности. Я просто хочу, чтобы он ушел.

— Ну так вежливо попроси его удалиться.

— Только что пытался. Он сказал, что не уйдет. И он устроил в моем чулане что-то вроде дворца Кублай-хана, хотя здесь даже для того, чтобы сделать двойные рамы, требуется разрешение городского совета. А у него там водопад. Не в комнате, конечно, а с той стороны… И еще он запал на мою невесту.

— С чего ты взял?

— Он сам сказал.

— Я пока кофейку не выпью, — сказала миссис

Хигглер, — не очень-то соображаю.

— Я просто хочу узнать, как заставить его уйти.

— Не знаю, — ответила миссис Хигглер. — Я поговорю с миссис Данвидди.

И повесила трубку.

Толстяк Чарли дошел до конца коридора и постучал.

— Что еще?

— Я хочу поговорить.

Замок щелкнул, и дверь распахнулась. Толстяк Чарли вошел. Обнаженный Паук полулежал в ванне и потягивал из высокого матового бокала что-то такое, цвета электрик. Огромные венецианские окна были открыты настежь, и рев водопада контрастировал с тихим мелодичным джазом, который доносился из невидимых динамиков.

— Слушай, — сказал Толстяк Чарли, — ты должен понять, это мой дом.

Паук моргнул.

— Вот *это*? — спросил он. — *Это* твой дом?

— Не совсем так. Но в принципе да. В смысле, ты в моей комнате для гостей, и ты у меня в гостях. Хм.

Паук отпил еще немного и с наслаждением

погрузился поглубже в воду.

— Говорят, — сказал он, — гости похожи на рыбу. И те, и другие на третий день протухают.

— Верно подмечено, — сказал Толстяк Чарли.

— Но это тяжело, — продолжил Паук. — Тяжело целую жизнь не видеть собственного брата. Тяжело, что он даже не знал о твоем существовании. И еще тяжелее наконец увидеться с ним и узнать, что ты для него ничем не лучше дохлой рыбы.

— Но, — сказал Толстяк Чарли.

Паук потянулся.

— Вот что, — сказал он. — Я здесь не навсегда. Остынь. Ты и оглянуться не успеешь, а меня уж и след простыл. И кстати, я-то никогда не стану считать тебя дохлой рыбой. Просто стоит учесть: на нас навалились стрессы. Но ни слова больше об этом. Почему бы тебе не пойти куда-нибудь поужинать, — ключи только дома оставь, — а потом и в кино?

Толстяк Чарли накинул куртку и вышел на улицу. Ключи он оставил у раковины. Воздух на улице был чудесный, хотя день выдался пасмурный, моросил мелкий дождик. В одном киоске он купил газету, а в другом — большой пакет с чипсами и сосиску в тесте. Дождик перестал, так что он сел на скамейку в церковном дворике и

съел свою сосиску с чипсами за чтением газеты.

Ему захотелось пойти в кино.

Он дошел до «Одеона» и купил билет на ближайший сеанс. Приключенческий боевик уже начался, когда он вошел в зал. На экране все взрывалось. Великолепно.

Примерно на середине фильма Толстяк Чарли понял, что кое в чем не может разобраться. И это кое-что засело в голове и постоянно его отвлекало.

Фильм закончился.

Толстяк Чарли обнаружил, что хотя фильм понравился, ему не удалось запомнить, о чем он. На следующий сеанс он купил большое ведерко попкорна. Во второй раз фильм ему даже больше понравился.

И в третий.

После третьего просмотра он решил, что, возможно, пора подумать о возвращении домой, но этим вечером показывали «Голову-ластик» и «Правдивые истории» по цене одного билета, а он, честно говоря, ни тот, ни другой не видел, так что посмотрел оба, хотя к тому времени изрядно проголодался, и потому к концу «Головы-ластика» никак не мог сообразить, о чем фильм, а также зачем та леди забралась в радиатор парового

отопления[25], и даже поинтересовался, может, ему позволят посмотреть фильм еще разок, но ему неоднократно терпеливо объяснили, что кинотеатр на ночь закрывается, и спросили, есть ли у него дом и не пора ли баиньки.

Конечно же, у него был дом, хотя на какое-то время этот факт от него ускользнул. И тогда он вернулся на Максвелл-гарденс и немного удивился, увидев, что в его спальне горит свет.

Когда он подошел к дому, занавески были задернуты. Но в окне двигались силуэты. И оба он узнал.

Они приблизились друг к другу и слились в единую тень.

И Толстяк Чарли завыл, жутко и протяжно.

* * *

В доме миссис Данвидди было множество пластиковых зверушек. Пыль медленно кружилась в воздухе, словно, приноровившись к солнечным лучам более неспешных времен, не могла приспособиться к изменчивому современному свету.

---

[25] Примечания: 25

Виной тому отнюдь не психическое состояние Толстяка Чарли. Не исключено, что единственный человек, который точно знает, что и почему происходит в фильме «Голова-ластик» (1977), — это его режиссер Дэвид Линч. Да и то не факт.

Диван был прикрыт прозрачным пластиковым чехлом, а стулья поскрипывали, когда на них садились.

В доме миссис Данвидди использовалась жесткая туалетная бумага с ароматом сосны. Миссис Данвидди была бережлива, но жесткая туалетная бумага с ароматом сосны была выше экономии. В наши дни вы еще можете купить такую бумагу, если готовы потратить время на поиски и переплатить.

В доме миссис Данвидди пахло фиалковой водой. Это был старый дом. Люди забыли, что дети флоридских поселенцев были глубокими стариками, когда на Плимут-рок высадились суровые пуритане. Дом тоже этого не помнил; его построили в двадцатых годах двадцатого века, во время мелиорации флоридских земель, в качестве выставочного экземпляра, представлявшего гипотетические дома, которые остальным покупателям земли так и не довелось построить на делянках, расположенных в крокодильих

болотах[26]. Дом миссис Данвидди пережил даже ураганы, не потеряв ни единой черепицы.

Когда в дверь позвонили, миссис Данвидди начиняла маленькую индейку. Она чертыхнулась, сполоснула руки и направилась к входной двери, взирая на мир сквозь очки с толстыми-претолстыми линзами и не отнимая левую руку от стены.

Она приоткрыла дверь и вгляделась.

— Луэлла, это я, — сказала Келлиэнн Хигглер.

— Входи.

Миссис Хигглер прошла за миссис Данвидди на кухню. Миссис Данвидди сунула руки под кран, чтобы вернуться к кусочкам непропеченого кукурузного хлеба, которые она заталкивала в индейку.

— Кого-то ждешь?

Миссис Данвидди издала неопределенный звук.

— Всегда лучше быть наготове, — сказала она. — Может, расскажешь, что происходит?

---

[26] Примечания: 26

«...гипотетические дома, которые остальным покупателям земли так и не довелось построить на делянках, расположенных в крокодильих болотах...» Имеется в виду известная мошенническая схема, когда ничего не подозревающим инвесторам продаются заболоченные участки. Сами инвесторы либо не знают о заболоченности, либо предполагают, что эти участки будут в обозримом будущем осушены и стоимость земли вырастет. В5реальности этого, увы, не происходит.

— Паренек Нанси. Толстяк Чарли.

— И что с ним?

— Ну, я рассказала ему про брата, когда он был здесь на прошлой неделе.

Миссис Данвидди вытащила руку из индейки.

— Это не конец света, — сказала она.

— Я рассказала, как с ним связаться.

— Ох, — сказала миссис Данвидди. Она умела одним междометием выразить все свое неодобрение. — И?

— Он вернулся в Ханглию. Парнишка в тупике.

Миссис Данвидди набрала в руку влажных комочков и с такой силой вогнала их в индейку, что у той выступили бы слезы на глазах, если бы они у нее были.

— И теперь не может от него избавиться?

— Не может.

Острый взгляд сквозь толстые линзы.

— Я уже делала это однажды, — сказала миссис Данвидди. — И повторить не смогу. Так уже не получится.

— Знаю. Но мы должны что-то сделать.

Миссис Данвидди вздохнула.

— Правду говорят: если живешь слишком долго, пожнешь все, что посеял.

— А есть другой способ?

Миссис Данвидди закончила нашпиговывать индейку, закрепила лоскуты кожи шпажками и завернула птицу в серебристую фольгу.

— Я прикидываю, — сообщила она. — Я засуну птицу в духовку завтра утром. К обеду она будет готова, вечером я поставлю ее разогреваться, так что к ужину она как раз поспеет.

— И кого ты ждешь на ужин? — спросила миссис Хигглер.

— Тебя, — сказала миссис Данвидди. — Зору Бустамонте, Беллу Ноулз. И Толстяка Чарли Нанси. К тому времени как парень доберется сюда, он нагуляет отменный аппетит.

— Он едет сюда? — спросила миссис Хигглер.

— Ты не слушаешь меня, девчонка! — сказала миссис Данвидди.

Только миссис Данвидди могла назвать миссис Хигглер девчонкой, не выглядя при этом глупо. — А теперь помоги мне затолкать индейку в холодильник.

* * *

Будет уместно упомянуть, что для Рози это был самый чудесный вечер в ее жизни: волшебный, идеальный, прекрасный во всех отношениях. Она не могла сдержать улыбку, даже если бы

захотела. Еда была изумительная, а когда они поели, Толстяк Чарли пригласил ее танцевать. По настоящей танцплощадке, под звуки маленького оркестра, скользили люди в одеждах пастельных тонов.

Ей казалось, будто они перенеслись в иную, более благородную эпоху. Рози с пяти лет увлекалась танцами, но танцевать ей было не с кем.

— Я и не знала, что ты умеешь танцевать, — сказала она ему.

— Ты многого обо мне не знаешь, — ответил он.

И она почувствовала себя счастливой. Очень скоро она и этот мужчина поженятся. Она многого о нем не знает? Отлично. У нее впереди целая жизнь, чтобы узнать его получше. Чтобы узнать о нем все.

Она обратила внимание, как другие женщины и другие мужчины смотрели на Толстяка Чарли, когда она шла с ним рядом, и была счастлива оттого, что он держал ее под руку.

Они шли через Лестер-сквер, и Рози видела, как светят им звезды, яркому мерцанию которых не мешали даже уличные фонари.

На краткий миг она задумалась, почему прежде Толстяк Чарли был совсем другим. Иногда, где-то

в глубине души Рози подозревала, что, возможно, продолжает встречаться с Толстяком Чарли лишь потому, что он так не нравится ее матери; что она сказала ему «да», когда он сделал ей предложение, лишь потому, что ее мать определенно хотела, чтобы она сказала «нет»…

Толстяк Чарли водил ее однажды в Вест-Энд. В театр. Это был сюрприз на день рождения, но вышла неразбериха с билетами, то есть выяснилось, что билеты у них на вчерашнее число; администраторы — понимающие и очень любезные — помогли Толстяку Чарли найти место за колонной в партере, Рози же досталось место на балконе прямо за беспрестанно ржущим девичником из Норвича. С учетом всего этого нельзя сказать, что было очень здорово.

Зато этот вечер был волшебным. В жизни Рози случалось не так много идеальных моментов, но сколько бы их ни было, теперь стало на один больше.

Ей так нравилось то, что она чувствовала, когда была с ним!

А когда танцы закончились и, пошатываясь, они вышли на улицу, а голову кружило от танцев и шампанского, Толстяк Чарли — почему, подумала она, Толстяк? ведь он совсем не толстый

— приобнял ее и сказал: «А теперь мы поедем ко мне», — голосом таким глубоким и настоящим, что у нее внутри все задрожало; и она ничего не сказала о том, что ей завтра на работу, что когда они поженятся, у них будет много времени для всего такого, она вообще ничего не сказала, хотя беспрестанно думала о том, как сильно желает, чтобы этот вечер не кончался, и как сильно-пресильно ей хочется, нет, *необходимо поцеловать* этого мужчину в губы и обнять его.

И вспомнив, что она должна что-нибудь ответить, она сказала «да».

В такси на пути к нему домой она держала его руки в своих руках, льнула к нему и смотрела на него в свете встречных автомобилей и уличных фонарей.

— У тебя ухо проколото, — сказала она. — Почему я раньше не замечала, что у тебя ухо проколото?

— Эй, — сказал он, улыбаясь, голосом как у гитары, настроенной на октаву ниже, — что я, по-твоему, должен думать, если ты никогда не замечала таких вещей, хотя мы вместе уже, хм, сколько времени?

— Полтора года, — сказала Рози.

— Полтора года, — повторил ее жених.

Она прильнула к нему и вдохнула его запах.

— Мне так нравится, как ты пахнешь! — сказала она ему. — Это какой-то одеколон?

— Всего лишь я, — сказал он.

— Тогда тебя нужно разливать во флаконы.

Она заплатила таксисту, пока Толстяк Чарли открывал входную дверь. По лестнице они поднялись вместе. Но когда оказались на втором этаже, он направился дальше, прямо к свободной комнате в конце коридора.

— Спальня же здесь, глупый, — сказала она. — Куда тебя понесло?

— Никуда. Знаю, — сказал он.

Они вошли в спальню Толстяка Чарли. Она задернула занавески и посмотрела на него, сияя от счастья.

— Ну, — сказала она наконец, — ты меня поцелуешь или нет?

— Наверное, да, — сказал он и поцеловал. Время расплавилось, растянулось и изогнулось. Их поцелуй длился миг, или час, или целую жизнь. А потом…

— Что это было?

— Я ничего не слышал, — сказал он.

— Как будто кому-то очень больно.

— Может, кошки дерутся?

— Похоже на человека.

— Может, городской лис? Они орут как люди.

Она замерла, склонив голову и внимательно прислушиваясь.

— Замолчал, — сказала она. — Хм. Хочешь услышать очень странную вещь?

— Угу, — сказал он, пробегая губами по ее шее. — Конечно, расскажи мне о самой странной вещи… Но я заставил его уйти, он тебя больше не потревожит…

— Самое странное, — сказала Рози, — что голос был твой.

* * *

Толстяк Чарли бродил по улицам, пытаясь освежить голову. Первой реакцией на происходящее было желание колотить в собственную дверь до тех пор, пока Паук не впустит его, и высказать Пауку и Рози, что он о них думает. Это было бы естественно. В высшей степени естественно.

Все, что от него требовалось, это вернуться в свою квартиру и все объяснить Рози, и потребовать от Паука, чтобы тот оставил его в покое. Вот все, что следовало сделать. Разве это трудно?

Труднее, чем кажется, это уж точно. Он не вполне понимал, зачем удалялся от своего дома.

Еще меньше он понимал, как найти дорогу назад. Улицы, которые он знал, или думал, что знал, как будто изменили конфигурацию, и он то и дело упирался в тупики, исследовал бесконечные проходы и переходы, постоянно сбиваясь с пути в беспорядке жилых улиц ночного Лондона.

Порой он видел главную магистраль с огнями проезжающих автомобилей и вывесками фаст-фуда. Он понимал, что стоит ему туда попасть, и он найдет путь к дому, но едва он сворачивал к магистрали, как тут же оказывался где-то еще.

Он стер себе ноги, а в животе у него громко урчало. Он был зол, и чем дольше шел, тем злее становился.

От гнева в голове просветлело. Паутина, охватившая разум, порвалась, сеть улиц, по которым он блуждал, распуталась. Он повернул за угол и вышел на магистраль, прямо к круглосуточной «Жареной курочке из Нью-Джерси». Толстяк Чарли заказал себе «семейную» порцию, сел и разделался с ней безо всякой помощи остальных членов семьи. Покончив с этим, он вышел на тротуар и стоял, пока в зоне видимости не показался приветливый оранжевый огонек «свободен», прикрепленный к большому черному такси. Он махнул рукой. Такси притормозило рядом, окон-

ное стекло опустилось.

— Куда?

— Максвелл-гарденс, — сказал Толстяк Чарли.

— Смеешься, что ли? — спросил таксист. — Это ж прямо за углом.

— Так отвезете? С меня пятерка сверху. Честно.

Таксист шумно дышал сквозь зубы: такой звук обычно издает механик перед тем как спросить у вас, чем, кроме сантиментов, объясняется ваша приверженность именно этому двигателю.

— Дело хозяйское, — сказал таксист. — Садись.

Толстяк Чарли сел, таксист выехал, подождал, пока сменится сигнал светофора, и повернул за угол.

— Куда, говоришь, тебе нужно? — спросил таксист.

— Максвелл-гарденс, 34, — сказал Толстяк Чарли. — Сразу за винным магазином.

Одежда на нем была вчерашняя, и он об этом пожалел. Мать всегда твердила, что следует каждый день надевать чистое белье на случай, если собьет автомобиль, и чистить зубы — на случай, если будут опознавать по стоматологической карте.

— Я знаю, где это, — сказал таксист. — Это прямо перед поворотом на Парк-Кресент.

— Верно, — сказал Толстяк Чарли. Он уже засыпал на заднем сиденье.

— Я, должно быть, ошибся поворотом, — сказал таксист. В голосе слышалось раздражение. — Я выключу счетчик, хорошо? Пусть будет пятерка.

— Не вопрос, — сказал Толстяк Чарли. Он уютно устроился на заднем сиденье и заснул. Такси, пытавшееся повернуть за угол, везло его сквозь ночь.

* * *

Детектив-констебль Дей, в настоящее время проходившая годовую стажировку в отделе по борьбе с мошенничеством, прибыла в агентство Грэма Коутса в 9.30 утра. Грэм Коутс дождался ее в приемной и проводил в свой кабинет.

— Не хотите кофе, чаю?

— Нет, спасибо, мне и так хорошо. — Она достала ноутбук и выжидательно посмотрела на него.

— Не могу не подчеркнуть, что в основе вашего расследования должно лежать благоразумие. Агентство Грэма Коутса известно своей неподкупностью и честностью. В агентстве Грэма Коутса клиентские деньги священны и неприкосновенны. Должен сказать, когда у меня впервые появились подозрения в отношении Чарльза

Нанси, я поначалу отбросил их как порочащие порядочного и усердного работника. Спросите меня неделю назад, что я думаю о Чарльзе Нанси, и я бы ответил, что такие, как он — соль земли.

— Уверена, что так бы и ответили. А когда вы поняли, что деньги, возможно, уводятся с клиентских счетов?

— Ну, я все еще не уверен. Не хочу кого-то очернить. Или бросить первый камень, в данном случае. Не судите да не судимы будете.

В сериалах, подумала Дейзи, обычно говорят: «Просто сообщите мне факты». Она тоже хотела бы так сказать, но не могла.

Этот человек ей не нравился.

— Я распечатал все некорректные операции, — сказал он. — Как видите, они сделаны с компьютера Нанси. Должен еще раз подчеркнуть, что главное здесь — благоразумие: среди клиентов агентства Грэма Коутса немало видных политических деятелей и, как я сказал вашему руководству, я был бы чрезвычайно доволен, если бы вам удалось разобраться с этим делом без лишнего шума. Вашим девизом должно стать благоразумие. Если, паче чаяния, мы сможем убедить нашего мастера Нанси просто вернуть нажитые неправедным путем деньги, я буду

вполне этим удовлетворен. Я не хотел бы доводить дело до суда.

— Я постараюсь, но, в конце концов, мы всего лишь собираем информацию и передаем в генеральную прокуратуру. — Интересно, насколько серьезную протекцию ему оказывает старший инспектор? — Так что же возбудило ваши подозрения?

— Ах да. Скажу вам честно и со всей прямотой, определенные странности в поведении. *Собака, которая не лаяла ночью*[27]. *Или петрушка в масле*[28]. Мы, детективы, любой мелочи придаем значение, ведь так, детектив Дэй?

— В общем, дайте мне, пожалуйста, распечатки и другую документацию, — сказала она, — банковские записи и так далее. Нам, возможно, потребуется забрать его компьютер, чтобы изу-

---

[27] Примечания: 27

«Собака, которая не лаяла ночью...». Грэм Коутс вспоминает рассказ Конан-Дойля «Серебряный» (из «Записок о Шерлоке Холмсе»), где одной из улик, сделавших возможным раскрытие преступления, стало странное поведение собаки, которая не лаяла ночью (в русском переводе «никак себя не вела»).

[28] Примечания: 28

«Петрушка в масле» — еще одна отсылка к Конан-Дойлю. Обсуждая с доктором Ватсоном дело о шести Наполеонах, Шерлок Холмс замечает, что догадался о чудовищном занятии семейства Эбернети, когда обратил внимание на то, как глубоко петрушка утопла в масле («Возвращение Шерлока Холмса»: «Шесть Наполеонов»). В классическом переводе Корнея Чуковского эта реплика Холмса отсутствует.

чить жесткий диск.

— Безу*слав*но, — сказал он. На столе зазвонил телефон. — Вы позволите? — Он поднял трубку. — Он?! Боже правый! Скажите, пусть подождет меня в приемной, я сейчас выйду.

Грэм Коутс повесил трубку.

— О таком, — сказал он Дейзи, — я полагаю, в ваших полицейских кругах сказали бы: только в книжках бывает.

Она подняла бровь.

— Вышеупомянутый Чарльз Нанси собственной персоной пришел увидеться со мной. Впустить его сюда? Если потребуется, вы можете использовать для допроса мой кабинет. У меня даже есть магнитофон, могу одолжить.

— Нет необходимости, — сказала Дейзи. — Первым делом мне нужно разобраться с бумагами.

— Ну что ж! — сказал он. — Глупо с моей стороны. Хм. А посмотреть на него не хотите?

— Не вижу, чем это мне поможет, — сказала Дейзи.

— Я не расскажу ему, что вы ведете расследование, — заверил ее Грэм Коутс. — В противном

случае, он окажется на *costa-del-crime*[29] прежде, чем мы произнесем *prima facie evidence*[30]. Откровенно говоря, мне нравится думать, что я чрезвычайно внимателен к проблемам современной охраны общественного порядка.

Дейзи поймала себя на мысли, что тот, кто украл у него деньги, не может оказаться совсем плохим человеком, — а полицейские офицеры, понятное дело, не должны так думать.

— Я вас провожу, — сказал он.

В приемной сидел человек. Вид у него был такой, словно он спал одетым. Он был небрит и, кажется, слегка обескуражен. Грэм Коутс подтолкнул Дейзи локтем и кивком указал на человека в приемной.

— Чарльз, боже мой, до чего ты себя довел! — вслух сказал он. — Выглядишь ужасно.

Толстяк Чарли посмотрел на него изможденно.

— Не доехал до дома этой ночью, — сказал он. — Небольшая неразбериха с такси.

---

[29] Примечания: 29

Коста-дель-крайм — неформальное название Солнечного берега в Испании, Коста-дель-сол. С семидесятых годов прошлого века этот регион стал популярен у британских преступников, бежавших сюда от правосудия. Отношения между странами были сложными (из-за спорного статуса Гибралтара), и британцы могли не опасаться экстрадиции.

[30] Примечания: 30

Prima facie evidence (юр.) — доказательство, достаточное при отсутствии опровержения.

— Чарльз, — сказал Грэм Коутс. — Это детектив-констебль Дэй из городской полиции. Она здесь с плановой проверкой.

Толстяк Чарли понял, что рядом стоит кто-то еще. Он сфокусировал зрение и увидел униформу. А потом — лицо.

— Э, — сказал он.

— Доброе утро, — сказала Дейзи. Это то, что она сказала вслух. Про себя же она повторяла без остановки «нуижопа нуижопа нуижопа».

— Приятно познакомиться, — сказал Толстяк Чарли. Озадаченный, он поступил так, как никогда прежде не поступал: вообразил полицейского в униформе совсем без ничего, и перед его мысленным взором предстал образ молодой леди, рядом с которой он проснулся на следующее утро после поминок по отцу. Форма делала ее чуточку старше, заметно серьезнее и намного некрасивее, но это была точно она.

Как у всех разумных созданий, у Толстяка Чарли была своя шкала странности. В иные дни кривая уходила в красную зону, а порой ее зашкаливало. Сейчас измеритель вышел из строя. С этого момента, подумал Толстяк Чарли, меня уже ничто не может удивить. Никакие странные сверхстранности. Хватит.

Конечно, он ошибался.

Толстяк Чарли посмотрел вслед уходящей Дейзи и прошел за Грэмом Коутсом в его кабинет.

Грэм Коутс плотно закрыл дверь, уселся на краешке стола и улыбнулся как хорек, который только что понял, что его случайно на всю ночь заперли в курятнике.

— Давайте напрямую, — сказал он. — Карты на стол. Не будем ходить вокруг да около. Назовем, — сказал он немного подумав, — вещи своими именами.

— Ладно, — сказал Толстяк Чарли. — Давайте. Вы говорили, я должен что-то подписать?

– *Утверждение более не действительно*[31]. Выбросьте из головы. Давайте лучше обсудим то, на что вы указали мне несколько дней назад. Вы предупредили меня о некоторых необычных операциях, которые имели место быть.

— Правда?

— Не рой другому, как говорится, яму. Естественно, первым моим побуждением было во всем разобраться. Вот чем вызван визит детектива-констебля Дей. И то, что я обнаружил, вряд ли,

---

[31] Примечания: 31

«Утверждение более не действительно» — почти дословная цитата одного из сотрудников Никсона, которому было необходимо придумать вежливый оборот вместо фразы «Мой шеф солгал».

как я подозреваю, вас удивит.

— Не удивит?

— Конечно нет. Действительно, как вы и отметили, Чарльз, имеются определенные признаки финансовых нарушений. Но увы — переменчивый перст возмездия определенно указывает лишь в одном направлении.

— Лишь в одном?

— Лишь в одном.

Толстяк Чарли был растерян.

— И в каком?

Грэм Коутс пытался выглядеть озабоченным, то есть так, словно он действительно озабочен, и на его лице было выражение, как у младенца, которому нужно срыгнуть.

— В вашем, Чарльз. Полиция подозревает вас.

— Ага, — сказал Толстяк Чарли, — конечно подозревает. Сегодня весь день такой.

И отправился домой.

* * *

Дверь открыл Паук. Начался дождь, и Толстяк Чарли стоял перед ним мятый и промокший.

— Значит, — сказал Толстяк Чарли, — теперь я могу вернуться, да?

— Я не стал бы тебе препятствовать, — сказал

Паук. — Это, в конце концов, твой дом. Где ты провел ночь?

— Ты прекрасно знаешь, где я ее провел. Я пытался вернуться домой. Не знаю, какую магию ты на мне испробовал.

— Это была не магия, — оскорбился Паук. — Это было чудо.

Толстяк Чарли отпихнул его и затопал по лестнице. Он вошел в ванную, вставил пробку и открыл кран. Потом выглянул в коридор.

— Мне плевать, как это называется! Ты занимаешься этим в моем доме и вчера не пустил меня домой.

Он снял позавчерашние шмотки и снова высунул голову из-за двери.

— А на работе я под следствием. Ты говорил Грэму Коутсу про финансовые нарушения?

— Конечно говорил, — сказал Паук.

— Ха! А теперь он подозревает меня, вот что!

— Ой, не думаю, — сказал Паук.

— Много ты знаешь, — сказал Толстяк Чарли. — Я говорил с ним. К делу подключена полиция. А еще Рози. У нас с тобой будет долгий разговор о Рози, когда я выйду из ванной. Но спервa я собираюсь в нее зайти. Всю ночь на ногах, только поспал немного на заднем сиденье такси. А когда

проснулся, было пять утра, и мой водитель превратился в *Тревиса Бикла*[32]. Разговаривал сам с собой. Я ему сказал, что он может отказаться от поисков Максвелл-гарденс, потому что эта ночь явно не для поисков Максвелл-гарденс, и в конце концов он согласился, и мы позавтракали в одном из тех мест, где завтракают таксисты. Яйца, бобы, сосиски, тост и чай, такой крепкий, что в нем ложка стоит. А когда он рассказал другим таксистам, что всю ночь колесил в поисках Максвелл-гарденс, блин, я думал, прольется кровь. Но нет. Хотя в какой-то момент было очень близко к тому.

Толстяк Чарли остановился, чтобы перевести дыхание. Паук выглядел виноватым.

– *После*, — сказал Толстяк Чарли. — *После* ванны.

И захлопнул дверь.

Забрался в ванну.

Жалобно взвыл.

Выбрался из ванны.

Закрыл кран.

Обернул вокруг пояса полотенце и открыл дверь.

---

[32] Примечания: 32

Тревис Бикл — главный герой фильма «Таксист» (1976) в исполнении Роберта Де Ниро, нервный парень.

— Нет горячей воды, — сказал он очень-очень спокойно. — У тебя есть какие-нибудь версии, почему у нас нет горячей воды?

Паук все еще стоял в коридоре. Он даже не пошевелился.

— Это из-за джакузи, — сказал он. — Извини.

— Ну хотя бы с Рози ты не, — сказал Толстяк Чарли. — В смысле, она не…

И тут он увидел лицо Паука.

— Я хочу, чтобы ты убрался! — сказал Толстяк Чарли. — Из моей жизни. Из жизни Рози. Совсем.

— Мне здесь нравится, — сказал Паук.

— Да ты мне жизнь херишь!

— Грубо. — Паук прошел по коридору и открыл дверь в комнату для гостей. Коридор залило золотым солнечным светом, а потом дверь закрылась.

Толстяк Чарли помыл голову холодной водой, почистил зубы, перерыл корзину с грязным бельем, пока не нашел джинсы и футболку, которые в силу того, что находились на дне, могли сойти за чистые. Он натянул их, а поверх футболки надел фиолетовый свитер с медвежонком на груди, который ему подарила мать и который он никогда не носил, а выбросить не решался.

Он прошел в конец коридора.

Через дверь проникали звуки баса и ударных: бум-чагга-бум.

Толстяк Чарли с силой подергал дверную ручку. Дверь не поддавалась.

— Если не откроешь, — сказал он, — я ее сломаю.

Дверь отворилась без предупреждения, и Толстяк Чарли ввалился прямо в пустую кладовую в конце коридора. В окне виднелась стена соседнего дома, хотя видно ее было плохо из-за дождя, хлеставшего по стеклу.

Тем не менее где-то буквально за стеной слишком громко играла музыка: вся кладовая тряслась от далекого бум-чагга-бум.

— Отлично, — начал Толстяк Чарли, приглашая к разговору. — Ты, конечно, понимаешь, что это означает объявление войны.

То был боевой клич кролика, которого довели до ручки. Кое-где люди верят, что Ананси был кроликом-*трикстером*[33]. Конечно, они ошибаются, ведь он паук. Может показаться, что этих созданий легко отличить друг от друга, но их

---

[33] Примечания: 33

Трикстер — в мифологии божество, дух, человек или даже антропоморфное животное, отказывающееся подчиняться общепринятым правилам. Трикстер — постоянный возмутитель спокойствия. Ананси — типичный трикстер (кролик Багз Банни, герой мультфильмов и комиксов «Текса» Эйвери — тоже, если разобраться, трикстер).

путают чаще, чем мы думаем.

Толстяк Чарли прошел в спальню, вытащил из прикроватной тумбочки паспорт. Бумажник он нашел там же, где оставил: в ванной.

Он вышел на улицу, в дождь, и поймал такси.

— Куда?

— Хитроу, — сказал Толстяк Чарли.

— Сделаем, — сказал таксист. — Какой терминал?

— Понятия не имею, — признался Толстяк Чарли, который понимал, что ему-то это должно быть известно: в конце концов, прошло всего несколько дней. — А откуда вылетают во Флориду?

* * *

Грэм Коутс начал планировать свое исчезновение из славного агентства Грэма Коутса еще в те времена, когда Джон Мейджор был премьер-министром. Все хорошее когда-нибудь кончается. Рано или поздно, как Грэм Коутс собственной персоной был бы счастлив вас уверить, даже курица, несущая золотые яйца, попадает в суп. И хотя план его был хорош — заранее ведь не знаешь, когда тебе понадобится исчезнуть без предупреждения — и он понимал, к чему все идет, грозовым облаком скапливаясь на горизонте, но

момент отъезда оттягивал до последнего.

Важно, решил он для себя много лет назад, не уехать, но исчезнуть, испариться, пропасть без следа.

В его офисе в тайном сейфе — а сейф этот был размером с комнату, чем Грэм Коутс чрезвычайно гордился — на полке, которую он сам повесил, и недавно, когда она упала, перевешивал, — лежала кожаная сумочка с двумя паспортами, один на имя Бэзила Финнегана, другой — Роджера Бронштейна. Оба они, как и Грэм Коутс, родились около пятидесяти лет назад, однако, в отличие от него, умерли в первый год жизни. На фотографиях в обоих паспортах был Грэм Коутс.

В сумочке также лежали два бумажника — в каждом свой набор кредиток и удостоверение на имя одного из владельцев паспортов. Каждый из них имел право распоряжаться содержимым темных счетов на Кайманах, откуда, в свою очередь, деньги переводились на счета на Британских Виргинских островах, в Швейцарии и Лихтенштейне.

Грэм Коутс предполагал пропасть навеки на свой пятидесятый день рождения, до которого оставалось чуть больше года, и теперь размышлял о деле Толстяка Чарли.

Он, конечно, не рассчитывал на то, что Толстяк Чарли будет арестован и посажен в тюрьму, хотя, случись такое, вряд ли стал бы сильно возражать. Он хотел увидеть его испуганным, опозоренным и безработным.

Грэм Коутс получал истинное удовольствие, когда доил клиентов агентства Грэма Коутса, тем более что ему это отлично удавалось. Он не переставал изумляться, тщательно отбирая клиентуру, тому, что знаменитости и актеры ничего не понимают в деньгах и с удовольствием перепоручают представлять их интересы и управлять финансовыми делами тому, кто сделает так, чтобы им не о чем было беспокоиться. А если временами отчеты о состоянии счетов или чеки запаздывают, или в них указаны не те цифры, каких ожидают клиенты, или с клиентских счетов необъяснимо списываются средства — что ж, в агентстве Грэма Коутса такая текучка, особенно в бухгалтерии, и во всем, что происходит, можно с легкостью обвинить уже уволенного некомпетентного сотрудника, а порой — и умаслить клиента ящиком шампанского и извинительным чеком на солидную сумму.

Не то чтобы люди любили Грэма Коутса или доверяли ему. Даже те, чьи интересы он пред-

ставлял, считали его хорьком. Но они почему-то верили, что это их хорек, и ошибались.

Грэм Коутс был сам себе хорек.

Телефон на его столе зазвонил, и он поднял трубку.

— Да!

— Мистер Коутс? Это Мэв Ливингстон. Я знаю, вы велели соединять ее с Толстяком Чарли, но его на этой неделе не будет, и я не знаю, что ей ответить. Сказать, что вас нет?

Грэм Коутс немного подумал. До внезапного сердечного приступа, который свел его в могилу, Моррис Ливингстон некогда был самым любимым в стране йоркширским комиком-коротышкой: звезда таких телесериалов, как «На затылке и висках покороче» и субботнего вечернего шоу-варьете «Моррис Ливингстон, я полагаю». В восьмидесятых он даже попал в хит-парад с новаторским синглом «Отличный вид (но ширинку-то застегни)». Дружелюбный, простой в общении, он не только оставил все свои финансовые дела на попечение агентства Грэма Коутса, но также, с подачи самого Грэма Коутса, назначил Грэма Коутса распорядителем своего наследства.

Было бы преступлением не поддаться такому

искушению.

А теперь эта Мэв Ливингстон. Справедливости ради следует отметить, что Мэв Ливингстон, даже не подозревая об этом, уже много лет на первых и не очень ролях участвовала в самых излюбленных и сокровенных фантазиях Грэма Коутса.

— Да, — сказал Грэм Коутс. — Соедините. — И добавил воркующим голосом: — Мэв, приятно вас слышать. Как дела?

— Не уверена, — сказала она.

Мэв Ливингстон была танцовщицей, когда встретила Морриса, и всегда доминировала над этим коротышкой. Они обожали друг друга.

— Тогда почему бы вам не рассказать обо всем мне?

— Я разговаривала с Чарльзом пару дней назад. И мне интересно. Точнее, менеджеру в банке интересно. Деньги из наследства Морриса. Нам было сказано, что что-то должно поступить.

— Мэв, — сказал Грэм Коутс своим, как он думал, печальным бархатным голосом, который, как он полагал, особенно нравится женщинам, — проблема не в том, что нет денег — дело исключительно в ликвидности. Я говорил вам, Моррис сделал несколько неудачных вложений незадолго до кончины, и хотя, следуя моим сове-

там, часть денег он вложил разумно, требуется дать добрым плодам созреть: если заберем деньги сейчас, мы потеряем почти все, что у нас есть. Но беспокоиться не о чем, не о чем. Для хорошего клиента ничего не жалко. Я выпишу вам чек со своего собственного счета ради ваших платежеспособности и спокойствия. Какую сумму назвал ваш менеджер в банке?

— Он говорит, что перестанет принимать чеки, — сказала она. — А на Би-би-си мне сказали, что переводят деньги за старые шоу на DVD. *Эти* деньги ведь никуда не вложены?

— Так говорят на Би-би-си, да? На самом деле для этого *нам* пришлось здорово *их* потормошить. Но я не стал бы перекладывать всю вину на *Би-би-си Уорлдуайд.* Наша бухгалтерша забеременела, и в делах полный беспорядок. А тут еще Чарльз Нанси, с которым вы говорили, слетел с катушек — у него умер отец, и он много времени проводит за пределами страны.

— Когда мы говорили последний раз, — отметила она, — вы устанавливали новую компьютерную программу.

— В самом деле, устанавливали, на тему бухгалтерских программ я могу долго распространяться. Как это говорят: человек э-э-э способен ошибать-

ся, но чтобы э-э-э по-настоящему все испортить нужен компьютер. Как-то так. Я приложу все силы, чтобы разобраться; если понадобится, то без компьютеров, по старинке, и ваши деньги устремятся к вам. Этого как раз хотел и Моррис.

— Мой менеджер говорит: для того, чтобы они не возвращали чеки, нужно, чтобы на счету было десять тысяч фунтов.

— Десять тысяч фунтов ваши. Мы еще не договорили, а я уже выписываю вам чек.

Он нарисовал в блокноте круг и добавил сверху выходящую из него линию — получилось немного похоже на яблоко.

— Я вам очень благодарна, — сказала Мэв, и Грэм Коутс приосанился. — Надеюсь, я вам не слишком докучаю.

— Вы мне никогда не докучаете, — сказал Грэм Коутс. — Ни в чем.

Он повесил трубку. Забавно то, думал Грэм Коутс, что комическим персонажем Морриса всегда был расчетливый йоркширец, гордый тем, что может уследить за каждой монеткой.

Хорошая была игра, подумал Грэм Коутс, и дорисовал два глаза и парочку ушей. Теперь, решил он, более или менее похоже на кота. Довольно скоро вместо того, чтобы доить привередливых

знаменитостей, он окажется под ярким солнцем, там, где плавательные бассейны, вкусная еда, хорошие вина и — не исключено — нет никаких проблем с оральным сексом. Все лучшее в жизни, считал Грэм Коутс, может быть куплено и оплачено.

Он дорисовал коту пасть и заполнил ее острыми клыками, теперь кот слегка напоминал пуму. И пока рисовал, гнусавым тенорком начал напевать:

Когда я был мальчишкой, мне говорила мать:

На улице прекрасно, ты выйди поиграть.

Но вырос я, и дамы – что глаз не оторвать —

Советуют ширинку всегда застегивать.

Моррис Ливингстон оплатил квартиру Грэма Коутса в пентхаузе в Копакабане и установку плавательного бассейна на острове Сент-Эндрюс, так что не стоит думать, будто Грэм Коутс не был ему благодарен.

Советуют ширинку всегда застеги-

вать.

* * *

Пауку было не по себе.

С ним что-то творилось: странное чувство накрыло его жизнь туманной дымкой, — словом, день был испорчен. Он не мог понять, что это за чувство, но оно ему не нравилось.

Если было на свете чувство, которого он вовсе не испытывал, так это чувство вины. Такое было ему недоступно. Он ощущал себя превосходно. Он был крут. Он не чувствовал себя виноватым. И не почувствовал бы, даже будучи пойманным с поличным при ограблении банка.

И все же он был весь окутан слабыми миазмами беспокойства.

До последнего времени Паук был уверен, что боги людям не чета, что у них нет ни стыда, ни совести и они в том не нуждаются. Отношение бога к миру, даже тому, в котором он пребывал, было так же эмоционально окрашено, как у геймера, досконально знающего все правила игры и вооруженного полным набором кодов.

Паук постоянно развлекался. Вот в чем заключалась суть его занятий. Вот что было важно. Он не смог бы распознать чувство вины, даже

имея под рукой иллюстрированный гид с четко прорисованными и обозначенными деталями. Не то чтобы он был безответственным, просто когда всех наделяли ответственностью, его поблизости не оказалось. Но что-то изменилось — внутри или снаружи, тут он не мог бы в точности сказать — и это его удручало. Он плеснул себе еще выпивки и взмахнул рукой, чтобы музыка играла громче. Заменил Майлза Девиса на Джеймса Брауна. Не помогло.

Он валялся в гамаке под тропическим солнцем, слушая музыку и грея себя мыслями о том, как невероятно круто быть таким, как он… и, впервые в жизни, даже этого как будто было недостаточно.

Он выбрался из гамака и поплелся к двери.

— Толстяк Чарли!

Никто не ответил. Квартира была пуста. За окнами было пасмурно, и шел дождь. Пауку понравился дождь. Он очень подходил к настроению.

Высоко и мелодично зазвонил телефон. Паук поднял трубку.

— Это ты? — спросила Рози.

— Привет, Рози.

— Прошлой ночью, — сказала она, помолчала и

продолжила: — Для тебя это было так же чудесно, как для меня?

— Ну, не знаю, — сказал Паук. — Довольно-таки чудесно. В смысле, наверное, да.

— М-м-м, — сказала она.

Они помолчали.

— Чарли! — сказала Рози.

— Угу.

— Мне даже нравится просто знать, что ты на другом конце провода, и молчать.

— Мне тоже.

Они еще немного насладились молчанием, смакуя его, стараясь продлить это ощущение.

— Хочешь сегодня ко мне? — спросила Рози. — Мои соседи в Кернгормских горах.

— Эта фраза, — сказал Паук, — может претендовать на звание самой красивой фразы на английском языке. *Мои соседи в Кернгормских горах.* Чистая поэзия.

— Дурачок, — хихикнула она. — Гм. Захватишь зубную щетку?

— Да. Да. Захвачу.

Несколько минут длилось «ты повесь трубку» — «нет, ты повесь трубку», — что составило бы честь парочке пятнадцатилетних жертв гормональной интоксикации, и наконец трубку повесили.

Паук улыбался как святой. Мир, учитывая наличие в нем Рози, был лучшим из возможных. Мгла рассеялась, мир отхмурился.

Пауку даже не пришло в голову задуматься, куда подевался Толстяк Чарли. К чему волноваться о таких пустяках? Соседи Рози в Кернгормских горах, и сегодня — о, сегодня он захватит с собой зубную щетку.

* * *

Тело Толстяка Чарли находилось в самолете, летящем во Флориду; тело впихнули в центр ряда из пяти пассажиров, где оно быстро уснуло. И к лучшему: не успел самолет подняться в воздух, как туалеты в хвостовой части сломались, и хотя бортпроводники повесили на двери таблички «не работает», это не смягчило запаха, который медленно распространялся по задней части салона, как захлебнувшаяся химическая атака. Младенцы кричали, взрослые ворчали, дети ныли. Группа пассажиров, летевшая в Диснейворлд и полагавшая, что отпуск начинается с того момента, как они оказались на борту самолета, рассевшись по местам, начала распевать. Они

спели «Бибити бобити бу»[34], и «Чудесный факт о Тиграх», и «Под водой», и «Хей-хо, хей-хо, с работы мы идем»[35] и даже — полагая, что это тоже диснеевская песня, — «Мы в город изумрудный идем дорогой трудной».

Когда самолет был уже в воздухе, выяснилось, что вследствие путаницы с доставкой провизии обеды для экономкласса на борт не погрузили. Вместо них были упакованы завтраки, и теперь каждому пассажиру полагались хлопья с бананом, которые приходилось есть с помощью пластиковых ножа и вилки, потому что ложек на борту не оказалось, что, возможно, было не так уж плохо, потому что молока для хлопьев хватило не всем.

Адский был полет, а Толстяк Чарли все проспал.

Во сне Толстяк Чарли оказался в огромном

[34] Примечания: 34

Видимо, имеется в виду песня Крестной из диснеевского фильма про Золушку, хотя та называется «Bibbidi-Bobbidi-Boo», а не «Bibbety Bobbety Boo», как у Геймана.

[35] Примечания: 35

Все упомянутые песни из диснеевских мультфильмов. Соответственно из «Винни-пуха», «Русалочки» и «Белоснежки».

зале. Он был в одежде для утренних приемов[36]*. Рядом стояла Рози в белом свадебном платье, а по другую сторону от нее, на помосте, стояла мать Рози, которая, что слегка раздражало, также была в свадебном платье, хотя оно было покрыто пылью и паутиной. Далеко, у горизонта, где, собственно, и заканчивался зал, была толпа, которая стреляла из ружей и размахивала белыми флагами.*

— Это как раз гости из-за столика «h», — *сказала мать Рози*. — Не обращайте на них внимания.

Толстяк Чарли повернулся к Рози. Она ему улыбнулась своей мягкой нежной улыбкой и облизнула губы.

— Торт, — *сказала Рози из его сна.*

Это послужило сигналом оркестру. Нью-Орлеанский джаз-банд затянул похоронный марш.

Помощником шеф-повара была офицер полиции, которая держала наготове пару наручников. Шеф выкатил торт на помост.

— А теперь, — *сказала Рози из его сна,* — разрежь торт.

Люди за столиком «b», которые были не людь-

---

[36] Примечания: 36

На утренние приемы полагается надевать однобортный сюртук, жилетку и брюки из полосатой ткани. Тот же дресс-код зачастую принят на свадьбах.

ми, а мультяшными мышами и крысами и прочими грызунами размером с человека, принялись весело распевать песни из диснеевских мультиков. Толстяк Чарли знал, что они хотят, чтобы он к ним присоединился. Даже во сне он паниковал при мысли, что ему придется петь на публике. Его конечности онемели, а губы сделались деревянными.

— Я не могу петь с вами, — *сказал он, найдя оправдание.* — Я должен разрезать торт.

При этих словах в зале воцарилась тишина. И в этой тишине вошел шеф-повар со столиком на колесах. У шеф-повара было лицо Грэма Коутса, а на столике стоял необыкновенный свадебный торт, богато украшенный и многослойный. Крохотные жених и невеста неуверенно возвышались на самой вершине торта, словно два человека, пытающихся удержать равновесие на крыше глазированного сахаром здания компании «Крайслер».

Мать Рози оказалась у стола и вытащила длинный нож с деревянной рукояткой — почти мачете — и ржавым лезвием. Она передала его Рози, которая взяла правую руку Толстяка Чарли, положила ее на свою, и вдвоем они воткнули ржавый нож в толстый белый крем наверху торта,

между женихом и невестой. Торт вначале не поддавался, и Толстяк Чарли нажал посильнее, навалясь всем своим весом. Он почувствовал, как нож слегка подался, и надавил еще сильнее.

Лезвие вонзилось в свадебный торт и опускалось все ниже, раз резая слои теста и крема, а когда дошло до самого низа, торт раскрылся…

Во сне Толстяк Чарли предположил, что торт начинен черными бусинами, бусинами из черного стекла или полированного гагата, но когда те стали выкатываться из торта, он понял, что у бусин есть лапки, у каждой — по восемь проворных лап, и они высыпались из торта черной волной. Пауки покрыли белую скатерть; они облепили мать Рози и саму Рози, превратив их белые платья в черные как смоль; а затем, словно направляемые неким злобным разумом, сотнями двинулись к Толстяку Чарли. Он развернулся, чтобы бежать, но оказалось, что его ноги увязли в чем-то липком, и он упал.

И вот они уже ползут по нему, и их маленькие лапки карабкаются по его коже, а он пытается встать, но тонет в этом полчище пауков.

Толстяк Чарли хотел закричать, но рот его был забит пауками. Они покрыли его глаза, и он погрузился во тьму…

Толстяк Чарли открыл глаза и не увидел абсолютно ничего. И тогда он закричал, и кричал долго и протяжно, пока не понял, что в салоне выключен свет, а шторки на иллюминаторах опущены, и пассажиры смотрят кино.

Это и без того был адский полет. И Толстяк Чарли просто сделал его немного более болезненным для окружающих.

Он поднялся и попытался выйти в проход, наталкиваясь на пассажиров, а когда почти достиг прохода распрямился и с грохотом врезался лбом в верхнюю полку. Полка открылась, чья-то ручная кладь упала прямо ему на голову.

Те, кто сидел поблизости и видел это, рассмеялись. Это была классическая сценка из комедии положений, и он бесконечно всех насмешил.

Глава 7
в которой Толстяк Чарли заходит очень далеко[37]

Сотрудница иммиграционной службы так покосилась на американский паспорт Толстяка Чарли, будто была разочарована, что он не иностранец, которому она могла бы запретить въезд, а потом со вздохом махнула: проходи.

Он раздумывал, что ему делать после прохождения таможни. Взять в аренду автомобиль, предположил он. И поесть.

Он прошел через ворота безопасности в обширный вестибюль аэропорта Орландо со множеством магазинчиков и нисколько не удивился, увидев миссис Хигглер, которая, крепко сжимая в руке свою огромную чашку, сканировала лица прибывающих. Они увидели друг друга более или менее одновременно, и она направилась к нему.

— Ты голоден? — спросила она.

---

[37] Примечания: 37

«...в которой Толстяк Чарли заходит очень далеко». Точный перевод названия главы невозможен. Goes a long way отсылает к множеству английских присказок и поговорок, которые на русский язык переводятся, как правило, без обращения к образу «пути» или «дороги» (a little sympathy goes a long way — «доброе слово и кошке приятно»).

Он кивнул.

— Ну, — сказала она, — надеюсь, ты любишь индейку.

* * *

Толстяк Чарли не знал, был ли бордовый «универсал» миссис Хигглер тем же самым, который он помнил с детства. Но предполагал, что это так. Должно быть, когда-то автомобиль был новым, это ясно. В конце концов, все когда-то было новым. Но теперь кожа на сиденьях потрескалась и шелушилась, а приборный щиток был облицован пыльной фанерой.

На сиденье стояла матерчатая хозяйственная сумка.

Держателя для чашки в древней машине миссис Хигглер не было, и она рулила, зажав свою джамбо-кружку между ног. Автомобиль явно предвосхитил эру кондиционеров, так что стекла в машине были опущены. Толстяк Чарли ничего не имел против. После промозглого английского холода он был рад флоридской жаре. Миссис Хигглер свернула на юг, к платной дороге. По пути она говорила: рассказала о последнем урагане, о том, как возила племянника Бенджамина в «Морской мир» и «Диснейуорлд», и что эти излюб-

ленные туристами места уже не те, что прежде; о строительных нормах, цене на бензин, о том, что она сказала врачу, который предложил ей протезирование шейки бедра, о том, что туристы продолжают кормить аллигаторов, а приезжие строят дома на пляже, и потом удивляются, когда пляж или дом смывает во время урагана, а аллигаторы сжирают их собак.

Толстяк Чарли пропускал все мимо ушей. Обычное дело.

Миссис Хигглер притормозила и взяла карточку для проезда по платной дороге. Она умолкла и, казалось, о чем-то задумалась.

— Значит, — сказала она, — ты встретился с братом.

— Могли бы и предупредить, — сказал Толстяк Чарли.

— Я предупреждала тебя, что он бог.

— Но даже не упомянули о том, что это просто гвоздь в заднице!

Миссис Хигглер фыркнула и сделала большой глоток.

— Мы можем где-нибудь остановиться и перекусить? — спросил Толстяк Чарли. — В самолете были только хлопья с бананом. И без ложек. А пока дошли до моего ряда, закончилось молоко.

Перед нами извинились и дали всем талончики на питание.

Миссис Хигглер покачала головой.

— Я бы на этот талончик мог взять гамбургер в аэропорту.

— Я тебе уже сказала, — сказала миссис Хигглер, — Луэлла Данвидди готовит для тебя индейку. Каково ей будет, если мы приедем, а ты уже набил желудок в Макдональдсе и вообще не хочешь есть? А?

— Но я *умираю* с голоду. А ехать больше двух часов.

— Ты не берешь в расчет, кто за рулем! — решительно сказала она и утопила педаль в пол. И пока бордовый «универсал» громыхал по скоростной автостраде, Толстяк Чарли то и дело крепко зажмуривался, давя ногой воображаемую педаль тормоза. Это занятие порядком изматывало.

Прошло заметно меньше двух часов, а они уже съехали на местную дорогу, повернули в город, проехали мимо «Барнс энд Ноубл» и «Офис депо», мимо окруженных высокими заборами домов с охраной и добрались до улиц с жилыми домами, которые, когда Толстяк Чарли был маленьким, выглядели куда опрятнее. Они проехали мимо вестиндского ресторанчика, торгующего на

вынос, и ресторана с флагом Ямайки в окне и написанными от руки объявлениями, в которых рекламировалось блюдо дня — воловьи хвосты с рисом, а также домашнее имбирное пиво и курица в карри.

Рот Толстяка Чарли наполнился слюной, в животе заурчало.

Машину тряхнуло и повело. Теперь дома были совсем старые, зато все было знакомо.

На лужайке миссис Данвидди все так же стояли розовые пластиковые фламинго в невероятных позах, хотя за прошедшие годы птицы выгорели на солнце добела. На месте оказался и зеркальный шар для гадания — и когда Толстяк Чарли заметил его, то на секунду испугался как никогда.

— Тяжко пришлось с Пауком? — поинтересовалась миссис Хигглер, когда они шли к входной двери.

— Скажем так, — сказал Толстяк Чарли, — я думаю, он спит с моей невестой. А такого даже я себе не позволял.

— Ах, — сказала миссис Хигглер, а потом добавила: — Тсс.

* * *

Да это просто «Макбет» какой-то, подумал Толстяк Чарли через час; в самом деле, если бы в «Макбете» ведьмами были четыре маленькие старушки и если бы вместо того, чтобы помешивать варево в кипящих котлах и нараспев читать страшные заклинания, они поприветствовали Макбета и накормили его индейкой, и рисом, и горохом, рассыпанным по белым фарфоровым тарелкам, что стояли на красно-белой узорчатой пластиковой скатерти, не говоря уже о пудинге из батата и пряной капусты, и если бы они уговаривали его взять добавки, а потом еще и еще, а когда Макбет объявил бы, что такому не бывать, что еще немного и он лопнет, и что он дал зарок: ни крошки больше, ведьмы заставили бы его отведать особенного пудинга из островного риса и большой кусок знаменитого «перевернутого» ананасового пирога, тогда получилось бы в точности как в «Макбете».

— Итак, — сказала миссис Данвидди, смахивая крошку ананасового пирога из уголка рта, — как я понимаю, брат у тебя гостит.

— Да. Я поговорил с пауком. Думаю, я сам во всем виноват. Я не ожидал, что это сработает.

Над столом хором пронеслось «ах ты ж», «ай-яй-яй» и «вот оно как»; миссис Хигглер, миссис Данвидди, миссис Бустамонте и мисс Ноулз цокали языками и качали головами.

— Он всегда говорил, что ты у них дурачок, — сказала мисс Ноулз. — Твой отец. А я ему не верила.

— Ну откуда мне было знать?! — запротестовал Толстяк Чарли. — Мои родители никогда мне не говорили: «Кстати, сынок, у тебя есть брат, о котором ты ничего не знаешь. Впусти его в свою жизнь — и сразу попадешь под следствие, а он переспит с твоей невестой и не только переедет в твой дом, но и заведет в твоей кладовке еще один, великолепный дом. А еще промоет тебе мозги и заставит торчать в кинотеатре и потратить целую ночь на то, чтобы вернуться домой…»

Он умолк, увидев, как они на него смотрят.

Раздался всеобщий вздох: от миссис Хигглер к мисс Ноулз, от нее к миссис Бустамонте и миссис Данвидди. Вздох получился чрезвычайно тревожным и даже жутким, но миссис Бустамонте рыгнула и все испортила.

— Так чего ты хочешь? — спросила миссис Данвидди. — Скажи, чего хочешь.

Толстяк Чарли думал, чего хочет, в маленькой

столовой миссис Данвидди. Снаружи день выцветал в тихие сумерки.

— Он мне жизнь испортил, — сказал Толстяк Чарли. — Я хочу, чтобы вы помогли его прогнать. Просто прогнать. Это вы можете?

Три женщины помоложе ничего не ответили. Они смотрели на миссис Данвидди.

— Мы не можем его прогнать, — сказала миссис Данвидди. — Мы уже… — тут она оборвала себя и продолжила: — Видишь ли, мы уже сделали все, что могли.

К чести Толстяка Чарли, он не разразился, как, возможно, хотел в глубине души, слезами и не завыл, и не рухнул, как опавшее суфле. Он просто кивнул.

— Ну ладно, — сказал он. — Извините за беспокойство. Спасибо за ужин.

— Мы не можем его прогнать, — сказала миссис Данвидди, и ее старые карие глаза за толстенными линзами казались черными. — Но мы отправим тебя к тому, кто может.

* * *

Во Флориде начинало вечереть, а это означало, что в Лондоне стояла глубокая ночь. В большой кровати Рози, где никогда не был Толстяк Чарли,

лежал Паук, и его трясло.

Рози сильнее прижалась к нему, каждой клеточкой своего тела.

— Чарльз, — сказала она. — Что с тобой?

Она чувствовала, как его руки покрылись гусиной кожей.

— Все нормально, — сказал Паук. — Бросило в дрожь, вот и все.

— Кто-то прошелся по твоей могиле[38].

Он притянул ее к себе и поцеловал.

А Дейзи сидела в маленькой гостиной в Хендоне в ярко-зеленой ночной рубашке и пушистых ярко-розовых тапочках. Она сидела перед экраном компьютера, качая головой и кликая мышкой.

— Ты долго еще? — спросила Кэрол. — Этим вообще компьютерный отдел должен заниматься, а не ты.

Дейзи что-то буркнула, что означало ни «да», ни «нет», а скорее «я знаю, кто-то мне сейчас что-то сказал, но если я буркну в ответ, может, этот кто-то от меня отстанет».

Кэрол доводилось слышать такое прежде.

---

[38] Примечания: 38

Someone is walking over my grave («Кто-то прошелся по моей могиле») говорят, когда человек внезапно вздрагивает. Эта английская поговорка произошла от старинного поверья, согласно которому человеку становится холодно, если кто-то прошел по месту, где будет находиться его могила.

— Эй, — сказала она. — Толстая задница. Ты долго еще? Мне нужно заняться моим блогом.

Дейзи обработала услышанное, и до ее сознания дошли только два слова.

— Ты хочешь сказать, что у меня толстая задница?

— Нет, — сказала Кэрол. — Я хочу сказать, что уже поздно, а мне еще блогом нужно заняться. Он у меня сегодня трахнет супермодель в сортире неопознанного лондонского клуба.

— Ладно, — сказала Дейзи. — Хотя все это подозрительно.

— Что тебе подозрительно?

— Растрата. Так мне кажется. Ладно, я выхожу. Компьютер в твоем распоряжении. Но ты можешь нарваться на неприятности, выдавая себя за члена королевского семейства.

— Отвали.

Кэрол вела блог от лица отбившегося от рук юного члена британского королевского семейства. В прессе спорили, настоящий это блог или нет; многие из спорщиков подчеркивали: то, о чем там говорилось, мог знать лишь настоящий член британской королевской семьи — или читатель глянцевых журналов.

Дейзи встала из-за компьютера, все еще по-

груженная в финансовые дела агентства Грэма Коутса.

Без задних ног в своей спальне, в большом, но без показной роскоши доме в Перли, спал Грэм Коутс. Будь в мире хоть немного справедливости, он бы покрывался испариной и стонал во сне, мучимый кошмарами, а фурии совести хлестали бы его скорпионами[39]. Тем больнее мне признавать, что Грэм Коутс спал как откормленный, пахнущий молоком младенец, и спал он совсем без снов.

Где-то в доме Грэма Коутса часы его деда учтиво пробили двенадцать раз. В Лондоне наступила полночь. Во Флориде было семь вечера.

А это значит, настало время колдовства.

* * *

Миссис Данвидди сняла со стола пластиковую в красно-белых шашечках скатерть и убрала ее подальше.

— Кто прихватил черные свечи? — спросила она.

— Я, — сказала мисс Ноулз.

---

[39] Примечания: 39

У древнеримских фурий были для таких целей заготовлены специальные плети из живых скорпионов.

Она порылась в стоявшей у ее ног хозяйственной сумке и извлекла четыре свечи. Свечи были главным образом черные. Одна — длинная и совсем обычная. Остальные три представляли собой мультяшных черно-желтых пингвинов, из голов которых торчали фитили.

— Других не было, — сказала мисс Ноулз, извиняющимся тоном. — Мне и так в три магазина пришлось зайти, пока эти нашла.

Миссис Данвидди промолчала, но покачала головой. Она расставила четыре свечи по четырем краям стола так, что единственная свеча не-пингвин осталась во главе стола, там же, где сидела миссис Данвидди. Каждая свеча стояла на одноразовой пластиковой тарелке. Миссис Данвидди взяла большую коробку *кошерной соли*[40], открыла ее и высыпала кристаллы на стол. Затем, не отрывая взгляда от соли, иссохшим указательным пальцем распределила ее на кучки.

Из кухни вернулась мисс Ноулз с большой стеклянной чашей, которую она поставила в центре стола. Отвинтив крышку на бутылке хереса, она

---

[40] Примечания: 40

Кошерная соль, вопреки названию, прямого отношения к указаниям Торы не имеет. От обычной соли отличается, как правило, размером кристаллов (у кошерной соли они крупнее, чем у обычной столовой) и отсутствием химических добавок (например, йодида).

щедро плеснула в чашу вина.

— Теперь, — сказала миссис Данвидди, — добавь дьявольской травы, корень святого *Иоанна Завоевателя*[41] и амарант.

Миссис Бустамонте порылась в своей сумке снова и достала стеклянную баночку.

— Это сбор, — объяснила она. — Думала, подойдет.

— Сбор! — сказала миссис Данвидди. — Сбор!

— Разве это не годится? — спросила миссис Бустамонте. — Я всегда сбор использую, когда в рецепте говорится базилик туда, орегано сюда. Я без него как без рук. По мне, так они все равно окажутся в сборе.

Миссис Данвидди вздохнула.

— Высыпай, — сказала она.

Полбанки сбора были высыпаны в херес. На поверхности плавали сушеные листья.

— Теперь, — сказала миссис Данвидди, — четыре земли. Надеюсь, — сказала она, тщательно

---

[41] Примечания: 41

Интересно, что *святой Иоанн Завоеватель* — вовсе не христианский святой, не святой вообще (и честно говоря, не завоеватель). Святой Иоанн Завоеватель — это выдуманный народный герой, принц по крови, которого, согласно легендам, работорговцы вывезли из Африки в Америку. Что касается корня с таким названием, то он, как считается, обладает многими чудесными свойствами. У исследователей фольклора пока нет согласия относительно того, какое именно растение следует называть корнем святого Иоанна Завоевателя.

подбирая слова, — никто не собирается сообщить мне, что не смог достать четырех земель и нам придется обойтись камушком, дохлой медузой, магнитом для ходильника и куском мыла.

— Я принесла, — сказала миссис Хигглер. Она предъявила коричневый бумажный пакет и достала из него четыре пластиковых пакета с застежкой, в каждом из пакетов было что-то вроде песка или засохшей глины, все разного цвета. Она высыпала содержимое пакетов по четырем углам стола.

— Рада, что хоть кто-то меня слушает, — сказала миссис Данвидди.

Мисс Ноулз зажгла свечи, не забыв отметить вслух, как замечательно горят пингвины, как они красивы и забавны.

Миссис Бустамонте разлила оставшийся херес — каждой по бокалу.

— А мне? — спросил Толстяк Чарли, хотя ему вовсе и не хотелось. Он не любил херес.

— Нет, — твердо сказала миссис Данвидди, — ты не получишь. Тебе расслабляться рановато.

Она достала из дамской сумочки маленькую золотистую коробочку для таблеток.

Миссис Хигглер выключила свет.

Они впятером сидели за столом при свечах.

— А теперь что? — спросил Толстяк Чарли. — Возьмемся за руки и вызовем чей-то дух?

— Не возьмемся, — прошептала миссис Данвидди. — А от тебя я больше ни слова слышать не хочу.

— Извините, — сказал Толстяк Чарли, сразу же пожалев об этом.

— Слушай, — сказала миссис Данвидди. — Ты пойдешь туда, где тебе могут помочь. Несмотря на это, никому ничего не отдавай и никому ничего не обещай. Понял? А если тебе придется кому-то что-то отдать, удостоверься, что взамен получишь что-то равноценное. Понял?

Толстяк Чарли хотел было сказать «понял», но вовремя спохватился и просто кивнул.

— Это хорошо.

С этими словами миссис Данвидди начала немелодично напевать своим старым-престарым голосом, надтреснутым и дрожащим.

Мисс Ноулз вторила чуть мелодичней. Ее голос был выше и сильнее.

Миссис Бустамонте не напевала. Она шипела, прерывисто, словно змея, которая обнаружила в напеве ритм, вплелась в него и тащилась чуть позади.

Вступила и миссис Хигглер, но она не напевала

и не шипела. Она гудела, как муха у стекла, производя языком и зубами звук такой странный и неправдоподобный, будто у нее во рту, за зубами, жужжала, пытаясь выбраться, горстка злобных пчел.

Толстяк Чарли не знал, должен ли и он присоединиться, понятия не имея, какой звук ему издавать, поэтому сосредоточился на том, чтобы просто сидеть и не слететь с катушек от этого шума.

Миссис Хигглер швырнула в чашу с хересом и травами щепотку красной земли. Миссис Бустамонте швырнула щепотку желтой.

Мисс Ноулз — коричневой, а миссис Данвидди мучительно медленно наклонилась и бросила туда комок черной грязи.

Миссис Данвидди отхлебнула немного хереса. Затем, нащупав и выдавив артрозными пальцами, что-то достала из коробочки для таблеток и бросила в огонь свечи. На миг в комнате запахло лимонами, а затем, почти сразу, — горелым.

Мисс Ноулз, не переставая напевать, забарабанила по столешнице. Пламя свечей стало мерцать, на стенах заплясали громадные тени. Миссис Хигглер тоже начала отстукивать по столу, ее пальцы следовали другому ритму, более

быстрому и ударному; два ударных рисунка сплелись, образовывая новый ритм.

В голове Толстяка Чарли все эти звуки смешались в один странный звук: гудение, шипение, жужжание и ударные. Голова закружилась. Стало смешно и неправдоподобно. В звуках, которые производили женщины, ему слышался звук дикой природы, треск гигантских костров. Пальцы растянулись как резиновые, ноги ушли так далеко, что и не догонишь.

Казалось, он парит над ними, надо всем, а внизу, за столом, попрежнему сидят пятеро. Одна из женщин махнула рукой и бросила что-то в чашу в центре стола, и вспыхнуло так ярко, что Толстяк Чарли на мгновение ослеп. Он закрыл глаза, но тут же понял, что толку от этого немного — даже с закрытыми глазами все вокруг было слишком ярким.

Жмурясь, Толстяк Чарли потер глаза и осмотрелся.

За его спиной скребла небо отвесная скала, часть горного склона. Перед ним столь же отвесный спуск: крутые склоны, обрыв. Он подошел к краю и осторожно глянул вниз. Он увидел что-то белое, и поначалу подумал, что это овцы, пока не понял, что это облака; большие белые пушистые

облака, очень далеко под ним. Под облаками не было ничего: он видел голубое небо и, казалось, если продолжит всматриваться, увидит тьму космоса, а дальше — ничего, кроме холодного мерцания звезд.

Он отступил назад.

Затем повернулся и направился обратно к горам, которые делались все выше и выше, и были так высоки, что он не видел вершин, так высоки, что ему казалось, будто они падают на него, что они обрушатся на него и погребут навсегда. Он заставил себя опустить взгляд, не отрывать глаз от земли, и благодаря этому заметил отверстия в скалах, совсем близко от поверхности, дыры, напоминающие пещеры.

Пространство между горным склоном и обрывом — где он сейчас стоял — было, по его предположениям, не больше четверти мили в ширину: между каменными глыбами петляла песчаная тропинка с зелеными заплатками и — то там, то здесь — блекло-коричневыми деревьями. Тропинка шла вдоль горного склона, исчезая в далекой дымке.

Кто-то за мной наблюдает, подумал Толстяк Чарли.

— Эй, — крикнул он, запрокинув голову. — Есть

здесь кто-нибудь?

Лицо человека, выступившего из ближайшего входа в пещеру, было гораздо смуглее, чем у Толстяка Чарли, смуглее даже, чем у Паука, зато его длинные волосы были темно-желтыми, и они обрамляли лицо, как грива. Вокруг талии он носил грубую львиную шкуру, так что со спины свисал львиный хвост, хвост рассек воздух и согнал муху с его плеча.

Человек прищурил свои золотистые глаза.

— Кто ты? — прогремел он. — И кто разрешил тебе здесь находиться?

— Я Толстяк Чарли Нанси, — сказал Толстяк Чарли. — Ананси-Паук был моим отцом.

Тяжелая голова кивнула.

— И зачем ты пришел сюда, дитя *Компе*[42] *Ананси*?

Кроме них и камней, насколько видел Толстяк Чарли, здесь больше никого не было, и все же он чувствовал, что их слушает много людей; многочисленные голоса умолкли, многочисленные уши навострились. Толстяк Чарли отвечал громко, чтобы каждый, кто слушает, услышал.

— Из-за моего брата. Мне от него житья нет. И у

---

[42] Примечания: 42

Компе (Сотре́) Ананси — одно из имен Ананси.

меня нет власти его прогнать.

— Значит, тебе нужна наша помощь? — спросил Лев.

— Да.

— А твой брат… Он, как и ты, крови Ананси?

— У меня с ним ничего общего, — сказал Толстяк Чарли. — Он из ваших.

Плавное золотое движение; человеко-лев небрежно и лениво спрыгнул со входа в пещеру, покрыв за секунду пятьдесят ярдов серых камней. Теперь он стоял рядом с Толстяком Чарли, нетерпеливо размахивая хвостом. Скрестив руки, он посмотрел на Толстяка Чарли сверху вниз и сказал:

— А почему же ты сам с этим не разберешься?

Во рту у Толстяка Чарли пересохло. В горло как песка насыпали. Существо, которое стояло перед ним, было выше любого человека, но пахло иначе. Острия его клыков покоились на нижней губе.

— Не могу, — пискнул Толстяк Чарли.

От зева следующей пещеры отделился огромный человек. У него была коричневато-серая мятая морщинистая кожа, а ноги — круглые-прекруглые.

— Если ты и твой брат ссоритесь, — сказал

он, — ты должен попросить отца вас рассудить. И подчиниться воле главы семьи. Таков закон.

Он запрокинул голову и из носоглотки вырвался звук, такой мощный трубный звук, что Толстяк Чарли понял, что перед ним Слон.

Толстяк Чарли сглотнул.

— Мой отец мертв, — сказал он, и голос его был снова чист, чище и громче, чем он ожидал. Голос отразился от скалы, оттолкнулся от сотни входов в пещеры и каменных выступов.

Мертв *мертв* мертв *мертв* мертв, сказало эхо.

— Вот почему я здесь.

Лев сказал:

— Я не испытываю любви к Пауку Ананси. Однажды, давным-давно, он привязал меня к бревну, и осел тащил меня по пыли к трону Маву, который создал все сущее.

Вспомнив об этом, он зарычал, и Толстяку Чарли захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

— Иди дальше, — сказал Лев. — Может, кто-то тебе и поможет, но не я.

— И не я, — сказал Слон. — Твой отец обманул меня и съел жир с моего живота. Он говорил, что сделает мне ботинки, а сам приготовил меня, и смеялся надо мной, набивая свое брюхо. Я этого

не забуду.

Толстяк Чарли пошел дальше.

У следующего входа в пещеру стоял человек в изящном зеленом костюме и остроконечной шляпе с лентой из змеиной кожи. На нем были ботинки и пояс из змеиной кожи. Когда Толстяк Чарли проходил мимо, он зашипел.

— Иди дальше, сын Ананси, — сказал человек голосом гремучей змеи. — От твоей чертовой семейки одни неприятности. Я в ваши проблемы лезть не буду.

Женщина у следующей пещеры была очень красива, с глазами черными, как капли нефти, и белоснежными кошачьими усами. На груди у нее было два ряда сосков.

— Я была знакома с твоим отцом, — сказала она. — Очень давно. У-р-р-р.

Она качала головой, вспоминая, и Толстяк Чарли почувствовал себя так, словно читает чужое письмо. Она послала Толстяку Чарли воздушный поцелуй, но отрицательно помотала головой, когда он попытался подойти ближе.

Он двинулся дальше. Перед ним, словно груда старых костей, поднималось из земли мертвое дерево. Тени становились длиннее по мере того как солнце медленно опускалось по бесконечному

небу к скалам, накренившимся в сторону конца мира; глаз солнца превратился в исполинский золотисто-оранжевый шар, и все маленькие белые облачка под ним отливали золотом и багрянцем.

Ассирияне шли, как на стадо волки, всплыла в голове Толстяка Чарли строчка из стихотворения с давно забытых уроков английского. В *багреце их и в злате сияли когорты*[43]... Он пытался вспомнить, что же такое «когорта», но не смог. Возможно, решил он, это какая-то повозка.

Где-то у локтя он заметил движение, и тут Толстяк Чарли понял, что коричневый камень у мертвого дерева — вовсе не камень, а песочного цвета человек, с пятнистой, как у леопарда, спиной. Волосы у человека были очень длинные и очень черные, а когда он улыбался, было видно, что зубы у него, как у большой кошки. Улыбался он быстро, и не было в этой улыбке ни тепла, ни юмора, ни дружелюбия.

Он сказал:

— Я Тигр. Твой отец, он ранил меня сотней способов и оскорбил тысячей способов. Тигры не забывают.

— Мне жаль, — ответил Толстяк Чарли.

---

[43] Примечания: 43

Толстяк Чарли не очень точно цитирует «Поражение Сеннахериба» Д. Г. Байрона (1788–1824) в переводе А. Н. Толстого.

— Я пройдусь с тобой, — продолжил Тигр. — Немного. Ты говоришь, Ананси умер?

— Да.

— Хорошо. Хорошо. Он слишком часто меня дурачил. Когда-то все было моим — истории, звезды, все. А он украл это у меня. Может, теперь, когда он мертв, люди перестанут рассказывать эти его чертовы истории. Перестанут смеяться надо мной.

— Уверен, перестанут, — сказал Толстяк Чарли. — Я никогда над тобой не смеялся.

Глаза, блестящие изумруды, сверкнули на лице человека.

— Кровь есть кровь. — Вот и все, что он сказал. — Потомки Ананси — это Ананси.

— Я — не мой отец, — сказал Толстяк Чарли.

Тигр обнажил клыки. Очень острые.

— Нечего тут всех смешить, — объяснил Тигр. — Мир велик и серьезен, ничего смешного в нем нет. И не было. Ты должен учить детей бояться, учить их страшиться. Учить их быть жестокими. Учить их быть опасными в темноте. Прятаться в тени, затем наскочить, или броситься, или прыгнуть, или свалить, и всегда насмерть. Знаешь, в чем настоящий смысл жизни?

— Хм, — сказал Толстяк Чарли. — Любить друг

друга?

— Смысл жизни — это горячая кровь твоей добычи на языке, мясо, раздираемое зубами, труп врага, оставленный под солнцем падальщикам. Вот что такое жизнь. Я Тигр, и я сильнее, чем когда-нибудь был Ананси, я больше, опаснее, крепче, безжалостнее, мудрее…

Толстяк Чарли не хотел быть здесь и разговаривать с Тигром. Не то чтобы Тигр был безумен; но он был слишком откровенен в своих убеждениях, а все его убеждения были одинаково неприятны. Кроме того, он кого-то напомнил Толстяку Чарли, и хотя Толстяк Чарли не мог сказать кого, он знал, что этот кто-то ему не нравился.

— Ты поможешь мне избавиться от брата?

Тигр кашлянул так, словно у него в горле застряло перо, а может, не перо, а целый дрозд.

— Хочешь, я принесу воды? — спросил Толстяк Чарли.

Тигр подозрительно покосился на него.

— Последний раз, когда Ананси предложил мне воды, я попытался съесть луну из пруда и утонул.

— Я просто хотел помочь.

— Он говорил то же самое. — Тигр наклонился к Толстяку Чарли, глядя ему в глаза. Теперь он ни-

сколько не казался похожим на человека — нос чересчур плоский, глаза расположены иначе, а воняет, как из клетки в зоопарке. И вместо голоса грохочущий рык.

— Вот как ты поможешь мне, дитя Ананси. Ты и твой род. Держитесь от меня подальше, понял? Если хотите сохранить мясо на костях.

И он облизнулся, облизнулся языком, красным от только что убитой плоти, языком, который был длиннее любого человеческого языка.

Толстяк Чарли отступил в уверенности, что если он повернется и побежит, у него на шее сомкнутся тигриные клыки. В этом создании не осталось ничего даже отдаленно человеческого, размером оно стало с настоящего тигра. Это была большая кошка, превратившаяся в людоеда, тигр, сворачивавший человеческие шеи с легкостью, с какой домашний кот разделывается с мышью. Поэтому Толстяк Чарли, незаметно отступая, не отрывал от Тигра взгляд, и вскоре существо вернулось по своим же следам к мертвому дереву, растянулось на камнях и пропало в пятнистой тени, и лишь беспокойное подергивание хвоста выдавало его местоположение.

— Не тревожься, он не тронет, — сказала женщина у входа в пещеру. — Подойди.

Толстяк Чарли не мог понять, привлекательна она или уродлива до невозможности. Он подошел.

— На вид он такой важный и отважный, а сам собственной тени боится. А тени твоего папочки более всего. В его клыках нет силы.

Чем-то ее лицо напоминало собачью морду. Хотя нет, не собачью…

— Что до меня, — продолжила она, — я разгрызаю кость. Вот где скрыто самое лучшее. Вот где скрыты вкуснейшие кусочки, и никто об этом не знает, кроме меня.

— Я ищу того, кто поможет мне избавиться от брата.

Женщина откинула голову и засмеялась так резко, так громко, продолжительно и безумно, что Толстяк Чарли понял, кто перед ним.

— Ты никого не найдешь себе в подмогу, — сказала она. — Все они претерпели, пойдя против твоего отца. Ненависть Тигра к тебе и твоему роду сильнее любой другой ненависти, но даже он ничего не сделает, пока твой отец еще здесь. Послушай: иди этой тропой. По мне, а у меня пророческий глаз, ты не найдешь никого себе в подмогу, пока не отыщешь пустую пещеру. Зайди в нее. Поговори с тем, кого найдешь. Понял?

— Думаю, да.

Она рассмеялась. Это был нехороший смех.

— Может, у меня немного задержишься? Я такая культурная. Знаешь, как говорят: никого нет недостойней, нет хитрей и непристойней, чем Гиена.

Толстяк Чарли покачал головой и пошел дальше, мимо пещер, которых было немало в этих скалах у конца мира. По пути он заглядывал во тьму каждой пещеры. Там были люди всех размеров и форм, маленькие и высокие, мужчины и женщины. Когда он шел или они перемещались из тени в свет, он видел их звериные туши, их чешую, рога или когти.

Иногда, проходя мимо, он пугал их, и тогда они забивались вглубь пещеры. Другие, напротив, выходили навстречу, глядя на него с вызовом или любопытством.

Что-то слетело с камней над входом в пещеру и приземлилось возле Толстяка Чарли.

— Привет, — сказала оно, запыхавшись.

— Привет, — сказал Толстяк Чарли.

Новоприбывший был возбужден и весь покрыт шерстью. Его руки и ноги выглядели какими-то *неправильными*. Толстяк Чарли попытался понять, кто это. Другие люди-звери были зверьми,

да, но и людьми тоже, и в этом не было ничего странного или противоречивого — зверскость и человечность чередовались, как полоски у зебры, и в результате получалось нечто *иное*. Это же существо выглядело и человеком и почти-человеком одновременно, и от странности такого сочетания у Толстяка Чарли ломило зубы. А потом он понял.

— Обезьяна, — сказал он. — Ты — обезьяна.

— Персик есть? — спросил Обезьяна. — Манго есть? Фига есть?

— Боюсь, нет, — сказал Толстяк Чарли.

— Дай мне какой-нибудь еды, — сказал Обезьяна, — и я стану твоим другом.

Миссис Данвидди предупреждала его об этом. *Ничего не отдавай,* подумал он. *И ничего не обещай.*

— Боюсь, я ничего тебе не дам.

— Кто ты? — спросил Обезьяна. — Что ты делаешь? Ты похож на половинку. Ты отсюда или оттуда?

— Моим отцом был Ананси, — сказал Толстяк Чарли, — А я ищу кого-то, кто поможет мне разобраться с моим братом и прогонит его.

— Ананси разозлится, — сказал Обезьяна. — Очень плохая идея. Разозлишь Ананси, ни в одну

историю больше не попадешь.

— Ананси мертв, — сказал Толстяк Чарли.

— Мертв там, — сказал Обезьяна. — Возможно. Но мертв здесь! Это совсем другой пенек с червями.

— В смысле, он где-то здесь? — Толстяк Чарли с опаской оглядел горный склон: мысль о том, что в одной из пещер он может найти своего отца: в поскрипывающем кресле-качалке, шляпа сдвинута на затылок, потягивающего коричневый эль из банки и прикрывающего зевок рукой в лимонно-желтой перчатке, честно говоря, его пугала.

— Кто? Что?

— Ты думаешь, он здесь?

— Кто?

— Мой отец.

— Твой отец?

— Ананси.

Обезьяна в страхе запрыгнул на камень и прижался к нему, неистово шаря глазами по сторонам, словно высматривал, не налетит ли откуда внезапный смерч.

— Ананси? Он здесь?

— Это я спросил, — сказал Толстяк Чарли.

Обезьяна вдруг развернулся и повис вниз головой, и его перевернутое лицо смотрело прямо в

лицо Толстяка Чарли.

— Я время от времени возвращаюсь в мир, — сказал он. — Они говорят, Обезьяна, мудрая Обезьяна, приди, приди. Приди и вкуси персиков, что мы собрали для тебя. И орехов. И червей. И фиги.

— Так мой отец здесь? — терпеливо спросил Толстяк Чарли.

— У него нет пещеры, — сказал Обезьяна. — Иначе я бы знал. Мне кажется. Хотя, может, у него была пещера, а я забыл. Дай мне персик, и я смогу вспомнить.

— У меня с собой нет ничего, — сказал Толстяк Чарли.

— Нет персиков?

— Боюсь, ничего.

Обезьяна забросил себя на вершину скалы и исчез.

Толстяк Чарли шел по скалистой тропе дальше. Солнце опускалось, пока не коснулось тропинки и не загорелось темно-оранжевым. Его древний свет озарил все пещеры, продемонстрировав, что каждая из них обитаема. Это, должно быть, Носорог, шкура серая, близорукий взгляд; это, цвета сгнившего на мелководье полена, Крокодил с черными стеклянными глазами.

Позади Толстяка Чарли словно кто-то камнем застучал о камень, и он резко обернулся. На него, касаясь костяшками пальцев земли, смотрел Обезьяна.

— У меня и правда нет никаких фруктов, — сказал Толстяк Чарли. — Так бы я тебя угостил.

— Мне тебя жаль, — сказал Обезьяна. — Может, тебе лучше пойти домой. Это плохая плохая плохая плохая плохая идея. А?

— Нет, — сказал Толстяк Чарли.

— А! — сказал Обезьяна. — Ладно. Ладно ладно ладно.

Он замер, затем вдруг рванул, проскакал мимо Толстяка Чарли и остановился на небольшом расстоянии от пещеры.

— Не ходи сюда! — крикнул он. — Плохое место!

И указал на дыру.

— Почему нет? — спросил Толстяк Чарли. — Кто там?

— Никто, — победоносно сказал Обезьяна. — Тебе ведь не это нужно, правда?

— Да, — сказал Толстяк Чарли. — Не это.

Обезьяна залопотал и запрыгал, а Толстяк Чарли прошел мимо него и вскарабкался по камням ко входу в пустую пещеру, когда багровое солнце

скрылось за скалами в конце мира.

Во время пути вдоль гребней гор у начала мира (горами у конца мира они становятся, если зайти с другой стороны) реальность кажется искаженной и странной. Эти горы и пещеры в них сделаны из ткани старейших историй (появившихся задолго до человеческих народов, конечно; с чего вы взяли, что люди вообще были первыми, кто рассказывал истории?) и, сойдя с пути, в пещеру, Толстяк Чарли почувствовал, что шагнул в чуждую реальность. Пещера была глубока, пол ее был бел от птичьего помета. По пещерному полу были разбросаны перья и, тут и там, словно засушенные и заброшенные метелки из перьев, лежали трупики птиц, сплющенные и засохшие.

А за ними — ничего, только тьма.

— Привет, — крикнул Толстяк Чарли, и эхо голоса вернулось к нему от пещерных стен.

Привет привет привет привет.

Он пошел дальше. Тьма стала почти осязаемой, словно глаза завязали темной тонкой тканью. Он шел медленно, шаг за шагом, руки вытянуты вперед.

Движение.

— Привет!

Глаза привыкли к отсутствию света, и он кое-что различал. Ничего там нет, перья и лохмотья, вот и все. Еще один шаг, и ветер встревожил перья и забеспокоил лохмотья на полу пещеры.

Над ним затрепетало, затрепетало сквозь него, сотрясая воздух грохотом голубиных крыльев.

Вихрь. В глаза и лицо впилась пыль, и он зажмурился от холодного ветра и отступил, когда перед ним вырос ураган из пыли, лохмотьев и перьев. Затем ветер стих, а там, где кружились перья, стояла человеческая фигура, которая протянула руку и поманила Толстяка Чарли.

Он бы отступил, но фигура дотянулась до него и тронула за рукав. Прикосновение было легким и сухим, и его повлекло…

Он сделал шаг вперед…

…и оказался снаружи, на медного цвета равнине без единого деревца, под небом цвета скисшего молока.

У каждой твари глаза устроены по-своему. Человечьи глаза (в отличие, скажем, от кошачьих или осьминожьих) могут видеть только одну реальность за раз. Глазами Толстяк Чарли видел одно, разумом — другое, а в разрыве между тем, что он видел, таилось безумие. Он почувствовал, как в нем поднимается дикая паника, и вздохнул

поглубже, и задержал дыхание, пока сердце глухо билось в клетке из ребер. Он заставил себя верить глазам, а не разуму.

Хотя он знал, что видит птицу — с безумными глазами, с торчащими во все стороны перьями, птицу крупнее орла, выше страуса, клюв ее — жестокое оружие хищника, перья ее цвета аспидного сланца с отливом нефтяной пленки, темная радуга из фиолетового и зеленого, — он понимал это не более мгновения, где-то на задворках разума. Глазами же он видел женщину с волосами цвета вороного крыла, стоящую там же, где была идея птицы. Она не была ни старой, ни молодой, и смотрела на него с таким выражением, которое могли высечь из обсидиана в те древние времена, когда мир был юн.

Она, не двигаясь, смотрела на него. В кисло-молочном небе вздымались облака.

— Я Чарли, — сказал Толстяк Чарли. — Чарли Нанси. Некоторые, ну, то есть почти все, называют меня Толстяком Чарли. Вы тоже можете. Если хотите.

Никакой реакции.

— Ананси был моим отцом.

И снова ничего. Ни трепета, ни вздоха.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне прогнать

брата.

Она наклонила голову. Значит, она слушает. Значит, она живая.

— Сам я не справлюсь. У него волшебные способности и прочая фигня. Я поговорил с пауком, и оглянуться не успел, как объявился братец. Теперь я не могу его прогнать.

Ее голос, когда она заговорила, был грубым и низким, как у ворона.

— И чего ты от меня ждешь?

— Помощи? — предположил он.

Казалось, она размышляет.

Позднее Толстяк Чарли пробовал, без особого успеха, вспомнить, во что она была одета. Временами он думал, что на ней была накидка из перьев; в другое время был убежден, что она была в каком-то тряпье или изорванном в лохмотья плаще, таком же, в каком он видел ее в парке, позже, когда все пошло не так. Впрочем, она не была обнажена; в этом он почти не сомневался. Он бы запомнил, будь она голой, ведь так?

— Помощи, — эхом повторила она.

— Помогите мне избавиться от него.

Она кивнула.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе избавиться от потомка Ананси.

— Я просто хочу, чтобы он ушел и оставил меня в покое. Я не хочу, чтобы вы причинили ему вред.

— Тогда пообещай мне потомка Ананси.

Толстяк Чарли стоял на бескрайней медной равнине, которая каким-то образом, он знал это, уместилась в пещере в горах, на краю мира, и, в свою очередь, в каком-то смысле, находилась в пропахшей фиалками гостиной миссис Данвидди, и пытался понять, что попросила Птица.

— Я ничего не отдаю. И не могу ничего обещать.

— Ты хочешь, чтобы он ушел, — сказала она. — Говори, мое время драгоценно. — Она сложила руки, глядя на него безумными глазами. — Я не боюсь Ананси.

Он вспомнил наставления миссис Данвидди.

— Хм, — сказал Толстяк Чарли. — Я не должен ничего обещать. И мне нужно потребовать нечто равноценное. В смысле, это же торг.

Женщина-Птица выглядела рассерженной, но кивнула.

— Я дам тебе нечто равноценное. Даю тебе слово. — Она накрыла его руку своей, будто действительно давала ему что-то, и сжала ее. — Теперь скажи это.

— Я отдаю вам потомков Ананси, — сказал Толстяк Чарли.

— Это хорошо, — сказал голос, и, сказав так, она — буквально — рассыпалась.

Там, где стояла женщина, образовалась птичья стая, и птицы, словно их спугнул ружейный выстрел, полетели во всех направлениях. Все небо заполнилось птицами, птиц было больше, чем Толстяк Чарли мог вообразить, коричневые и черные, летевшие кругами и по прямой, как огромное, больше, чем способен вместить разум, облако черного дыма, как туча мошкары — такая же большая, как сам мир.

— Так вы его прогоните? — заорал Толстяк Чарли, выкрикивая слова в темнеющее молочное небо. Птицы плыли и скользили по небу. Каждая изменила курс совсем немного, и лететь птицы не перестали, но вдруг Толстяк Чарли обнаружил, что с неба на него смотрит лицо, лицо из птиц. Очень большое.

Лицо произнесло его имя криками, клекотом и карканьем тысяч и тысяч и тысяч птиц, а губы размером с огромный дом складывали в небе слова.

А затем лицо растворилось в безумии и хаосе: птицы, из которых оно состояло, рухнули вниз с

бледных небес, рухнули прямо на него. Он прикрыл лицо руками, пытаясь защититься.

Боль в щеке была неожиданной и резкой. На миг он подумал, что одна из птиц ранила его, оцарапав щеку клювом или когтями. А потом он понял, где находится.

— Не бейте меня! — сказал он. — Все в порядке. Не надо меня бить!

Пингвины на столе догорали; их головы и плечи исчезли, и пламя пожирало теперь бесформенные черно-белые капли, которые когда-то были животиками, а пингвиньи лапки вмерзли в бассейны черноватого свечного воска. Старухи не сводили с него глаз.

Мисс Ноулз плеснула ему в лицо стакан воды.

— И этого тоже не надо, — сказал он. — Я ведь уже здесь.

В комнату вошла миссис Данвидди. В руках она победоносно сжимала маленькую коричневую стеклянную бутылочку.

— Нюхательная соль! — объявила она. — Я знала, она где-то есть. Купила, ох, в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом. Не знаю даже, есть ли в ней еще прок.

Она всмотрелась в Толстяка Чарли и нахмурилась.

— Он проснулся. Кто его разбудил?

— Он не дышал, — сказала мисс Бустамонте. — Так что я шлепнула его по щеке.

— А я плеснула в него воды, — сказала мисс Ноулз, — что помогло ему проделать остаток пути.

— Мне не нужна нюхательная соль, — сказал Толстяк Чарли. — Я и так уже вымок, и мне больно.

Но миссис Данвидди старческими руками откупорила бутылочку и сунула ему под нос. Он, отстраняясь, сделал вдох и втянул в себя волну аммиака. Глаза наполнились слезами, будто ему только что двинули в нос. С подбородка капала вода.

— Вот так, — сказала миссис Данвидди. — Теперь лучше?

— Который час? — спросил Толстяк Чарли.

— Почти пять утра, — сказала миссис Хигглер, сделав большой глоток из своей гигантской кружки. — Мы все волновались. Рассказывай, что видел.

Толстяк Чарли попытался вспомнить. Не то чтобы переживания, как это бывает со снами, улетучились; но случившееся в последние несколько часов, казалось, относилось к кому-то еще, не к нему, а он связывался с этим человеком

посредством не применявшейся до настоящего времени формы телепатии. В голове у него все смешалось, яркие и интенсивные цвета страны Оз претворялись в сепию реальности.

— Там были пещеры. Я просил о помощи. Множество животных. Животных, которые были людьми. Но никто из них не хотел помочь. Все боялись моего папочку. А потом одна сказала, что поможет.

— Сказала? — переспросила мисс Бустамонте.

— Одни из них были мужчинами, другие женщинами, — объяснил Толстяк Чарли. — Эта была женщиной.

— Ты знаешь, кто это? Крокодил? Гиена? Мышь?

Он пожал плечами.

— Я бы, может, и вспомнил, если бы меня не били и не плескали в меня водой. И если бы мне под нос не совали всякое. Это все вытесняет из головы.

— Ты помнишь, что я тебе говорила? — сказала миссис Данвидди. — Ничего не отдавай, только торгуйся.

— Да, — сказал он, немного гордясь собой. — Да. Там был Обезьяна, который хотел, чтобы я давал ему всякие штуки, но я сказал нет. Слушайте, мне

бы выпить.

Миссис Бустамонте взяла со стола наполненный бокал.

— Мы подумали, что тебе не помешает выпить, так что пропустили херес через фильтр. Может, какие травки и остались, но ничего серьезного.

Руки, сжатые в кулаки, он держал на коленях. Он раскрыл правую ладонь, чтобы взять бокал у старушки, но вдруг замер и уставился на ладонь.

— Что? — спросила миссис Данвидди. — Что случилось?

В его ладони лежало черное, смятое, влажное от пота перо. И он вспомнил. Он вспомнил все.

— Это была Женщина-Птица, — сказал он.

* * *

Когда Толстяк Чарли прыгнул на пассажирское сиденье «универсала», небо уже посерело.

— В сон тянет? — спросила миссис Хигглер.

— Не особенно. Просто как-то странно.

— Куда тебя отвезти? Ко мне? В дом твоего отца? В мотель?

— Не знаю.

Она завела машину и неуверенно выехала на дорогу.

— Куда мы едем?

Она не ответила. Шумно отхлебнула кофе из своей мега-чашки. Затем сказала:

— Может, то, что мы сделали сегодня, к лучшему, а может, нет. Ведь семейные ссоры сподручнее разбирать в семейном кругу. Ты и твой брат. Вы слишком похожи. Вот поэтому, небось, и грызетесь.

— Я полагаю, в Вест-Индии существует странное обыкновение употреблять слово «похожи» в значении «не имеют ничего общего».

— Оставь свои английские шуточки! Я знаю, что говорю. Вы с ним одного поля ягоды. Помню, твой отец говорил: Келлиэнн, мои мальчики, они глупее, чем… в общем, неважно, что именно он говорил, смысл в том, что речь шла о вас обоих. — Тут ее поразила какая-то мысль. — Эй, а когда ты ходил туда, к старым богам, ты видел своего отца?

— Не думаю. Я бы запомнил.

Она кивнула и за всю дорогу не сказала больше ни слова.

Миссис Хигглер припарковала машину, и они вышли.

Был зябкий флоридский рассвет. Сад упокоения выглядел как в кино: по земле стелился туман, сбивавший фокус изображения. Миссис Хигглер

отперла маленькую калитку, и они вошли.

На могиле отца раньше была лишь свежая земля, теперь же она поросла дерном, а в изголовье была установлена металлическая доска со встроенной металлической вазой, и в вазе стояла одинокая желтая шелковая роза.

— Господи, помилуй грешника в этой могиле! — сказала миссис Хигглер с чувством. — Аминь, аминь, аминь.

У них были зрители: две красноголовые цапли, которых Толстяк Чарли заметил еще в прошлый свой визит, важно направились к ним, качая головами, как два высокопоставленных посетителя тюрьмы.

— Кыш! — сказала миссис Хигглер.

Птицы безразлично посмотрели на нее и никуда не ушли. Одна из них склонила голову к траве, снова выпрямилась с трепыхающейся в клюве ящерицей. Она сделала глотательное движение, помотала головой — и вот уже ящерица превратилась в выпуклость на птичьей шее.

Начинался предрассветный хор: граклы, иволги и пересмешники распевали в запущенной части сада упокоения.

— Хочется поскорее оказаться дома, — сказал Толстяк Чарли. — Если мне хоть немного повезет,

она прогонит его к моему возвращению. И все будет хорошо. С Рози я разберусь.

Его охватил осторожный оптимизм. День обещал быть хорошим.

* * *

В старых историях Ананси, как вы или я, живет в своем доме. Конечно, он жадный, похотливый, коварный и исполнен лжи. А еще он добросердечный, везучий, а порой даже честный. Иногда он хороший, иногда плохой. Но никогда не злой. Чаще всего вы на стороне Ананси. Это потому, что все истории принадлежат ему. Маву еще в предрассветные дни отдал ему истории, забрал у Тигра и отдал Ананси, а тот сплел из них очень красивую паутину.

В историях Ананси предстает пауком, но он также и человек. Несложно держать в голове одновременно то и другое. На это способен даже ребенок.

Истории Ананси рассказывали бабушки и тетушки западного побережья Африки, а еще на Карибах, и по всему миру. Истории попадали в детские книжки: большой старый улыбающийся Ананси играет в свои игры с целым миром. Проблема в том, что бабушки, тетушки и авторы

детских книжек кое о чем умалчивают. Есть истории, которые не следует рассказывать маленьким детям.

Эту историю вы не найдете в сборнике детских сказок. Я назвал ее

АНАНСИ И ПТИЦА

Ананси не любил Птицу, потому что когда Птица была голодна, она много чего могла съесть, среди прочего – и пауков, а Птица была голодна всегда.

Когда-то они дружили, но потом дружбе пришел конец.

Однажды Ананси гулял и увидел яму в земле, и это навело его на мысль. Он положил на дно ямы дерево, развел огонь, повесил над ямой котелок и бросил в него коренья и травы. И начал бегать вокруг котелка, бегать и плясать, кричать и голосить, как мне хорошо, мне та-а-ак хорошо, вот это да, все мои боли и хвори пропали, так хорошо мне не было всю мою чертову жизнь!

Птица услышала шум и слетела с небес, чтобы посмотреть, из-за чего такая суматоха. Она ему: о чем поешь? Зачем

ругаешься как безумец, Ананси?

Ананси поет, у меня болела шея, а теперь нет. У меня болело брюхо, а больше не болит. Суставы мои скрипели, а теперь я гибок, как юная пальма, я гладок, как Змея, сбросившая вчера свою шкуру. Я премного счастлив, а теперь безупречен, ибо я знаю тайну, а остальные – нет.

Какую тайну, спросила Птица.

Мою тайну, сказал Ананси. Все станут отдавать мне свои самые любимые, самые ценные вещи – только для того, чтобы узнать мою тайну. *У-у-у! И-и-и*! Как мне хорошо!

Птица подскочила чуть ближе, склонила голову и спросила, а я могу узнать твою тайну?

Ананси посмотрел на Птицу с подозрением и встал перед ямой с выкипающим котелком.

Не думаю, сказал Ананси. На всех, может, и не хватит. Не забивай себе голову.

А Птица сказала, слушай, Ананси, я знаю, мы не всегда были друзьями, но я вот что тебе скажу. Поделись со мной тайной, и я обещаю, что ни одна птица

никогда больше не съест паука. Мы будем друзьями до скончания времен.

Ананси почесал подбородок и покачал головой. Этот могучий большой секрет, сказал он, дает людям молодость, и активность, и крепость, и освобождает от любой боли.

Птица, она почистила перышки. Птица, она говорит. Ой, Ананси, я уверена, тебе известно, что я всегда считала тебя очень привлекательным. Почему бы нам не полежать с тобой немного на обочине, уверена, я заставлю тебя забыть всю твою осторожность в отношении меня.

И они легли на обочине, и начали ласкаться, и смеяться, и дурачиться, а потом, когда Ананси получил, что хотел, Птица говорит, теперь, Ананси, что там у тебя за тайна?

Ананси говорит, ну, я не собирался никому рассказывать, но тебе скажу. Это ванна с травами в яме. Смотри, я брошу туда эти листья и эти корни. Кто искупается в этой ванне, будет жить вечно, не испытывая боли. Я уже искупался и теперь игрив, как козленок. Но не думаю,

что дам еще кому-то искупаться.

А Птица, она посмотрела вниз, в кипящую воду и быстрее всего сущего соскользнула в котел.

Тут ужасно горячо, Ананси, сказала она.

Так и должно быть, чтобы от трав была польза, сказал Ананси. Затем он взял крышку и накрыл ею котел. Это тяжелая крышка, а Ананси, он еще и камень сверху положил, чтобы была еще тяжелей.

Бам! Бем! Бом! доносился стук из поварского котла.

Если я тебя сейчас выпущу, крикнул Ананси, никакой пользы от кипящей ванны не будет. Просто расслабься и почувствуй, что становишься здоровее.

Но возможно, Птица не услышала его или не поверила ему, потому что стук и толчки изнутри котла продолжались еще немного. А потом прекратились.

Тем вечером Ананси и его семья ели вкуснейший Птичий суп, с вареной Птицей. И не испытывали голода еще много-много дней.

С той поры птицы пожирают пауков

при каждом удобном случае, и пауки с птицами никогда не водят дружбы.

Есть и другая версия этой истории, где Ананси тоже попадает в котел. Хотя все истории принадлежат Ананси, от этого он не всегда выигрывает.

Глава 8
в которой в высшей степени полезной оказывается турка

Может, Паука и прогоняли, но сам он был не в курсе. Напротив, Паук, будучи Толстяком Чарли, прекрасно проводил время. Столь прекрасно, что даже начал задумываться, почему он никогда прежде не бывал Толстяком Чарли. Это было даже веселее, чем бочонок с обезьянами[44].

Больше всего Пауку нравилось быть Толстяком Чарли из-за Рози.

До сих пор Паук воспринимал женщин как нечто более-менее заменимое. Вы, конечно, не называете им настоящее имя или адрес, если собираетесь проживать по этому адресу дольше недели, да и вообще не сообщаете ничего, кроме временного номера мобильного телефона. Женщины забавны, это прекрасные декоративные

---

[44] Примечания: 44

За несколько лет до этого Паук был крайне разочарован бочонком с обезьянами. Ничего такого уж развлекательного, по меркам Паука, в бочонке и обезьянах не оказалось, если не считать интересных звуков, которые издавали обезьяны, и необходимости под покровом тьмы избавиться от обезьян, когда они перестали издавать звуки и вообще перестали проявлять активность (разве что на органическом уровне). *Прим. автора.*

украшения, но в них нет недостатка; не успеешь закончить с одной, как тут же — словно тарелку с гуляшом на ленте транспортера — подхватываешь другую — и добавляешь немного сметаны.

Но Рози…

С Рози все было иначе.

Он не мог бы сказать, чем она отличалась от других. Он пытался — и не преуспел. Отчасти, должно быть, дело было в том, как он чувствовал себя, когда был рядом: словно видя себя ее глазами, он и сам становился лучше. Но это лишь отчасти.

Пауку нравилось знать, что Рози известно, где его найти. Это его вполне устраивало. Он был в восторге от ее мягких форм, от того, что она всем хочет только добра, от ее улыбки. С Рози все было правильно, если не считать времени, которое они проводили врозь, а также, как начал он понимать, такого пустяка, как ее мать. Тем самым вечером, когда за четыре тысячи миль от Лондона Толстяк Чарли договаривался в аэропорту об апгрейде в первый класс, Паук сидел в квартире матери Рози на Уимпол-стрит и постепенно сознавал, с кем имеет дело.

Паук привык к своему умению чуть-чуть подталкивать реальность, совсем немного, благо

этого хватало. Просто следовало показать реальности, кто тут главный, вот и все. Несмотря на это, прежде он не встречал никого, кто держался бы за свою реальность так крепко, как мать Рози.

— Кто это? — спросила она подозрительно, как только они вошли.

— Я — Толстяк Чарли Нанси, — сказал Паук.

— Зачем он говорит такое? — спросила мать Рози. — Кто он?

— Я — Толстяк Чарли Нанси, ваш будущий зять, который вам очень нравится, — без обиняков сказал Паук.

Мать Рози покачнулась, моргнула и снова уставилась на него.

— Может, ты и Толстяк Чарли, — сказала она с сомнением, — но ты мне не нравишься.

— А должен бы, — сказал Паук. — Я замечательно хорош. Немного нашлось бы людей столь же милых, как я. Честно говоря, моей приятности нет ни конца, ни края. Люди собираются вместе и даже заседают только для того, чтобы обсудить, как души во мне не чают. У меня несколько наград и медаль от маленькой южноамериканской страны, которая воздает должное и тому, как все меня любят, и моей общей многогранной замечательности. Правда, они не с собой. Я держу

медали в ящике для носков.

Мать Рози фыркнула. Она не понимала, что происходит, но что бы ни происходило, ей это не нравилось. До сих пор она считала, что раскусила Толстяка Чарли. Конечно, поначалу — она это признавала — что-то пошло неправильно: вполне возможно, что Рози не прикипела бы к Толстяку Чарли так скоро, если бы после первой встречи с ним ее мать не выразила свое мнение столь громогласно. Он неудачник, сказала мать Рози, а она чуяла страх, как акула чует кровь с другого конца бухты. Однако ей не удалось убедить Рози бросить Толстяка Чарли, и теперь ее стратегия заключалась в том, чтобы контролировать свадебные приготовления, доводя Толстяка Чарли до белого каления, а также изучать — с неизменной кривой усмешкой — статистику по разводам.

Но сейчас происходило что-то другое, и ей это не нравилось. Толстяк Чарли больше не был увальнем-недотепой. Это новое энергичное существо смущало ее.

Пауку, с его стороны, тоже пришлось поработать.

Большинство людей не замечают других людей. Мать Рози замечала. Она замечала все. Она отпила немного горячей воды из тонкостенной

фарфоровой чашки. Она знала, что потерпела тактическое поражение — пусть и не могла сказать, в чем заключался проигрыш и из-за чего они схлестнулись. Но следующий удар она решила нанести по главенствующим высотам.

— Чарльз, дорогой, — сказала она. — Расскажика о своей кузине Дейзи. Я беспокоюсь, что твоя семья недостаточно представлена на свадьбе. Может, ты бы хотел, чтобы ей была отведена большая роль?

— Кому?

— Дейзи, — нежно сказала мать Рози. — Юной леди, которую я видела тем утром блуждающей по твоему дому в одних трусиках. *Если* она, конечно, *кузина*.

— Мама! Если Чарли говорит, что она кузина…

— Позволь ему самому говорить за себя, Рози, — сказала мать, и сделала еще глоток горячей воды.

— Точно, — сказал Паук. — Дейзи, — сказал Паук.

Он мысленно вернулся в ночь вина, женщин и песни: он привел тогда в квартиру самую хорошенькую и забавную из женщин, убедив, что это ее собственная идея, а потом с ее помощью втащил полубессознательную тушу Толстяка

Чарли по лестнице. Уже успев к тому времени насладиться вниманием нескольких дам, он привел эту забавную кроху с собой скорее на всякий случай — как отставляют на время в сторону послеобеденный мятный коктейль. Однако дома, уложив приведенного в порядок Толстяка Чарли в постель, он понял, что больше не голоден.

Вот, значит, о ком речь.

— Милая малютка Дейзи, — продолжил он без заминки. — Наверняка она была бы счастлива прийти на свадьбу, останься она в стране. Увы, она курьер. Постоянно в пути. Сегодня здесь, а завтра доставляет конфиденциальные документы в Мурманск.

— У тебя нет ее адреса? Или телефонного номера?

— Мы можем вместе ее поискать, вы и я, — согласился Паук. — Весь мир перевернем. Она ведь то приедет, то уедет.

— Ты просто обязан ее пригласить, — сказала мать Рози таким тоном, каким, должно быть, Александр Великий отдавал приказ о разграблении маленькой персидской деревни. — Когда она вернется, непременно ее пригласи. Она такая прелестная малютка, что Рози, я уверена, будет счастлива с ней познакомиться.

— Да, — сказал Паук. — Именно. Всенепременно.

* * *

У каждого, кто когда-нибудь был или будет, есть песня. Она не похожа на песню, у которой есть автор. В ней особая мелодия и особые слова. И очень немногим дано пропеть свою собственную песню. Большинство из нас боятся, что голоса не хватит, или что слова слишком глупые, или слишком честные, или слишком странные. Так что вместо этого люди свои песни проживают.

Взять, к примеру, Дейзи. Песня крутилась у нее в голове большую часть жизни, имела бодрый походный ритм, и в ней говорилось о защите слабых, а припев начинался со слов: «Берегитесь, грешники!» — и был настолько глупым, что пропеть его во весь голос было бы неловко. Впрочем, иногда она напевала эту песню в дУше, превращая мытье в мыльную оперу.

И это, в общем-то, все, что вам следует знать о Дейзи. Дальше — детали[45].

Отец Дейзи родился в Гонконге. Ее мать была

[45] Примечания: 45

Отсылка к гамлетовскому «дальше — тишина» (в переводе М. Лозинского).

родом из Эфиопии, из семьи богатых экспортеров ковров: у них был дом в Аддис-Абебе, и еще один дом и земли под Назретом. Родители Дейзи встретились в Кембридже. Он изучал компьютеры, еще до того, как в этом появился смысл с точки зрения карьеры, а она поглощала молекулярную химию и международное право. Два молодых человека, одинаково прилежных, по природе застенчивых, привыкших чувствовать себя не в своей тарелке. Оба скучали по дому, хотя и по очень разным вещам; зато оба играли в шахматы и познакомились в одну из сред в шахматном клубе. Их, как новичков, посадили за один стол, и в первой партии мать Дейзи с легкостью разгромила отца Дейзи.

Отец Дейзи был настолько этим уязвлен, что робко попросил о матче-реванше в следующую среду и во все остальные среды на два года вперед, исключая каникулы и государственные праздники.

Их социальное взаимодействие укреплялось по мере того, как улучшались их навыки общения и ее английский. Вместе они держались за руки, будучи частью живой цепи, протестуя против прибытия больших грузовиков с ракетами. Вместе, пусть и в составе очень большой группы

участников, они отправились в Барселону, где протестовали против безудержного наступления мирового капитализма, и выразили решительный протест гегемонии корпораций. Там же они испытали на себе официально разрешенный слезоточивый газ, а испанские полицейские, оттаскивая мистера Дэя с дороги, выбили ему запястье.

А потом, в одну из сред в начале их третьего года в Кембридже, отец Дейзи обыграл мать Дейзи в шахматы. Он был так счастлив, так этим воодушевлен, он так ликовал, что, осмелев от собственной победы, сделал матери Дейзи предложение; а мать Дейзи, которая в глубине души боялась, что как только он выиграет, сразу потеряет к ней интерес, конечно, сказала «да».

Они остались в Англии, продолжая заниматься наукой, и у них родилась дочь, которую они назвали Дейзи, потому что в то время у них был (и как ни странно, использовался по назначению) тандем, велосипед для двоих[46]. Они переезжали из одного британского университета в другой: он

---

[46] Примечания: 46

Родители Дейзи наверняка слышали популярнейшую песню «Дейзи Белл», герои которой (собственно, сама Дейзи и ее ухажер) катили к семейному счастью на тандеме. В русском переводе она звучит примерно так: «Брак начнется скромно наш, слишком дорог экипаж, но ты просто загляденье, на втором велосипедном сиденье».

преподавал теорию вычислительных систем, а его жена писала книжки, которые никто не хотел читать, о гегемонии транснациональных корпораций и книжки, которые читали, — о шахматах, их стратегии и истории, так что в иной год она зарабатывала больше, чем он, хотя деньги у них особенно не водились. Их интерес к политике с годами угас, и, достигнув среднего возраста, они превратились в счастливую пару, которая не интересовалась ничем, кроме как друг другом, шахматами, Дейзи, а также восстановлением и отладкой устаревших операционных систем.

И оба они не понимали Дейзи, ни в чем.

Они винили себя, что не воспрепятствовали ее увлечению полицией с самого начала, когда оно проявилось впервые, примерно в то же время, когда она начала говорить. Дейзи показывала пальчиком на полицейские автомобили с таким же восторгом, как другие девочки на пони. На ее седьмой день рождения был устроен маскарад, чтобы она могла надеть детский костюм полицейского, и у родителей на чердаке и теперь хранились снимки, на которых запечатлелось ее счастливое личико при виде выпеченного ко дню рождения торта: все семь свечей на нем были расставлены вокруг полицейской мигалки.

Дейзи была прилежной, живой, разумной девушкой, которая осчастливила родителей тем, что поступила в Лондонский университет, чтобы изучать право и компьютеры. Ее отец мечтал, что она станет преподавателем права, а мать питала надежду, что дочь наденет шелковую мантию и, став королевским судьей, применит закон, с помощью которого будет уничтожена гегемония корпораций во всех ее проявлениях. А затем Дейзи взяла и все испортила, сдав экзамены и поступив на работу в полицию. Полиция приняла ее с распростертыми объятиями: во-первых, имелись указания увеличить многообразие численного состава[47]; во-вторых, компьютерных преступлений и связанных с компьютерами мошенничеств становилось все больше. Полиция нуждалась в Дейзи. Честно говоря, полиция нуждалась не в ней одной, а в целом букете Дейзи[48].

Теперь, четыре года спустя, можно признать, что работа в полиции не оправдала ее ожиданий.

---

[47] Примечания: 47

То есть брать на работу представителей этнических меньшинств, чтобы этнический состав лондонской полиции более-менее соответствовал этническому составу жителей Лондона.

[48] Примечания: 48

Как и у Рози, у Дейзи «цветочное имя»: «маргаритка».

И дело было не в том, что — как неоднократно предупреждали родители — полицейские силы представляли собой монолит расистов и женоненавистников, который грозил сокрушить ее индивидуальность, превратив в нечто скучное и безликое, сделать ее неотъемлемой частью «*столовской культуры*»[49], вслед за растворимым кофе. Нет, больше всего огорчений ей принесли попытки убедить остальных копов в том, что она тоже коп. Она пришла к выводу, что для большинства копов их задача ограничивалась охраной простого англичанина от нехороших людей плохого происхождения, которые вышли на улицу, чтобы украсть у него мобильный. С точки зрения Дейзи работа полиции заключалась совсем в другом. Дейзи знала, что какой-нибудь парень из своей берлоги в Германии может отправить вирус, который отключит электричество в больнице и принесет вреда больше, чем бомба. Дейзи придерживалась мнения, что по-настоящему плохие парни в наши дни знают, что такое FTP, кодирование высокого уровня и одноразо-

[49] Примечания: 49

В Британии *«столовской»*, или *«кантинной» культурой* называют систему неформальных отношений внутри организации. Этот термин может быть применен к любой компании, но исторически он использовался для описания ситуации в британской полиции (и до сих пор чаще всего употребляется в контексте британских полицейских сил).

вые мобильные с предоплаченным тарифом. И она не была уверена, что хорошие парни в этом разбираются.

Она отпила кофе из пластиковой чашки и скривилась: пока она кликала со странички на страничку, кофе остыл.

Она просмотрела всю информацию, которую ей передал Грэм Коутс. Доказательств, *prima facie*, того, что дело нечисто, хватало — а даже не будь этих доказательств, оставался чек на две тысячи фунтов, который Чарльз Нанси на прошлой неделе, кажется, выписал сам себе.

Однако. Однако что-то было не так.

Она вышла в коридор, постучалась к старшему инспектору.

— Войдите!

Тридцать лет старший инспектор Кэмбервелл курил трубку прямо на рабочем месте, и вдруг во всем здании запретили курить. Теперь он обходился комком пластилина, скатывая его в шар, сплющивая, разминая и снова скатывая. С трубкой во рту он был тихим и добродушным; по мнению подчиненных, на таких земля держится. С комком пластилина в руке он был в равной мере раздражителен и вспыльчив. В особо удачные дни — просто вздорен.

— Ну?

— Дело агентства Грэма Коутса.

— М-м-м?

— Я не уверена.

— Не уверена? Да в чем там можно сомневаться?

— Ну, я думаю, может, мне следует отказаться от дела.

Старшего инспектора это не впечатлило. Он продолжал смотреть на Дейзи. На столе его невидимые пальцы лепили из голубого пластилина пенковую трубку.

— Потому что…?

— Потому что я знакома с подозреваемым.

— И что? Ты в отпуск с ним ездила? Детей с ним крестила? Что?

— Нет. Мы виделись один раз. Я ночевала в его доме.

— То есть вы с ним занимались всякими непристойностями?

Глубокий вздох, в котором смешались усталость от жизни, раздражение и страстное желание получить хотя бы пол-унции растертого табака сорта «Олд Холборн».

— Нет, сэр. Ничего подобного. Просто переночевала.

— И это все?

— Да, сэр.

Он смял пластилиновую трубку в бесформенный ком.

— Вы понимаете, что только зря тратите мое время?

— Да, сэр. Простите, сэр.

— Делайте, что должно. И не беспокойте меня понапрасну.

* * *

Мэв Ливингстон поднималась на шестой этаж в лифте одна, и пока медленно, рывками, проделывала этот путь, у нее было достаточно времени, чтобы отрепетировать, что она скажет Грэму Коутсу.

В руках она держала тощий коричневый портфель, который принадлежал Моррису: сугубо мужской предмет. Она была в белой кофточке, голубой джинсовой юбке и сером пальто. У нее были очень длинные ноги и чрезвычайно бледная кожа, а волосы — при минимальном участии химии — оставались такими же белокурыми, какими были, когда Моррис Ливингстон женился на ней двадцать лет назад.

Мэв очень любила Морриса. Когда он умер, она

не удаляла номер его телефона из своего мобильного даже после того, как расторгла его контракт и вернула компании номер. Фотографию Моррис для мобильного сделал ее племянник, и Мэв не желала ее потерять. Как бы ей хотелось позвонить сейчас Моррису и спросить у него совета!

Она представилась по спикерфону еще внизу — тот одобрительно загудел — так что когда она вошла в приемную, там ее ждал Грэм Коутс.

— Здрасте-здрасте, добрейшая моя, — сказал он.

— Нам нужно поговорить наедине, Грэм, — сказала Мэв. — Прямо сейчас.

Грэм Коутс глупо ухмыльнулся; как это ни странно, многие его сокровенные фантазии начинались с того, что Мэв говорила нечто подобное, и только потом заявляла: «Ты нужен мне, Грэм, прямо сейчас»? — или: «О, Грэм, я была такой негодницей, такой негодницей, меня непременно следует проучить», — или, в редких случаях: «Грэм, одной женщине с тобой не справиться, позволь мне познакомить тебя с моей обнаженной близняшкой, Мэв II».

Они прошли к нему в кабинет.

Мэв, немного разочаровывая Грэма Коутса, ни слова не сказала о том, что он нужен ей прямо

здесь и сейчас. Даже пальто снимать не стала. Вместо этого она открыла портфель, вытащила оттуда пачку бумаг и положила на стол.

— Грэм, по совету моего менеджера в банке, я с помощью независимого аудита проверила цифры и ведомости за последние десять лет. Еще с тех времен, когда Моррис был жив. Можешь посмотреть, если хочешь. Цифры не сошлись. Ни одна. Но я решила поговорить с тобой об этом прежде чем звонить в полицию. Мне показалось, я должна так сделать в память о Моррисе.

— Да уж, — согласился Грэм Коутс, скользкий, как змея в маслобойке, — вот уж да.

— И? — Мэв Линвингстон вздернула идеально выщипанную бровь. Выражение ее лица было не слишком обнадеживающим. Воображаемая Мэв нравилась Грэму Коутсу куда больше.

— Боюсь, в агентстве Грэма Коутса довольно долго работал форменный негодяй, Мэв. Я, по правде говоря, сам вызвал полицию еще на прошлой неделе, как только почуял неладное. Длинная рука закона уже начала расследование. В связи с тем, что некоторые клиенты агентства Грэма Коутса — и ты в том числе — очень известные люди, полиция работает, стараясь избежать лишней огласки, и можно ли их в этом

упрекнуть?

Но должного впечатления это на нее не произвело. Он попробовал зайти с другой стороны.

— Они возлагают надежды на то, что большую часть денег — а может быть, и все — удастся вернуть.

Мэв кивнула. Грэм Коутс расслабился, совсем чуть-чуть.

— Могу ли я поинтересоваться, кто этот сотрудник?

— Чарльз Нанси. Должен признаться, я всецело ему доверял. И тут такой удар!

— Ох, он такой обаятельный!

— Внешность, — отметил Грэм Коутс, — может быть обманчива.

Она улыбнулась, у нее была очень милая улыбка.

— Не прокатит, Грэм. Это продолжалось целую вечность. И началось задолго до Чарльза Нанси. Может быть, до меня. Моррис абсолютно тебе доверял, а ты его обворовывал. И теперь говоришь, что надеешься подставить одного из своих сотрудников — или обвинить одного из подельников. Так вот: не прокатит.

— Да, — покаянно сказал Грэм Коутс, — прошу прощения.

Она забрала бумаги.

— Просто интересно, — сказала она, — сколько, по твоим прикидкам, ты украл у нас с Моррисом за все эти годы? У меня получилось порядка трех миллионов фунтов.

— Ах. — Он уже не улыбался, совсем. На самом деле сумма была, конечно, больше, но это не важно. — Похоже на правду.

Они смотрели друг на друга, и Грэм Коутс яростно считал. Ему нужно было купить время. Вот что ему было нужно.

— А что если, — сказал он, — что если я все верну, целиком, наличными, сейчас. С процентами. Скажем, пятьдесят процентов от обсуждаемой суммы.

— Ты предлагаешь мне четыре с половиной миллиона фунтов? Наличными?

Грэм Коутс улыбнулся ей точно такой улыбкой, какую пытается утаить атакующая кобра.

— Безу*слав*но. Если вы пойдете в полицию, я буду все отрицать и найму превосходных адвокатов. В самом худшем случае после чрезвычайно длительного разбирательства, во время которого мне придется очернить доброе имя Морриса всеми возможными средствами, я буду приговорен, как максимум, к десяти-двенадцати годам

заключения. В действительности, при хорошем поведении я выйду лет через пять — а я буду образцовым заключенным. С учетом переполненности исправительных учреждений, большую часть срока я отсижу в *тюрьме открытого типа* — меня, может, даже в город будут отпускать[50]. Я не вижу тут особых проблем. С другой стороны, я гарантирую, что если вы обратитесь в полицию, вы не получите ни пенни. Выбор таков: если вы держите рот на замке, вы получите столько, сколько вам нужно, и даже больше, а я немного выигрываю во времени, чтобы упорядочить… проявить порядочность. Если вы понимаете, о чем я.

Мэв призадумалась.

– *Я бы* с удовольствием увидела тебя за решеткой, — сказала она. А потом вздохнула и кивнула. — Ладно, — сказала она. — Я возьму деньги. Но ни видеть, ни слышать о тебе больше не хочу. Все будущие отчисления должны поступать напрямую мне.

— Безу*слав*но. Сейф прямо здесь, — сказал он.

---

[50] Примечания: 50

Тюрьма открытого типа — неохраняемое пенитенциарное учреждение. В такого рода тюрьмах содержатся заключенные категории D. Предполагается, что они не склонны к побегу. Условия содержания в таких тюрьмах довольно мягкие: заключенных регулярно выпускают на волю, физических преград для бегства тоже нет.

У дальней стены стоял книжный шкаф, заполненный нечитанными изданиями Диккенса, Теккерея, Троллопа и Остин в однотипных кожаных переплетах. Он покопался с одной из книг, и книжный шкаф плавно отъехал в сторону, обнаружив за собой выкрашенную под цвет стены дверь.

Мэв стало интересно, есть ли там кодовый замок, но нет, в двери была простая замочная скважина, в которую Грэм Коутс вставил большой латунный ключ. Дверь распахнулась.

Он вытянул руку и включил свет. Тесная комнатка с неумело развешенными на стенах полками. В дальнем углу стоял маленький огнеупорный шкаф.

— Можете взять наличными, или драгоценностями, или в любой комбинации, — сказал он резко. — Я рекомендую последний вариант. Тут много хорошего старинного золота. Очень транспортабельно.

Он открыл несколько маленьких сейфов и продемонстрировал содержимое. Кольца, цепочки и медальоны блестели, искрились и сияли.

Рот Мэв приоткрылся.

— Посмотрите сами, — сказал он ей, и она протиснулась за ним.

Это была пещера с сокровищами.

Она вытянула золотой медальон на цепочке и подняла повыше, глядя на него в изумлении.

— Ничего себе, — сказала она. — Он, должно быть, стоит… — И вдруг замолчала. В полированном золоте медальона она заметила движение за своей спиной и обернулась, так что удар молотка пришелся не прямо по затылку, как планировал Грэм Коутс, а вскользь по щеке.

— Ах ты дрянь! — сказала она и пнула его.

У Мэв были хорошие ноги и сильный удар, но Грэм Коутс стоял слишком близко.

Она ударила его ступней в голень, а сама потянулась к молотку.

Грэм Коутс врезал снова; на этот раз он попал, и Мэв потеряла равновесие. Глаза ее, кажется, расфокусировались. Он ударил еще раз, прямо в темечко, и еще, и еще, и она осела на пол.

Хотел бы Грэм Коутс иметь оружие. Хороший удобный пистолет. С глушителем, как в кино. По правде говоря, если бы ему пришло в голову, что придется убивать кого-нибудь в офисе, он бы подготовился гораздо лучше. Запасся бы ядом, например. Это было бы разумно. И обошлось бы без такого безрассудства.

К молотку прилипли кровь и светлые волосы.

Он с отвращением положил молоток и, осторожно обойдя лежавшую на полу женщину, кинулся к депозит-боксам с драгоценностями. Он выпотрошил их на стол и сложил обратно в шкаф, откуда забрал атташе-кейс с пачками стодолларовых и пятисотевровых купюр, и маленькую сумочку черного бархата, наполовину заполненную необработанными алмазами. Забрал несколько папок из шкафа. В последнюю, но, как не преминул бы он заметить, не по степени важности, очередь он забрал из потайной комнаты маленькую кожаную сумочку с двумя бумажниками и двумя паспортами.

Затем захлопнул тяжелую дверь, запер ее и задвинул обратно книжный шкаф.

Немного постоял, восстанавливая дыхание.

В конечном итоге, решил он, ему, скорее, стоит гордиться собой. Хорошо поработал, Грэм. Молодец. Хорошее представление. Лепить пришлось из того, что было — и ведь получилось же: блеф, смелость, творческий подход — будь готов, как сказал поэт, поставить в «орлянку» все, что на-

копил с трудом[51]. Он поставил и выиграл. Ну и кто теперь орел? Когда-нибудь, в тропическом раю, он напишет мемуары, и люди узнают, как он взял верх над опасной женщиной. Впрочем, подумал он, возможно, было бы лучше, если бы у нее действительно было оружие.

Кажется, понял он, поразмыслив, она *направила* на него пистолет. Он был совершенно уверен, что видел, как она тянулась к оружию. И ему невероятно повезло, что под рукой оказался молоток, что в комнате у него — на случай, если появится желание что-то мастерить, — лежал набор инструментов. Иначе он бы не смог так быстро и эффективно себя защитить.

Только сейчас ему пришло в голову закрыть входную дверь в кабинет.

Он заметил кровь на рубашке, на руке и подошве ботинка. Снял рубашку и вытер ею ботинок. Затем бросил рубашку в корзину под столом. И изумил себя тем, что поднес руку ко рту и, как кошка, красным языком слизнул с нее каплю крови.

---

[51] Примечания: 51

«Умей поставить в радостной надежде на карту все, что накопил с трудом…» — это Р. Киплинг (1865–1936) (в переводе М. Лозинского). У Лозинского лирический герой ставит все, что у него есть, на карту, но Грэм Коутс соотечественник Киплинга — и он вспоминает об «орлянке», игре в монеты (о которой Киплинг и писал).

А потом зевнул. Он взял со стола бумаги Мэв и пропустил их через шредер. В портфельчике у нее был еще один комплект документов, его он тоже измельчил. А потом измельчил уже измельченное.

В его офисе была кладовка, где висели костюм и свежие сорочки, лежали носки, нижнее белье и тому подобное. Никогда ведь не знаешь, вдруг придется отправляться на премьеру прямо из офиса. Будь готов.

Он осторожно оделся.

Еще там стоял небольшой чемодан на колесиках, из тех, что обычно запихивают на полку над сиденьями. Он уложил в него вещи так, чтобы оставалось свободное место, и позвонил в приемную.

— Энни, — сказал он. — Не выскочите на минутку за сандвичем?

Только не в «*Прет*»[52]. Знаете это новое место на Брюэр-стрит? Я тут заканчиваю с миссис Ливингстон. Не исключено, что мы с ней пообедаем в ресторане, но лучше на всякий случай иметь что-нибудь под рукой.

Он провел несколько минут за компьютером,

---

[52] Примечания: 52

«Прет» — британская сеть предприятий быстрого питания.

запуская программы, очищающие диск: ваши данные перебиваются случайными единицами и нулями, растаскиваются на мелкие части и наконец, в бетонных галошах, депонируются на дно Темзы. Покончив с этим, он вышел в коридор, катя за собой чемодан.

По пути заглянул в одну из комнат.

— Пойду прогуляюсь, — сказал он. — Если кто спросит, буду к трем.

Энни уже ушла, получилось удачно. Все будут считать, что Мэв Ливингстон покинула агентство, а он с минуты на минуту вернется. А когда его хватятся, он будет очень далеко.

Он спускался в лифте. Слишком рано, подумал он. До пятидесяти еще больше года. Но механизм выхода из игры уже запущен. Ему просто нужно думать об этом, как о «з*олотом рукопожатии*»[53] или «*золотом парашюте*»[54].

А потом, катя за собой чемодан, он вышел в солнечное олдвичское утро и покинул агентство Грэма Коутса навсегда.

---

[53] Примечания: 53

«Золотое рукопожатие» — компенсация за отставку. Выплачивается при увольнении по независящей от сотрудника причине.

[54] Примечания: 54

«Золотой парашют» — компенсация высокопоставленному сотруднику при увольнении. В любом случае, «парашют» больше «рукопожатия».

* * *

Паук мирно спал в своей огромной кровати в кладовке Толстяка Чарли. Он уже начал подумывать, впрочем, довольно рассеянно, что Толстяк Чарли пропал навсегда, и даже решил разобраться в этом в следующий раз, когда ему опять припечет, если, конечно, его не отвлечет что-нибудь более интересное и если он не забудет.

Он спал допоздна, а сейчас шел на ланч с Рози. Они встретятся у ее дома, а потом пойдут в какое-нибудь хорошее место. Стоял красивый осенний день, а счастье Паука заразительно. Ведь Паук, что называется, бог. А когда ты бог, твои эмоции передаются другим — другие люди могут их подхватить. Миры людей, что оказывались рядом с Пауком в день, когда он был так счастлив, становились немного ярче. Когда он напевал, люди вокруг тоже принимались напевать, в тон, почти как в мюзикле. Конечно, если он зевал, сотня людей поблизости тоже зевала, а когда он был в отчаянии, оно распространялось, как промозглый речной туман, делая мир еще угрюмее для каждого, кто оказался поблизости. Главное было не в том, что он делал, а в том, кем он *был*.

Вот и сейчас, единственным, что бросало тень

на его счастье, было то, что он решил сказать Рози правду.

Паук был не особенно хорош по части правды. Правда ему представлялась очень податливой, всего лишь одной из точек зрения, а Паук мог при необходимости легко переспорить кого угодно.

То, что он самозванец, его не смущало. Ему нравилось выдавать себя за другого, и у него хорошо получалось. Это соответствовало его планам, которые были довольно просты и до последнего времени заключались в следующем: а) куда-нибудь отправиться; б) развлекаться; и в) уйти, пока не заскучал. И глубоко в душе он знал, что пора уходить. Мир был его лобстером, слюнявчик уже повязан, а официант принес горшочек с топленым маслом и комплект гротескных, но эффективных лобстеро-поедальных инструментов и приспособлений.

Только…

Только он не хотел уходить.

Теперь на этот счет у него были дополнительные соображения, и это сбивало Паука с толку. Обычно у него и основных соображений не было. Жизнь без особых раздумий прекрасна: инстинкты, порывы и неприличное количество удачи служили ему хорошую службу. Но на одних чуде-

сах далеко не уедешь. Паук шел по улице, и люди ему улыбались.

Они договорились с Рози, что он за ней зайдет, так что он был приятно удивлен, увидев, что она ждет его на улице. Он что-то такое ощутил, смутно похожее на чувство вины, и помахал ей.

— Рози! Эй!

Она направилась к нему, и у него на лице расцвела улыбка. Они что-нибудь придумают. Все, что ни делается, к лучшему. Все будет хорошо.

— Выглядишь на миллион долларов, — сказал он. — А может, на два. Чего бы тебе хотелось на обед?

Рози улыбнулась и пожала плечами.

Они как раз шли мимо греческого ресторана.

— Греческий подойдет?

Она кивнула. Они спустились по ступеням и вошли. Там было темно и пусто, ресторан только что открылся, и хозяин указал им на закуток или, скорее, щель в стене, в дальнем конце помещения.

Они сели друг напротив друга за столик, которого едва хватало для двоих.

— Я хочу тебе кое-что рассказать, — сказал Паук. — Она ничего не ответила. — Не плохое, — продолжил он. — Но и не хорошее. Но. Ладно. В

общем, ты должна это знать.

Хозяин спросил, готовы ли они что-нибудь заказать.

— Кофе, — сказал Паук, и Рози кивнула.

— Два кофе, — сказал Паук. — И оставьте нас, хм, минут на пять. Мы хотим побыть наедине.

Хозяин ретировался.

Рози вопросительно смотрела на Паука. Он вдохнул поглубже.

— Ладно. Окей. Просто дай мне это сказать, потому что это нелегко, и я не знаю, смогу ли… Ладно. Слушай, я не Толстяк Чарли. Я знаю, ты думаешь, что я это он, но нет. Я его брат, Паук. Ты думаешь, что я это он, потому что мы, типа, похожи.

Она ничего не сказала.

— Ну, то есть я не очень-то на него похож, но… Знаешь, мне ведь тоже нелегко. Окей. Угу. Не могу перестать думать о тебе. В смысле, я знаю, что ты помолвлена с моим братом, но мне, типа, интересно, может, ты собираешься бросить моего брата и встречаться, например, со мной.

На маленьком серебряном подносе с двумя чашечками прибыла турка.

— Греческий кофе, — сказал хозяин, который все это принес.

— Да. Спасибо. Я *просил* дать нам пару минут…

— Очень горячо, — сказал хозяин. — Очень горячо кофе. Крепко. Греческий. Не турецкий!

— Прекрасно. Слушайте, если не возражаете — пять минут, ладно?

Хозяин пожал плечами и отошел.

— Возможно, ты меня ненавидишь, — сказал Паук. — Будь я на твоем месте, я бы, может, тоже себя ненавидел. Но я серьезно. Так серьезно, как никогда в жизни.

Она просто смотрела на него, и лицо ее ничего не выражало, и он сказал:

— Пожалуйста. Скажи что-нибудь. Что угодно.

Ее губы дрогнули, словно она подыскивала слова.

Паук ждал.

Ее рот открылся.

Его первой мыслью было, что она что-то съела, потому что во рту между зубами виднелось что-то коричневое, и это определенно был не язык. Затем изо рта показалась голова, и на него уставились маленькие черные бусинки глаз. Рози открыла рот невозможно широко, и оттуда полетели птицы.

— Рози?! — воскликнул Паук. Воздух заполнили клювы, перья и когти. Птицы извергались из ее

глотки потоком, с тихим сдавленным покашливанием, и устремлялись прямо на него.

Он выбросил вперед руку, чтобы защитить глаза, и почувствовал боль в запястье. Он замолотил руками, но нечто ринулось к его лицу, целясь в глаза. Он запрокинул голову, и клюв оцарапал ему щеку.

Это был ночной кошмар наяву, а напротив него все еще сидела женщина, которую он почему-то принял за Рози. Прежде всего она была старше, ее иссиня-черные волосы прореживала седина. Кожа у нее была не такая тепло-коричневая, как у Рози, а черная, как кремень. На ней был истрепанный плащ цвета охры. И она ухмылялась и раскрывала рот все шире, и теперь у нее во рту он мог видеть тяжелые клювы и безумные глаза чаек…

Паук не раздумывал ни секунды. Он действовал. Он схватил турку за ручку и рывком плеснул из нее в женщину, что сидела напротив. Обжигающе горячим кофе.

Она зашипела от боли.

Ресторанчик наполнило хлопанье крыльев сталкивавшихся друг с другом птиц, но напротив Паука уже никого не было, а птицы летали бесцельно и исступленно бились о стены.

— Сэр! — сказал хозяин. — Вы не пораниться? Мне очень жаль. Они, должно быть, с улица налететь.

— Все нормально, — сказал Паук.

— У вас лицо кровь, — сказал хозяин.

Он протянул Пауку салфетку, и тот приложил ее к щеке. Царапина саднила.

Паук предложил помочь выгнать птиц. Он открыл дверь на улицу, но в ресторанчике уже было так же пусто, как перед его приходом.

Паук вытянул из кармана пятифунтовую банкноту.

— Вот, — сказал он. — За кофе. Мне пора.

Хозяин благодарно кивнул.

— Оставьте салфетка.

Паук остановился и задумался.

— Когда я пришел, — спросил он, — со мной была женщина?

Хозяин выглядел озадаченным — возможно, даже испуганным.

Паук не был уверен.

— Не помню, — сказал тот удивленно. — Если бы вы был один, я бы вас за тот столик не посадить. Но я не знаю.

Паук вернулся на улицу. Денек выдался погожий, но солнечный свет никаких надежд уже не

вселял. Он огляделся. Увидел голубя, который волочил и клевал заброшенный рожок мороженого; по подоконнику скакал воробей; а высоко в небе, вспышкой белого в солнечном свете, расправив крылья, кружила чайка.

Глава 9
в которой Толстяк Чарли открывает дверь, а Паук встречается с фламинго

Фортуна, почуял Толстяк Чарли, повернулась к нему лицом. В самолете, на котором он возвращался домой, закончились свободные места, и его бесплатно пересадили в бизнес-класс. Кормили отменно. На середине пути над Атлантикой бортпроводница сообщила Толстяку Чарли, что он выиграл в подарок упаковку шоколада, и сразу же ее преподнесла. Он забросил упаковку на верхнюю полку и заказал «Драмбюи» со льдом.

Он вернется домой. Он все уладит с Грэмом Коутсом — в конце концов, если Толстяк Чарли и был в чем-то уверен, так это в собственной честности при расчетах. Он наладит отношения с Рози. И все будет просто великолепно.

Уехал уже Паук, думал он, или ему все же выпадет удовольствие вышвырнуть его самому. Он надеялся на последнее. Толстяк Чарли хотел увидеть, как брат извиняется, или, еще лучше, умоляет. Он даже представил себе, что скажет

Пауку.

— Убирайся, — сказал Толстяк Чарли. — И забери с собой солнце, джакузи и спальню!

— Простите? — сказала бортпроводница.

— Разговаривал, — сказал Толстяк Чарли. — Сам с собой. Просто.

Но чувство неловкости, которое он испытал, было не таким уж сильным. Он даже не стал желать, чтобы самолет рухнул в океан вместе с ним и бортпроводницей. Жизнь определенно налаживалась.

Толстяк Чарли распаковал «дорожный набор», прикрыл глаза повязкой и откинул сиденье насколько возможно, то есть почти лег. Он думал о Рози, хотя Рози в его воображении все норовила превратиться в девушку пониже ростом, на которой, к тому же, почти ничего не было. Толстяк Чарли виновато представил ее одетой и смутился, поняв, что на ней, кажется, полицейская форма. Из-за этого я чувствую себя ужасно, подумал он, впрочем, не произведя на себя особого впечатления. Он должен стыдиться. Должен…

Толстяк Чарли устроился в кресле поудобнее и негромко, но удовлетворенно всхрапнул.

Когда они приземлились в Хитроу, настроение у него все еще было замечательное. На экспрессе

он отправился в Паддингтон, с удовольствием отметив, что за время его краткого отсутствия солнце решило наконец явить себя. *Все будет хорошо*, сказал он себе, *даже в мелочах*[55].

И только одно странное событие придавало этому утру ощущение чего-то неправильного. На полпути в Паддингтон он глазел в окно, жалея, что не купил в Хитроу газету. Поезд проезжал зеленый простор — кажется, школьное поле — когда небо как будто мгновенно потемнело, и поезд, зашипев тормозами, остановился у знака.

Это Толстяка Чарли не обеспокоило. Такова осенняя Англия: солнце здесь по определению случается только тогда, когда небо не затянуто тучами и не накрапывает дождь. Но на краю поля, у деревьев, стояла фигура.

С первого взгляда он решил, что это пугало.

Глупость. Это не могло быть пугало. Пугало можно встретить на обычном поле, но не на футбольном. И конечно, пугало не ставят на опушке. И даже если это было пугало, со своей работой оно справлялось из рук вон плохо.

Потому что там были вороны, большие черные вороны — по всему полю.

---

[55] Примечания: 55

«Every little thing gonna be all right», — Толстяк Чарли цитирует строчку из песни Боба Марли «Three Little Birds».

И вдруг оно шевельнулось.

Оно было слишком далеко, силуэт — и только, стройная фигура в оборванном коричневом плаще. Но Толстяк Чарли ее узнал. Он не сомневался, что, подойдя ближе, увидит лицо, вытесанное из обсидиана, волосы цвета воронового крыла и глаза, в которых таится безумие.

Поезд дернулся, начал набирать ход, и спустя несколько мгновений женщина в коричневом плаще пропала из вида.

Толстяку Чарли стало не по себе. К этому моменту он практически убедил себя, что случившееся — то, что ему казалось случившимся — в гостиной миссис Данвидди — разновидность галлюцинации, высокооктановый сон, на каком-то уровне правдивый, но не настоящий. Это не было нечто такое, что произошло на самом деле; скорее, символ непостижимой истины. Он ведь не мог в действительности отправиться туда и ударить с той женщиной по рукам, ведь так?

В конце концов, это была всего лишь метафора.

Он не спросил себя, почему так уверен, что теперь все наладится. Есть реальность, а есть *реальность*, и какие-то вещи оказываются реальнее других.

Все сильнее разгоняясь, поезд нес его в Лондон.

* * *

Паук почти добрался до дома, прижимая к щеке салфетку, когда кто-то тронул его за плечо.

— Чарльз?! — сказала Рози.

Паук если не подпрыгнул, то во всяком случае вздрогнул и взвизгнул от испуга.

— Чарльз?! Что с тобой? Что случилось?

Он настороженно смотрел на нее.

— Ты это ты? — спросил он.

— Что?

— Ты Рози?

— Что за вопрос? Конечно я Рози. Что ты сделал со щекой?

Он плотнее прижал салфетку.

— Порезался, — сказал он.

— Дай посмотрю! — Она отвела его руку от щеки. В центре белой салфетки остались кровавые пятна, но на щеке повреждений не было.

— Ничего нет.

— Ох.

— Чарльз! Ты в порядке?

— Да, — сказал он. — В порядке. Или нет. Думаю, мы должны вернуться ко мне. Там безопасней.

— Мы собирались пообедать, — сказала Рози

тоном человека, который опасается, что сможет разобраться в происходящем лишь тогда, когда наконец появится телеведущий и продемонстрирует скрытые камеры.

— Да, — сказал Паук. — Знаю. Но кто-то пытался меня убить. И этот кто-то притворялся тобой.

— Никто не пытается тебя убить, — сказала Рози, стараясь говорить так, будто ей совсем не смешно.

— Даже если не пытается, можем мы пропустить обед и зайти ко мне? Еда там есть.

— Конечно.

Рози шла за ним, гадая, когда Толстяк Чарли успел так похудеть. Хорошо выглядит, подумала она. Просто отлично выглядит. До Максвелл-гарденс они шли молча.

— Посмотри-ка, — сказал он.

— Что?

Он показал. Свежее пятно крови на салфетке исчезло. Теперь она была идеально белой.

— Это фокус такой?

— Если даже так, то не я его показал, — сказал он. — В кои-то веки.

Он выбросил салфетку в урну. Ровно в этот момент к дому Толстяка Чарли подъехало такси, и из него вылез сам Толстяк Чарли, взъерошен-

ный, хлопающий глазами, с белым пластиковым пакетом в руках.

Рози посмотрела на Толстяка Чарли. Посмотрела на Паука. Снова посмотрела на Толстяка Чарли, который вытащил из пакета огромную коробку шоколада.

— Это тебе, — сказал он.

Рози приняла шоколад, сказав «спасибо». Перед ней стояли двое мужчин, совершенно не похожих внешне и с разными голосами, а она все никак не могла разобраться, который из них ее жених.

— Я схожу с ума, да? — спросила она, и голос ее зазвенел.

Теперь, когда она поняла, *что* не так, ей стало легче.

Тот Толстяк Чарли, что постройнее, с серьгой, положил руку ей на плечо.

— Тебе лучше пойти домой, — сказал он. — И поспать. А когда проснешься, ты все это забудешь.

Ну, подумала она, *это все упрощает. Хорошо, когда знаешь, что делать*.

И бодрым шагом отправилась к себе, держа в руках коробку с шоколадом.

— Что ты сделал? — спросил Толстяк Чарли. — Ее как будто выключили.

— Не хотел ее расстраивать, — пожал плечами

Паук.

— Почему ты не сказал ей правду?

— Мне это показалось неуместным.

— А ты, конечно, знаешь, что уместно, а что нет.

Паук коснулся входной двери, и она открылась.

— У меня, кстати, есть ключи, — сказал Толстяк Чарли. — Это моя дверь.

Они зашли в прихожую, поднялись по лестнице.

— И где ты был? — спросил Паук.

— Нигде. Гулял, — по-тинейджерски ответил Толстяк Чарли.

— Этим утром в ресторане на меня напали птицы. Знаешь что-нибудь об этом? Знаешь, ведь так?

— Не особенно. Может быть. Тебе пора уходить, вот и все.

— Только не начинай, — сказал Паук.

— Я?! Я не начинай?! Да я сама сдержанность! Это ты влез в мою жизнь. Это ты поссорил меня с боссом и науськал на меня полицию. Это ты, ты целовался с моей девушкой. Да ты мне всю жизнь испоганил!

— Эй, — сказал Паук. — По мне, ты и сам пре-

красно с этим справился.

Толстяк Чарли сжал кулак, размахнулся и ударил Паука в челюсть — как в кино. Паук отшатнулся — больше от удивления, чем от боли. Он потрогал губу и глянул на кровь на руке.

— Ты меня ударил, — сказал он.

— И еще могу, — сказал Толстяк Чарли, не слишком уверенно: руку было больно.

— Ах вот как! — сказал Паук и прыгнул на Толстяка Чарли, колотя его кулаками, а Толстяк Чарли в ответ обхватил Паука и потянул за собой вниз.

Они катались по полу, молотя и колотя друг дружку. Толстяк Чарли не удивился бы, примени Паук какой-нибудь волшебный приемчик или окажись он сверхъестественно сильным, но они были равными противниками. Оба дрались не по правилам, как мальчишки — как братья, — и пока они дрались, Толстяку Чарли показалось, что с ним такое когда-то было, очень-очень давно. Паук был умнее и проворнее, но если Толстяку Чарли удастся забраться на него сверху и убрать подальше руки Паука…

Толстяк Чарли схватил правую руку Паука, скрутил у того за спиной, а потом сел брату на грудь, навалившись на него всем своим весом.

— Сдаешься? — спросил он.

— Нет!

Паук извивался и вертелся, но позиция Толстяка Чарли была прочной.

— Я хочу, чтобы ты пообещал, — сказал Толстяк Чарли, — что уберешься из моей жизни и навсегда оставишь в покое меня и Рози.

На этих словах Паук сердито взбрыкнул и сбросил Толстяка Чарли. Тот неуклюже приземлился на пол.

— Послушай, — сказал Паук. — Я же тебе *говорил*.

Внизу колотили в дверь, очень настойчиво, и это ясно указывало: кому-то необходимо срочно войти в дом. Толстяк Чарли сердито посмотрел на Паука, Паук хмуро — на Толстяка Чарли, и оба медленно поднялись.

— Мне открыть? — спросил Паук.

— Нет, — сказал Толстяк Чарли. — Это *мой* дом, черт возьми! И я *сам* открою *мою* чертову входную дверь, так что спасибо, не надо.

— Как хочешь.

Толстяк Чарли направился к лестнице. Затем обернулся.

— Как только я разберусь с этим, — сказал он, — возьмусь за тебя. Собирай вещи. Ты уезжаешь.

Спустившись, он заправил рубашку, отряхнулся и попытался придать себе вид человека, который только что не дрался на полу.

Он открыл дверь. За ней стояли два больших полицейских в униформе и — поменьше, но, пожалуй, экзотичней — женщина-полицейский, в безупречно сидящей униформе.

— Чарльз Нанси? — спросила Дейзи. Она смотрела на него, будто видела впервые, без всякого выражения.

– *Пллм*, — сказал Толстяк Чарли.

— Мистер Нанси, — повторила она. — Вы арестованы. Вы имеете право…

Толстяк Чарли развернулся к лестнице.

— Ублюдок! — заорал он. — Ублюдок ублюдок ублюдочный ублюдущий *ублюдок*!

Дейзи похлопала его по руке.

— Может, пойдете по-хорошему? — тихо спросила она. — Потому что если нет, мы можем вас предварительно усмирить. Впрочем, я бы не советовала. Они увлекаются, когда усмиряют.

— Я по-хорошему, — сказал Толстяк Чарли.

— Отлично, — сказала Дейзи. Она вывела Толстяка Чарли на улицу и заперла его в черном полицейском фургоне.

Полиция обыскала квартиру. В комнатах ни-

кого не было. В конце коридора была маленькая спальня, где лежало несколько коробок с книгами и игрушечные машинки. Они заглянули туда, но ничего интересного не нашли.

* * *

Паук лежал на диване в своей спальне и хандрил. Когда Толстяк Чарли пошел открывать, он направился к себе. Ему хотелось побыть одному. Конфликтовать он не особенно умел. Когда до этого доходило, он обычно удалялся, и теперь Паук знал, что время пришло, но все равно не хотел уходить.

Он не был уверен, что правильно поступил, отослав Рози домой.

Что он хотел сделать — а Пауком управляли исключительно «хочу», и никогда — «должен» или «обязан», — так это сказать Рози, что хочет ее — *он*, Паук. Что он не Толстяк Чарли, но нечто совсем другое. И это само по себе не было проблемой. Он мог просто сказать ей твердым голосом: «На самом деле я Паук, брат Толстяка Чарли, но ты совершенно не против, тебя это не парит», — и мир подтолкнул бы Рози на самую малость, и она бы это приняла, как приняла то, что ей следует пойти домой. Ей бы это не мешало. Она бы не

возражала, нисколько.

Но в глубине души он знал, что это не так.

Человеческие существа не любят, когда боги ими помыкают.

Внешне они подчиняются, но где-то внутри, в самой глубине, чувствуют это и протестуют. Они *знают*. Паук мог велеть ей радоваться, что все так обернулось, и она бы радовалась, но это чувство было бы таким же ненастоящим, как нарисованная улыбка на ее лице — даже если бы она была совершенно уверена, что это ее собственная улыбка. В ближайшем будущем (а до последнего времени Паук о другом будущем вообще не задумывался) это было бы неважно, но в долгосрочной перспективе могло породить проблемы. Ему не нужно было негодующее, злобное существо, которое, ненавидя его всеми фибрами души, внешне было бы похоже на безмятежную, обыкновенную куклу. Ему нужна была Рози.

А это была бы не она.

Паук глазел в окно, на восхитительный водопад и тропическое небо над ним и гадал, когда же к нему постучит Толстяк Чарли. Утром в ресторане кое-что произошло, и Паук был уверен, что брат знает об этом больше, чем говорит.

Наконец ему стало скучно ждать, и он вернул-

ся в квартиру Толстяка Чарли. Там никого не было. Там царил беспорядок — она выглядела так, будто ее перевернули вверх дном хорошо обученные профессионалы. Паук решил, что, по всей видимости, беспорядок устроил сам Толстяк Чарли, чтобы показать, как он огорчен своим поражением в драке.

Паук выглянул в окно. Возле дома был припаркован полицейский автомобиль, а за ним — минивэн. В тот момент, когда он выглянул, они как раз отъезжали.

Он приготовил тосты, намазал маслом и съел. Затем обошел квартиру, тщательно проверив, везде ли задернуты шторы.

В дверь позвонили. Паук задернул последнюю штору и спустился вниз.

Он открыл дверь и встретился взглядом с Рози. Выглядела она слегка удивленной.

— Ну? Предложишь войти?

— Конечно. Прошу.

Она поднялась наверх.

— Что здесь произошло? Похоже на землетрясение.

— Правда?

— И почему ты сидишь в темноте?

Она подошла к шторам.

— Не делай этого! Оставь как есть!

— Чего ты боишься? — спросила Рози.

Паук выглянул в окно.

— Птиц, — наконец сказал он.

— Но птицы — наши друзья, — сказала Рози, словно обращаясь к ребенку.

— Птицы, — сказал Паук, — это современные потомки динозавров. Крылатые велоцирапторы, поглощающие беззащитных извивающихся существ, а еще орехи, и рыбу, и других птиц. Кто рано встает, тот червя заклюет! А ты когда-нибудь наблюдала, как ест курица? Может, они и выглядят невинными, эти птицы, но до чего же они порочны!

— В новостях рассказывали, — сказала Рози, — о птице, которая спасла человеку жизнь.

— Это не отменяет того, что…

— Это был ворон. Или ворона. В общем, большая и черная. Мужчина лежал на лужайке перед домом в Калифорнии, читал журнал и услышал карканье, это ворон пытался привлечь его внимание. Он поднялся и подошел к дереву, на котором сидела птица, а прямо под деревом сидела пума, готовая броситься на него. Он убежал в дом. А если бы ворон его не предупредил, он бы угодил пуме на обед.

— Не думаю, что это типичное для ворона поведение, — сказал Паук. — Но даже если один ворон однажды спас кому-то жизнь, это ничего не меняет. Птицы все еще за мной охотятся.

— Вот как, — сказала Рози, стараясь не показать, что ей смешно. — Птицы охотятся за тобой.

— Да.

— И они делают это, потому что…?

— Хм.

— Должна же быть причина. Ты ведь не хочешь сказать, что великое множество птиц ни с того ни с сего приняли тебя за чудовищно большого червяка.

Он сказал:

— Мне кажется, ты не поверишь, — и имел в виду именно то, что сказал.

— Чарли. Ты всегда был по-настоящему честен. В смысле, я верю тебе. Если ты скажешь мне что-нибудь, я постараюсь в это поверить. Я очень постараюсь. Я люблю тебя и верю в тебя. Так почему бы не проверить, поверю я тебе или нет?

Паук думал об этом. Он потянулся к Рози и сжал ее руку.

— Думаю, я должен тебе кое-что показать, — сказал он.

Он провел ее в конец коридора. Они останови-

лись перед дверью в кладовку Толстяка Чарли.

— То, что находится в этой комнате, — сказал он, — объяснит ситуацию немного лучше, чем я сам.

— Ты супергерой, — спросила она, — а здесь ты хранишь свой *бэтменский шест*[56]?

— Нет.

— Какие-то извращения? Ты надеваешь накладную грудь и жемчуга и называешь себя Дорой?

— Нет.

— Но это же не… игрушечная железная дорога?

Паук толкнул дверь в кладовку Толстяка Чарли и в то же самое время открыл дверь в свою спальню. За венецианскими окнами виднелся водопад, который обрушивался в озерцо в джунглях, лежавшее далеко внизу. Небо в этих окнах было синее сапфира.

Рози ойкнула.

Она развернулась, прошла по коридору на кухню и посмотрела из окна в серое лондонское небо, рыхлое и недружественное. Затем вернулась.

— Я не понимаю, — сказала она. — Чарли! Что

---

[56] Примечания: 56

В оригинале *batpoles*, но это ошибка персонажа, потому что *batpole* (по-русски — *бэт-шест*) был всего один — главные персонажи американского телесериала «Бэтмен» 1960-х годов Бэтмен и Робин с его помощью спускались в пещеру, чтобы надеть костюмы супергероев.

происходит?

— Я не Чарли, — сказал Паук. — Посмотри на меня. *По-настоящему посмотри.* Я на него даже *не похож.*

Она больше не подтрунивала над ним. Ее глаза широко распахнулись.

— Я его брат, — сказал Паук. — Я все испортил. Все. И мне кажется, лучшее, что я могу сделать, это просто убраться из ваших жизней.

— А где Толст… где Чарли?

— Не знаю. Мы подрались. Он пошел открывать дверь, я ушел в свою комнату, а он не вернулся.

— Он не вернулся? И ты даже *не попытался* выяснить, что с ним случилось?

— Э-э-э. Ну, может, его забрала полиция, — сказал Паук. — Но это так, просто мысль. Доказательств у меня нет.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Паук.

Рози повторила за ним:

— Паук.

За окном, над водяной пылью водопада кружила стая фламинго, солнечный свет размазал их крылья в бело-розовые пятна. Они были неторопливы, им не было числа, и это было так красиво, ничего подобного ей прежде видеть не доводи-

лось. Она обернулась к Пауку и, глядя на него, не могла понять, как случилось, что она принимала его за Толстяка Чарли. Толстяк Чарли был добродушным, открытым, всего стеснялся. А этот человек напоминал согнутый стальной прут, готовый в любой момент распрямиться.

— Ты действительно не он.

— Я так и сказал.

— И кто же, кто это сделал, с кем я, кто меня, с кем я… переспала?

— Со мной, — сказал Паук.

— Я так и думала! — сказала Рози. Она отвесила ему звонкую пощечину. Он почувствовал, что губа снова кровоточит.

— Наверное, я это заслужил, — сказал он.

— Конечно заслужил! — Она помолчала и продолжила. — А Толстяк Чарли знал об этом? О тебе? О том, что ты встречаешься со мной?

— Ну, да. Но он…

— Да вы оба больные! Гнусные извращенцы, гореть вам в аду!

Бросив последний озадаченный взгляд на спальню, окно с джунглями, огромным водопадом и стаей фламинго, она вышла в коридор.

Паук опустился на пол. Из нижней губы сочилась кровь. Чувствовал он себя глупо. Он

услышал, как хлопнула входная дверь. Дошел до ванной, опустил в горячую воду кончик пушистого полотенца, выжал его и приложил к губе.

— Мне это не нужно, — громко сказал Паук. Он сказал это вслух: проще лгать самому себе, когда говоришь вслух. — Неделю назад никто из вас не был мне нужен, и теперь тоже. Мне плевать. С меня хватит.

Фламинго врезались в оконное стекло, как покрытые перьями розовые пушечные ядра, и стекло разбилось, а осколки разлетелись по всей комнате, впиваясь в стены, пол и постель. Воздух заполнился пикирующими бледно-розовыми тушками, мешаниной из больших розовых крыльев и изогнутых черных клювов. В комнату ворвался рев водопада.

Паук прижался к стене. Между ним и дверью были фламинго, их были сотни: высокие, в пять футов, птицы, ноги да шеи. Он поднялся с пола и сделал несколько шагов по минному полю из разгневанных розовых птиц, каждая из которых злобно смотрела на него безумными розовыми глазами. На расстоянии они могли показаться красивыми. Одна из них ущипнула его за руку. Не до крови, но больно.

Спальня у Паука была большая, но она быстро

наполнялась фламинго, шедшими на аварийную посадку. В голубом небе над водопадом висела темная туча, видимо, приближалась еще одна стая.

Они клевали его, царапали, били крыльями, но он знал, что проблема не в этом. Проблема была в том, чтобы не задохнуться под пушистым розовым покрывалом из перьев атаковавших птиц. Это была бы поразительно недостойная смерть — под тяжестью птиц, к тому же глупых.

Думай, сказал он себе. *Они фламинго. Мозги у них птичьи. А ты Паук.*

Ну и что? раздраженно подумал он в ответ. *Лучше скажи что-нибудь новенькое.*

Приземлившиеся фламинго окружали его. Те, что были в воздухе, пикировали на него. Он вытянул над головой куртку и воздушно-десантные фламинго начали ее атаковать. Как будто кто-то стреляет в тебя из пушки цыплятами. Он зашатался и присел. T*ак одурачь их, придурок*.

Паук вскочил и начал пробираться сквозь океан крыльев и клювов к окну, которое превратилось в открытую пасть с зазубренными осколками.

— Глупые птицы, — весело сказал он. И запрыгнул на подоконник.

Фламинго не славятся острым умом и способ-

ностью решать задачи. Если вороне дать моток проволоки и бутылку с чем-то съестным внутри, она, вероятно, использует проволоку, чтобы добраться до еды. Фламинго же попытается сожрать проволоку, если она похожа на креветку, а даже если не похожа — просто на тот случай, если это новый вид креветки. Так что если человек, стоявший на карнизе, и выглядел слегка дымчатым и иллюзорным, фламинго этого не заметили. Они посмотрели на него безумными розовыми глазами кроликов-убийц и ринулись к подоконнику.

Человек бросился с окна в водяную пыль водопада, и тысячи фламинго бросились за ним. Многие из них, учитывая разбег, который нужен фламинго, чтобы оторваться от земли, камнем упали вниз.

Вскоре в спальне остались только раненые или мертвые фламинго: те, кто разбивал собой окна, те, кто врезался в стены, те, кого раздавили другие фламинго. Те из них, что были еще живы, видели, как дверь спальни открылась — очевидно, сама по себе — и закрылась, но поскольку они были фламинго, не стали об этом задумываться.

Паук стоял в коридоре квартиры Толстяка Чарли и пытался отдышаться. Он сосредоточился на том, чтобы позволить спальне перестать суще-

ствовать, хоть этого ему совсем не хотелось, ведь он невероятно гордился звуком в своей системе и к тому же хранил там свои вещи.

Впрочем, вещи — дело наживное.

Если ты Паук, тебе следует лишь попросить.

* * *

Мать Рози была не из тех, кто злорадствует вслух, поэтому когда Рози разрыдалась на диване от Чиппендейла, ее мать воздержалась от ликующих возгласов, пения или исполнения маленького победного танца и цыганочки с выходом. Впрочем, внимательный наблюдатель мог заметить в ее глазах искру триумфа.

Она дала Рози большой стакан витаминизированной воды со льдом и выслушала слезливую литанию о разбитом сердце. К концу рассказа искра триумфа в ее глазах сменилась подобием растерянности, а голова начала кружиться.

— Так значит, Толстяк Чарли — вовсе не Толстяк Чарли, — сказала мать Рози.

— Да. То есть нет. Толстяк Чарли это *Толстяк Чарли*, но всю последнюю неделю я встречалась с его братом.

— Они близнецы?

— Нет. Я даже не думаю, что они похожи. Не

знаю, я так запуталась!

— И с которым из них ты рассталась?

Рози высморкалась.

— С Пауком. Это брат Толстяка Чарли.

— Но с ним ты не была помолвлена.

— Нет. Только думала, что была. Я же думала, он — Толстяк Чарли.

— Значит, с Толстяком Чарли ты тоже порвала?

— Вроде того. Только я ему еще не сказала.

— А он, он знал об этом, об этой истории с братом? Может, это сговор злодеев-извращенцев против моей бедной девочки?

— Не думаю. Но какая разница, я не могу за него выйти!

— Да, — согласилась ее мать. — Определенно не можешь. Вообще.

В душе она уже плясала победную джигу и закатила пышный, но со вкусом, праздничный фейерверк.

— Мы найдем тебе хорошего парня. Не переживай. Этот Толстяк Чарли. От таких добра не жди. Я это сразу поняла, как только его увидела. Он съел мое восковое яблоко. Я знала, от него одни неприятности. Где он сейчас?

— Я точно не знаю. Паук сказал, его, кажется,

увезла полиция, — сказала Рози.

– *Ха*! — сказала ее мать. И петард стало значительно больше, как на Новый год. И еще она мысленно принесла в жертву дюжину упитанных черных бычков. Вслух же она сказала: — По мне, так, вероятно, он уже в тюрьме. Там ему самое место. Я всегда говорила, что он плохо кончит.

Рози расплакалась еще горше, чем прежде, если это, конечно, возможно. Она достала стопочку бумажных платочков и невероятно громко высморкалась. Отважно сглотнула. Потом поплакала еще. Мать поглаживала тыльную сторону руки Рози так ободряюще, как только могла.

— Конечно, ты не можешь выйти за него, — сказала она. — Ты не можешь выйти за уголовника. Но если он в тюрьме, помолвку разорвать проще простого. — Призрак улыбки появился в уголках ее губ, когда она сказала: — Я могла бы сама ему позвонить. Или проведать его в день посещений и сказать, что он мерзкий жулик, и ты не хочешь даже слышать о нем. Также мы могли бы получить судебный запрет[57], — с воодушевлением предложила она.

— Я, я не из-за этого не могу выйти за Толстяка

---

[57] Примечания: 57

Очевидно, мать Рози имеет в виду судебный запрет на любые контакты.

Чарли, — сказала Рози.

— Не из-за этого? — переспросила ее мать, приподняв идеально нарисованную бровь.

— Нет, — сказала Рози. — Я не могу выйти за Толстяка Чарли, потому что я его не люблю.

— Конечно не любишь. Я всегда это знала. Это было детское увлечение, но теперь-то ты видишь…

— Я влюблена, — продолжала Рози, будто ее мать ничего и не говорила, — в Паука. Его брата.

По лицу матери словно пронесся рой ос, прибывших на пикник.

— Все в порядке, — заверила Рози. — За него я тоже не собираюсь. Я сказала, что больше не хочу его видеть.

Мать Рози поджала губы.

— Не стану притворяться, что хоть что-нибудь понимаю, — сказала она, — но и плохими эти новости не назовешь.

Шестеренки в ее голове сместились, их зубцы сцепились меж собой новым, неожиданным образом: храповики захрапели, трещотки затрещали.

— Знаешь, — сказала она, — что сейчас для тебя самое лучшее? Как насчет небольшого отдыха? Я с удовольствием его оплачу. В конце концов, деньги, что я откладывала на свадьбу…

Кажется, это были неправильные слова. Рози снова зарыдала в свои платочки.

Ее мать продолжала:

— В любом случае, за мой счет. Я знаю, отпуск ты еще не отгуляла. Да и работы, как ты говорила, сейчас почти нет. В такое время девушке необходимо отвлечься от всего и просто расслабиться.

Рози подумала, что все эти годы недооценивала мать. Она шмыгнула носом, сглотнула и сказала:

— Это было бы здорово.

— Значит, договорились, — сказала ее мать. — А я поеду с тобой, чтобы позаботиться о моей крошке.

А мысленно, под грандиозный финал фейерверк-шоу, добавила: *и о том, чтобы моя крошка встречалась только с правильными мужчинами.*

— И куда мы поедем? — спросила Рози.

— Мы поедем, — сказала ее мать, — в круиз.

* * *

В наручники Толстяка Чарли не заковали. Это было хорошо. Все остальное было плохо, но зато он был не в наручниках. Жизнь превратилась в неразборчивое пятно, в котором можно было различить несколько слишком четких деталей: вот дежурный сержант чешет нос и со вздохом

произносит: «Шестая камера свободна». Вот его ведут через зеленую дверь, а дальше — запах камер, вызывающая спазмы вонь, какой он прежде не слышал, сразу ставшая ужасно привычной: парализующий дыхание запах вчерашней блевотины, дезинфектанта, курева, несвежих одеял, несмытых туалетов и отчаяния. Это был запах дна, именно на дне Толстяк Чарли в конечном счете и оказался.

— Если нужно смыть в сортире, — сказал полицейский, который его сопровождал, — жмешь на кнопку. Один из нас рано или поздно дернет за цепочку. Это чтобы ты не смыл улики.

— Улики чего?

— Да ладно уж, парень.

Толстяк Чарли вздохнул. Он смывал отходы своей жизнедеятельности с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы испытывать определенную гордость от этого действия, и потеря такой возможности явственнее, чем потеря свободы, указывала, насколько все изменилось.

— Ты у нас первый раз, — сказал полицейский.

— Извините.

— Наркотики? — спросил полицейский.

— Нет, спасибо, — сказал Толстяк Чарли.

— Ты из-за них, что ли, здесь?

— Я не знаю, из-за чего я здесь, — сказал Толстяк Чарли. — Я невиновен.

— А, значит экономические дела, — сказал полицейский, покачав головой. — Я тебе кое-что скажу, простые парни с улицы это знают. Чем меньше проблем ты нам создаешь, тем меньше проблем мы создаем тебе. Вы, белые воротнички, всё выступаете за свои права. Только хуже себе делаете.

Он отпер дверь в шестую камеру.

– *Дом, милый дом*[58], — сказал он.

Вонь в камере оказалась хуже, чем в коридоре. Стены были окрашены какой-то пестрой, устойчивой к граффити краской. Там ничего не было, кроме низко подвешенной откидной кровати и унитаза без крышки.

Толстяк Чарли постелил одеяло, которое ему выдали.

— Вот так, — сказал полицейский. — Хорошо. Чувствуй себя как дома. Но если будет скучно, прошу, не засовывай в унитаз одеяло.

— Зачем?

---

[58] Примечания: 58

«Home, sweet home» (1873) — название романа популярной писательницы XIX века Шарлотты Ридделл (1832–1906). Позже выражение стало обиходным; эта надпись украшает порог дома героев мультфильма «Том и Джерри».

— Я сам себя частенько об этом спрашиваю, — сказал полицейский. — Действительно, зачем? Возможно, это нарушает монотонность, откуда мне знать. Будучи законопослушным человеком, которому светит полицейская пенсия, я, признаться, никогда не проводил много времени в камерах.

— Видите ли, я ничего такого не делал, — сказал Толстяк Чарли. — В чем бы меня ни обвиняли.

— Это хорошо, — сказал полицейский.

— Простите, — сказал Толстяк Чарли. — А мне дадут что-нибудь почитать?

— У нас здесь что, библиотека?

— Нет.

— Когда я был молодым копом, один малый попросил у меня книжку, и я дал ему книжку, которую сам тогда читал. *Эдсона* или, может, *Луиса Ламура*[59]. А он взял и затолкал книжку в унитаз, понимаешь? Так что я еще десять раз подумаю, прежде чем такое делать.

С этими словами он вышел и запер дверь, оставив Толстяка Чарли внутри, а себя — снаружи.

---

[59] Примечания: 59

Джон Т. Эдсон (р. 1928), *Луис Ламур* (1908–1988) — известные авторы вестернов, соответственно, британский и американский.

* * *

Самое странное, думал не склонный к самокопанию Грэм Коутс, было то, как нормально, живо и в целом хорошо он себя чувствовал.

Капитан велел пристегнуть ремни безопасности и сообщил, что вскоре они приземлятся на Сент-Эндрюсе. Сент-Эндрюс был маленьким карибским островком, который, провозгласив в 1962 году независимость, предпочел демонстрировать свободу от колониального гнета несколькими способами, включая создание собственной судебной системы и замечательное отсутствие договоренностей о выдаче преступников со всеми другими странами мира.

Самолет приземлился. Грэм Коутс спустился по трапу и прошествовал по залитому солнцем дегтебетону, катя за собой сумку на колесиках. Он предъявил подходящий паспорт — на имя Бэзила Финнегана, — получил в него штамп, забрал багаж с транспортера и через оставленный без присмотра таможенный зал вышел в солнечный рай. На нем были футболка, шорты, сандалии, и выглядел он, как Британский Турист за границей.

Садовник ждал его возле аэропорта. Грэм Коутс

уселся на заднее сиденье черного «мерседеса» и сказал: «Домой, пожалуйста». По дороге из Вильямстауна в его поместье на горе он осматривал остров с довольной улыбкой собственника.

Вдруг ему пришло в голову, что, покидая Англию, он оставил там умирающую женщину. Жива ли она, раздумывал он; вряд ли. То, что он убил, его не беспокоило. Наоборот, он чувствовал колоссальное удовлетворение, словно должен был это сделать, словно именно этого ему не хватало для полного счастья. Он гадал, доведется ли ему еще раз убить.

Доведется ли ему сделать это поскорее.

Глава 10
в которой Толстяк Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон разочарована

Толстяк Чарли сидел поверх одеяла на металлической кровати и ждал, когда что-нибудь произойдет. Но напрасно. Ему казалось, прошло несколько очень медленных месяцев. Он пытался уснуть, но не мог вспомнить, как это делается.

И тогда он заколотил по двери.

В ответ крикнули: «Заткнись!» — но Толстяк Чарли не понял, кто это был, охранник или другой заключенный.

Ему казалось, что он мерял шагами камеру уже два или три года. Потом он сел и позволил вечности накрыть себя с головой. Дневной свет, что проникал сквозь массивный стеклопакет под потолком, похоже, был тем же самым, что просочился в дверь, когда ее за ним закрыли.

Толстяк Чарли пытался вспомнить, как убивают время в тюрьме, но в голову пришли только ведение секретных записей и утаивание в заднице улик. Писать было не на чем, а что касается

задницы, то он считал, что если человек преуспел, у него нет необходимости что-либо в ней утаивать.

Ничего не происходило и продолжало не происходить. И снова ничего. Возвращение Ничего. Сын Ничего. Ничего снова в седле. *Ничего, Эбботт и Костелло встречают Человека-волка*[60]…

Когда дверь открылась, Толстяк Чарли чуть не подпрыгнул от радости.

— Давай. Прогулка по двору. Если хочешь, можешь покурить.

— Я не курю.

— В любом случае мерзкая привычка.

Двор для прогулок представлял собой пространство, окруженное с четырех сторон стенами полицейского участка, а сверху — проволочной сеткой. Слоняясь, Толстяк Чарли раздумывал о том, что если ему где-то и не нравится, так это в тюрьме. Толстяк Чарли никогда не испытывал особых симпатий к полицейским, однако до сих пор он умудрялся сохранять фундаментальное доверие к естественному порядку вещей, убеждение

[60] Примечания: 60

«Ничего, Эбботт и Костелло встречают Человека-волка» — отсылка к пародийным фильмам студии «Universal» 1940-х — 1950-х годов с участием знаменитого американского комедийного дуэта Бада Эббота (1895–1974) и Лу Костелло (1908–1959).

в том, что есть некая сила — викторианец мог бы назвать ее Провидением, — которая позаботится о том, чтобы виновного покарали, а невинного отпустили. Под давлением обстоятельств эта вера скукожилась, и ее сменило подозрение, что всю оставшуюся жизнь Толстяк Чарли проведет, доказывая свою невиновность суровым судьям и мучителям, многие из которых будут похожи на Дейзи, и не исключено, что, проснувшись на следующее утро в шестой камере, он обнаружит, что превратился в огромного таракана[61]. Он определенно переместился в какую-то вредоносную вселенную, которая превращает людей в тараканов…

Что-то упало с неба на проволочную сетку. Толстяк Чарли поднял взгляд. Высокомерно-пренебрежительно сверху на него смотрел черный дрозд. Зашумели крылья, и к дрозду присоединилось несколько воробьев и птица, про которую Толстяк Чарли подумал, что, возможно, это тоже дрозд, только певчий.

Они глазели на него, он — на них.

Птиц прибыло.

---

[61] Примечания: 61

Аллюзия на произведение Ф. Кафки (1883–1924) «Превращение». Проснувшись утром после беспокойного сна, Грегор Замза внезапно обнаружил, что превратился в огромное страшное насекомое…

Толстяк Чарли затруднился бы определить, в какой именно момент концентрация птиц на сетке перестала быть «необычной» и превратилась в «пугающую». В любом случае, это произошло, когда птиц было около сотни. И потом, они не ворковали, не каркали, не выводили трелей и не пели. Они просто приземлялись на сетку и смотрели на него.

— Прочь! — сказал Толстяк Чарли.

Ни одна птица даже не шелохнулась. Вместо этого они заговорили. Они произнесли его имя.

Толстяк Чарли бросился к двери и заколотил по ней. Несколько раз сказал «извините», а потом принялся звать на помощь.

Глухой удар. Дверь открылась, и тяжеловекий представитель полицейских сил Ее Величества произнес:

— Надеюсь, причина у тебя веская.

Толстяк Чарли указал рукой вверх. Он ничего не сказал, да это было и не нужно. Полицейский открыл было рот, да так и забыл его закрыть. Мать Толстяка Чарли непременно сказала бы, чтобы тот закрыл рот, иначе что-нибудь туда залетит.

Сетка провисала под весом тысяч птиц. Крохотные птичьи глаза не мигая смотрели вниз.

— Иисусе на лисапеде! — сказал полицейский

и, не произнеся больше ни единого слова, проводил Толстяка Чарли обратно в камеру.

* * *

Мэв Ливингстон страдала. Она лежала, растянувшись на полу. Она пришла в себя, и ее волосы и лицо были влажными и теплыми, а потом она уснула, а когда проснулась в следующий раз, волосы и лицо были липкими и холодными. Она засыпала и просыпалась, и засыпала снова, просыпалась настолько, чтобы чувствовать боль в затылке, а затем — поскольку спать было легче, и во сне она не чувствовала боли, она закуталась в сон, как в уютное одеяло.

Во сне она шла по телестудии, пытаясь найти Морриса. Иногда она замечала, как он мелькает на мониторах. Всякий раз он выглядел встревоженным. Она пыталась найти выход, но все пути вели обратно в студию.

«Мне так холодно!» — подумала она и поняла, что снова проснулась. Боль, однако, утихла. В конечном счете, подумала Мэв, чувствую я себя нормально.

Она была расстроена, но не вполне понимала, почему. Возможно, из-за одного из снов, где ей привиделось что-то дурное.

Что бы это ни было, но она оказалась в темноте, словно в чулане, и Мэв вытянула вперед руки, чтобы ни во что не врезаться. Сделала, зажмурясь, несколько неуверенных шагов и открыла глаза. Теперь она была в знакомом помещении. Это был кабинет.

Кабинет Грэма Коутса.

И тогда она вспомнила. Слабость спросонья еще не прошла — она не могла мыслить ясно, знала, что не сможет сосредоточиться, пока не выпьет утреннюю чашечку кофе, но все же вспомнила: вероломство Грэма Коутса, его предательство, его вину, его…

…*Ох,* подумала она. *Он ведь напал на меня. Он меня ударил.*

А затем подумала: *полиция, я должна позвонить в полицию.*

Она потянулась к телефону на столе и сняла трубку, точнее попыталась, но телефон оказался слишком тяжелым, или слишком скользким, или то и другое сразу — в общем, она не смогла его ухватить. С пальцами было что-то не так.

Я, должно быть, слабее, чем думала, решила Мэв. *Надо будет попросить, чтобы прислали доктора.*

В кармане ее куртки лежал маленький сереб-

ряный телефончик, который играл «Гринсливз», когда звонил. Она с облегчением обнаружила, что телефон на месте, и ей не сложно его держать. Мэв набрала номер службы спасения. Пока ждала, чтобы кто-нибудь ответил, она думала, почему до сих пор говорят «набирать», если наборных дисков на телефонах нет с тех давних пор, когда она была заметно моложе, а после телефонов с дисками появились кнопочные «тримфоны» с особенно надоедливым звонком. В юности у нее был бойфренд, который умел имитировать этот тримфонный «бриип», это, решила Мэв, оглядываясь назад, было единственное его достижение. Интересно, что с ним сталось. Как человек, который мог имитировать тримфон, справлялся с миром, в котором телефоны могли звучать и звучали *как угодно*…

— Мы приносим извинения за задержку при обработке вашего звонка, — сказал механический голос. — Пожалуйста, оставайтесь на линии.

Мэв почувствовала себя странно спокойной, словно ничего плохого с ней больше никогда не случится.

— Здравствуйте! — послышался мужской голос, который звучал чрезвычайно квалифицированно.

— Мне нужна полиция, — сказала Мэв.

— Полиция вам ни к чему, — сказал голос. — Со всеми преступлениями с неотвратимостью разберутся соответствующие власти.

— Знаете, — сказала Мэв, — я, наверное, номером ошиблась.

— Кроме того, — сказал голос, — номером ошибиться невозможно. Номер — это всего лишь число, а числа не могут быть правильными и неправильными.

— Вам, конечно, хорошо говорить, — сказала Мэв, — но мне *действительно* нужно обратиться в полицию. И возможно, мне понадобится «скорая». И я, разумеется, ошиблась номером.

Она отключилась. Возможно, подумала она, номер 999[62] с мобильного не набирается. Она вывела на экран адресную книгу и набрала номер сестры. После первого гудка ответил тот же голос.

— Позвольте уточнить. Я не имел в виду, что вы специально набрали неправильный номер. Я, кажется, сказал, что все числа по своей природе верны. Кроме, конечно, пи. С пи я ничего не могу поделать. Одна только мысль о нем — и у меня на-

---

[62] Примечания: 62

999 — номер для вызова служб спасения в Великобритании.

чинает болеть голова, и болит, и болит, и болит…

Мэв нажала на красную кнопку и набрала своего менеджера в банке.

Все тот же голос сказал:

— Это снова я, болтаю о правильности чисел, а вы, конечно, думаете, что всему свое время и место…

Сбросила. Набрала лучшего друга.

— …и сейчас было бы уместнее обсудить положение, в котором вы оказались. Но, боюсь, сегодня такие ужасные пробки, и если вы не возражаете подождать там, где вы есть, еще немного, вас заберут…

У него был бодрый голос радиопроповедника, когда тот излагает вам свою *мысль дня*[63].

Если бы Мэв не была такой спокойной, она бы уже запаниковала. Вместо этого она задумалась. Раз уж ее телефон — как это называется, *взломан*? — ей просто следует спуститься, найти на улице полицейского и официально оформить заявление. Мэв нажала кнопку вызова лифта, никакого движения не последовало, и она спустилась по лестнице, думая о том, что если тебе нужен полицейский, его никогда не оказывает-

---

[63] Примечания: 63

«…голос радиопроповедника, когда тот излагает вам свою мысль дня». Намек на религиозную программу BBC Radio 4 «Thought for the Day».

ся поблизости, вечно они колесят в этих своих автомобилях, которые делают «виу-виу». Полицейские, подумала Мэв, должны ходить парами и говорить людям, который час, или поджидать у водосточных труб, по которым спускаются домушники с сумками, полными награбленного добра…

У подножия лестницы в вестибюле стояли два полицейских офицера, мужчина и женщина. Не в униформе, но это, без сомнения, были полицейские, не спутаешь. Мужчина был дородный и краснолицый, женщина была миниатюрной, смуглой и в других обстоятельствах могла показаться очень хорошенькой.

— Мы знаем, она здесь была, — говорила женщина. — Секретарь в приемной вспомнила, что она пришла как раз перед обедом. Но когда вернулась с обеда, оба они уже ушли.

— Думаешь, они сбежали вместе? — спросил дородный мужчина.

— Мм, простите, — вежливо сказала Мэв Ливингстон.

— Это возможно. Всему должно быть какое-то простое объяснение. Исчезновение Грэма Коутса. Исчезновение Мэв Ливингстон. Но хотя бы Нанси мы задержали.

— Мы определенно *не* сбежали вместе, — сказала Мэв, но они ее проигнорировали.

Полицейские зашли в лифт, захлопнув за собой двери. Мэв смотрела, как они тряслись наверх, на последний этаж.

В руке она все еще держала сотовый. Телефон завибрировал, зазвучала мелодия «Гринсливз». Она опустила взгляд. На дисплее появилась фотография Морриса. Она нервно ответила: «Да!».

— Привет, дорогая. Как делишки?

Она сказала:

— Хорошо, спасибо. — Затем она сказала: — Моррис? — А после: — Нет, не хорошо. Собственно, дела очень плохи.

— Мда, — сказал Моррис. — Я так и думал. Тем не менее сейчас ничего сделать нельзя. Пора идти дальше.

— Моррис! *Откуда* ты звонишь?

— Трудно объяснить, — сказал он. — В смысле, я на самом деле не звоню. Просто очень хотел тебе помочь.

— Грэм Коутс, — сообщила она, — ворюга.

— Да, дорогая, — сказал Моррис. — Но пора отпустить ситуацию. Оставь это позади.

— Он меня по затылку ударил, — сказала она. — И еще твои деньги воровал.

— Это все материальное, — успокаивающе сказал Моррис. — И теперь, когда ты по ту сторону долины[64]…

— Моррис, — сказала Мэв. — этот ничтожный ядовитый червяк пытался убить твою жену. И я *полагаю*, что тебе не может быть на это наплевать.

— Не начинай, дорогая. Я просто пытаюсь объяснить…

— Должна тебе сказать, Моррис, что если ты намерен занять такую позицию, я попросту разберусь со всем сама. Я ничего не собираюсь забывать. Для тебя это нормально, ты же мертв. Ты не должен беспокоиться о таких вещах.

— Но ты тоже мертва, дорогая.

— Да при чем тут *это*! — сказала она. А потом: — Я что?! — И прежде чем он успел что-нибудь ответить: — Моррис, я сказала, он пытался меня убить. Не убил, а *пытался*.

— Кхм, — покойному Моррису Ливингстону, казалось, трудно подобрать слова. — Мэв. Дорогая.

---

[64] Примечания: 64

Моррис путает слова veil (завеса) и vale (долина). Завесой (библ.) называлось покрывало или занавесь при входе в Скинию, а также покрывало, закрывавшее вход в Святая Святых; последнее имело особое название: завеса для преграды. Выражение «по ту сторону завесы» возникло как образная отсылка к переводу Библии, сделанному с латыни У. Тиндейлом (1494–1536), английским ученым-гуманистом и протестантским реформатором.

Я знаю, что это может тебя немного шокировать, но правда заключается в том, что…

Телефон «пикнул», и на экране появилось изображение разрядившейся батарейки.

— Боюсь, я не успею это услышать, Моррис, — сказала она. — Кажется, батарейка садится.

— У тебя нет батарейки, — сказал он. — И телефона нет. Это все иллюзия. А я пытаюсь сказать тебе, что сейчас ты выходишь за пределы долины чего-то там, и становишься, ох черт, ну это, как черви и бабочки, дорогая.

— Гусеницы, — сказала Мэв. — Ты имел в виду гусениц и бабочек.

— Звучит, э-э-э, как-то так, — сказал по телефону голос Морриса. — Гусеницы. Это я и имел в виду. А в кого тогда превращаются черви?

— Они ни в кого не превращаются, Моррис, — немного раздраженно сказала Мэв. — Они просто черви.

Серебряный телефон издал короткий звук, похожий на электронную отрыжку, еще раз показал картинку разрядившейся батарейки и отключился.

Мэв закрыла его и положила обратно в карман. Она подошла к ближайшей стене и, в порядке эксперимента, ткнула в нее пальцем. Стена под

пальцем была липкой и студенистой. Она надавила чуть сильнее, и ее рука прошла сквозь стену. И вышла с другой стороны.

— Ох, дорогой, — сказала она, чувствуя, и не в первый раз за свое существование, что следовало слушать, что говорил Моррис, который, в конце концов, признала она, теперь-то, должно быть, лучше разбирается в смерти, чем она.

Ну ладно, подумала она. Возможно, быть мертвым ничем не отличается от всего остального в жизни: чему-то учишься в процессе, остальное сочиняешь на ходу.

Она вышла в парадную дверь, но тут же обнаружила, что прошла сквозь стену и вернулась в вестибюль с другой стороны. Она попробовала еще раз, с тем же результатом. Она зашла в турагентство, которое занимало нижний этаж здания, и попыталась пройти через западную стену.

Это ей удалось, но она снова оказалась в вестибюле, войдя с восточной стороны. Все равно что оказаться в телевизоре и пытаться сойти с экрана. Топографически говоря, офисное здание как будто стало ее вселенной.

Она поднялась наверх, чтобы посмотреть, чем заняты детективы. Они изучали стол и беспорядок, который оставил Грэм Коутс, пока

собирался.

— Знаете, — доверительно сказала Мэв. — Я в комнате за книжным шкафом. Я там.

Они не обратили на нее внимания.

Женщина наклонилась и порылась в мусорной корзине.

— Бинго, — сказала она, вытягивая оттуда белую мужскую сорочку в пятнах засохшей крови. Она положила сорочку в пластиковый пакет. Дородный мужчина вытащил мобильный.

— Пришлите сюда медэксперта, — сказал он.

* * *

Теперь Толстяк Чарли считал свою камеру скорее убежищем, чем тюрьмой. Камеры, для начала, находились в глубине здания, так что даже самые шальные птицы сюда не залетали. И его брата здесь тоже не было. Толстяк Чарли больше не возмущался тем, что в камере номер шесть ничего не происходит. Ничего было бесконечно предпочтительнее большинства других вариантов, до которых он мог сейчас додуматься. Даже мир, в котором были только з*амки, тараканы и*

люди по имени К.[65] казался предпочтительнее мира, заполненного злобными птицами, хором шептавшими его имя.

Дверь открылась.

— Стучаться тут не принято? — спросил Толстяк Чарли.

— Нет, — сказал полицейский. — Вообще-то, нет. Твой адвокат наконец приехал.

— Мистер Мерримен? — сказал Толстяк Чарли и тут же оборвал себя. Леонард Мерримен был полным джентльменом в круглых очках в золотой оправе, а человек, стоявший за полицейским, таким определенно не был.

— Все нормально, — сказал человек, который не был его адвокатом. — Можете нас оставить.

— Звоните, как закончите, — сказал полицейский и закрыл дверь.

Паук взял Толстяка Чарли под руку и сказал:

— Я вытащу тебя отсюда.

— Но я не хочу, чтобы меня вытаскивали. Я ничего плохого не сделал!

— Хороший повод для побега.

— Но если я сбегу, тогда получится, что это *не так*. Я стану сбежавшим заключенным.

---

[65] Примечания: 65

«...замки, тараканы и люди по имени К...» — еще одно напоминание о произведениях Кафки («Замок», «Превращение», «Процесс»).

— Ты не заключенный, — радостно сказал Паук. — Никаких обвинений тебе еще не предъявили. Ты просто помогал им в расследовании. Слушай, ты голоден?

— Немного.

— Чего ты хочешь? Чаю? Кофе? Горячего шоколада?

Слова «горячий шоколад» для Толстяка Чарли звучали в высшей степени привлекательно.

— Я за горячий шоколад, — сказал он.

— Ладно, — сказал Паук. Он схватил руку Толстяка Чарли. — Закрой глаза.

— Зачем?

— Так легче.

Толстяк Чарли зажмурился, хотя и не был уверен, что так будет легче. Мир свернулся и развернулся, и Толстяк Чарли понял, что его сейчас стошнит. Но разум уже успокоился, а лица коснулся теплый ветерок.

Он открыл глаза.

Они были на улице, на большой рыночной площади, в местах, ничем не напоминавших Англию.

— Где мы?

— Думаю, это называется *Скопси*[66]. Город рядом с Италией или вроде того. Я уже несколько лет сюда езжу. Они готовят отличный горячий шоколад. Лучше я не пробовал.

Они сели за маленький деревянный столик, выкрашенный в ярко-красный цвет пожарной машины. Подошедший официант сказал что-то на языке, который показался Толстяку Чарли не похожим на итальянский. Паук сказал «*Dos Chocolatos*[67], чувак», официант кивнул и удалился.

— Ладно, — сказал Толстяк Чарли. — Ты втянул меня в еще большие неприятности. Они на меня теперь облаву устроят, и это будет во всех газетах.

— И что они сделают? — спросил с улыбкой Паук. — В тюрьму тебя отправят?

— Ой, ну не надо!

Прибыл горячий шоколад, и официант разлил его по маленьким чашечкам. Температура у шоколада была примерно как у жидкой лавы, а сам он представлял собой нечто среднее между

---

[66] Примечания: 66

Называя город Скопси, Паук, очевидно, имеет в виду Скопье, столицу Македонии.

[67] Примечания: 67

Искаженный испано-английский.

шоколадным супом и шоколадным заварным кремом и пах изумительно вкусно.

— Слушай, мы тут порядком напортачили с этим семейным воссоединением, — сказал Паук.

— Так это *мы* напортачили?! — Толстяку Чарли удалось сдержать гнев. — Это *не я* украл у себя невесту. Это *не из-за меня* меня уволили. Это *не из-за меня* меня арестовали…

— Да, — сказал Паук. — Но ведь именно ты втянул в это птиц, верно?

Толстяк Чарли сделал очень маленький пробный глоток горячего шоколада.

— Ой! Я, кажется, обжегся.

Он посмотрел на брата и увидел на его лице собственное выражение: обеспокоенный, усталый, напуганный.

— Да, это я втянул птиц. Что будем делать?

— Они тут, кстати, готовят классную штуку с лапшой и тушеным мясом, — сказал Паук.

— Ты уверен, что мы в Италии?

— Не особенно.

— Могу я спросить?

Паук кивнул.

Толстяк Чарли подыскивал слова.

— Эта история с птицами. Когда они все вылезли и начали делать вид, будто сбежали из фильма

Хичкока. Ты думаешь, такое только в Англии может случиться?

— А что?

— А то, что нас заметили голуби. — Он указал на дальний конец площади.

Голуби занимались не тем, что обычно делают голуби. Они не клевали хлебные корки и не расхаживали, опустив голову, в поисках еды, брошенной туристами. Они неподвижно застыли и смотрели. Зашумели крылья, и к голубям присоединилась еще сотня птиц, большая часть приземлилась на статую толстяка в огромной шляпе, что возвышалась в центре площади. Толстяк Чарли смотрел на голубей, а голуби смотрели на него.

— Какой самый худший вариант? — приглушенно спросил он Паука. — Они нас засрут?

— Не знаю. Но думаю, они способны на худшее. Допивай свой шоколад.

— Но он очень *горячий*.

— И нам понадобится пара бутылок воды. *Гарсон*!

Негромкий шелест крыльев; квохтанье прибывающих птиц; и фоном — тихое неразборчивое воркование.

Официант принес им бутылки с водой. Паук,

который, как отметил Толстяк Чарли, теперь снова был одет в черно-красную кожаную куртку, рассовал их по карманам.

— Это всего лишь голуби, — сказал Толстяк Чарли, и, еще не договорив, понял, что не прав. Это были не просто голуби. Это была армия. Статуя толстяка почти исчезла из вида под серыми и фиолетовыми перьями.

— Кажется, я больше любил птиц, когда они не думали на нас нападать.

— И они всюду, — сказал Паук и схватил Толстяка Чарли за руку. — Закрой глаза.

Птицы поднялись как одна. Толстяк Чарли зажмурился.

Голуби наступали, как волки на стадо…

Тишина и даль. Я в духовке, подумал Толстяк Чарли. Он открыл глаза и понял, что так и есть: это была духовка — с красными дюнами, уходящими вдаль и растворяющимися в перламутровом небе.

— Пустыня, — сказал Паук. — Показалось, неплохая идея. Зона, свободная от птиц. Тут и договорим.

Он протянул Толстяку Чарли бутылку воды.

— Спасибо.

— Итак. Будь добр, расскажи мне, откуда взя-

лись птицы.

— Есть одно место, — сказал Толстяк Чарли. — Я там был. Там было множество зверолюдей. Они, хм. Они все знали папу. А одна из них была женщина, типа, Женщина-Птица.

– *Есть одно место*? — смерил его взглядом Паук. — Звучит загадочно.

— Это горный склон, а в нем пещеры. А еще там скалы, которые уходят в никуда. Это похоже на конец мира.

— Это начало мира, — поправил Паук. — Я слышал про пещеры. Знакомая девчонка рассказывала Хотя сам там не был. Так ты встретил Женщину-Птицу и…

— Она предложила тебя прогнать. И, кхм. Ну, я ей и поручил.

— Это, — сказал Паук, улыбаясь как кинозвезда, — было по-настоящему глупо.

— Я не велел ей *вредить* тебе.

— А как, ты думал, она собиралась от меня избавиться? Написать гневное письмо?

— Не знаю. Я не подумал. Я был зол.

— Прекрасно. В общем, если ее возьмет, ты будешь зол, а я буду мертв. Ты ведь мог меня просто попросить.

— Я просил!

— Хм. И что я ответил?

— Что тебе нравится мой дом и ты никуда не уйдешь.

Паук отпил немного воды.

— И что ты ей сказал?

Толстяк Чарли попытался вспомнить. Теперь, когда он об этом думал, он понял, что сказал какую-то странную вещь.

— Я сказал только, что отдаю ей потомков Ананси, — неохотно ответил он.

— Что-что?

— Она попросила, чтобы я так сказал.

Паук никак не мог в это поверить.

— Но речь ведь не только обо мне, а о нас обоих.

Во рту у Толстяка Чарли пересохло. Ему хотелось верить, что это из-за духоты, и он отпил воды из бутылки.

— Подожди-ка, — спросил Толстяк Чарли. — А почему мы в пустыне?

— Здесь нет птиц, помнишь?

— А это что? — Он вытянул руку. Сперва они показались крошечными, но потом стало понятно, что они просто очень высоко: кружили, ложились на крыло.

— Грифы, — сказал Паук. — Они на живое не

нападают.

— Точно. А голуби боятся людей, — сказал Толстяк Чарли. Точки в небе кружили уже ниже, и птицы, снижаясь, как будто слегка подросли.

— Принимается, — сказал Паук. И затем: — Дерьмо.

Они были не одни. Кто-то наблюдал за ними с дюны. Случайный человек мог бы принять ту фигуру за пугало.

Толстяк Чарли закричал:

— Уходи! — Его крик поглотил песок. — Я отказываюсь! Сделка отменяется! Оставь нас в покое!

Плащ задрожал на горячем ветру, и дюна опустела.

— Она ушла, — сказал Толстяк Чарли. — Кто бы мог подумать, что это будет так просто.

Паук тронул его за плечо и указал в другую сторону. Теперь женщина в коричневом плаще стояла на ближайшем к ним песочном гребне, так близко, что Толстяк Чарли мог видеть стеклянную черноту ее глаз.

Грифы — обветшалые черные тени — опустились на землю: голые розовато-лиловые шеи и скальпы без перьев: так удобнее засовывать голову в гниющую тушу — вытянувшись, близоруко пялились на братьев, словно раздумывая, подо-

ждать им, пока люди умрут, или как-то ускорить этот процесс.

— О чем вы еще договорились? — спросил Паук.

— М-м-м?

— Было что-нибудь еще? Она давала тебе что-нибудь, чтобы скрепить сделку? Обычно в таких случаях торгуются.

Грифы подбирались все ближе, шажок за шажком, сплочая ряды, сжимая круг. В небе появилось много черных черточек, они росли и, раскачиваясь, приближались к братьям. Рука Паука крепко сжала руку Толстяка Чарли.

— Закрой глаза.

Мороз ударил Толстяка Чарли под дых. Он глубоко вдохнул и почувствовал, как легкие покрываются льдом. Он кашлял и кашлял, а ветер выл, как дикий зверь.

Он открыл глаза.

— Могу я узнать, где мы на этот раз?

— Антарктика, — сказал Паук. Его кожаная куртка была застегнута на молнию и, кажется, Паук от холода не страдал. — Боюсь, тут немного прохладно.

— А на средней передаче никак нельзя? Из пустыни прямиком во льды.

— Тут нет птиц, — сказал Паук.

— Разве не проще было просто зайти в какое-нибудь приятное, свободное от птиц местечко? Можно было бы пообедать.

— Отлично, — сказал Паук, — теперь ты ноешь только потому, что здесь легкий морозец.

– *Это не легкий морозец.* Тут минус пятьдесят. И вообще, смотри!

Толстяк Чарли ткнул пальцем в небо. Бледная закорючка, похожая на миниатюрную букву «м», которую начертили на небе, неподвижно висела в холодном воздухе.

— Альбатрос, — сказал он.

— Фрегат, — поправил Паук.

— Прости?

— Это не альбатрос, а фрегат. Он, возможно, нас и не заметил.

— Он-то, может, и не заметил, — согласился Толстяк Чарли. — Но они заметили.

Паук повернулся и сказал что-то еще, очень похожее на «фрегат». Вразвалочку, плавно скользя на брюхе, к братьям приближался, может, и не миллион пингвинов, но казалось, что именно миллион. Обычно приближение пингвинов способно испугать разве что мелкую рыбешку, но в таком количестве…

Не дожидаясь приглашения, Толстяк Чарли взял Паука за руку и закрыл глаза.

Когда он их открыл, стало заметно теплее, хотя с открытыми глазами он видел не больше, чем с закрытыми. Вокруг было темно как ночью.

— Я ослеп?

— Мы в заброшенной угольной шахте, — сказал Паук. — Я видел фотографию этого места в журнале несколько лет назад. И пока мы не наткнулись на стаи незрячих зябликов, которые приспособились к темноте и научились жрать угольную крошку, мы, пожалуй, в безопасности.

— Ты ведь пошутил? Насчет незрячих зябликов.

— Более-менее.

Толстяк Чарли вздохнул, и его вздох эхом прокатился по подземной пещере.

— Понимаешь, — сказал он, — если бы ты просто ушел, если бы покинул мой дом, когда я тебя попросил, ничего бы этого не случилось.

— Какой смысл сейчас об этом говорить?

— Да плевать мне на смысл. Боже, как я объясню все это Рози?

Паук откашлялся.

— Думаю, тебе не следует беспокоиться.

— Почему же?

— Она с нами рассталась.

Долгое молчание. Затем Толстяк Чарли сказал:

— Конечно рассталась.

— Я, типа, наломал тут дров, да, — казалось, Паук был смущен.

— А что если я все ей объясню? В смысле, если я скажу, что я не был тобой, что это ты притворялся мной…

— Я уже объяснил. И после этого она решила, что не хочет больше нас видеть.

— И меня?

— Боюсь что да… Слушай, — сказал голос Паука в темноте, — я никогда всерьез не собирался… В общем, когда я приехал, я хотел лишь повидаться. А не. Хм. Я тут здорово напортачил, да?

— Ты пытаешься извиниться?

Тишина. Затем:

— Наверное. Может быть.

Снова тишина.

— Ну, тогда мне очень жаль, — сказал Толстяк Чарли, — что я попросил Женщину-Птицу помочь мне избавиться от тебя.

Не видя Паука, извиняться было проще.

— Ага. Спасибо. Я просто хочу узнать, как теперь избавиться от нее.

– *Перо*! — сказал Толстяк Чарли.

— Я не уловил.

— Ты спрашивал, дала ли она мне что-нибудь, чтобы скрепить сделку. Она дала перо.

— И где оно?

Толстяк Чарли пытался вспомнить.

— Дай подумать. Оно было со мной, когда я проснулся в гостиной миссис Данвидди. Но когда садился в самолет, его уже не было. Думаю, оно до сих пор у нее.

На этот раз тишина была такой долгой, и беспросветной, и глубокой, что Толстяк Чарли начал беспокоиться, не ушел ли Паук, оставив его одного в подземной тьме. Наконец он спросил:

— Ты еще здесь?

— Еще здесь.

— Слава богу. Если ты бросишь меня здесь, не знаю, выберусь ли я.

— Не искушай меня.

Снова тишина.

Толстяк Чарли спросил:

— А в какой мы стране?

— В Польше, наверное. Я же говорил, я видел картинку. Только на ней были светильники.

— Тебе нужно видеть фотографию места, куда ты можешь отправиться?

— Я должен знать, где оно находится.

Поразительно, подумал Толстяк Чарли, как тихо в шахте. У этого места своя особая тишина. Он начал раздумывать о разных видах тишины. Отличается ли могильная тишина, скажем, от тишины в открытом космосе?

— Я помню миссис Данвидди. От нее пахнет фиалками, — сказал Паук.

Люди говорят: «Последняя надежда утрачена, мы все умрем», — с большим оптимизмом.

— Это она, — сказал Толстяк Чарли. — Маленькая, стара как мир. Толстые очки. Думаю, нам следует отправиться к ней и забрать перо. Мы отдадим его Женщине-Птице, и она прекратит этот кошмар.

Толстяк Чарли допил остатки бутилированной воды, принесенной сюда с маленькой площади, которая была не в Италии. Он завинтил крышку и бросил бутылку в темноту, подумав, интересно, можно ли считать это мусором, если его никто никогда не увидит.

— Так что давай возьмемся за руки и отправимся к миссис Данвидди.

Паук издал звук. Не насмешливый, но тревожный и неуверенный. Толстяк Чарли представил, как Паук выпускает воздух — как лягушка-бык или старый воздушный шарик. Толстяк Чарли

хотел лишь сбить с Паука спесь, он не хотел, чтобы Паук звучал, как запуганный шестилетка.

— Постой-ка, ты боишься миссис Данвидди?

— Я… я не могу к ней и близко подойти.

— Если тебя это утешит, я тоже боялся ее, когда был ребенком, а потом встретил на похоронах, и оказалось, не такая уж она страшная. Правда. Просто старушка.

Тут он вспомнил, как она зажигает черные свечи и высыпает травы в чашу.

— Может, немножко жутковата. Но все будет нормально, когда ты ее увидишь.

— Она меня прогнала, — сказал Паук. — Я не хотел уходить. Но я разбил этот шар в ее саду. Такой большой, стеклянный, как гигантская елочная игрушка.

— Я тоже такой разбил. Она взбесилась.

— Я знаю, — голос из тьмы был тихим, тревожным и смущенным. — Это было тогда же. Тогда же, когда все началось.

— Ладно, слушай. Это не конец света. Ты прокатишь меня до Флориды. Я сам заберу перо у миссис Данвидди. Я ее не боюсь, а ты подождешь в сторонке.

— Я не могу. Я не могу отправляться туда, где она.

— Что ты пытаешься сказать? Что она наложила на тебя какой-то магический запрет?

— В известном смысле. Да. Я скучаю по Рози. И мне жаль. Сам знаешь.

Толстяк Чарли подумал о Рози. Как ни странно, он с трудом припомнил ее лицо. Он подумал о том, что мать Рози уже не будет его тещей; о двух силуэтах на шторах в окнах его спальни. И сказал:

— Не убивайся. То есть убивайся, если хочешь, потому что ты вел себя как полный ублюдок. Но может, все это к лучшему.

Где-то в области сердца кольнуло, но он знал, что говорит правду. В темноте говорить правду гораздо легче.

— Знаешь, что не складывается? — спросил Паук.

— Все?

— Нет. Только одно. Я не понимаю, зачем Женщина-Птица в это ввязалась. Какой ей смысл?

— Отец ее разозлил…

— Отец всех разозлил. В общем, с ней что-то не так. И если она хотела убить нас, почему до сих пор этого не сделала?

— Я отдал ей семейство Ананси.

— Это ты говоришь. Нет, здесь что-то еще, и я

этого не понимаю.

Тишина. Затем Паук сказал:

— Возьми меня за руку.

— Глаза закрывать?

— Можешь закрыть.

— Куда мы? На Луну?

— Я перенесу тебя в безопасное место, — сказал Паук.

— О, это хорошо, — сказал Толстяк Чарли. — Мне нравится безопасность. И куда?

Но еще не открывая глаз, понял, куда. Он ощутил запах: немытые тела и несмытые туалеты, дезинфектант, старые одеяла и апатия.

— Держу пари, я был бы в такой же безопасности в номере роскошного отеля, — сказал он громко, но слушать его было некому. Он сел на откидную кровать камеры номер шесть и набросил на плечи тонкое одеяло. Он может остаться здесь навсегда.

Через полтора часа за ним пришли и отвели в комнату для допросов.

* * *

— Здрасте, — сказала Дейзи с улыбкой. — Чай или кофе?

— Не утруждайтесь, — сказал Толстяк Чарли. —

Я смотрел телек и знаю, как это бывает. Это то, что называется «плохой коп — хороший коп», так? Вы угощаете меня чашечкой кофе и бисквитами, потом входит какой-нибудь крутой ублюдок и орет на меня, и выливает мой чай, и жрет мои бисквиты, а потом вы не даете ему оказать на меня физическое воздействие, заставляете вернуть мне чай и бисквиты, а я в благодарность рассказываю вам все, что знаю.

— Давайте пропустим это, — сказала Дейзи, — и вы просто расскажете нам все, что мы хотим узнать. И потом, у нас нет бисквитов.

— Я рассказал вам все, что знаю, — сказал Толстяк Чарли. — Все. Мистер Коутс дал мне чек на две штуки и велел пару недель отдохнуть. Он сказал, что благодарен мне за то, что я привлек его внимание к некоторым нарушениям. Потом спросил, какой у меня пароль, и попрощался. Конец истории.

— И вы утверждаете, что ничего не знаете об исчезновении Мэв Ливингстон?

— Не уверен, что вообще с ней знаком. Может, видел однажды, когда она проходила по офису. Мы несколько раз говорили по телефону. Она хотела слышать Грэма Коутса. А я должен был говорить, что мы уже отправили ей чек.

— А вы отправили?

— Не знаю. Я думал, что да. Послушайте, вы ведь не можете всерьез думать, что я как-то связан с ее исчезновением.

— Да, — сказала она весело, — я так не думаю!

— Потому что я честно не знаю, что… Вы хотели что-то сказать?

— Я не думаю, что вы связаны с исчезновением Мэв Ливингстон. Также я не думаю, что вы связаны с финансовыми нарушениями, которые имели место в агентстве Грэма Коутса, хотя кто-то здорово поработал, чтобы бросить подозрение на вас. Совершенно очевидно, что странные бухгалтерские расчеты и постоянная перекачка денег начались до вашего появления. Вы там работали всего два года.

— Около того, — сказал Толстяк Чарли. Он понял, что рот у него открыт, и закрыл его.

— Послушайте, я знаю, что копы в книжках и фильмах, как правило, идиоты, — сказала Дейзи, — особенно если в книжке есть какой-нибудь отставной борец с преступностью или крутой частный детектив. И мне правда жаль, что у нас нет бисквитов. Но не все у нас такие уж дураки.

— Я и не говорил, что все, — сказал Толстяк Чарли.

— Не говорили, но думали. Вы свободны. И примите наши извинения, если они вам нужны.

— Где она, кхм, исчезла? — спросил Толстяк Чарли.

— Миссис Ливингстон? Ну, последний раз ее видели входящей с Грэмом Коутсом в его офис.

— Ах.

— Кстати, насчет чая я серьезно. Хотите?

— Да. Очень. Хм. Я полагаю, ваши люди уже проверили тайную комнату в его офисе. Ту, что за книжным шкафом.

К чести Дейзи все, что она сказала — совершенно спокойно, — было:

— Я так не думаю.

— Кажется, сотрудники не должны были о ней знать, — продолжил Толстяк Чарли, — но однажды я зашел в кабинет, а книжный шкаф был отодвинут, и Грэм Коутс был там. И я ушел, — сказал он. — Я не шпионил за ним и все такое.

— Мы могли бы купить бисквиты по дороге, — сказала Дейзи.

* * *

Толстяк Чарли не был уверен, что ему нравится свобода. Слишком много открытого пространства.

— С тобой все в порядке? — спросила Дейзи.

— Все хорошо.

— Вид у тебя задерганный.

— Возможно. Тебе это может показаться глупым, но я немного нервничаю. Дело как бы в птицах.

— Что, фобия?

— Типа того.

— Ну, вообще-то именно так иррациональный страх перед птицами и называют.

— А как называют рациональный страх перед птицами?

Он откусил от бисквита.

Молчание.

— Ну, в любом случае, в моей машине нет никаких птиц, — сказала Дейзи.

Она припарковалась на двойной желтой полосе у входа в агентство Грэма Коутса, и они вместе вошли.

* * *

Рози нежилась под солнцем у бассейна на кор-

ме корейского *круизного лайнера*[68] с журналом на лице и матерью под боком и пыталась вспомнить, почему ей когда-то казалось, что провести отпуск с матерью — хорошая идея.

Английских газет на лайнере не было, но Рози по ним и не скучала. Ей не хватало всего остального. В глубине души она воспринимала круиз как водное чистилище, пребывание в котором делали сносным лишь острова, у которых они швартовались. Другие пассажиры сходили на берег и болтались по магазинам, или катались за катером на парашюте, или отправлялись в пропитанные ромом путешествия на пиратских кораблях. Рози же выходила, чтобы общаться с людьми.

Она видела страждущих, видела голодных и бедствующих и хотела помочь. Все можно наладить. Нужен лишь тот, кто за это возьмется.

---

[68] Примечания: 68

До того как известия об атаке желудочного гриппа разнеслись по всему миру, лайнер назывался «Солнечный архипелаг». Попытка дешевого ребрендинга без смены инициалов, совершенная председателем совета директоров, чья степень невладения английским вполне соответствовала его уверенности в обратном, привела к тому, что круизный лайнер был осчастливлен названием «Скулящая атака». Прим. автора.

* * *

У Мэв Ливингстон было множество разных предположений относительно смерти, но она никогда не думала, что смерть будет ее *раздражать*. И тем не менее она была раздражена. Она устала оттого, что все проходят сквозь нее, оттого, что никто ее не замечает, но более всего — от невозможности покинуть офис в Олдвиче.

— В смысле, если я *должна* завестись в каком-нибудь доме, — сказала она секретарю, — почему это не может быть Сомерсет-хаус, через дорогу? Прекрасное здание, великолепный вид на Темзу, яркие архитектурные особенности. Несколько очень милых ресторанчиков. Даже если тебе самой есть уже не нужно, приятно посмотреть на других.

Секретарь Энни, чья работа после исчезновения Грэма Коутса свелась к тому, чтобы поднимать телефонную трубку и с досадой в голосе отвечать «не знаю» практически на любой заданный вопрос и которая в свободное от этой работы время названивала подругам, чтобы тихо, но эмоционально обсудить загадочное происшествие, ничего не ответила Мэв, как не отвечала на все, что та говорила.

Рутину нарушило появление Толстяка Чарли Нанси в сопровождении женщины-полицейского.

Толстяк Чарли скорее нравился Мэв, даже когда их общение сводилось к его уверениям, что чек якобы уже отправили, но теперь она видела вещи, которых не видела прежде: вокруг него, сохраняя дистанцию, трепетали тени, а это был дурной знак. Он выглядел, как человек, который от чего-то убегал, и это ее встревожило.

Она прошла за ними в офис Грэма Коутса, и к ее радости Толстяк Чарли направился прямо к книжному шкафу на другой стороне комнаты.

— А где здесь тайная панель? — спросила Дейзи.

— Это не панель. Тут была дверь. Сразу за книжными полками. Не знаю. Может, тут какая-то тайная задвижка или еще что-нибудь.

Дейзи пригляделась к книгам на полке.

— Грэм Коутс когда-нибудь писал автобиографию? — спросила она Толстяка Чарли.

— Если и да, я об этом не слышал.

Она нажала на «Мою жизнь» Грэма Коутса в кожаном переплете. Раздался щелчок, и шкаф отъехал в сторону, а за ним обнаружилась запертая дверь.

— Нам нужен слесарь, — сказала она. — И мне кажется, что вы, мистер Нанси, нам больше не понадобитесь.

— Ладно, — сказал Толстяк Чарли. — Ну, — сказал он, — это было, кхм. Интересно. — А затем он сказал: — Я не думаю, что ты захотела бы. Перекусить. Со мной. Когда-нибудь.

— Дим-сум, — сказала она. — В воскресенье в обед. Каждый платит за себя. Ты должен быть там к открытию, к половине двенадцатого, иначе нам целую вечность придется простоять в очереди.

Она быстро написала адрес ресторана и передала бумажку Толстяку Чарли.

— Будешь идти домой — остерегайся птиц, — сказала она.

— Разумеется, — сказал он. — До воскресенья.

* * *

Слесарь из полиции развернул черный матерчатый футляр и вытащил из него связку отмычек.

— Честно говоря, — сказал он, — жизнь их не учит. И ведь хорошие замки не такие уж дорогие. В смысле, посмотрите на эту дверь, отличная работа. Очень прочная. С паяльной лампой полдня провозишься, чтобы открыть. А они все портят,

поставив замок, который пятилетний ребенок ложкой откроет… Вот и все… Проще пареной репы.

Он толкнул дверь. Дверь открылась, и они увидели, что лежит на полу.

— Господи боже, — сказала Мэв Ливингстон, — Это *не я!*

Она полагала, что будет более привязана к своему телу, но нет; это было похоже на мертвое животное на обочине.

Вскоре комната заполнилась людьми. Мэв, которой никогда не хватало терпения для детективных сериалов, быстро заскучала, заинтересовавшись происходящим лишь тогда, когда почувствовала, как ее тянет по лестнице вниз, а потом — на улицу, вслед за человеческими останками в неброском голубом пластиковом пакете.

— Другое дело, — сказала Мэв Ливингстон.

Она вырвалась.

По крайней мере, она вырвалась из офиса на Олдвиче.

Она, разумеется, знала, что существуют правила. Должны быть правила. Но не особенно понимала, в чем они заключаются.

Лучше бы она была более религиозной при жизни, но у нее никогда это не получалось: еще

маленькой девочкой она не могла представить себе Бога, который бы приговаривал людей к вечным пыткам в аду, в основном за то, что они не верят в него как полагается, а с возрастом детские сомнения превратились в твердую уверенность в том, что Жизнь существует лишь от колыбели до могилы, все же остальное — игра воображения. Это было неплохое убеждение, которое позволяло ей справляться с трудностями, однако теперь оно проходило суровую проверку.

Честно говоря, Мэв не была уверена, что даже жизнь, проведенная под сенью правильно подобранной церкви, могла подготовить ее к такому. Она быстро пришла к заключению, что в хорошо организованном мире Смерть должна работать по принципу «все включено», как в дорогих турпоездках, где перед вылетом тебе вручают папку с билетами, купонами, расписаниями и несколькими телефонными номерами, по которым следует звонить, если попадешь в неприятности.

Она не шла. Она не летела. Она неслась как ветер, как холодный осенний ветер, вызывая у людей дрожь и вихрем поднимая упавшие листья на тротуаре.

Она торопилась туда, где всегда появлялась сразу по возвращении в Лондон. В универмаг

«Селфриджез» на Оксфорд-стрит. Когда Мэв была намного моложе и не была занята как танцовщица, она работала в отделе косметики «Селфриджез» и с тех самых пор взяла за правило заглядывать туда при всякой возможности и покупать дорогую косметику — так она решила про себя еще в те дни.

Она бродила по отделу косметики, пока не заскучала, и тогда отправилась взглянуть на товары для дома. Она не собиралась приобретать новый стол в столовую, но, в самом деле, что плохого в том, чтобы просто посмотреть…

Далее она дрейфовала по отделу домашней электроники, окруженному телеэкранами всех размеров. На некоторых показывали новости. Звук был выключен, но на всех экранах присутствовал Грэм Коутс. Ненависть вскипела в ней, как раскаленная лава. Картинка сменилась, и теперь она смотрела на саму себя под руку с Моррисом.

Она узнала, это был скетч «Дай мне пятерку и я зацелую тебя до смерти» из «Моррис Ливингстон, я полагаю».

Хотела бы она как-нибудь зарядить телефон. Если единственным, с кем она могла поговорить, был тот субъект с неприятным голосом как у

викария, она подумала, что согласилась бы даже на это. Но больше всего она хотела поговорить с Моррисом. Он бы сказал, что делать. На этот раз, подумала она, я дам ему высказаться. На этот раз я его послушаю.

— Мэв!

С сотни телеэкранов на нее смотрело лицо Морриса. На миг она подумала, что ей привиделось и это фрагмент новостной программы, но Моррис озабоченно посмотрел на нее и снова назвал по имени, и она знала, что это он.

— Моррис!

Он улыбнулся своей знаменитой улыбкой, и все лица на экранах сосредоточились на ней.

— Привет, дорогая. А я все гадал, что тебя так задержало. Ну ладно, пришла пора перехода.

— Перехода?

— На другую сторону. Так сказать, поляны. Или, может, долины. Неважно.

И с сотни экранов он протянул к ней сотню рук.

Она знала: все, что от нее требовалось, — это дотянуться и взять его за руку. И сама удивилась, когда услышала свой ответ:

— Нет, Моррис, я так не думаю.

Сотня изображений одного лица выглядели

сбитыми с толку.

— Мэв, любимая. Ты должна отказаться от всего плотского.

— Ну, это очевидно, дорогой. И я откажусь. Обещаю, что откажусь. Как только буду готова.

— Мэв, ты мертва. Разве можно подготовиться еще лучше?

Она вздохнула.

— Мне нужно кое с чем разобраться на этой стороне.

— Например?

Мэв выпрямилась в полный рост.

— Ну, — сказала она, — я собиралась найти эту хорьковую тварь по имени Грэм и… что там делают призраки? Я бы его попреследовала или еще что-нибудь.

Голос Морриса звучал недоверчиво.

— Ты собираешься преследовать Грэма Коутса? Но ради чего?

— Послушай, — сказала она, — я тут еще не закончила.

Она поджала губы и вздернула подбородок.

Моррис Ливингстон посмотрел на нее с сотен телевизионных экранов и покачал головой со смесью обожания и раздражения. Он женился на ней, потому что она была сама по себе, он

любил ее за это, но как бы он хотел, хотя бы однажды, в чем-то ее убедить. Однако вместо этого он сказал:

— Я никуда не денусь, зайка. Дай знать, когда будешь готова.

И экраны начали блекнуть.

— Моррис! Есть ли у тебя какие-нибудь идеи, как мне его найти? — спросила она. Но образ мужа уже пропал, и теперь по телевизорам показывали прогноз погоды.

* * *

Толстяк Чарли и Дейзи встретились для воскресного дим-сума в тускло освещенном ресторане в крохотном лондонском чайна-тауне.

— Прекрасно выглядишь, — сказал он.

— Спасибо, — сказала она. — Чувствую себя ужасно. Меня отстранили от дела Грэма Коутса. Теперь это полномасштабное расследование убийства. В общем-то, мне повезло, что я так долго им занималась.

— Ну, — радостно сказал он, — если бы ты в этом не участвовала, тебе бы не довелось повеселиться при моем аресте.

— Ну, в общем, да. — Ей хватило благородства выглядеть слегка раскаявшейся.

— Есть какие-то зацепки?

— Даже если бы и были, — сказала она, — я вряд ли могла бы тебе сказать.

К их столику подкатилась маленькая тележка, и Дейзи выбрала себе несколько блюд.

— Есть предположение, что он бросился с парома в Ла-Манш. Последняя покупка по одной из его кредитных карт — билет в Дьеп.

— Думаешь, это возможно?

Она подцепила палочками пельмень и забросила в рот.

— Нет, — сказала она. — Я думаю, он рванул туда, с кем у нас нет договора об экстрадиции. Возможно, в Бразилию. Убийство Мэв Ливингстон могло быть непреднамеренным, но все остальное он очень тщательно подготовил. У него была целая система. Деньги шли на клиентские счета. Грэм забирал пятнадцать процентов сверху и выписывал от имени клиентов поручения, чтобы снимать значительные суммы с того, что осталось. Множество чеков из заграницы вообще не дошли до клиентских счетов. Поразительно, как долго он продержался.

Толстяк Чарли разжевал рисовый шарик со сладкой начинкой. Он сказал:

— Я думаю, ты знаешь, где он.

Дейзи перестала жевать.

— Что-то было в твоем голосе, когда ты сказала про Бразилию. Будто тебе известно, что он не там.

— Это дело полиции, — сказала она. — Боюсь, я не могу давать комментарии. Как брат?

— Не знаю. Думаю, он уехал. Когда я вернулся, его комнаты уже не было.

— Его комнаты?

— …Его вещей. Он забрал свои вещи. И ни ответа, ни привета. — Толстяк Чарли отпил жасминовый чай. — Надеюсь, с ним все в порядке.

— А есть причины сомневаться?

— Ну, у него та же самая фобия, что у меня.

— А, с птицами. Понятно. — Дейзи сочувственно кивнула. — А как невеста и будущая теща?

— Хм. Я не думаю, что оба эти понятия, хм, в настоящее время к ним применимы.

— А.

— Их нет.

— Это из-за ареста?

— Насколько я знаю, нет.

Она смотрела на него как исполненная сочувствия пикси.

— Мне жаль.

— Ну, — сказал он, — сейчас у меня нет рабо-

ты. У меня нет личной жизни и — благодаря, главным образом, твоим усилиям — все соседи теперь уверены, что я — наемный убийца *ярди*[69]. Некоторые, завидев меня, переходят на другую сторону улицы. А продавец газет просил меня удостовериться, что парень, который обрюхатил его дочь, усвоил урок.

— И что ты ему сказал?

— Правду. Впрочем, не думаю, что он поверил. Он дал мне бесплатный пакет чипсов с сыром и луком и упаковку мятных леденцов и сказал, что я получу еще больше, когда работа будет сделана.

— Это пройдет.

Толстяк Чарли вздохнул.

— Это унизительно.

— И все же, — сказала она, — это ведь не конец света.

Они разделили счет, официант принес им со сдачей два печенья с сюрпризом.

— Что у тебя? — спросил Толстяк Чарли.

— «Упорство и труд все перетрут», — прочла она. — А у тебя?

— То же самое, — сказал он. — «Трудиться все-

---

[69] Примечания: 69

Yardie (ярди) — так в Британии называют ямайских гангстеров.

гда пригодится».

Он скомкал бумажку в горошину, положил в карман, и они пошли к станции метро на Лестер-сквер.

— Похоже, у тебя сегодня удачный день, — сказала Дейзи.

— В каком это смысле?

— Нет птиц, — сказала она.

И когда она сказала это, Толстяк Чарли понял, что это правда. Не было ни голубей, ни скворцов. Даже воробьев — и тех не было.

— Но на Лестер-сквер *всегда* есть птицы.

— Не сегодня, — сказала она. — Может, у них дела.

У метро они остановились, и на один дурацкий миг Толстяк Чарли подумал, что она поцелует его на прощанье. Но нет. Только улыбнулась, сказала «пока», а он как будто помахал ей, то есть сделал неопределенное движение рукой, которое можно было принять за взмах, а можно с тем же успехом счесть случайным жестом, и вот она уже спускается по лестнице и исчезает из виду.

Толстяк Чарли пошел назад через Лестер-сквер, в сторону площади Пикадилли.

Он вытащил из кармана бумажку с предсказанием и развернул ее. В ней говорилось:

«Встретимся у Эроса», а рядом с надписью был торопливый маленький рисунок чего-то вроде большой звездочки, а возможно, и паука.

По пути он вглядывался в небеса и здания, но птиц не было, и это было странно, потому что в Лондоне всегда есть птицы. Всегда и повсюду.

Паук сидел под статуей и читал «*Ньюс оф зе Уорлд*»[70]. Когда Толстяк Чарли подошел ближе, Паук поднял глаза.

— Вообще-то это не Эрос, — сказал Толстяк Чарли. — Это олицетворение Христианского Милосердия[71].

— Почему же он голый и держит лук и стрелы? Выглядит не особенно милосердно и не слишком по-христиански.

— Я просто говорю о том, что прочел, — сказал Толстяк Чарли. — Где ты был? Я беспокоился.

— Со мной все в порядке. Я избегал птиц и пытался все обдумать.

— А ты заметил, что сегодня их совсем нет? —

---

[70] Примечания: 70

«News of the World» — самый популярный британский таблоид и одновременно самая популярная англоязычная газета в мире.

[71] Примечания: 71

Ошибаются оба. Знаменитая статуя, украшающая площадь Пикадилли в Лондоне и прозванная в народе «Эросом», на самом деле — брат-близнец Эроса, Антерос (оба — дети Хаоса или Ареса и Афродиты в греческой мифологии). В поздней мифологии Антерос — бог разделенной любви.

спросил Толстяк Чарли.

— Заметил. Я не знаю, что это нам дает. Но думаю. Видишь ли, — сказал Паук, — тут с самого начала что-то не то.

— Да тут все не то, для начала, — сказал Толстяк Чарли.

— Нет. В смысле, что-то не то с Женщиной-Птицей, которая пытается нам навредить.

— Ага. Что-то не то. Это очень-очень плохо. Ты сам ей скажешь или лучше мне?

— Не в этом смысле. Не то, как… ну, сам подумай. В смысле, если без Хичкока, птицы — не самое лучшее оружие. Может, для насекомых они и смерть-на-крыльях, но для нападения на людей они и правда не очень хороши. За миллионы лет они выучили, что, в общем, человек-то как раз первым может сожрать. Для них главное — не связываться с людьми.

— Ну не для всех, — сказал Толстяк Чарли. — Не для грифов. И не для воронов. Правда, они появляются только на поле битвы, когда все закончилось. И ждут твоей смерти.

— Что?

— Я говорю, если не считать грифов и воронов. Я не имел в виду…

— Нет, — Паук сосредоточился. — Нет, ушло.

Ты меня навел на какую-то мысль, и я чуть было ее не поймал. Послушай, ты с миссис Данвидди уже связался?

— Я звонил миссис Хигглер, но она не отвечает.

— Все равно, поезжай туда прямо сейчас.

— Тебе легко говорить, а у меня в карманах пусто. Ни пенса. Я на мели. Я не могу летать туда-сюда через Атлантику. У меня даже работы больше нет. Я…

Паук достал из своей черно-алой куртки бумажник, вытащил оттуда пачку банкнот разных стран и сунул их в руку Толстяка Чарли.

— Вот. На туда-обратно должно хватить. Только забери перо.

— Послушай, а тебе не приходило в голову, что, может, отец вовсе не умер?

— Что?

— Ну, я тут подумал. Может, это одна из его шуточек. В целом же похоже на него, разве нет?

— Не знаю. Может быть, — сказал Паук.

— Я в том уверен. И это первое, что я сделаю: отправлюсь на его могилу и…

Но больше он ничего не сказал, потому что в этот момент прилетели птицы. Это были городские птицы: воробьи и скворцы, голуби и вороны,

тысячи тысяч, и они сплетались и наматывались, словно ткали гобелен, образуя стену из птиц, надвигавшуюся на Толстяка Чарли и Паука. Покрытая перьями фаланга, огромная, как стена небоскреба, совершенно плоская, совершенно невозможная, вся в движении, вся сплетается, бьет крыльями и атакует; Толстяк Чарли видел ее, но она не умещалась в его мозгу, ускользая, мелькая, истончаясь прямо в голове. Он поднял глаза и попытался понять, что же он видит.

Паук рванул Толстяка Чарли за локоть и закричал:

— Беги!

Толстяк Чарли уже собрался бежать, но увидел, что Паук методично складывает газету и опускает ее в урну.

— Ты тоже беги!

— Ты ей не нужен. Пока, — сказал Паук и ухмыльнулся. Это была улыбка, которая в свое время убеждала многих — их было больше, чем можно себе представить, — делать вещи, которые они делать не хотели, а Толстяк Чарли и сам хотел убежать. — Достань перо. Достань отца, если ты думаешь, что он все еще здесь. Просто *уходи*.

И Толстяк Чарли ушел.

Стена из птиц закружилась и обернулась

вихрем, который направился к статуе Эроса и человеку под ней. Толстяк Чарли забежал в помещение и видел, как основание темного торнадо врезалось в Паука. Толстяку Чарли показалось, что он различает крики брата в оглушительном шуме крыльев. Возможно, он действительно их слышал.

А затем птицы рассеялись, и улица опустела. Ветер разбросал дюжину перьев вдоль серого тротуара.

Толстяка Чарли мутило. Если кто-то из прохожих и заметил, что произошло, то виду никто не показал. Впрочем, Толстяк Чарли был уверен, что других свидетелей не было.

Под статуей, где только что был его брат, стояла женщина. Полы изорванного коричневого плаща хлопали на ветру. Толстяк Чарли направился к ней.

— Послушайте, — сказал он. — Когда я просил вас избавиться от него, я имел в виду просто прогнать его из моей жизни. И не делать ничего такого, что вы с ним сделали.

Она посмотрела ему в лицо и ничего не ответила. В глазах некоторых хищных птиц таятся безумие, дикость, которые могут страшно напугать. Толстяк Чарли старался не испугаться.

— Я совершил ошибку, — сказал он. — И готов за это заплатить. Возьмите меня вместо него. А его верните.

Она по-прежнему не сводила с него глаз. Затем сказала:

— Не сомневайся, твой черед настанет, дитя Компе Ананси. Со временем.

— Зачем он вам нужен?

— Мне он не нужен, — сказала она. — Зачем бы он мне понадобился? Но за мной был долг, а теперь я его доставлю, и мой долг будет прощен.

На ветру трепетала газета, и Толстяк Чарли остался один.

Глава 11
в которой Рози учится говорить незнакомцам «нет», а Толстяк Чарли получает лайм

Толстяк Чарли уперся взглядом в могилу отца.

— Эй, ты там? — спросил он вслух. — Если да, выходи. Надо поговорить.

Он подошел вплотную к надгробной плите и пригляделся. Он не знал наверняка, чего ждет — может, руки, которая появится из-под земли и схватит его за лодыжку, — но ничего подобного не происходило.

А он был так уверен.

Толстяк Чарли пошел к выходу из сада упокоения, чувствуя себя дураком, — как игрок в телешоу, только что рискнувший миллионом долларов, утверждая, что Миссисипи длиннее Амазонки. Надо было знать. Отец мертвее сбитого кролика, а Толстяк Чарли лишь растратил деньги Паука в погоне за ветром в поле. У мельниц Бэбиленда он сел и зарыдал; гниющие игрушки показались ему еще более печальными и одинокими, чем в прошлый раз.

Она ждала его на парковке, прислонившись к своей машине с сигаретой в руке. Кажется, она была смущена.

— Здрасте, миссис Бустамонте, — сказал Толстяк Чарли.

Она в последний раз затянулась, бросила сигарету на асфальт и растоптала окурок плоской подошвой. Одета она была в черное и выглядела усталой.

— Привет, Чарльз.

— Я думал, если кто меня и встретит, так это будет миссис Хигглер или миссис Данвидди.

— Келлиэнн уехала. Миссис Данвидди послала меня. Она хочет тебя видеть.

Они как мафия, подумал Толстяк Чарли, *постменопаузная мафия.*

— Она собирается сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться?

— Сомневаюсь. Она не очень хорошо себя чувствует.

— Ох.

Он забрался во взятый в аренду автомобиль и поехал по флоридским улицам за «камри» миссис Бустамонте. Он был так уверен в отношении отца. Так уверен, что отец жив и поможет…

Они припарковались у дома миссис Данвидди.

Толстяк Чарли окинул взглядом лужайку, выцветших пластиковых фламинго, садовых гномов и красный зеркальный шар на маленьком бетонном постаменте, похожий на громадную елочную игрушку. Он подошел к шару — примерно такой он разбил, когда был маленьким — и встретился взглядом со своим искаженным отражением.

— Какой от него прок? — спросил он.

— Никакого. Просто он ей нравился.

В доме стоял плотный и тяжелый запах фиалок. У тетки Толстяка Чарли Аланны в сумочке всегда валялась пачка фиалковых леденцов, но даже пухлый ребенок, обожающий сладкое, покусился бы на них только в случае, если у него не было выбора. Запах в доме стоял такой же, как у тех леденцов. Толстяк Чарли двадцать лет о них не вспоминал. Интересно, выпускают ли еще такие леденцы. Хотя непонятно, зачем их вообще было выпускать…

— Она в конце коридора, — сказала миссис Бустамонте и остановилась, указав ему, куда идти. Толстяк Чарли прошел в спальню миссис Данвидди.

Кровать у нее была небольшая, но даже в ней миссис Данвидди выглядела, как кукла-переросток. Она была в очках, а над ними, как понял

вдруг Толстяк Чарли, прежде такого не видевший, красовался ночной чепчик — пожелтевшая круглая шапочка в кружевах. Миссис Данвидди лежала на горе подушек с открытым ртом и коротко всхрапнула, когда он вошел.

Толстяк Чарли кашлянул.

Миссис Данвидди приподняла голову, открыла глаза и уставилась на него. Затем она ткнула пальцем на ночной столик у кровати, и Толстяк Чарли взял с него стакан с водой и передал ей. Стакан она схватила обеими руками, как белка орех, и прежде чем вернуть его Толстяку Чарли, сделала долгий и медленный глоток.

— В горле пересохло, — сказала она. — Знаешь, сколько мне лет?

— М-м-м, — он подумал, что верного ответа на этот вопрос не существует. — Не знаю.

— Што четыре.

— Невероятно. Вы в такой отличной форме. В смысле, это удивительно…

— Заткнись, Толстяк Чарли.

— Извините.

— И не извиняйся передо мной, как пес, которого отчитывают за то, что нагадил на кухне. Голову держи выше. Смотри миру в лицо. Понял?

— Да. Простите. В смысле, да.

— В больницу хотят увезти, — вздохнула она. — А я им, мол, когда тебе што четыре, ты заслужила право умереть в собственной постели. На этой кровати в незапамятные времена я детей делала, и рожала, и будь я проклята, если умру где-нибудь еще. И вот еще что…

Она умолкла, прикрыла глаза и глубоко и медленно вдохнула. Толстяк Чарли было подумал, что она опять уснула, но тут ее глаза открылись, и она произнесла:

— Толстяк Чарли, если кто-нибудь спросит, хочешь ли ты дожить до шта четырех, откажись. Все болит. Все. Даже те органы, которых еще не обнаружили.

— Буду иметь в виду.

— И не перечь тут мне.

Толстяк Чарли посмотрел на маленькую женщину в белой деревянной кровати.

— Мне извиниться? — спросил он.

Миссис Данвидди виновато отвела взгляд.

— Я плохо с тобой обошлась, — сказала она. — Когда-то давно я плохо с тобой обошлась.

— Я знаю, — сказал Толстяк Чарли.

Может, миссис Данвидди и умирала, но она метнула на Толстяка Чарли такой взгляд, что будь на его месте пятилетний ребенок, он бы

непременно расплакался и стал звать маму.

— Что значит «я знаю»?

— Я разобрался, — сказал Толстяк Чарли. — Может, не во всем, но разобрался. Я ведь не дурак.

Она хладнокровно изучала его сквозь свои толстые линзы.

— Не дурак, — сказала она. — Это правда. — И протянула шишковатую руку. — Дай мне воды. Уже лучше.

Она пила маленькими глотками, макая в воду багровый язычок.

— Хорошо, что ты сегодня приехал. Завтра весь дом заполнят горюющие внуки и правнуки, будут уговаривать меня умереть в больнице, подлизываться, чтобы я им что-нибудь оставила. Совсем меня не знают. А всех своих детей я пережила. Всех.

— Вы расскажете о том, как плохо со мной поступили? — спросил Толстяк Чарли.

— Не нужно тебе было разбивать мой зеркальный шар в саду.

— Я и сам это понял.

Он вспомнил. Так вспоминаются вещи из детства: частью воспоминание, частью — воспоминание о воспоминании. Он побежал за теннисным мячом во двор к миссис Данвидди,

а оказавшись там, схватил из любопытства зеркальный шар, чтобы увидеть в нем свое лицо, огромное и искаженное, и, не удержав, уронил на каменную дорожку, и тот разлетелся на его глазах на тысячу мелких осколков. Он вспомнил сильные старческие пальцы, схватившие его за ухо и затащившие в дом…

— Вы прогнали Паука, — сказал он. — Так ведь?

Челюсть у нее отвисла, как у механического бульдога.

— Я совершила изгнание, — кивнула она. — Не думала, что все так сложится. В те времена все понемножку владели магией. У нас не было всех этих DVD, мобильников и микроволновок, но мы все же много в чем понимали. Я просто хотела тебя проучить.

Ты так о себе воображал, такой был озорник, так огрызался и грубил. Так что я вытянула из тебя Паука, чтобы преподать тебе урок.

Толстяк Чарли расслышал каждое слово, но не мог понять смысл.

— Вы вытянули Паука?

— Я вырвала его из тебя. Всю эту хитрость. Всю эту безнравственность. Всю эту порочность. Все! — вздохнула она. — Моя ошибка. Никто не

предупредил меня, что колдовать против таких, как, э-э-э, твой папаша, чревато. Все срабатывает намного сильнее. — Еще глоток. — Твоя мать так в это и не поверила по-настоящему. Но этот Паук, он хуже тебя. Твой отец никогда не говорил об этом, пока я не прогнала Паука. И даже тогда все, что он сказал, было: если ты не сможешь это исправить, ты — не его сын.

Толстяк Чарли хотел возразить, сказать ей, что это чепуха, что Паук был частью Толстяка Чарли не больше, чем Толстяк Чарли — частью океана или тьмы. Но вместо этого он спросил:

— Где перо?

— Какое перо?

— Когда я вернулся оттуда. Из места со скалами и пещерами. Я держал в руке перо. Что вы с ним сделали?

— Не помню, — сказала она. — Я старуха. Мне што четыре.

— Где оно? — повторил Толстяк Чарли.

— Не помню.

— Прошу вас, скажите.

— Я его не брала.

— А кто взял?

— Келлиэнн.

— Миссис Хигглер?

Она заговорщически к нему потянулась.

— Оставшиеся двое — просто девчонки. Слишком безответственны.

— Я звонил миссис Хигглер перед вылетом. Я заезжал к ней перед поездкой на кладбище. Миссис Бустамонте говорит, миссис Хигглер уехала.

Миссис Данвидди мягко раскачивалась на постели, словно решила себя убаюкать.

— Мне недолго осталось, — сказала она. — Я не ем твердую пищу с твоего последнего визита. Со мной все кончено. Только вода. Некоторые говорят, что любят твоего отца, но я-то знакома с ним задолго до них. Когда на меня еще стоило посмотреть, мы с ним танцевали. Он подхватывал меня и кружил. Он и тогда был стариком, но девушка рядом с ним чувствовала себя особенной. Ты не…

Она снова умолкла, отпила еще воды. Руки ее тряслись. Толстяк Чарли забрал у нее пустой стакан.

— Што четыре, — сказала она. — И ни разу днем не прилегла, если не считать родов. А теперь — приехали.

— Уверен, вы и до ста пяти дотянете, — с тревогой сказал Толстяк Чарли.

— Не смей говорить такое! — Она разнервничалась. — *Не смей*! От твоей семейки и так

неприятностей хватает! Не заставляй вещи случаться!

— Я же не отец, — сказал Толстяк Чарли. — Волшебство не по моей части. Все досталось Пауку, помните?

Но она, кажется, не слушала.

— А когда мы ходили на танцы, — сказала она, — перед Второй мировой, твой папаша перебрасывался словцом с музыкантами, и они частенько разрешали ему петь. Все смеялись и веселились. Вот как он заставлял вещи случаться. Пением.

— Где миссис Хигглер?

— Отправилась домой.

— Дома ее нет. Машины тоже.

— *Отправилась домой*!

— Гм. В смысле, умерла?

Старуха на белых простынях вдруг захрипела и стала ловить ртом воздух. Говорить она больше не могла. Она потянулась к нему.

— Позвать на помощь? — спросил Толстяк Чарли.

Она кивнула, не переставая задыхаться, кашлять и хрипеть, а он побежал за миссис Бустамонте. Та сидела на кухне и смотрела на крохотном кухонном телевизоре шоу Опры.

— Она вас зовет, — сказал он.

Миссис Бустамонте вышла. Вернулась она с пустым графином в руках.

— Чем ты ее довел до такого состояния?

— Ее хватил удар?

Миссис Бустамонте смерила его взглядом.

— Нет, Чарльз. Она над тобой смеялась. Она говорит, ты поднял ей настроение.

— А. Она сказала, что миссис Хигглер уехала домой. Я спросил, не означает ли это, что миссис Хигглер умерла.

Миссис Бустамонте улыбнулась.

— Сент-Эндрюс, — сказала она. — Келлиэнн уехала на Сент-Эндрюс.

Она подставила кувшин под кран в раковине.

— Когда все началось, — сказал Толстяк Чарли, — я думал, я против Паука, а вы четверо на моей стороне. А теперь Паука забрали, а я оказался против вас четверых.

Она выключила воду и угрюмо уставилась на него.

— Я больше ни одной из вас не верю, — добавил Толстяк Чарли. — Миссис Данвидди, небось, просто притворяется больной. Может, не успею я выйти за дверь, как она выскочит из постели и примется отплясывать чарльстон.

— Она не ест. Говорит, ей от этого внутри погано. Ни крошки не проглотит. Воду вот только пьет.

— Где конкретно на Сент-Эндрюсе? — спросил Толстяк Чарли.

— Просто уезжай, — сказала миссис Бустамонте. — Твоя семейка наделала тут делов.

Толстяк Чарли, похоже, собрался было что-то ответить, но так и не ответил и ушел, не сказав больше ни слова.

Миссис Бустамонте отнесла полный кувшин к миссис Данвидди. Та тихо лежала в постели.

— Сын Нанси нас ненавидит, — сказала миссис Бустамонте. — Что ты ему наговорила?

Миссис Данвидди не ответила. Миссис Бустамонте прислушалась и хотя была уверена, что та еще дышит, сняла с миссис Данвидди очки с толстыми линзами и положила у кровати, а потом подтянула покрывало, чтобы прикрыть ей плечи.

И стала ждать конца.

* * *

Толстяк Чарли отъехал от дома, не вполне понимая, куда направляется. За последние две недели он пересек Атлантику трижды, а деньги, что дал

ему Паук, были уже на исходе. В машине он был один, и, будучи один, мурлыкал себе под нос.

Он ехал мимо выводка ямайских ресторанов, когда заметил табличку в окне: «НА ОСТРОВА ЗАДЕШЕВО». Он остановился и вошел.

— Мы в агентстве «Эй-Ван трэвел» идем навстречу всем пожеланиям клиентов. — Турагент сказал это таким приглушенным и извиняющимся голосом, какой врач обычно приберегает для случаев, когда приходится сообщить пациенту, что вышеозначенную конечность придется ампутировать.

— Гм, да. Спасибо. Гм, а как дешевле всего добраться до Сент-Эндрюса?

— Собираетесь в отпуск?

— В общем-то нет. Просто хочу слетать на денек. Может, на два.

— Вылет когда?

— Сегодня после обеда.

— А, я понял, это шутка.

— Вовсе нет.

На компьютерный экран брошен скорбный взгляд. По клавиатуре застучали пальцы.

— Не думаю, что у нас есть что-нибудь дешевле тысячи двухсот долларов.

— Ох, — обмяк Толстяк Чарли.

Снова стук по клавиатуре. Человек шмыгнул носом.

— Не может быть, — сказал он. — Погодите-ка.

Набрал чей-то номер.

— Этот тариф еще действителен? — и бегло записал в блокноте несколько цифр. Поднял глаза на Чарли. — Если вы готовы поехать на неделю и остановиться в отеле «Дельфин», я продам вам недельную путевку за пятьсот долларов, включая питание. Билеты бесплатно, оплатите только топливный сбор.

— А в чем подвох? — моргнул Толстяк Чарли.

— Это рекламная путевка. Как-то связано с музыкальным фестивалем. Не думал, что они их еще проводят. Но, в общем, знаете, как говорят. Бесплатный сыр только в мышеловке. А если захотите поесть где-нибудь еще, это обойдется вам недешево.

Толстяк Чарли протянул собеседнику мятые стодолларовые банкноты.

* * *

Дейзи начала себя чувствовать таким копом, какого только в кино и встретишь: жестким, крутым, отлично знающим приемы против лома; таким копом, который хочет знать, считаешь

ли ты себя везунчиком[72] или собираешься осчастливить его[73], но особенно — таким копом, который говорит: «Я становлюсь слишком стар для подобного дерьма». Ей было двадцать шесть, и она уже готова была заявить, что слишком стара для подобного дерьма. Прекрасно понимая, как смешно это звучит, спасибо вам большое.

А теперь она стояла в кабинете старшего инспектора Кэмбервелла и говорила:

— Да, сэр. Сент-Эндрюс.

— Ездил туда несколько лет назад с бывшей миссис Кэмбервелл отдохнуть. Отличное местечко. Ромовый торт.

— Похоже, нам туда и нужно, сэр. На видео с камер слежения в «*Гэтвике*»[74] определенно он. Путешествует под именем Бронштейн. Роджер Бронштейн вылетел в Майами, сделал пересадку и отправился на Сент-Эндрюс.

— Вы уверены, что это он?

---

[72] Примечания: 72

В оригинале — скрытая цитата из фильма Клинта Иствуда «Грязный Гарри» (1971; *Do you feel lucky?*).

[73] Примечания: 73

В оригинале — скрытая цитата из фильма Клинта Иствуда «Внезапный удар» (1983; *Go ahead, make day*).

[74] Примечания: 74

Гэтвик (*Gatwick Airport*) — один из самых крупных аэропортов Великобритании.

— Уверена.

— Значит, — сказал Кэмбервелл, — нас обвели вокруг пальца. Договоренностей о выдаче нет.

— Но хоть *что-то* мы можем сделать!

— М-м-м, мы можем заморозить оставшиеся счета и арестовать активы. И мы это сделаем. Но толку от этого как от водорастворимого зонтика, потому что у него навалом наличных, до которых мы не доберемся, даже если и отыщем.

— Но это *нечестно*, — сказала Дейзи.

Он глянул на нее так, будто не совсем понимал, на что именно смотрит.

— Мы тут не в салки играем. Если бы преступники соблюдали правила, они были бы на нашей стороне. Если он вернется, мы его арестуем.

Он смял маленького пластилинового человечка в пластилиновый ком и начал расплющивать пластилин в тонкую пластинку, зажав его между большим и указательным пальцами.

— В старые времена, — сказал он, — преступник мог попросить убежища в церкви. И пока оставался в церкви, для закона он был недосягаем. Даже убийца. Правда, это сильно ограничивало его социальные возможности.

Он посмотрел на нее, будто ожидая, чтобы она ушла.

— Он убил Мэв Ливингстон, — сказала Дейзи. — И годами напропалую обманывал своих клиентов.

— И?

— Мы должны привлечь его к ответственности.

— Не позволяй делу зацепить тебя, — сказал он.

«Я становлюсь слишком стара для подобного дерьма», — подумала Дейзи. Она держала рот на замке, и эти слова, не найдя выхода, вертелись у нее в голове.

— Не позволяй делу зацепить тебя, — повторил он.

Он сложил пластилиновую пластинку в грубый куб и злобно сдавил его пальцами.

— Я этого никогда не допускал. Представь, что ты дорожный инспектор. Грэм Коутс — всего лишь автомобиль, который припарковался на двойной желтой полосе, но уехал до того, как ты успела выписать штраф. Понимаешь?

— Да, — сказала Дейзи. — Конечно. Простите.

— Ладно, — сказал он.

Она вернулась на свое место, зашла на сайт для служебного пользования и в течение нескольких часов прикидывала различные варианты. А по-

том отправилась домой. Кэрол ела разогретую в микроволновке *корму*[75] с курицей и смотрела по телевизору сериал.

— Возьму паузу, — сказала Дейзи. — Отдохну немного.

— Ты в этом году уже весь отпуск использовала, — здраво заметила Кэрол.

— Очень жаль, — сказала Дейзи. — Я слишком стара для подобного дерьма.

— Ох. И куда собираешься?

— Я собираюсь поймать одного ворюгу, — сказала Дейзи.

* * *

Компания «Карибские авиалинии» Толстяку Чарли понравилась. Может, это и была международная компания, но она больше походила на местный автобусный парк: стюардесса назвала его «дорогушей» и сказала, что он может сесть «пр'сто где захочется».

Он растянулся поперек трех кресел и провалился в сон. Толстяку Чарли снилось, что он гуляет под медными небесами, а мир — недвижим и

---

[75] Примечания: 75

Корма — популярное в Британии блюдо индийской кухни.

тих. Он шел к птице, что *безмернее городов*[76], *к птице, глаза которой пылают огнем*[77], к птице с разинутым клювом — и вошел в этот клюв и опустился в глотку.

Дальше, как это бывает в снах, он оказался в комнате, в стенах которой, покрытых мягкими перьями, спрятались глаза, как у сов, круглые и немигающие.

В центре комнаты лежал Паук. Руки и ноги разведены в сторону. Он был прикован костяными цепями, словно бы из куриных косточек, и цепи тянулись из каждого угла и крепко его удерживали, как муху паутина.

— А, — сказал Паук, — *это ты.*

— Я, — сказал во сне Толстяк Чарли.

Костяные цепи натянулись и врезались в плоть Паука, на лице его отразилось страдание.

– *Ну*, — сказал Толстяк Чарли, — *кажется, могло быть и хуже.*

– *Не думаю, что этим все закончится*, — сказал его брат. — *Полагаю, у нее на меня какие-то*

---

[76] Примечания: 76

«...безмернее городов...» — отсылка к английскому поэту Эндрю Марвеллу (1621–1678).

[77] Примечания: 77

«...к птице, глаза которой пылают огнем...» — аллюзия на стихотворение Льюиса Кэрролла «Бармаглот» (*пер. Д. Орловской*) из «Алисы в Зазеркалье»: Jabberwocky, eyes aflame.

планы. На нас. Я только не знаю, в чем они заключаются.

— Да это просто птицы, — сказал Толстяк Чарли. *— Что плохого они могут сделать?*

— О Прометее когда-нибудь слышал?

— Э-э-э…

— Дал человеку огонь. В наказание боги приковали его к скале. И каждый день к нему слетал орел и клевал его печень.

— И он оставался без печени?

— На следующий день вырастала новая. Это же боги.

Повисла пауза. Братья смотрели друг на друга.

— Я разберусь, — сказал Толстяк Чарли. *— Я все налажу.*

— Как наладил свою жизнь? — невесело ухмыльнулся Паук.

— Извини.

— Да нет, это ты извини, — вздохнул Паук. *— Так что, у тебя есть план?*

— План?

— Видимо, это значит «нет». Просто сделай, что должен. Вытащи меня отсюда.

— Ты в аду?

— Я не знаю, где я. В птичьем аду, если такой существует. Ты должен вытащить меня.

— Как?

— Ты сын своего отца, разве нет? Ты мой брат. Придумай что-нибудь. Но вытащи.

Толстяк Чарли проснулся, весь дрожа. Стюардесса принесла ему кофе, который он с благодарностью выпил. Теперь, проснувшись, спать он больше не хотел, а потому принялся читать журнал «Карибских авиалиний», откуда узнал много полезного об острове Сент-Эндрюс.

Он узнал, что Сент-Эндрюс — пусть и не самый маленький островок на Карибах, но о нем очень редко вспоминают те, кто составляет списки. Он был открыт испанцами примерно в 1500 году, необитаемая верхушка вулкана с богатой животной жизнью, не говоря уж о многообразии растительной. Про Сент-Эндрюс говорили: здесь что ни посади, все вырастет.

Остров принадлежал испанцам, потом перешел к британцам, после них к голландцам, затем снова к британцам, а затем — на короткий период после обретения независимости в 1962 году — майору Ф. Э. Гаррету, который сместил правительство, разорвал дипломатические отношения со всеми, кроме Конго и Албании, и правил жезлом железным, пока несколько лет спустя не умер, упав с кровати. Он упал так неудачно, что

сломал множество костей, хотя в спальне присутствовал целый отряд солдат, каждый из которых позднее заявил, что пытался, пусть и неудачно, предотвратить падение. Несмотря на все усилия солдат, к тому времени, когда его привезли в единственную на острове больницу, майор был мертв. С той поры остров Сент-Эндрюс управляется благодетельным выборным правительством и дружествен всем и каждому.

Крохотный участок влажных джунглей в центре острова окружают мили песчаных пляжей; здесь растут бананы и сахарный тростник, местная банковская система поощряет иностранные инвестиции и открытие офшорных счетов плюс ни с одной из стран — за исключением, возможно, Конго и Албании — нет договоренностей об экстрадиции.

Если Сент-Эндрюс чем-то известен, так это своей кухней: местные утверждают, что мариновали курицу задолго до ямайцев, готовили козленка под соусом карри задолго до тринидадцев и жарили летучих рыб задолго до барбадосцев.

На Сент-Эндрюсе два города: на восточной стороне — Вильямстаун, а на севере — Ньюкастл. На уличных рынках можно купить все, что здесь произрастает. Также на острове имеются несколь-

ко супермаркетов, где можно купить то же самое вдвое дороже. А когда-нибудь на Сент-Эндрюсе появится настоящий международный аэропорт.

Согласия по вопросу, чего от глубокой гавани Вильямстауна больше — вреда или пользы, — нет. Бесспорным является тот факт, что в гавань заходит множество круизных судов, и эти плавучие острова заполнены людьми, изменяющими экономику и природу Сент-Эндрюса так же, как они изменили экономику многих карибских островов. В разгар сезона в вильямстаунской бухте стоят до шести круизных лайнеров, и тысячи людей ждут, когда смогут сойти на берег, размять ноги, заняться покупками. И народ Сен-Эндрюса, ворча, приветствует гостей на берегу, продает им всякое, кормит до отвала, а потом отправляет обратно на корабли…

При посадке самолет «Карибских авиалиний» так тряхнуло, что Толстяк Чарли уронил журнал. Он поднял его и засунул обратно, в карман стоящего впереди кресла, спустился по трапу и поплелся по бетонной полосе.

День клонился к вечеру.

Из аэропорта Толстяк Чарли ехал в отель на такси, и за время поездки узнал кое-что, о чем в журнале «Карибских авиалиний» не пишут.

К примеру, он узнал, что музыка, настоящая музыка, правильная музыка — это кантри и ковбойские песни. На Сент-Эндрюсе это знают даже *растаманы*[78]. Джонни Кэш? Бог. Вилли Нельсон? Полубог.

Он узнал, что никаких причин уезжать с Сент-Эндрюса нет и не было. Таксист причин для отъезда не видел, а думал он об этом порядком. На острове есть и пещера, и гора, и джунгли. Отели? Двадцать штук. Рестораны? Десятки. Большой город, три городка поменьше, несколько деревень. Еда? Здесь растет все. Апельсины. Бананы. Мускатный орех. И даже, сказал таксист, лайм.

— Не может быть, — сказал на это Толстяк Чарли, больше для того, чтобы поучаствовать в беседе.

Таксист же воспринял эту реплику как сомнение в собственной честности. Он вдарил по тормозам, развернулся, съехав в кювет, выскочил из автомобиля, перегнулся через изгородь и сорвал что-то с дерева.

---

[78] Примечания: 78

Растаманы (растафарианцы, растафари) — последователи африканского религиозного движения Растафари. Для идеологии растафарианцев характерно негативное отношение к «Вавилону» как прагматической социально-политической системе, основанной на западной материальной культуре, которому они противопоставляют «Зион», место, где люди живут добром и не гонятся за наживой.

— Смотрите! — сказал он. — Никто никогда не назовет меня лжецом! Что это?

— Лайм? — спросил Толстяк Чарли.

— Именно.

Таксист с креном пополам выехал обратно на дорогу. Он сообщил Толстяку Чарли, что «Дельфин» — отличный отель. У Толстяка Чарли на острове семья? Он здесь кого-нибудь знает?

— Вообще-то, — сказал Толстяк Чарли, — я тут кое-кого ищу. Женщину.

Таксист решил, что это прекрасная идея, ведь если ты ищешь женщину, Сент-Эндрюс — самое подходящее место. И все потому, развил он тему, что женщины на Сент-Эндрюсе пофигуристей женщин с Ямайки, и не так часто разбивают сердца и надежды, как тринидадки. Кроме того, они красивее доминиканок, да еще и готовят так, что лучше поварих на свете не найдешь. И если Толстяк Чарли ищет женщину, он попал в правильное место.

— Я ищу не просто женщину, а конкретную женщину, — сказал Толстяк Чарли.

Таксист сказал Толстяку Чарли, что тому сегодня здорово повезло, потому что он, таксист, знает на острове буквально всех и очень этим гордится. Для того чтобы знать всех, сказал он,

нужно прожить здесь всю жизнь. И он готов поспорить, что Толстяк Чарли не знает в лицо всех англичан, и Толстяк Чарли признал, что это так.

— Она друг семьи, — сказал Толстяк Чарли. — Ее зовут миссис Хигглер. Келлиэнн Хигглер. Слышали о такой?

Какое-то время таксист молчал. Казалось, он думает. Потом он сказал, что нет, никогда о такой не слышал. Такси остановилось у отеля «Дельфин», Толстяк Чарли расплатился и вошел.

У стойки администратора стояла девушка. Он, положив на стойку лайм, предъявил ей паспорт и номер брони.

— У вас есть какой-нибудь багаж?

— Нет, — извиняющимся тоном сказал Толстяк Чарли.

— Совсем?

— Совсем. Только лайм.

Он заполнил несколько форм, а она дала ему ключ и объяснила, куда идти.

Когда в дверь постучали, Толстяк Чарли принимал ванну. Он обернулся полотенцем. За дверью стоял коридорный.

— Вы лайм на стойке забыли, — сказал он, передавая лайм Толстяку Чарли.

— Спасибо, — сказал Толстяк Чарли и вернулся

в ванну. А потом улегся спать, и ему снились беспокойные сны.

* * *

Грэму Коутсу в его доме на горе тоже снились очень странные сны: темные и непрошенные, не сказать неприятные. Он не мог толком вспомнить, что ему снилось, но, открыв по утрам глаза, смутно подозревал, что всю ночь гонялся за маленькими тварями в высокой траве, обездвиживая их ударом лапы и раздирая тельца зубами.

Ему снилось, что его зубы — оружие уничтожения.

Он просыпался в легком беспокойстве, которое днем лишь усиливалось.

Каждое утро начинался новый день, а Грэм Коутс уже тосковал в изгнании, хотя прошла всего неделя новой жизни. У него бассейн, да, и деревья какао, и грейпфруты, и мускатный орех, и полный винный погреб, и пустая мясная холодильня, и медиа-центр. У него есть спутниковое телевидение, большая коллекция DVD — не говоря уже о развешенных по всем стенам произведениях искусства на тысячи долларов. Каждый день приходит повар, который готовит пищу;

в доме есть экономка и садовник (семейная пара, приходят ежедневно на несколько часов). Пища отличная, климат — если вам нравятся теплые солнечные деньки — идеальный, но все это не приносило Грэму Коутсу той радости, которую, по его мнению, должно было приносить.

С тех пор как покинул Англию, он не брился. Бороды это ему не обеспечило, щеки лишь покрылись щетиной, придающей мужчинам изворотливый вид. Вокруг глаз круги, как у панды, а под глазами — мешки.

Он плавал в бассейне по утрам, но солнца в основном избегал; он говорил себе, что не для того нажил неправедным путем деньги, чтобы истратить их на лечение рака кожи. Или чего-то еще.

Он слишком много думал о Лондоне. Метрдотели во всех его любимых лондонских ресторанах знали его по имени и заботились о том, чтобы он остался доволен. В Лондоне немало людей, которые ему обязаны, и он без труда получал билеты на премьеры, а там хватало театров, так что премьер тоже было предостаточно. Он привык считать, что организовал себе отличную ссылку, но теперь начал в том сомневаться.

В поисках козла отпущения он пришел к выводу, что во всем виновата Мэв Ливингстон. Это

она его довела. Это она пыталась его ограбить. Мегера, распутница, потаскушка. Она получила по заслугам. Еще легко отделалась. Случись ему давать интервью для телевидения, тоном оскорбленной невинности он бы поведал о том, как защищал свою собственность и честь от опасной сумасшедшей. Честно говоря, он вообще чудом выбрался из того кабинета живым…

А еще ему *нравилос*ь быть Грэмом Коутсом. Теперь, как и всегда на острове, он был Бэзилом Финнеганом, и это его раздражало. Он не чувствовал себя Бэзилом. «Бэзильство» не далось ему даром: подлинный Бэзил родился примерно тогда же, когда и Грэм, но умер во младенчестве. Копия свидетельства о рождении плюс письмо от несуществующего священника — и Грэм Коутс получил и паспорт, и удостоверение личности. Ему пришлось поддерживать ее «на плаву» — у Бэзила была хорошая кредитная история, он путешествовал по экзотическим местам и не глядя купил на Сент-Эндрюсе роскошный дом. Но для Грэма Бэзил всегда был подчиненным, и вдруг слуга как будто стал повелителем. Бэзил Финнеган пожирал его заживо.

— Если я тут останусь, — сказал Грэм Коутс, — я с ума сойду.

— Что вы говорить? — спросила экономка, склонившаяся с тряпкой у двери в ванную.

— Ничего, — ответил Грэм Коутс.

— А вроде как сказали, с ума сходить, если будете стоять. Вы нужно гулять. Гулять вам польза.

Грэм Коутс не гулял; за него гуляли другие. Но, пришло ему в голову, возможно, Бэзил Финнеган мог бы прогуляться. Он надел широкополую квакерскую шляпу и переобулся из сандалий в удобные туфли. Он взял с собой мобильный, велел садовнику забрать его по первому звонку и выдвинулся из дома на горе в направлении ближайшего городка.

Мир тесен. Чтобы убедиться в этом, не обязательно долго жить на свете. Есть теория, что в целом мире наберется не больше пяти сотен настоящих людей (так сказать, основная труппа; остальные, согласно этой теории, — всего лишь массовка) и, что еще важнее, все они друг с другом знакомы. И это правда — в известной мере. В реальности мир состоит из тысяч и тысяч групп человек по пятьсот, и жизнь людей в этих группах уходит на то, чтобы натыкаться друг на друга, пытаться избежать друг друга или случайно обнаруживать друг друга в одном и том же кафе в Ванкувере. В этом процессе есть своя

фатальность. Это отнюдь не случайное совпадение. Просто мир так устроен, безотносительно индивидуумов и смысла.

Вот и Грэм Коутс зашел в маленькое кафе по дороге к Вильямстауну, чтобы было где выпить воды и посидеть в ожидании садовника, который бы приехал за ним на машине.

Заказав фанту, он присел за столик. В кафе было почти пусто, лишь две дамы — молодая и постарше — сидели в дальнем углу, пили кофе и подписывали открытки.

Грэм Коутс глядел вдаль, через дорогу, на пляж. Рай, с тоской думал он. Может, стоит приобщиться к местной жизни — например, в качестве покровителя искусств. Он уже сделал несколько солидных пожертвований островной полиции, и возможно, ему стоит удостовериться, что…

— Мистер Коутс? — спросил за спиной нерешительный, взволнованный голос, и сердце его дрогнуло.

Рядом с ним, лучезарно улыбаясь, присела та, что помоложе.

— Надо же, где встретились! — сказала она. — Вы тоже в отпуске?

— Что-то вроде того. — Он понятия не имел, кто это.

— Вы помните меня? Рози Ной. Я встречалась в Толстяком, с Чарли Нанси. Вспомнили?

— Здравствуйте, Рози. Конечно, помню.

— Мы с мамой в круизе. Она вон подписывает открытки.

Грэм Коутс оглянулся через плечо на дальний конец зала, и та, вторая, тоже взглянула на него. Она показалась ему похожей на южноамериканскую мумию в платье в цветочек.

— Если честно, — продолжала Рози, — я не из тех, кто любит круизы. Десять дней от одного острова к другому. Приятно встретить знакомое лицо, правда?

— Безу*слав*но, — согласился Грэм Коутс. — Верно ли я понимаю, что вы и наш Чарльз более не, так сказать, не вместе?

— Да, — сказала она. — Думаю, верно. В смысле, не вместе.

С виду Грэм Коутс сочувственно улыбался. Подхватив бокал с фантой, он прошел с Рози к дальнему столику. Мать Рози излучала враждебность, как излучает холод старая железная батарея в неотапливаемой комнате, но Грэм Коутс был неотразимо очарователен, крайне предупредителен и во всем с ней соглашался. Удивительно, что позволяют себе организаторы

круизов в наши дни; просто возмутительно, до какого небрежения они доходят, если им это позволить; ужасно, до чего мало на островах достопримечательностей; и во всех отношениях возмутительно, с чем приходится мириться пассажирам: десять дней без горячей ванны, лишь жалкое подобие душа и все. Ужасно.

Мать Рози рассказала ему о личной неприязни, которую культивировала в себе по отношению к некоторым американским пассажирам, чье главное преступление, как понял Грэм Коутс, заключалось в том, что они накладывали в свои тарелки слишком много еды в буфете «Скулящей атаки» и принимали солнечные ванны поблизости от расположенного на корме бассейна, который мать Рози с первого дня в море считала бесспорно своим.

Грэм Коутс, под градом сарказмов, кивал и издавал сочувственные звуки, а еще цокал, поддакивал и квохтал до тех пор, пока мать Рози не оказалась готова пересмотреть свою антипатию по отношению к незнакомцам, а также людям, каким-либо образом связанным с Толстяком Чарли, и она говорила, и говорила, и говорила. Впрочем, Грэм Коутс не особенно слушал. Он размышлял.

Было бы достойно сожаления, думал Грэм Ко-

утс, если бы кто-то именно сейчас вернулся в Лондон и сообщил властям, что видел Грэма Коутса на Сент-Эндрюсе. Когда-нибудь его неизбежно заметят, но эту неизбежность можно было бы, вероятно, отложить.

— Позвольте мне, — сказал Грэм Коутс, — предложить решение по меньшей мере одной из ваших проблем. Чуть выше по дороге у меня загородный дом. Неплохой, как я полагаю. И в чем в чем, а в ваннах там нет недостатка. Не хотите ли проследовать туда, чтобы доставить себе удовольствие?

— Нет, спасибо, — сказала Рози. Согласись она, и можно не сомневаться, мать сразу же скажет, что этим вечером они должны пораньше вернуться в вильямстаунский порт, да еще выбранит Рози за то, что та принимает подобные предложения, по сути, от незнакомца. И Рози сказала «нет».

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказала мать Рози. — С удовольствием.

Чуть позже садовник подогнал ко входу в кафе черный «мерседес», и Грэм Коутс открыл перед Рози и ее матерью заднюю дверцу.

И заверил, что безу*слав*но доставит их в гавань задолго до того, как на корабль отправится последняя шлюпка.

— Куда, мистер Финнеган? — спросил садовник.

— Домой, — сказал он.

— Мистер Финнеган? — спросила Рози.

— Старое семейное имя, — ответил Грэм Коутс, убежденный, что это правда. Для какой-нибудь семьи. Он захлопнул заднюю дверцу и обошел автомобиль, чтобы сесть впереди.

* * *

Мэв Ливингстон потерялась. Все начиналось так хорошо: она захотела оказаться дома, в Понтефракте, свет замерцал, поднялся жуткий ветер, и в одном эктоплазмическом порыве она оказалась дома. Она в последний раз прошлась по дому и вышла в осенний день. Мэв хотела увидеть сестру, живущую в Суссексе, и не успела об этом подумать, как оказалась в саду, где та выгуливала спрингер-спаниэля.

Это оказалось совсем несложно.

Именно тогда она решила, что хочет видеть Грэма Коутса, и с этого момента все пошло наперекосяк. Она сразу же вернулась назад, в офис в Олдвиче, потом в пустой дом в Перли, где Грэм Коутс устраивал небольшую вечеринку лет десять назад, а потом…

А потом она потерялась. И куда бы ни пыталась отправиться, это все только усугубляло.

Теперь она понятия не имела, где находится. Похоже на какой-то сад.

Короткий ливень все, кроме нее, промочил. От земли поднимался пар, и она поняла, что она не в Англии. Темнело.

Она села на землю и принялась шмыгать носом.

— Ну вот, — сказала она себе, — Мэв Ливингстон, соберись.

Но шмыгать после этого стала только чаще.

— Может, дать носовой платок? — спросил кто-то.

Мэв подняла голову. Платок предлагал пожилой тонкоусый джентльмен в зеленой шляпе.

Она кивнула и сказала:

— Хотя, кажется, это не имеет смысла. Я все равно не смогу к нему прикоснуться.

Мужчина сочувственно улыбнулся и передал ей платок. Пальцы не прошли сквозь платок, так что она высморкалась и промокнула глаза.

— Спасибо. И извините. Как-то все навалилось.

— Бывает, — сказал мужчина. Он оценивающе

оглядел ее сверху вниз. — Кто вы? *Даппи*[79]?

— Нет, — сказала она. — Не думаю. А что значит «даппи»?

— Призрак, — сказал он. Его тонкие усы напомнили ей, пожалуй, *Кэба Кэллоуэя* или *Дона Амичи*[80], одну из тех звезд, что, старея, не утрачивают своей звездности. Кем бы ни был этот мужчина, он оставался звездой.

— Ах да, точно. Да, я одна из них. Хм. А вы?

— Более или менее, — сказал он. — Во всяком случае, я мертв.

— Ох. Позвольте спросить, где мы находимся?

— Мы во Флориде, — сказал он. — На кладбищенской земле. Это хорошо, что вы на меня набрели, — добавил он. — Я как раз собирался прогуляться. Не хотите присоединиться?

— А почему вы не в могиле? — спросила она нерешительно.

— Скучно стало, — ответил он. — Вот решил прогуляться. И может, немного порыбачить.

Она, все еще сомневаясь, кивнула. Хорошо,

---

[79] Примечания: 79

Даппи (вест. — инд.) — злобный дух, вселяющийся в человека и сводящий его с ума.

[80] Примечания: 80

Кэб Кэллоуэй (1907–1994) — знаменитый американский джазмен. *Дон Амичи* (1908–1993) — известный американский актер.

когда есть с кем поговорить.

— Хотите услышать историю? — спросил старик.

— Не особенно, — призналась она.

Он помог ей подняться, и они покинули сад упокоения.

— Довольно честно. Тогда постараюсь покороче. Не буду вдаваться. Знаете, я такие истории могу неделями рассказывать. Все дело в деталях: эти добавляешь, о других умалчиваешь. В смысле, оставив в стороне погоду и во что люди были одеты, пол-истории пропускаешь. Я вот однажды рассказывал историю…

— Послушайте, — перебила она, — если собираетесь рассказать, просто расскажите и все, хорошо?

Смеркалось, и идти вдоль дороги было неприятно. Она напомнила себе, что никакая машина ее не собьет, но это не сделало ощущения более комфортными.

Старик, слегка нараспев, начал рассказывать.

— Вы должны понять, когда я говорю «тигр», — сказал он, — я имею в виду не полосатую кошку из Индии. А тех, кого люди называют большими кошками — пум, рысей, ягуаров, в общем, всех. Улавливаете?

— Разумеется.

— Хорошо. Итак… Давным-давно, — начал он, — истории принадлежали Тигру. Все истории, что когда-либо были, принадлежали Тигру, все песни принадлежали Тигру, и я бы даже сказал, что все шутки принадлежали Тигру, но во времена Тигра было не до шуток. В историях Тигра было важно лишь, сколь крепки твои зубы, как ты охотишься и как убиваешь. Но ни мягкости, ни ловкости, ни мира в историях Тигра не было.

Мэв попыталась представить, какие истории могла бы рассказать большая кошка.

— То есть они были жестокими?

— Иногда. Но по большей части плохими. Когда все истории и песни принадлежали Тигру, это были плохие для всех времена. Люди принимают форму при помощи тех песен и историй, которые их окружают, особенно если собственной песни у них нет. А во времена Тигра все песни были мрачными. Начинались со слез, заканчивались кровью, и других историй люди того мира не знали. И вот пришел Ананси. Вы, полагаю, все о нем знаете…

— Не думаю, — сказала Мэв.

— Ну, если я начну рассказывать, как умен и красив, как обаятелен и коварен он был, мне при-

дется говорить до следующего четверга, — начал старик.

— Тогда не надо, — сказала Мэв. — Поверим на слово. А что этот Ананси сделал?

— Ну, Ананси выиграл истории. Хотя почему выиграл? Он их заслужил. Он забрал их у Тигра и сделал так, чтобы Тигр больше не смог вернуться в реальный мир. По крайней мере, во плоти. Истории, которые рассказывали люди, стали историями Ананси. Это было десять или пятнадцать тысяч лет назад. Теперь истории принадлежат Ананси — и в них есть шутки, обман и мудрость. Теперь все люди по всему миру перестали размышлять только об охоте или о том, как не стать добычей. Они начинают *задумываться* о том, как избежать проблем, — порой ввергая себя в еще большие проблемы. Им все еще нужно набивать себе животы, но теперь они пытаются придумать, как сделать это, ничего не делая, вот *ради чего* люди начинают раскидывать мозгами. Некоторые думают, что первым орудием было оружие, но все было наоборот. Сперва люди разобрались с орудиями. Сначала костыль, потом дубина — и никак иначе. И поскольку люди теперь рассказывают истории Ананси, они начали задумываться, как добиться поцелуя, как получить что-то за

просто так, будучи умнее или забавнее. Вот когда они стали созидать мир.

— Это просто сказка, — сказала она. — Люди начали с того, что придумали истории.

— Что это меняет? — спросил старик. — Может, Ананси это просто какой-то парень из истории, придуманной в Африке в дни, когда мир только начинался. Какой-то мальчишка с болячкой на ноге, шлепая костылем по грязи, придумал бестолковую историю о человеке из смолы. Это что-нибудь меняет? Люди отвечают на истории. Они рассказывают их самим себе. Истории разлетаются, и когда их рассказывают, меняют рассказчиков. Потому что сейчас те, кто думал лишь о том, как убежать от льва или держаться подальше от реки, чтобы не стать легкой добычей крокодилов, начали мечтать о совсем другой жизни. Мир, может, и остался прежним, зато обои поменялись, верно? У людей по-прежнему та же история, они рождаются, что-то делают и умирают, но теперь история значит совсем не то, что прежде.

— Вы пытаетесь сказать, что до историй Ананси мир был грубым и злым?

— Да. Примерно так.

Она обдумала это.

— Ну, — сказала она радостно, — значит, это хорошо, что теперь истории принадлежат Ананси.

Старик кивнул.

— А разве Тигр не хочет получить их назад? — спросила она.

— Уже десять тысяч лет как хочет, — снова кивнул он.

— Но они ведь ему не достанутся?

Старик ничего не ответил. Он смотрел куда-то вдаль. А потом пожал плечами.

— Будет плохо, если достанутся.

— А что с Ананси?

— Ананси умер, — ответил старик. — И вряд ли даппи может тут что-то сделать.

— Как даппи, — сказала она, — я возмущена!

— Ну, — сказал старик. — Даппи ведь не могут коснуться живых, помните?

Она задумалась об этом на минутку.

— А чего же я могу коснуться? — спросила она.

Выражение, промелькнувшее на старом лице, было вместе и коварным и озорным.

— Ну, — сказал он, — например, меня.

— Да будет вам известно, — сказала она, приняв оскорбленный вид, — я замужняя женщина.

Его улыбка стала только шире. Это была приятная и мягкая улыбка, столь же душевная, сколь

и опасная.

— Вообще говоря, контракты такого рода остаются в силе, лишь «пока смерть не разлучит нас».

На Мэв это не произвело впечатления.

— Дело в том, — сказал он, — что вы нематериальны. Вы можете касаться нематериальных вещей. Например, меня. В смысле, если хотите, мы могли бы поплясать. Тут вниз по улице есть местечко. Никто не обратит внимание на парочку даппи на танцполе.

Мэв задумалась. Давненько она не ходила на танцы.

— А танцуете вы хорошо? — спросила она.

— Никто не жаловался, — ответил старик.

— Мне нужно найти человека — живого человека — по имени Грэм Коутс, — сказала она. — Вы мне поможете?

— Я определенно смогу подсказать вам верное направление, — сказал он. — Ну так что, вы танцуете?

К уголкам ее губ подкралась улыбка.

— А вы приглашаете? — спросила она.

* * *

С Паука спали цепи, державшие его в плену. Боль острая и не отпускающая — почти как зубная, пронизывавшая все тело, — начала отступать.

Паук шагнул вперед.

В небе перед ним был разрыв. К нему он и направился.

Он увидел остров. В центре острова возвышалась небольшая гора. Чистое синее небо, покачивающиеся пальмы, белая чайка в вышине. Но пока он его разглядывал, мир начал удаляться, словно Паук смотрел на него с другого конца подзорной трубы. Мир сжимался и ускользал, и чем быстрее Паук бежал к нему, тем дальше он становился.

Мелькнув отражением в луже, остров совсем исчез.

Паук оказался в пещере. Очертания предметов здесь были резкими — резче и четче, чем где бы то ни было. Это было совсем другое место.

Она стояла на пороге пещеры, между Пауком и открытым пространством. Он знал ее. Это она разглядывала его в греческом ресторане в южном Лондоне, когда птицы вылетали у нее изо рта.

— Должен сказать, — сказал Паук, — у вас очень странные представления о гостеприимстве. Окажись вы в моем мире, я бы вас ужином угостил, открыл бы бутылку вина, включил бы негромкую музыку и устроил бы вам незабываемый вечер.

Лицо ее было безучастно, словно высеченное из черного камня. Ветер рванул полы старого коричневого плаща. И она заговорила, голосом тонким и одиноким, как крик далекой чайки.

— Я получила тебя, — сказала она, — и теперь ты его позовешь.

— Позову? Кого?

— Заскулишь, — сказала она. — Захнычешь. Твой страх его привлечет.

— Пауки не скулят, — сказал он, хотя и не был в том уверен.

Глаза — черные и блестящие, словно из обсидиана — уставились на него. Эти глаза, как черные дыры, ничего не излучали, абсолютно ничего.

— Если вы меня убьете, — сказал Паук, — на вас падет мое проклятье.

И тут же задался вопросом, есть ли у него проклятье на самом деле. Возможно есть, а если нет, он точно знал, что сумеет притвориться, что есть.

— Ты умрешь не от моей руки, — сказала она

и подняла руку, и это оказалась не рука, а лапа хищника. Провела когтями по его лицу и груди, вонзая жестокие когти в плоть и разрывая кожу.

Это было не больно, хотя Паук знал, что боль придет довольно скоро.

Капли крови выступили на груди, покатились по лицу. Глаза жгло. Кровь коснулась губ, и он ощутил ее металлический привкус и запах.

— А теперь, — сказала она криком далеких птиц, — начнется твоя смерть.

— Мы оба — разумные существа, — сказал Паук. — Так позвольте мне предложить более подходящий альтернативный сценарий, который может оказаться выгодным для нас обоих.

Говоря, он непринужденно улыбался. И звучал очень убедительно.

— Болтаешь ты слишком много, — сказала она, покачав головой. — Лучше помолчи.

Она вытянула свои острые когти и, причинив мучительную боль, вырвала ему язык.

— Вот так, — сказала она. А потом, как будто пожалев, чуть ли не ласково коснулась лица Паука и сказала: — Спи.

И он уснул.

* * *

Мать Рози после ванны выглядела посвежевшей, воодушевленной и буквально сияла.

— Прежде чем отправиться в Вильямстаун, не хотите ли совершить короткую экскурсию по дому? — спросил Грэм Коутс.

— Нам пора на корабль, но все равно спасибо, — сказала Рози, которая так и не смогла убедить себя, что хочет принять ванну в доме Грэма Коутса.

Ее мать бросила взгляд на часы.

— У нас еще девяносто минут, — сказала она. — А на то, чтобы вернуться в гавань, потребуется не больше четверти часа. Не будь неблагодарной, Рози. Мы с удовольствием посмотрим дом.

И Грэм Коутс показал им гостиную, рабочий кабинет, библиотеку, домашний кинотеатр, столовую, кухню и бассейн. Он открыл дверь под лестницей — эта дверь выглядела так, словно вела в кладовку для метел — и пригласил гостей спуститься по деревянным ступенькам в облицованный камнем винный погреб. Вина, которые он им показал, в большинстве своем достались ему вместе с домом. Он провел их в дальний угол погреба, к пустой комнате, в которой — в те дни,

когда еще не было холодильников — хранили мясо. В мясной холодильне всегда было зябко, а с потолка свисали тяжелые цепи с крюками, на которых когда-то очень давно висели целые туши. Грэм Коутс вежливо придержал тяжелую железную дверь, пропустив женщин вперед.

— Знаете, — сказал он любезно, — я только сейчас сообразил. Выключатель там, откуда мы пришли. Погодите-ка.

И захлопнул за женщинами дверь, задвинув ее на задвижку.

Он достал из винной стойки пыльную бутылку шабли Премьер Крю урожая 1995 года.

Он взбежал по ступенькам и объявил трем своим работникам, что дает им недельный отпуск.

Когда Грэм Коутс поднимался в кабинет, ему показалось, что кто-то беззвучно следует за ним, однако когда он обернулся, никого на лестнице не было. Странно, но это его успокоило. Он нашел штопор, открыл бутылку и налил себе бокал вина. Выпив, он вдруг захотел чего-то более богатого и темного — хотя до этого уделял красным винам не слишком много внимания. *Вино должно быть цвета крови*, подумал он.

Покончив со вторым бокалом шабли, он понял, что обвинял во всем не того человека. Мэв

Ливингстон, и теперь он это ясно видел, была просто дурой. Нет, обвинять, очевидно и бесспорно, следовало Толстяка Чарли. Если бы не его преступное проникновение в компьютерную систему Грэма Коутса, Грэм Коутс не оказался бы здесь, в изгнании, как блондинистый Наполеон на прекрасной солнечной Эльбе. Он бы не столкнулся с прискорбной необходимостью запереть двух дам в мясной холодильне. *Был бы здесь Толстяк Чарли*, подумал он, *я бы ему глотку вот этими зубами разодрал*, — и мысль эта одновременно шокировала и возбудила его. С Грэмом Коутсом шутки плохи.

Наступил вечер. Грэм Коутс наблюдал из окна, как «Скулящая атака» продрейфовала мимо его дома на горе и ушла в закат. Интересно, подумал он, когда на борту хватятся двух пассажирок. И даже помахал вослед.

Глава 12
в которой Толстяк Чарли делает несколько вещей впервые

Консьерж в отеле «Дельфин» — молодой очкарик с книжкой в мягкой обложке, на которой изображены роза и пистолет.

— Я тут ищу кое-кого, — сказал Толстяк Чарли. — На острове.

— Кого?

— Даму по имени Келлиэнн Хигглер. Она из Флориды. Старый друг семьи.

Молодой человек задумчиво закрыл книгу и, щурясь, посмотрел на Толстяка Чарли. Когда так поступают герои книжек в мягкой обложке, это дает немедленное ощущение опасной бдительности, но в реальности было похоже, что молодой человек просто борется со сном.

— Так это вы человек с лаймом? — спросил он.

— Что?

— Вы человек с лаймом?

— Да, думаю, да.

— Так п’кажите же.

— Мой лайм?

Консьерж важно кивнул.

— Не могу, он остался в номере.

— Но *вы* человек с лаймом?

— Вы поможете мне найти миссис Хигглер? На острове есть другие Хигглеры? У вас есть телефонная книга? Я надеялся, что у вас они лежат в каждом номере.

— Вообще имя-то нередкое, — ответил молодой человек. — От телефонной книги толку не будет.

— И насколько оно нередкое?

— Ну, — сказал молодой человек, — меня, к примеру, зовут Бенджамин Хигглер. А девушка у стойки — Америла Хигглер.

— А. Понятно. На острове куча Хигглеров. Ну-ну.

— Она приехала на музыкальный фестиваль?

— Что?

— Фестиваль на этой неделе. — Консьерж протянул Толстяку Чарли рекламку, из которой следовало, что хедлайнером Музыкального фестиваля Сент-Эндрюса будет Вилли Нельсон (выступление отменено).

— А почему он отменил выступление?

— По той же причине, что и Гарт Брукс. Их никто не предупредил, что они выступают.

— Не думаю, что она приехала на музыкальный

фестиваль. И мне действительно нужно ее найти. У нее одна вещь, которую я ищу. Послушайте, если бы вы были на моем месте, как бы вы стали ее искать?

Бенджамин Хигглер вытащил из ящика стола карту острова.

— Мы вот здесь, чуть южнее Вильямстауна, — начал он, поставив фломастером крестик. И наметил для Толстяка Чарли план поисков: он разделил остров на сегменты, которые человек на велосипеде может обследовать за день, отметил крестиком каждый vагазинчик, торгующий ромом, и кафе. Туристские достопримечательности обвел кружочком.

После этого он выдал Толстяку Чарли велосипед напрокат, и Толстяк Чарли покрутил педали к югу.

На Сент-Эндрюсе обнаружились такие каналы передачи информации, которых Толстяк Чарли, в глубине души полагавший, что кокосовые пальмы и мобильные телефоны взаимно исключают друг друга, встретить не ожидал. С кем бы он ни говорил — со стариками, что в теньке играли в шашки, с женщинами, чьи груди походили на дыни, ягодицы на кресла, а смех — на хохот пересмешника; с благоразумной девушкой в

туристском офисе; с бородатым растаманом в вязаной шапочке цветов ямайского флага и в чем-то вроде шерстяной мини-юбки — все отвечали одно и то же.

— Это вы человек с лаймом?

— Видимо, да.

— Покажите лайм.

— Я оставил его в отеле. Слушайте, я пытаюсь найти Келлиэнн Хигглер. Ей около шестидесяти. Американка. С большой кружкой кофе в руках.

— Никогда о такой не слышал.

Велосипедные прогулки по острову, как вскоре обнаружил Толстяк Чарли, были по-своему опасны. Главным средством передвижения здесь были микроавтобусы: всегда переполненные старенькие машины разъезжали по дорогам, сигналя и визжа тормозами, вставали на поворотах на два колеса, словно не имевшие лицензий водилы всерьез полагались на то, что под тяжестью пассажиров автобус не перевернется. В первое же утро поисков Толстяк Чарли раз десять чуть не попал под колеса, спас его лишь низкий глухой ритм «драм-энд-басс», который доносился из кабины водителя: он этот ритм чуял нутром до того, как его ушей достигал рев мотора, благодаря чему успевал вырулить на обочину.

Хотя ни один из разговоров ничего ему не дал, все, с кем он встречался, были с ним чрезвычайно дружелюбны. Несколько раз в течение своей дневной экспедиции на юг Толстяк Чарли останавливался и пополнял запас воды в кафе или частных домах. И все были очень рады его видеть, хотя и не могли ничего сообщить о миссис Хигглер. В отель «Дельфин» он успел к ужину.

На следующий день он отправился на север. Ближе к вечеру, на обратном пути в Вильямстаун, он остановился на вершине горы, слез с велосипеда и подкатил его к воротам шикарного дома, что стоял на отшибе и выходил окнами на бухту. Толстяк Чарли нажал кнопку спикерфона и сказал «привет», но ему никто не ответил. На подъездной дорожке стоял большой черный автомобиль. Толстяк Чарли подумал было, что дом необитаем, но тут увидел, как в одной из верхних комнат шевельнулась занавеска.

Он нажал кнопку снова.

— Здрасте, — сказал он. — Просто хотел узнать, нельзя ли у вас пополнить запас воды.

Ответа не было. Может, ему привиделось, что кто-то стоял у окна. На острове ему все время что-то казалось: сейчас он начал воображать, будто за ним следят, причем не из дома, а из при-

дорожных кустов.

— Извините за беспокойство, — произнес он в спикерфон и снова сел на велосипед. Отсюда до Вильямстауна ехать было под гору. Он был уверен, что на пути ему встретится парочка кафе или другой дом, более гостеприимный.

Ближе к морю крутой склон переходил в пологий спуск, и Толстяк Чарли уже вовсю крутил педали, когда за его спиной возник черный автомобиль, с ревом набиравший скорость. Он слишком поздно понял, что водитель его не заметил, так что руль велосипеда оставил на крыле автомобиля длинную царапину, а Толстяк Чарли вместе со своим транспортным средством полетел вниз. Черный автомобиль даже не притормозил.

Не долетев до подножия холма примерно половину пути, Толстяк Чарли сумел наконец остановиться.

— Могло быть и хуже, — сказал он вслух.

Руль погнуло. Толстяк Чарли вытянул велосипед обратно на дорогу. Тихая вибрация басов предупредила его о приближении микроавтобуса, он проголосовал.

— Ничего, если я поставлю сзади велосипед?

— Места нет, — ответил водитель, но вытащил

из-под сиденья несколько обрывков эластичной веревки и с их помощью прикрепил велосипед на крыше. Затем улыбнулся. — Вы, должно быть, тот англичанин с лаймом?

— Я не взял его с собой, он остался в отеле.

Толстяк Чарли втиснулся в автобус, где в это время ухающие басы невероятным образом перешли в дип-перпловский «Smoke on the Water». Толстяк Чарли пристроился рядом с женщиной, которая держала на коленях курицу. Позади него две белых девчонки болтали о вечеринках, на которых побывали накануне вечером, и недостатках случайных бойфрендов, которых подцепили на отдыхе.

Ехавший навстречу черный автомобиль — «мерседес» — Толстяк Чарли заметил сразу. Сбоку по корпусу шла длинная царапина. Толстяк Чарли, почувствовав себя виноватым, понадеялся, что велосипед несильно содрал краску. Окна были так черны, что казалось, автомобиль едет сам по себе…

Одна из белых девчонок похлопала Толстяка Чарли по плечу и спросила, не слышал ли он о каких-нибудь хороших вечеринках на острове, а когда он ответил, что не слышал, начала рассказывать ему о позавчерашней вечеринке в

пещере, где еще был бассейн, и звуковая система, и освещение, и вообще *фсе*, — так что Толстяк Чарли совершенно не обратил внимания на то, что черный «мерседес» теперь следовал за микроавтобусом в Вильямстаун, и развернулся лишь тогда, когда Толстяк Чарли снял велосипед с крыши микроавтобуса («в следующий раз возьмите с собой лайм») и занес в вестибюль отеля.

Только после этого автомобиль вернулся в дом на горе.

Консьерж Бенджамин осмотрел велосипед и сказал Толстяку Чарли, что беспокоиться не о чем, до завтра все починят, и велосипед будет как новенький.

Толстяк Чарли отправился в свой номер цвета подводных глубин, где на столике, словно маленький зеленый Будда, его дожидался лайм.

— Никакого от тебя толку, — сказал он лайму.

Это было нечестно. Перед ним лежал обычный, ничем не выдающийся лайм. И потом, лайм старался, как мог.

* * *

Истории — это сети, густые, нить к нити, и вы следуете к центру каждой истории, потому что центр — это финал. А каждый человек — нить.

Взять, например, Дейзи.

Дейзи не продержалась бы так долго в полиции, если бы не благоразумная сторона ее натуры — та, что была на виду. Дейзи уважала законы, Дейзи соблюдала правила. Она понимала, что многие из этих правил произвольны — например, где можно парковаться, а где нет, или в какие часы работать магазинам — но даже от таких правил в целом была польза. Они защищали общество, они охраняли его.

Ее соседка Кэрол решила, что Дейзи сбрендила.

— Ты не можешь просто взять и уехать, сказав, что ты в отпуске. Ты же не коп из телевизора. Ты не можешь мотаться по всему миру по наводке.

— Я и не собираюсь, — возразила Дейзи. — Я просто еду отдохнуть.

Она сказала это так убедительно, что даже разумный коп, что обретался у нее в голове, умолк от неожиданности, а затем снова начал ей объяснять, что она делает не так, прежде всего указав на то, что еще немного и она отлучится со службы без разрешения — что равноценно, бормотал разумный коп, отказу от выполнения своих обязанностей — ну и дальше в том же духе.

Коп объяснял ей это на пути в аэропорт и во время полета над Атлантикой. Даже если тебе

удастся избежать черной метки в личном деле, указывал коп, не говоря уже о том, что тебя вообще могут вышвырнуть из полиции, даже в этом случае, если найдешь Грэма Коутса, ты ничего не сможешь сделать. В полицейских силах Ее Величества не принято похищать за границей преступников, не говоря уже о том, чтобы их там арестовывать, а рассчитывать на то, что ей удастся уговорить Грэма Коутса вернуться в Соединенное Королевство по доброй воле, Дейзи не приходилось.

И только когда она сошла с ямайского самолетика и вдохнула воздух Сент-Эндрюса — земляной, пряный, влажный, почти сладкий — разумный коп перестал напоминать, что ее затея безумна и бессмысленна. Потому что его заглушил другой голос. «Берегитесь все злодеи, — пел этот голос. — Берегитесь! Осторожней! Негодяям будет сложно!» — а Дейзи маршировала ему в такт. Грэм Коутс убил женщину в своем олдвичском офисе и вышел сухим из воды. Он сделал это практически под носом у Дейзи.

Она покачала головой, забрала сумку с транспортера, бодро сообщила иммиграционному чиновнику, что приехала в отпуск, и вышла к стоянке такси.

— Мне нужен отель не слишком дорогой, но и не совсем уж простецкий, — сказала она таксисту.

— Я как раз знаю такой, какой тебе нужен, дорогуша, — сказал таксист. — Запрыгивай.

* * *

Паук открыл глаза и обнаружил, что он, растянутый, лежит лицом вниз. Руки привязаны к высокому шесту, вкопанному в землю как раз перед его лицом. Ногами пошевелить Паук не мог, он даже не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, но был готов биться об заклад, что ноги его запутаны тем же манером. Движение, с помощью которого он попытался подняться из грязи и оглядеться, болью отдалось в израненном теле.

Он приоткрыл рот, и темная кровь медленно вытекла, увлажнив покрытую пылью почву.

Он услышал звук и вывернул голову, как только смог. Белая женщина с любопытством смотрела на него сверху вниз.

— С вами все в порядке? Глупый вопрос. Достаточно на вас посмотреть. Полагаю, вы еще один даппи. Так ведь говорят?

Паук немного подумал. Нет, вряд ли он даппи. Он покачал головой.

— Если вы даппи, тут нечего стыдиться. По всей видимости, я и сама даппи. Я раньше такого слова не слышала, но встретила по пути обаятельнейшего пожилого джентльмена, и он мне все об этом рассказал. Позвольте, я гляну, не могу ли вам помочь.

Она склонилась к нему и попыталась распутать узы.

— Боюсь, я не могу вас коснуться, — сказала она. — Что означает, что вы еще не мертвы. Так что не вешайте нос!

Паук надеялся, что эта странная женщина-призрак скоро уйдет. Он не мог собраться с мыслями.

— В любом случае, когда я со всем разобралась, я решила бродить по земле, пока не отомщу моему убийце. Я так и объяснила Моррису — а он был на телеэкране в «Селфриджес» — и он сказал, что я, должно быть, не понимаю, в чем смысл расставания с плотью, но, скажу я вам, если они ожидают, что я подставлю вторую щеку, им стоит еще подумать. В любом случае, прецеденты уже были. А я при случае справлюсь не хуже, чем

Банко[81] на пиру. Вы говорить-то можете?

Паук покачал головой, и кровь со лба попала в глаза. Защипало. Интересно, как долго будет отрастать новый язык, подумал Паук. Прометей навострился выращивать в день по печени, а с печенью, Паук был уверен, возни намного больше, чем с языком. Печень заправляет химическими реакциями — билирубин, мочевина, энзимы, всякое такое. Они расщепляют алкоголь, а это само по себе ого-го какая работа. Языки же только говорят. Да, говорят — и еще лижут, конечно…

— Не могу больше болтать, — сказала златоволосая женщина-призрак. — Думаю, мне предстоит еще длинный путь.

Она начала уходить, и, уходя, растворялась в воздухе. Паук, подняв голову, наблюдал, как она просачивается из одной реальности в другую, словно фотография выгорает на солнце. Он попытался окликнуть ее, но звуки, которые он смог издать, были слишком глухие и неясные. Безъязыкий.

Вдалеке кричала птица.

Паук проверил путы. Держат.

---

[81] Примечания: 81

Мэв (а это, разумеется, она) вспоминает пьесу Шекспира «Макбет», а именно момент, когда убитый по приказу Макбета Банко появляется в виде призрака на пиру и занимает трон Макбета.

Он вновь вспомнил историю Рози о вороне, который спас человека от пумы. Эта история мучила его почище следов от когтей на лице и груди. Сосредоточься. Человек лежит на земле, читает или принимает солнечные ванны. Ворон каркает на дереве. В подлеске большая хищная кошка…

И тут история преобразилась, и он понял, хотя ничего и не менялось, под каким углом ее рассматривать. Все дело в том, как смотреть на составляющие.

Что если, подумал он, птица вовсе не пыталась предупредить человека, что к нему подкрадывается большая кошка? Что если птица кричала пуме, что человек лежит на земле — мертвый, спящий или умирающий. И большой кошке остается только его прикончить. А ворон попирует тем, что останется…

Паук открыл рот, чтобы застонать, и кровь, вытекшая из его рта, собралась в лужицу на сухой глине.

Реальность прохудилась. Время утекало.

Паук, безъязыкий и взбешенный, поднял голову и вывернул ее, чтобы увидеть призрачных птиц, что летали над ним, крича.

Где это я, думал он. Это не медная вселенная

Женщины-Птицы, не ее пещера, не то, что он раньше был склонен считать реальным миром. Впрочем, это было ближе к реальному миру, так близко, что он почти мог чувствовать его вкус, точнее, мог бы почувствовать, если бы мог ощущать во рту хоть что-нибудь помимо железного привкуса крови, так близко, что не лежи Паук связанным на земле, он мог бы до него дотронуться.

И не будь он совершенно уверен в собственном душевном здоровье — а его уверенность в этом могла сравниться лишь с уверенностью тех, кто считал себя Юлием Цезарем, посланным спасти этот мир — он бы подумал, что сходит с ума. Сначала он увидел блондинку, которая считала себя даппи, а теперь слышал голоса. Во всяком случае, один голос. Голос Рози.

— Н-не знаю, — говорила она. — Я думала, это будет отдых, но от вида этих детей, у которых ничего нет, у меня сердце разрывается. Они так нуждаются… — А затем, пока Паук пытался понять, о чем речь, продолжила: — Интересно, как долго она собирается плескаться в ванне? Хорошо, что здесь хватает горячей воды.

Паук гадал, важны ли слова Рози, содержат ли они ключ к его освобождению. Вряд ли. Тем не менее он вслушивался, вдруг ветер принесет из

другого мира что-нибудь еще. Но кроме шума прибоя где-то далеко внизу за его спиной он не услышал больше ничего. Тишина. Но — особенная тишина. Существует, как заметил однажды Толстяк Чарли, множество видов тишины. У могил своя тишина. У космоса — своя. У горных вершин — своя. Это же была охотничья тишина. Тишина преследования. В этой тишине кто-то передвигался на мягких, как бархат, лапах, мускулы, как стальные пружины, напряжены под мягким мехом; кто-то цвета теней в высокой траве; кто-то, уверенный в том, что вы не услышите его, пока он этого не захочет. Эта тишина маятником двигалась из стороны в сторону прямо перед ним, медленно и неумолимо приближаясь.

Все это Паук расслышал в тишине, и волосы у него на затылке встали дыбом. Он сплевывал в пыль кровь и ждал.

* * *

Грэм Коутс мерял шагами свой дом на горе. Он прошел из спальни в кабинет, спустился по лестнице на кухню, а потом снова наверх, в библиотеку, а из нее — опять в спальню. Он злился на себя: как мог он так сглупить, решив, что визит Рози случайность?

Он понял, что это не так, когда запищал зуммер, и на экране системы видеонаблюдения появилась дурацкая физиономия Толстяка Чарли. Никаких сомнений. Это *заговор*.

Он как тигр запрыгнул в машину. Сбить и скрыться — что может быть проще? Если найдут искалеченного велосипедиста, все подумают на микроавтобус. К сожалению, он не учел, что Толстяк Чарли будет ехать так близко к обочине, Грэм Коутс не решился выкрутить руль и теперь о том жалел. Да, это Толстяк Чарли послал женщин в мясную холодильню, они — его шпионки. Они проникли в дом Грэма Коутса. Хорошо, что ему удалось нарушить их план. Он с самого начала знал, что с ними *что-то не так*.

Подумав о женщинах, он вспомнил, что еще не кормил их. Надо бы дать им какой-нибудь еды. И ведро. Через 24 часа им, возможно, потребуется ведро. Никто не скажет, что он зверь.

На прошлой неделе он приобрел в Вильямстауне пистолет. На Сент-Эндрюсе легко купить оружие, этот остров как раз из таких. Большинство людей, правда, оружие не покупает, этот остров опять-таки из таких. Грэм Коутс достал из прикроватной тумбочки пистолет и прошел на кухню. Там он вытащил из-под раковины

пластиковое ведро, швырнул в него несколько помидоров, сырой батат, наполовину съеденный кусок чеддера и пакет апельсинового сока. И — довольный, что подумал об этом, — рулон туалетной бумаги.

Он спустился в винный погреб. Из мясной холодильни не доносилось ни звука.

— У меня есть оружие, — сказал он. — И я не побоюсь им воспользоваться. Сейчас я открою дверь. Прошу, отойдите к дальней стене, развернитесь и упритесь в нее руками. Я принес еду. Будете сотрудничать — я отпущу обеих, не причинив вреда. Будете сотрудничать — и никто не пострадает. Это означает, — сказал он, восхищенный своей способностью развернуть целый батальон бессмысленных клише, — без глупостей.

Он включил в помещении свет и отодвинул засовы. Стены там были из кирпича и камня. С крюков в потолке свисали ржавые цепи.

Они стояли у дальней стены. Рози лицом к стене. Ее мать, обернувшись через плечо, смотрела на него, словно попавшая в ловушку крыса, взбешенная и исполненная ненависти.

Грэм Коутс опустил ведро; руку с оружием он опускать не стал.

— Чудесная жратва, — сказал он. — И ведро. Лучше поздно, чем никогда. Вижу, вы уже ходили в угол… Туалетная бумага тоже здесь. И не говорите, что я ничего для вас не делал.

— Вы собираетесь убить нас, — сказала Рози, — ведь так?

— Не зли его, глупая девчонка! — яростно сказала ее мать и, изобразив подобие улыбки, продолжила: — Мы благодарны за пищу.

— Конечно, я не собираюсь никого убивать, — ответил Грэм Коутс. Лишь теперь, произнеся это вслух, он признался себе, что да, конечно, собирается. Разве у него есть выбор? — Вы мне не сказали, что вас подослал Толстяк Чарли.

— Мы приплыли на круизном корабле, — сказала Рози. — Этим вечером мы должны жарить рыбу на Барбадосе. Толстяк Чарли в Англии. Я даже не думаю, что он знает, куда мы уехали. Я ему не говорила.

— Говорите что хотите, — сказал Грэм Коутс. — У меня пистолет.

Он закрыл дверь и задвинул засов. Через дверь он мог слышать, как мать Рози говорила:

— Зверь. Почему ты не спросила его про зверя?

— Потому что он тебе привиделся, мам, говорю тебе. Здесь нет никаких животных. В любом

случае, он псих. Возможно, он с тобой согласится. Может, и ему мерещатся невидимые тигры.

Уязвленный Грэм Коутс выключил свет. Он вытянул бутылку красного и поднялся по лестнице, с шумом захлопнув за собой дверь в погреб.

В подвальной тьме Рози разломила кусок сыра на четыре части и съела первую так медленно, как только могла.

— Что это он говорил про Толстяка Чарли? — спросила она, когда сыр полностью растаял во рту.

— Твой чертов Толстяк Чарли. Не хочу о нем слышать, — сказала мать. — Это из-за него мы здесь.

— Нет, мы здесь, потому что этот Коутс вообще ненормальный. Псих с оружием. Толстяк Чарли тут ни при чем. — Она старалась не позволять себе думать о Толстяке Чарли, потому что, думая о Толстяке Чарли, неизбежно начинала думать о Пауке…

— Он вернулся, — сказала мать. — Зверь. Я его слышу. И чую.

— Да, мам, — сказала Рози.

Она сидела на бетонном полу мясной холодильни и думала о Пауке. Она скучала по нему. Когда Грэм Коутс образумится и отпустит их, она попы-

тается найти Паука, решила она. Выяснить, не могут ли они все начать сначала. Она понимала, что это глупая мечта, но это была хорошая мечта, которая ее успокаивала.

Интересно, убьет нас завтра Грэм Коутс или нет, подумала она.

* * *

На расстоянии пламени свечи от них Паук следил за зверем.

День клонился к вечеру, солнце за спиной висело низко.

Паук тыкался носом и губами в то, что было иссохшей землей, пока ее не пропитали слюна и кровь. Теперь это был комок грязи, шероховатый ком красноватой глины. Паук придал этой глине более-менее сферическую форму. И теперь пытался ее подбросить, поддевая комок носом и резко вскидывая голову. Ничего не получалось, и так было уже очень много раз. Двадцать? Сто? Он не считал. Он просто продолжал. Он опустил лицо в грязь, поддел глиняный ком носом, вскинул голову вверх и вперед…

Ничего не получилось. Ничего не получится.

Надо как-то иначе.

Он обхватил комок губами и сделал через нос

максимально глубокий вдох. Затем выдохнул через рот. Шар выскочил из губ со звуком пробки из-под шампанского и приземлился примерно в полуметре от Паука.

Теперь он вывернул свою правую кисть. Запястье было накрепко примотано к столбу. Он потянул кисть к себе, поводил туда-сюда. Пальцы потянулись к кому кровавой грязи. И не дотянулись.

Он был так близко…

Паук еще раз вдохнул поглубже, но в горло попала сухая пыль, и он закашлялся. Он попытался снова, повернув голову набок, чтобы заполнить легкие. Перекатился и начал дуть в направлении шара, изо всех сил выдувая из легких воздух.

Глиняный шар сдвинулся. Меньше, чем на дюйм, но этого хватило. Паук потянулся и зажал глину в руке. Он ущипнул кусок глины двумя пальцами, затем повернул его и ущипнул снова. И так восемь раз.

Он повторил все сначала, на этот раз сжимая сплющенную глину чуть сильнее. Один из «щипков» упал в грязь, но остальные удержались. Теперь у Паука в руке был похожий на детскую модель солнца маленький шарик с семью исходящими лучами.

Он посмотрел на него с гордостью: с учетом обстоятельств он был так горд получившимся результатом, как бывает горд ребенок, принесший домой поделку из школы.

Слово, вот что было самое сложное. Слепить паука или что-то похожее на него из крови, слюны и глины было легко. Боги, даже младшие озорные боги вроде Паука, знают, как это делать. Но последний акт Творения неизбежно будет самым трудным. Чтобы вдохнуть жизнь, нужно слово. Ты должен дать имя.

Он открыл рот.

— Фррру-ур-ррурр, — сказал он безъязыким ртом.

Ничего не случилось.

— Фрру-ррурр, — попытался он еще раз.

Глина мертвым комом лежала в его руке.

Он уронил лицо в грязь. Сил больше не было. Каждое движение повреждало корку на ранах на лице и груди. Они кровили, жглись и, самое неприятное, чесались.

Думай, сказал он себе. *Должен быть другой способ… Говорить без языка…*

На губах все еще оставался слой глины. Он пососал их, увлажняя так хорошо, как мог — без языка.

Он глубоко вдохнул и позволил воздуху пройти через губы, контролируя это, как только мог, выговаривая имя с такой уверенностью, что никто во всей вселенной не мог бы с ним поспорить: он описывал тварь в своей руке, и он произносил собственное имя, лучшего волшебства он не знал:

— Пффффа-а-у-уффффф.

И на его руке, там, где был ком кровавой грязи, появился большой паук цвета красной глины с семью тонкими лапками.

Помоги мне, подумал Паук. *Приведи помощь.*

Паучок уставился на него блестящими на солнце глазами. Затем свалился с руки на землю и вихляющей и неровной походкой начал прокладывать себе кривобокий путь в траве.

Паук наблюдал за паучком, пока тот не скрылся из виду. Наконец он опустил голову в грязь и закрыл глаза.

Ветер переменился, и теперь в воздухе появился аммиачный аромат кота, который метит свою территорию…

Высоко в небе победно каркали птицы.

* * *

В животе Толстяка Чарли урчало. Если бы у него были деньги, он бы пошел поужинать куда-нибудь еще, просто чтобы вырваться из отеля, но он был почти без гроша, а ужин входил в стоимость номера, так что когда пробило семь, он спустился в ресторан.

Метрдотель ослепительно улыбнулась и сказала, что они откроют через несколько минут. Музыкантам нужно немного времени, чтобы все установить. Затем она посмотрела на него. Толстяк Чарли уже начал узнавать этот взгляд.

— А вы… — начала она.

— Да, — сказал он. — Я даже взял его с собой.

Он вытащил из кармана лайм и показал ей.

— Очень мило, — сказала она. — В руке у вас определенно лайм.

Но я собиралась спросить, предпочитаете ли вы ужин *à la carte* или пройдете в буфет?

— Буфет, — сказал Толстяк Чарли.

Буфет был бесплатным. Толстяк Чарли стоял в вестибюле у входа в ресторан с лаймом в руке.

— Тогда немножко подождите, — сказала метрдотель.

Из-за спины Толстяка Чарли вышла невысокая

девушка. Она улыбнулась метрдотелю и сказала:

— Ресторан уже открыт? Я умираю с голоду.

Из зала раздались финальные «тум-ту-дум» бас-гитары и «блям» электрического пианино. Музыканты отложили инструменты и махнули метрдотелю.

— Открыто, — сказала она. — Заходите.

Невысокая девушка с осторожным удивлением разглядывала Толстяка Чарли.

— Привет, Толстяк Чарли, — сказала она. — А зачем тебе лайм?

— Это долгая история.

— Ну, — сказала Дейзи. — У нас целый ужин впереди. Почему бы тебе не рассказать мне об этом?

* * *

Рози размышляла, заразно ли безумие. В беспросветной тьме под домом на горе она вдруг почувствовала, как ее что-то коснулось. Что-то мягкое и гибкое. Что-то большое. И это что-то мягко рычало, нарезая вокруг круги.

— Ты тоже это слышишь? — спросила она.

— Конечно слышу, глупая девчонка! — сказала мать. — У нас есть еще апельсиновый сок?

Рози нащупала в темноте пакет с соком и пе-

редала матери. Было слышно, как та пьет. Затем мать сказала:

— Убьет нас не животное, а *тот* человек.

— Грэм Коутс. Да.

— Он плохой человек. Что-то оседлало его как лошадь. Но из него получится плохая лошадь. И человек он плохой.

Рози взяла костлявую руку матери в свою. Она молчала. Да и что тут скажешь?

— Знаешь, — сказала ее мать спустя какое-то время. — Я очень тобой горжусь. Ты была хорошей дочерью.

— Ах, — сказала Рози. Мысль о том, что она не разочаровала собственную мать, оказалась столь нова, и Рози не определилась в своих чувствах.

— Может, и надо было тебе выйти за Толстяка Чарли, — сказала мать. — Тогда мы бы здесь не оказались.

— Нет, — сказала Рози. — Я не должна была выходить за него. Я его не люблю. Так что ты не так уж была неправа.

Они услышали, как наверху хлопнула дверь.

— Он ушел, — сказала Рози. — Быстро. Пока его нет. Выроем туннель.

Она захихикала, а потом расплакалась.

* * *

Толстяк Чарли пытался понять, чем занимается на острове Дейзи. Дейзи с не меньшим упорством пыталась понять, чем на острове занимается Толстяк Чарли. Ни один из них не преуспел. Певица в длинном красном облегающем платье — слишком хорошая для пятничного шоу в маленьком гостиничном ресторане — пела с невысокого помоста на другом конце зала «I've Got You Under My Skin».

— Ты ищешь даму, которая была твоей соседкой, когда ты был маленьким мальчиком, потому что она может помочь тебе найти брата, — сказала Дейзи.

— Мне дали перо. Если оно еще у нее, я мог бы обменять перо на брата. Попытка не пытка.

Она моргнула, медленно, задумчиво, совершенно не впечатленная, и начала клевать салат.

— Ну, а ты здесь, — сказал Толстяк Чарли, — потому что думаешь, что Грэм Коутс укрылся на острове после убийства Мэв Ливингстон. Ты примчалась сюда по собственной инициативе только из-за предположения, что он может быть на Сент-Эндрюсе. А если он здесь, ты абсолютно ничего не сможешь с этим поделать.

Дейзи слизнула с губ томатное зернышко. Она была немного растеряна.

— Я здесь не как полицейский, — сказала она. — Я здесь как турист.

— Ты просто сбежала с работы и приехала за ним. Тебя за такое могут посадить или еще что.

— В таком случае, — сказала она сухо, — отсутствие договора об экстрадиции мне только на руку.

— О боже! — выдохнул Толстяк Чарли.

«О боже!» Толстяк Чарли произнес потому, что певица сошла со сцены и теперь разгуливала по ресторану с радиомикрофоном в руке. В этот момент она как раз спрашивала двух туристов из Германии, откуда они.

— Да что он *здесь* забыл? — спросил Толстяк Чарли.

— Тайна банковских вкладов. Дешевая недвижимость. Нет договора об экстрадиции. А может, ему нравятся цитрусовые.

— Он два года держал меня в страхе, — сказал Толстяк Чарли. — Я собираюсь положить себе еще немного этой рыбы с жареными бананами. Ты как?

— Мне хватит, — сказала Дейзи. — Для десерта нужно место оставить.

Толстяк Чарли направился к буфету в обход, чтобы не попасться певице на глаза. Певица была очень красива, а ее красное платье с блестками так и сверкало при ходьбе. Она пела лучше, чем играла группа. Ему хотелось, чтобы она вернулась на маленькую сцену и продолжила обязательную программу — ему понравилась в ее исполнении «Night and Day», но особенно — «Spoonful of Sugar» — и оставила в покое посетителей. Или, по крайней мере, перестала переговариваться с теми, кто сидел на его стороне зала.

Он наполнил тарелку в основном той же едой, что понравилась ему при первом подходе. Эти велосипедные прогулки по острову, подумал он, здорово влияют на аппетит.

Когда он вернулся к столику, напротив Дейзи сидел Грэм Коутс, на лице его было нечто, смутно напоминавшее бороду. И еще он улыбался, как хорек на стероидах.

— Толстяк Чарли, — сказал Грэм Коутс, сдавленно посмеиваясь, — это поразительно, не правда ли? Я пришел к тебе поговорить *тет-а-тет,* и кого же я вижу? Этого славного маленького офицера полиции. Прошу, присядь вон туда и постарайся не устраивать сцен.

Толстяк Чарли застыл как восковая фигура.

— Сядь, — повторил Грэм Коутс. — Мой пистолет приставлен к желудку мисс Дэй.

Дейзи жалобно посмотрела на Толстяка Чарли и кивнула. Ее руки лежали на скатерти ладонями вниз.

Толстяк Чарли сел.

— Руки держи так, чтобы я их видел. Положи на стол, как она.

Толстяк Чарли повиновался.

Грэм Коутс шмыгнул носом.

— Я всегда знал, что ты коп под прикрытием, Нанси, — сказал он. — Провокатор, а? Пришел в мою контору, подставил меня, ограбил.

— Я никогда… — начал Толстяк Чарли, но, заглянув в глаза Грэма Коутса, заткнулся.

— Мнил себя таким умным, — сказал Грэм Коутс. — Думал, я куплюсь. Вот почему ты подослал ко мне тех двоих, так? Тех, что в доме. Ты и правда думал, что я поверю, будто они с круизного теплохода? Если ты пытаешься меня надуть, тебе придется здорово потрудиться. Кому еще ты рассказал? Кто еще в курсе?

— Я не совсем понимаю, о чем вы, Грэм, — сказала Дейзи.

Певица допевала «Some of These Days»: голос у нее был блюзовый, богатый, он бархатно обвола-

кивал слушателей.

Наступят дни,
Когда по мне ты затоскуешь,
Наступят дни,
Когда ты одинокой будешь,
Тебя уж я не обниму.
Не поцелую…

— Вы оплатите счет, — сказал Грэм, — я проведу тебя и девушку к машине. И мы поедем ко мне, где и поговорим по-людски. Захотите меня одурачить — пристрелю обоих. У*сек*[82]?

Толстяк Чарли еще как у*сек*. Он также *усек*, кто был за рулем черного «мерседеса», и что он, Толстяк Чарли, был сегодня на волосок от гибели. Он начал понемногу усекать, что Грэм Коутс окончательно выжил из ума, и у них с Дейзи почти нет шансов выйти из этой передряги живыми.

Певица допела. Сидевшие тут и там посетители аплодировали. Толстяк Чарли держал руки на столе ладонями вниз. Он посмотрел через Грэма Коутса на певицу и подмигнул ей глазом, который тот не видел. Певице уже надоело, что все

[82] Примечания: 82

В ориг. *Capiche*?(«Понятно?», ит.) — излюбленное словцо итальянских гангстеров в голливудских фильмах.

избегали ее взгляда, и когда Толстяк Чарли ей подмигнул, она чрезвычайно обрадовалась.

— Грэм, действительно, я здесь из-за вас, но Чарли просто… — Дейзи запнулась, и на ее лице появилось выражение, какое обычно появляется у человека, когда дуло пистолета втыкается в живот еще глубже.

— Послушайте, — сказал Грэм Коутс. — Ради собравшихся здесь невинных очевидцев давайте делать вид, что мы — добрые друзья. Я собираюсь засунуть пистолет в карман, но он по-прежнему будет направлен на вас. Сейчас мы встанем. Мы пойдем к моей машине. И я…

Он замолк. Женщина в блестящем красном платье с микрофоном и сияющей улыбкой направлялась к их столику. Она подошла к Толстяку Чарли.

— Как тебя зовут, милый? — спросила она в микрофон и сунула его под нос Толстяку Чарли.

— Чарли Нанси, — сказал Толстяк Чарли глухо и с дрожью в голосе.

— И откуда ты, Чарли?

— Из Англии. Я и мои друзья. Мы все из Англии.

— И чем ты занимаешься, Чарли?

Все замедлилось. Это как спрыгнуть с утеса в

океан. Был только один путь. Он набрал в грудь побольше воздуха и сказал:

— Я сейчас временно не у дел, — начал он. — Но вообще-то я певец. Пою. Вот как вы.

— Как я? И что же ты поешь?

Толстяк Чарли сглотнул.

— А что вы играете?

Она повернулась к его соседям по столу.

— Как думаете, уговорим мы его спеть для нас? — спросила она, размахивая микрофоном.

— Эээ, не думаю. Нет. Безу*слав*но, об этом не может быть и речи, — сказал Грэм Коутс.

Дейзи пожала плечами, не отрывая рук от стола.

Женщина в красном платье повернулась к залу.

— А что думают остальные? — спросила она.

Раздались редкие хлопки отдыхающих и более активные — обслуживающего персонала.

— Спой нам что-нибудь! — крикнул бармен.

Певица склонилась к Толстяку Чарли и, прикрыв рукой микрофон, сказала:

— Лучше какую-нибудь из тех, что ребята знают.

— Они знают «Under the Boardwalk»? — спросил Толстяк Чарли, и она кивнула, объявила следую-

щий номер и передала ему микрофон.

Группа начала играть. Певица провела Толстяка Чарли к маленькой сцене. Сердце бешено колотилось в груди.

Толстяк Чарли начал петь, и все стали его слушать.

Все, чего он хотел, — это выиграть немного времени, но стеснения он при этом не чувствовал. Никто в него ничего не швырял. В голове хватало места, чтобы думать. Он видел, что делает каждый в этом зале: туристы, обслуга, люди у барной стойки. Он мог видеть все: например, бармена, готовящего коктейль, и старушку, которая в дальнем углу зала заливала кофе в огромную пластиковую чашку. Он все еще был перепуган и разозлен, но он собрал и ужас, и злобу и передал их песне, и из них получилась песня о неге и любви. А пока пел, он размышлял.

«Что бы сделал Паук? — думал Толстяк Чарли. — Что бы сделал папа?»

— «Под променадом, — пел он, — мы будем любить друг друга»…

Певица в красном платье улыбалась, щелкала пальцами и двигалась в такт музыке. Она склонилась к микрофону клавишника и начала подпевать.

А я ведь и правда пою перед публикой, подумал Толстяк Чарли. *Вот же, блин*.

Он не отрывал глаз от Грэма Коутса.

На последнем припеве он принялся хлопать в ладони над головой, и вскоре весь зал хлопал вместе с ним: гости, официанты, повара, все, кроме Грэма Коутса, чьи руки были под скатертью, и Дейзи, чьи руки плашмя лежали на столе. Дейзи смотрела на него так, словно он был не просто буйно помешанным, но при этом еще и со странной манией демонстрировать это на людях.

Публика хлопала, Толстяк Чарли улыбался и пел, и пока пел, он знал, без тени сомнения, что все наладится. Все будет хорошо с ним, с Пауком, Дейзи и Рози, где бы та ни была. Он знал, что собирается сделать: это было глупо и ни на что не похоже, так поступил бы идиот, но это сработает. И на последних нотах затихающей песни он сказал:

— За моим столиком сидит девушка. Ее зовут Дейзи Дэй. Она тоже из Англии. Дейзи, ты можешь помахать остальным?

Дейзи наградила его неприязненным взглядом, но оторвала руку от стола и помахала.

— Я хочу ей кое-что сказать. Она не знает, что я собираюсь ей сказать.

Если это не сработает, прошептал голос в его голове, *ей конец, ты в курсе*?

— Но давайте надеяться, что она скажет «да». Дейзи! Ты выйдешь за меня?

В зале воцарилась тишина. Толстяк Чарли смотрел на Дейзи, надеясь, что она поймет и подыграет.

Дейзи молча кивнула.

Гости зааплодировали. Вот это было *шоу*! Певица, метрдотель и несколько официанток подошли к столику и вытянули Дейзи в центр зала. Они подвели ее к Толстяку Чарли, а когда группа заиграла «I Just Called To Say I Love You», он ее обнял.

— У тебя есть для нее кольцо? — спросила певица.

Он сунул руку в карман.

— Вот, — сказал он Дейзи. — Это тебе.

Толстяк Чарли обнял ее и поцеловал. Если кто-то собирается стрелять, подумал Толстяк Чарли, он сделает это прямо сейчас. Они поцеловались, и окружающие жали ему руку и хлопали его по плечу — а один человек, утверждавший, что приехал на музыкальный фестиваль, всучил Толстяку Чарли свою визитку — и Дейзи держала лайм, который он ей только что подарил, и лицо у нее было более чем странное. Когда Толстяк

Чарли оглянулся на столик, за которым они сидели, Грэма Коутса там уже не было.

Глава 13
которая кое-кому принесет несчастье

Птицы вели себя очень беспокойно. Они каркали, кричали и щебетали с вершин деревьев. *Начинается*, подумал Паук, и выругался. Он выжат, досуха. Ничего в нем не осталось. Только усталость и изнеможение.

Он думал о том, каково это, когда тебя, лежачего, пожирают. В целом, решил он, мерзкий способ умереть. Он не был уверен даже в том, что смог бы отрастить себе печень, но в любом случае, его преследователь на одной печени не остановится, в этом у Паука не было никаких сомнений.

Он попытался вывернуть шест. Досчитал до трех, а потом — так сильно и старательно, как только мог, — дернул обе руки на себя, чтобы, натянув веревку, выдернуть шест. Затем досчитал до трех и сделал это еще раз.

С тем же успехом он мог бы перетягивать через дорогу гору. Раз, два, три… *взяли*! И *еще*. И *еще*.

Скоро ли придет зверь, размышлял он.

Раз, два, три… *взяли*. Раз, два, три… *взяли*.

Послышалось чье-то пение, и песня заставила Паука улыбнуться. Хотел бы он по-прежнему иметь язык: он бы его высунул и показал Тигру, когда бы тот наконец появился. Эта мысль придала ему сил.

Раз, два, три… *взяли.*

И шест поддался и сдвинулся в его руках.

Еще один рывок, и шест выскользнул из земли, как меч из ножен.

Он рванул веревки к себе и подхватил трехфутовый шест. Тот конец, что был в земле, оказался заострен. Онемелыми руками Паук освободил шест от веревок, которые бесполезно болтались теперь на его запястьях. Он взвесил шест в правой руке. Подойдет. И тут Паук понял, что за ним наблюдают: это длилось какое-то время, как бывает, когда кот сидит у мышиной норы.

Тот подошел к нему неслышно или почти неслышно, крадучись, тенью среди бела дня. Единственное движение, которое уловил глаз, было движение хвоста, который нетерпеливо рассекал воздух. Во всех остальных отношениях это была статуя или насыпь из песка, которая, вследствие игры света, выглядела как чудовищный зверь, ведь шкура его была песочного цвета, а немигающие глаза — цвета моря в середине

зимы. Широкая свирепая морда пантеры. На островах любую большую кошку называют Тигром. А это была очень большая кошка, самая большая из когда-либо бывших — и она была не только больше, но злее и опаснее.

Лодыжки Паука все еще были связаны, и он едва мог двигаться. Руки и ноги затекли, и их покалывало. Он прыгал с одной ноги на другую, стараясь выглядеть так, словно делает это нарочно, что это такой устрашающий танец, — а вовсе не потому, что было больно стоять.

Он хотел присесть и распутать веревки на лодыжках, но не смел отвести от зверя взгляд.

Шест был тяжелым и толстым, но слишком коротким для копья и слишком грубым и большим для всего остального. Теперь Паук держал его за более узкий конец и смотрел в сторону моря, нарочно не глядя туда, где стоял зверь, и полагаясь на периферийное зрение.

Как там она сказала? *Ты заскулишь. Захнычешь. Твой страх его раззадорит.*

Паук заныл. Потом заскулил, как раненый козленок: потерянный, пухленький, одинокий.

Песок взорвался. Движение было таким быстрым и смазанным, что Паук едва успел различить когти и клыки. Паук размахнулся шестом как

бейсбольной битой и врезал, что есть силы, зверю по носу.

Тигр остановился, уставился на Паука, будто не веря своим глазам, и из глотки его поднялся звук, недовольный рык, и Тигр ушел на негнущихся лапах туда, откуда пришел, к кустам, будто там у него была назначена встреча, которую он хотел бы отменить. Обернувшись, он обиженно посмотрел на Паука взглядом страдающего от боли животного, взглядом животного, которое еще вернется.

Паук смотрел, как тот уходит.

Затем он сел, распутал и развязал на ногах веревки.

И пошел неуверенной походкой вдоль обрыва, спускаясь по пологому склону. Вскоре его путь пересекла река, которая срывалась с обрыва в искристый водопад. Паук опустился на колени, сложил ладони лодочкой и принялся пить.

А затем стал собирать камни. Хорошие, размером с кулак. Он складывал их в кучку, как снежки.

* * *

— Ты почти ничего не съела, — сказала Рози.

— Это *ты* ешь, сохраняй силы, — сказала

мать. — Я поела немного сыра. Мне достаточно.

В холодильне было холодно и темно. И темнота была не той, с какой свыкается глаз. Полное отсутствие света. Рози обошла холодильню по периметру, ее пальцы в поисках чего-то, что могло бы пригодиться, прошлись по побелке, камню и потрескавшимся кирпичам, — но ничего не нашли.

— А ты ведь ела нормально, — сказала Рози. — Когда папа был жив.

— Твой отец, — сказала мать, — тоже ел. И к чему это его привело? Сердечный приступ в пятьдесят один год. Что ж это за мир такой?

— Но он любил свою стряпню.

— Он все любил, — горько ответила мать. — Он любил еду, любил людей, любил свою дочь. Любил готовить. Любил меня. И что получил в итоге? Раннюю могилу. Нельзя любить все подряд, я тебе говорила.

— Да, — сказала Рози. — Кажется, говорила.

Она пошла на голос матери, вытянув вперед руку, чтобы не удариться лицом об одну из свисающих в центре помещения металлических цепей. Нащупав костлявое материнское плечо, обняла мать.

— Мне не страшно, — сказала Рози в темноту.

— Значит, ты свихнулась, — сказала миссис Ной.

Рози отпустила мать и вернулась в центр помещения. Вдруг что-то заскрипело. С потолка посыпались пыль и штукатурка.

— Рози! Что ты делаешь? — спросила мать.

— Раскачиваюсь на цепи.

— Осторожней. Если цепь сорвется, ты и пикнуть не успеешь, как окажешься на полу с проломленной головой.

Дочь не ответила.

— Я же говорила, ты свихнулась, — сказала миссис Ной.

— Нет. Вовсе нет. Просто мне больше не страшно.

В доме наверху хлопнула входная дверь.

— Синяя Борода вернулся, — сказала мать Рози.

— Я знаю. Я слышала, — сказала Рози. — Мне все равно не страшно.

* * *

Люди продолжали похлопывать Толстяка Чарли по плечу и угощать его коктейлем с зонтиками: кроме того, он собрал уже пять визиток от людей из мира музыки, которые приехали на

остров ради фестиваля.

Все в зале ему улыбались. А он, обнимая Дейзи, чувствовал, как она дрожит.

— Ты просто полоумный, знаешь? — шепнула она ему на ухо.

— Но ведь сработало!

Она взглянула на него:

— А ты совсем не прост!

— Да ладно, — сказал он. — Это еще не все.

И направился к метрдотелю.

— Простите. Здесь была дама. Когда я пел. Она зашла, налила в чашку кофе из кофейника, у бара. Куда она ушла?

Метрдотель моргнула и пожала плечами.

— Не знаю.

— Конечно знаете, — сказал Толстяк Чарли. Он чувствовал себя уверенным и умным. Он не сомневался, что вскоре все пойдет по-прежнему, но только что он спел песню на публике, и ему понравилось. Он сделал это, чтобы спасти жизнь Дейзи и свою — и ему удалось и то, и другое.

— Давайте выйдем отсюда.

Дело было в песне. Пока он пел, все прояснилось. И оставалось ясным. Он направился в вестибюль, а Дейзи и метрдотель шли за ним.

— Как вас зовут? — спросил он метрдотеля.

— Кларисса.

— Привет, Кларисса. А фамилия у вас какая?

— Чарли, нам ведь нужно позвонить в полицию! — напомнила Дейзи.

— Минутку. Кларисса, а дальше?

— Хигглер.

— И кем вам приходится Бенджамин, консьерж?

— Братом.

— А кем вы приходитесь миссис Хигглер? Келлиэнн Хигглер?

— Это мои племянница и племянник, Толстяк Чарли, — сказала из дверей миссис Хигглер. — А теперь, думаю, тебе следует послушаться своей невесты и обратиться в полицию. Ведь так?

* * *

Когда из высокой травы выскочил человек, Паук сидел у реки спиной к обрыву, а перед ним лежала груда метательных камней. Человек был гол, не считая шкуры с мехом песочного цвета, обернутой вокруг его талии. Со шкуры свешивался хвост. На человеке было ожерелье из зубов: острых, белых, отточенных. Он неспешно приближался к Пауку, так, словно вышел из дома совершить ранний утренний моцион, и появле-

ние Паука для него — приятная неожиданность.

Паук подобрал камень размером с грейпфрут и взвесил его в руке.

— Эгей, дитя Ананси, — сказал незнакомец. — Я просто проходил мимо, и заметил тебя, и подумал, не могу ли я чем-то помочь.

Нос у него был сломан, лицо — сплошной синяк.

Паук покачал головой. Языка ему не хватало.

— Увидев тебя, я подумал: бедное дитя Ананси, должно быть, он голоден! — Незнакомец чересчур широко улыбнулся. — Вот. Еды у меня хватит на двоих.

Через плечо у него был перекинут мешок, и теперь он открыл мешок и вытащил из него правой рукой только что убитого чернохвостого ягненка. Он держал ягненка за шею, а голова болталась.

— Мы с твоим отцом много раз ели вместе. Существует ли хоть одна причина, чтобы мы с тобой не могли делать так же? Ты можешь развести огонь, а я выпотрошу ягненка и изготовлю вертел. Слюнки текут, не правда ли?

Паук был так голоден, что у него кружилась голова. Если бы он все еще обладал языком, возможно, он бы сказал «да», будучи уверен в своей способности отговориться от любой беды; но

языка у него не было. В левую руку он тоже взял камень.

— Давай попируем и будем друзьями, чтобы не было больше разногласий, — сказал незнакомец.

А *гриф и ворон обглодают мои кости*, подумал Паук.

Незнакомец сделал еще один шаг в направлении Паука, и тот решил, что сейчас как раз пора бросить первый камень. У него был меткий глаз и твердая рука, и камень попал туда, куда должен был попасть: в правую руку незнакомца; незнакомец выронил ягненка.

Следующий камень попал незнакомцу в висок — Паук целился в точку между слишком широко посаженных глаз, но человек увернулся.

Незнакомец побежал, бежал он широкими скачками, и хвост, вытянувшись, летел позади него. Иногда во время бега он выглядел как человек, иногда — как зверь.

Едва он исчез из вида, Паук подошел к тому месту, где стоял незнакомец, чтобы подобрать ягненка. Когда Паук приблизился, тот шевелился, и на мгновение Пауку показалось, что ягненок еще жив. Но тут он увидел, что мясо усеяно опарышами. Оно воняло, и трупное зловоние помогло Пауку на время забыть о голоде.

Стараясь держать от себя подальше, он подтащил ягненка к обрыву и сбросил в море. Потом омыл в реке руки.

Он не знал, как долго здесь находился. Время здесь растягивалось и сжималось. Солнце низко висело над горизонтом.

Когда солнце сядет, а луна еще не взойдет, подумал Паук. *Тогда вернется зверь*.

* * *

Неумолимо жизнерадостный представитель полицейских сил Сент-Эндрюса сидел в дирекции отеля с Дейзи и Толстяком Чарли и слушал все, что они рассказывали, с тихой, но равнодушной улыбкой. И время от времени поглаживал пальцем усы.

Они рассказали офицеру полиции, что человек, уклоняющийся от правосудия и именуемый Гр-эмом Коутсом, подсел к ним, когда они ужинали, и угрожал Дейзи пистолетом. Правда, пистолет, были вынуждены они признать, никто, кроме Дейзи, не видел. Толстяк Чарли рассказал офицеру о ранее произошедшем инциденте с черным «мерседесом» и велосипедом, и нет, Толстяк Чарли не видел, кто был за рулем. Но он знал, откуда выехал автомобиль. Еще он рассказал про дом

на горе.

Тот снова задумчиво пощупал тронутые сединой усы.

— Действительно, есть такой дом. Однако этот дом принадлежит не вашему Коутсу. Отнюдь. Вы говорите о доме Бэзила Финнегана, весьма уважаемого человека. Уже много лет мистер Финнеган выказывает большой интерес к правопорядку. Он жертвует школам, но что более важно, он сделал большой взнос на строительство нового полицейского участка.

— Он воткнул дуло пистолета мне в живот, — настаивала Дейзи. — И сказал, что если мы не пойдем с ним, будет стрелять.

— Если это был мистер Финнеган, дамочка, — сказал полицейский офицер, — я уверен, этому найдется очень простое объяснение. — Он достал из портфеля пухлую кипу бумаг. — Вот что я вам скажу. Подумайте о том, что произошло. Переспите с этим. Если наутро вы все еще будете уверены в том, что вам это не привиделось, заполните эту форму и оставьте все три экземпляра в участке. Вам нужно спросить новый полицейский участок, за центральной площадью. Любой укажет дорогу.

Он пожал обоим руки и пошел по своим делам.

— Надо было тебе сказать ему, что ты тоже коп, — сказал Толстяк Чарли. — Может, тогда он воспринял бы тебя более серьезно.

— Не думаю, что это бы помогло, — сказала она. — Всякий, кто называет тебя «дамочкой», заведомо исключил тебя из списка людей, к которым стоит прислушаться.

Они вышли в вестибюль отеля, к стойке регистрации.

— Куда она отправилась? — спросил Толстяк Чарли.

— Тетя Келлиэнн? — переспросил Бенджамин Хигглер. — Она ждет вас в конференц-зале.

* * *

— Вот, — сказала Рози. — Я знала, что сделаю это, если раскачаюсь.

— Он тебя убьет.

— Он в любом случае нас убьет.

— Это не сработает.

— Мам, у тебя есть идея получше?

— Он тебя заметит.

— Мам, перестань видеть все в черном свете. Если у тебя есть другие предложения, скажи. Если нет, не утруждайся. Окей?

Молчание.

Затем:

— Я могла бы показать ему задницу.

— Что?!

— Ты слышала.

— Э-э-э… Вместо чего?

— Если это нужно.

Молчание.

— Ну, это не повредит, — наконец сказала Рози.

* * *

— Здрасте, миссис Хигглер, — сказал Толстяк Чарли. — Отдайте перо.

— А с чего ты взял, что перо у меня? — спросила она, скрестив руки на безмерной груди.

— Так сказала миссис Данвидди.

Миссис Хигглер была удивлена, впервые на его памяти.

— Луэлла сказала, что я взяла перо?

— Она сказала, что перо у вас.

— У меня оно было в целости и сохранности. — Миссис Хигглер показала кофейной кружкой на Дейзи. — Ты ведь не думаешь, что я буду говорить при ней? Я ее не знаю.

— Это Дейзи. Ей вы можете сказать все, что могли бы сказать мне.

— Невеста твоя, — сказала миссис Хигглер. — Я слышала.

У Толстяка Чарли зарделись щеки.

— Она не… Мы, в общем, нет. Мне нужно было что-то придумать, чтобы увести ее от человека с пистолетом. Это показалось самым простым.

Миссис Хигглер посмотрела на него. В глазах искрились огоньки.

— Я знаю, — сказала она. — Когда ты пел. Перед публикой.

Она покачала головой — так качают головой старики, поражаясь тому, как глупа нынче молодежь. Потом открыла черную сумочку, достала конверт и передала Толстяку Чарли.

— Я обещала Луэлле его сохранить.

Толстяк Чарли достал перо из конверта, еще измятое после того ночного бдения.

— Окей, — сказал он. — Перо. Отлично. А теперь, — сказал он миссис Хигглер, — что именно мне с ним делать?

— Ты не знаешь?

Когда Толстяк Чарли был маленьким, мама ему говорила, что нужно сосчитать до десяти, когда ты теряешь терпение. Он посчитал, молча и неторопливо, до десяти, и только тогда вышел из себя.

— Конечно я не знаю, что с ним делать, глупая ты старуха! За последние две недели меня арестовали, я потерял невесту и работу, я видел, как моего полувоображаемого брата пожирает стена из птиц на площади Пикадилли, я мотался туда-сюда над Атланикой, как лунатический шарик для пинг-понга, а сегодня встал перед публикой и я, я *пел*, потому что мой сумасшедший бывший босс направил ствол в живот девушке, с которой я ужинал. И все это я делаю, чтобы разобраться с беспорядком, в который превратилась моя жизнь после того, как *ты* рассказала мне о брате! Так что нет. Нет, я не знаю, что делать с этим чертовым пером. Сжечь? Отбить и съесть? Свить гнездо? Выброситься с ним из окна?

Миссис Хигглер сердито зыркнула на него.

— Спрашивай Луэллу Данвидди.

— Не уверен, что это возможно. Она выглядела не слишком хорошо, когда я видел ее последний раз. А у нас не так уж много времени.

— Отлично, — сказала Дейзи. — Свое перо ты получил. Теперь мы можем поговорить о Грэме Коутсе?

— Это не просто перо. Это перо, которое я обменяю на брата.

— Так обменяй и давай продолжим эту исто-

рию. Нам необходимо кое-что сделать.

— Это не так-то легко, — сказал Толстяк Чарли. Затем он остановился, подумал о том, что только что сказал, и о том, что только что сказала Дейзи.

— Бог мой, да ты умна! — сказал он с восхищением.

— Стараюсь, — сказала она. — А что я такого сказала?

Четырех старушек у них не было, но у них были миссис Хигглер, Бенджамин и Дейзи. Ужин почти закончился, так что Кларисса, метрдотель, кажется, была рада к ним присоединиться. У них не было земли четырех цветов, но был белый песок с пляжа за отелем и черная грязь из клумбы перед ним, поблизости от отеля нашлась также красная грязь, а в сувенирном магазинчике — разноцветный песок в пробирках. Свечи, которые они позаимствовали в баре у бассейна, были маленькими и белыми, а не высокими и черными. Миссис Хигглер заверила их, что сумеет найти на острове все нужные травы, но Толстяк Чарли попросил Клариссу просто позаимствовать на кухне небольшой пакетик с приправой.

— Об этом не принято распространяться, — сказал Толстяк Чарли, — но, думаю, главное — не

детали, а волшебная атмосфера.

Созданию волшебной атмосферы в данном случае не способствовали ни склонность Бенджамина Хигглера глядеть на окружающих, давясь от смеха, ни реплики Дейзи о том, каким глупым ей представляется это действо.

Миссис Хигглер высыпала содержимое пакетика с приправой в чашу с остатками белого вина и зажужжала. Она ободряюще подняла руки, и остальные зажужжали вместе с ней, как пьяные пчелы.

Толстяк Чарли ждал, пока что-нибудь произойдет.

Но ничего не случилось.

— Толстяк Чарли, — сказала миссис Хигглер, — ты тоже жужжи.

Толстяк Чарли сглотнул. Тут нечего бояться, сказал он себе: я пел перед полным залом, я прилюдно позвал замуж девушку, которую едва знаю. Жужжание по сравнению с этим ерунда.

Он подхватил ноту, на которой жужжала миссис Хигглер, и позволил этой ноте вибрировать в своем горле…

В руке он держал перо. Он сосредоточился и жужжал.

Бенджамин перестал хихикать. Глаза его

расширились, на лице нарисовалась тревога, и Толстяк Чарли как раз собирался перестать жужжать, чтобы выяснить, что так озаботило Бенджамина, однако внутри него все жужжало, а свечи вдруг замерцали…

— Смотрите на него! — закричал Бенджамин. — Он…

…Толстяк Чарли мог бы поинтересоваться, что именно он, но было слишком поздно.

Туман рассеялся.

Толстяк Чарли шел по мосту, по длинному белому пешеходному мосту над серой водой. Чуть впереди, на середине моста, на маленьком деревянном стульчике сидел человек. Он рыбачил. Глаза его были прикрыты зеленой фетровой шляпой. Казалось, он дремлет, и когда Толстяк Чарли подошел поближе, человек не шевельнулся.

Толстяк Чарли узнал его и положил руку ему на плечо.

— Видишь ли, — сказал он, — я знал, что ты это подстроил. Я не верил, что ты умер по-настоящему.

Человек на стульчике не двинулся, но улыбнулся.

— Тоже мне, знал он! — сказал Ананси. — Да я мертвее мертвого!

Он сладко потянулся, вытащил из-за уха маленькую черную черуту и прикурил от спички.

— М-да. Я мертв. И думаю, побуду мертвым еще *немношка*. Если время от времени не умирать, тебя начинают принимать как должное.

— Но, — сказал Толстяк Чарли.

Ананси поднес к губам палец. Он поднял удочку и, наматывая леску, глазами указал Толстяку Чарли на сачок. Толстяк Чарли приподнял сачок и держал, пока отец опускал в него серебристую рыбу, длинную и извивающуюся. Потом Ананси вытащил крючок из рыбьей пасти и бросил рыбу в белое ведро.

— Ну вот, — сказал он, — о сегодняшнем ужине я позаботился.

И тут до Толстяка Чарли впервые дошло, что там, где он сидел за столом с Дейзи и Хигглерами, была уже ночь, а здесь солнце, хоть и стояло низко, еще не зашло.

Отец сложил стульчик и отдал его вместе с ведром Толстяку Чарли. Они пошли по мосту.

— Понимаешь, — сказал мистер Нанси, — я всегда думал, что если ты когда-нибудь ко мне придешь, я расскажу тебе о порядке вещей. Но ты, кажется, и сам нормально справляешься. Что привело тебя сюда?

— Точно не знаю. Я пытался найти Женщину-Птицу. Хочу отдать ей перо.

— Не надо было тебе связываться с такими людьми, — беззаботно сказал отец. — Никогда ничего хорошего из этого не выходит. А в ней обида на обиде. Но она трусиха.

— Это Паук… — сказал Толстяк Чарли.

— Ты сам виноват. Позволил этой старой перечнице услать половину себя.

— Я был ребенком! А *ты* почему ничего *не сделал*?

Ананси сдвинул шляпу на затылок.

— Старая Данвидди могла сделать с тобой только то, что ты сам ей позволишь, — сказал он. — Ты же *мой* сын, в конце концов.

Толстяк Чарли задумался.

— Но почему ты *не сказал* мне? — спросил он.

— Ты справляешься. Сам до всего дошел. Разобрался с песнями, так ведь?

Толстяк Чарли почувствовал себя более нескладным и пухлым и даже более разочаровывающим отца, чем когда-либо, но он не мог просто сказать «нет».

— А ты как считаешь? — вместо этого спросил он.

— Ты на подступах. По части песен важно, что

они как истории. Ни черта не значат, если их никто не слышит.

Мост заканчивался. Толстяк Чарли знал, хотя никто ему об этом не говорил, что это их последняя возможность поговорить. Ему нужно было выяснить столько всего, он столь многое хотел узнать!

— Пап, — сказал он. — Когда я был ребенком. Зачем ты меня унижал?

Отец поднял бровь.

— Унижал? Я любил тебя.

— С твоей подачи я отправился в школу в костюме президента Тафта. Это, по-твоему, любовь?

Старик тоненько взвизгнул или, может, коротко рассмеялся и тут же затянулся черутой. Дым вышел изо рта облачком, похожим на то, в каком авторы комиксов рисуют реплики персонажам.

— Твоя мать сказала мне тогда пару ласковых… Времени у нас немного, Чарли. Ты намерен потратить его на сведение счетов?

— Нет, пожалуй, — покачал головой Чарли.

Они дошли до конца моста.

— Значит так, — сказал отец, — когда увидишь брата, я хочу, чтобы ты передал ему кое-что от меня.

— Что?

Отец притянул к себе голову Толстяка Чарли и нежно поцеловал его в лоб.

— Вот это, — сказал он.

Толстяк Чарли выпрямился. Отец смотрел на него снизу вверх с таким выражением, какое — увидь его Толстяк Чарли на чьем-то другом лице, он мог принять за гордость.

— Дай-ка взгляну на перо, — сказал отец.

Толстяк Чарли полез в карман. Перо было там, еще более измятое и растрепанное, чем прежде.

Отец поцокал языком и посмотрел перо на свет.

— Красивое, — сказал он. — Ты его береги. Она не возьмет перо обратно, если оно будет испорчено.

Мистер Нанси провел рукой над пером, и оно обрело свой прежний вид. Он нахмурился.

— Теперь ты снова его испортишь.

Он подышал себе на ногти, отполировал их о пиджак. Потом, кажется, пришел к решению. Снял шляпу, прицепил к ленте перо.

— Вот. Изящная шляпа тебе не помешает. — И надел шляпу на голову Толстяка Чарли. — Тебе идет.

— Пап, — вздохнул Толстяк Чарли, — я не ношу шляп. Смотреться будет глупо. Я в ней

буду как полный придурок. Почему тебе всегда непременно хочется поставить меня в неловкое положение?

Старик смотрел на сына в рассеивающемся свете.

— Думаешь, я тебе вру? Сынок, все, что тебе нужно, чтобы носить шляпу, это стиль. А у тебя он есть. Думаешь, я бы сказал, что ты выглядишь хорошо, если бы это было не так? Ты классно смотришься. Не веришь?

— Не особенно, — сказал Толстяк Чарли.

— Так посмотри, — сказал отец. И ткнул пальцем за перила. Вода под мостом была спокойной и гладкой как зеркало, и человек, который глядел на Толстяка Чарли из воды, действительно классно смотрелся в новой зеленой шляпе.

Толстяк Чарли повернулся, чтобы сказать отцу, что, должно быть, он, Толстяк Чарли, ошибался, но старика уже не было.

И Толстяк Чарли ступил с моста в сгущающуюся темноту.

* * *

— Ладно. Я хочу знать, где конкретно он находится. Куда он ушел? Что вы с ним сделали?

— Я ничего не делала. Господи, дитя, — сказала

миссис Хигглер, — в прошлый раз ничего такого не было.

— Словно его лучом затянуло в *мазершип*[83], — вставил Бенджамин. — Круто. Спецэффекты в реальной жизни.

— Я хочу, чтобы вы его вернули, — свирепо сказала Дейзи. — Сейчас.

— Я даже не знаю, где он, — ответила миссис Хигглер. — И я его туда не посылала. Он сделал это сам.

— Послушайте, — сказала Кларисса, — ведь он ушел делать то, что делает, а мы его вернем! Так можно все испортить.

— Вот именно, — сказал Бенджамин. — Это все равно что обратно затянуть лучом космических десантников, на середине миссии.

Дейзи немного поразмышляла и с раздражением поняла, что в этом был смысл — если в последние дни хоть в чем-то вообще был смысл.

— Если на этом пока все, — сказала Кларисса, — я должна вернуться в ресторан и проверить, все ли в порядке.

Миссис Хигглер отпила кофе.

— На этом все, — согласилась она.

---

[83] Примечания: 83

Mothership — главный корабль внеземных существ в компьютерных играх.

Дейзи хлопнула рукой по столу.

— Извините! У нас там убийца разгуливает. А тут еще и Толстяка Чарли затянуло лучом к мазервипу!

— К мазершипу, — поправил Бенджамин.

Миссис Хигглер моргнула.

— Ладно, — сказала она. — Мы должны что-то сделать. Что ты предлагаешь?

— Не знаю, — сказала Дейзи. — Тянуть время, наверное.

Она схватила экземпляр «Вильямстаунского курьера», который читала миссис Хигглер, и начала его пролистывать.

Сюжет о пропавших туристках, которые не вернулись на круизный лайнер, занимал колонку на третьей полосе. *Двое в доме*, сказал Грэм Коутс в ее голове. *Ты ведь не думала, что я поверю, будто они сошли с корабля*?

В конце концов, Дейзи была копом.

— Дайте мне телефон, — сказала она.

— Кому ты собираешься звонить?

— Думаю, мы начнем с министра по туризму и начальника полиции. А там посмотрим.

* * *

На горизонте съеживалось малиновое солнце. Паук, не будь он Пауком, впал бы в отчаяние. На острове, в этом месте, была четкая граница между днем и ночью, и Паук наблюдал, как море заглатывает последнюю крошку солнца. У него были камни и два шеста.

Хотел бы он, чтобы был и огонь.

Интересно, когда взойдет луна? Когда она взойдет, у него появится шанс.

Солнце село. Последнее красное пятнышко погрузилось в темное море, и наступила ночь.

— Дитя Ананси, — сказал голос из тьмы. — Очень скоро мне нужно будет поесть. Ты не узнаешь, что я рядом, пока не почувствуешь, как я дышу тебе в затылок. Я стоял над тобой, пока ты был привязан к шестам для меня, и я мог разгрызть твою шею там и тут, но я придумал лучше. Убить тебя во сне не принесло бы мне удовольствия. Я хочу прочувствовать твою смерть. Я хочу, чтобы ты знал, почему я отнимаю у тебя жизнь.

Паук швырнул камень туда, откуда, по его мнению, доносился голос, и услышал, как камень, не причинив никому вреда, упал в кусты.

— У тебя пальцы, — сказал голос, — а у меня

когти, что острее ножей. У тебя две ноги, а у меня четыре лапы, что никогда не устают и могут бежать вдесятеро быстрее и дольше тебя. Твои зубы могут есть мясо, если огонь размягчит его и убьет его вкус, потому что у тебя маленькие обезьяньи зубки, пригодные для разжевывания мягких фруктов и мелких букашек; а мои зубы раздирают и рвут живую плоть до костей, и я могу проглотить ее, пока свежая кровь еще бьет фонтаном в небо.

И тут Паук издал звук. Такой звук, какой можно издать без языка, даже не открывая рта. Это было «ме», в котором звучало презрительное удивление. *Может, у тебя и есть все это, Тигр, словно бы означал этот звук, но что с того? Все истории, что когда-либо были, принадлежат Ананси. Никто не рассказывает Тигриные истории.*

Из тьмы раздался рев, рев ярости и бессилия.

Паук начал мурлыкать под нос «Тигриный рэгтайм». Этой старой песенкой хорошо дразнить тигров. «Держи-ка тигра, — поется в ней. — Где же этот тигр?»

Когда в следующий раз из темноты донесся голос, он звучал ближе, чем прежде.

— Твоя женщина у меня, дитя Ананси. Когда я покончу с тобой, я разорву ее плоть. Ее мясо будет

повкуснее твоего.

Паук выдал «хмф!» — звук, который люди издают, когда знают, что им лгут.

— Ее зовут Рози.

И тогда Паук застонал.

В темноте засмеялись.

— А что до глаз, — сказал зверь, — твои глаза, если повезет, видят лишь очевидное в разгар дня, тогда как глаза моего народа могут видеть, как встают дыбом волоски у тебя на руках, когда я говорю с тобой, видеть ужас на твоем лице — прямо посреди ночи. Бойся меня, дитя Ананси, и, если есть у тебя последние молитвы, молись прямо сейчас.

Никаких молитв у Паука не было, но у него были камни, и он мог их швырять. Возможно, ему повезет, и камень хоть как-то навредит в этой темноте. Паук знал, что если так случится, это будет чудо, но он всю свою жизнь полагался на чудеса.

Он потянулся за следующим камнем.

Что-то легко коснулось его руки.

Привет, сказал маленький глиняный паучок в его голове.

Привет, подумал Паук. *Слушай, я тут немного занят, пытаюсь устроить так, чтобы меня не*

съели, так что если не возражаешь, подожди немного в сторонке…

Но я привел их, подумал паучок. *Как ты просил.*

Как я просил?

Ты велел идти за помощью. Я их привел. Они шли за моей паутинкой. В этом мире нет пауков, так что я выскользнул туда и сплел их оттуда сюда, а потом отсюда туда. Я привел воинов. Я привел отважных.

— Ломаного пенни не дал бы за твои мысли, — сказал из темноты голос большой кошки. А затем добавил игриво: — Ну, что же ты не отвечаешь? Кошка язык откусила?

Маленький паучок молчал. Пауки склонны к тишине. Даже те, что умеют издавать звуки, обычно пребывают в молчаливом ожидании. Больше всего пауку приходится ждать.

Ночь понемногу заполнялась тихим шелестом.

Паук подумал, что гордится маленьким семиногим паучком из крови, слюны и земли и благодарен ему. Паучок перебежал с его руки на плечо.

Паук не мог их видеть, но знал, что все они здесь: великие пауки и малые пауки, ядовитые пауки и кусачие пауки, огромные мохнатые

пауки и элегантно хитиновые пауки. Их глаза получали столько света, сколько могли найти, но кроме того они «видели» своими ногами, собирая из вибраций виртуальный образ окружающего мира.

Это была армия.

— Когда ты умрешь, дитя Ананси, — снова заговорил Тигр из темноты, — когда весь твой род умрет, тогда истории станут моими. И люди снова начнут рассказывать истории Тигра. Они будут собираться вместе и прославлять мое коварство и мою силу, мою жестокость и мою радость. Каждая история будет моей. Каждая песня будет моей. А мир станет таким, каким уже был однажды. Трудным. Темным.

Паук слушал, как шелестит его армия.

Он сидел на краю обрыва не просто так. Хотя отступать ему было некуда, это также означало, что Тигр не решится прыгнуть, ему придется подкрасться.

Паук засмеялся.

— Над чем ты смеешься, дитя Ананси? Совсем разум потерял?

Над этими словами Паук смеялся дольше и громче.

Из тьмы донесся вой. Тигр встретился с армией

Паука.

Паучьи яды бывают разные. Часто между укусом и его последствиями проходит много времени. Натуралисты годами ломали головы: существуют пауки, от укуса которых рана сильно гноится и только через год заживает. Что же до того, почему пауки так поступают, ответ прост: пауков это забавляет, и потом они хотят, чтобы о них никогда не забывали.

Черная вдова укусила Тигра в разбитый нос, тарантул цапнул за ухо, и сразу же чувствительные места запылали и запульсировали, опухли и зачесались. Тигр не понимал, что происходит: он чувствовал лишь жжение, боль и внезапный страх.

Паук смеялся все дольше и громче, и слушал, как огромное животное несется в кусты, ревя в агонии и страхе.

Потом он сел и стал ждать. Тигр вернется, никаких сомнений. Это еще не конец.

Паук снял с плеча семиногого паучка и погладил его, пробежав пальцами туда-сюда по широкой спинке.

Чуть ниже по склону появился холодный зеленый огонек, мерцающий, как огни небольшого города, то вспыхивающие, то затухающие в ночи.

Огонек направлялся к нему.

Мерцающий огонек состоял из сотен тысяч светлячков. В центре трепещущего света была темная человеческая фигура, которая неуклонно поднималась вверх по склону.

Паук поднял с земли камень и мысленно подготовил свои паучьи отряды к следующей атаке. Но вовремя остановился. В освещенной светляками фигуре определенно было что-то знакомое: на ней была зеленая фетровая шляпа.

* * *

Грэм Коутс уговорил уже полбутылки рома, найденной на кухне. Он открыл ром, потому что не имел никакого желания спускаться в винный погреб, к тому же он вообразил, что от рома опьянеет быстрее, чем от вина. К сожалению, не сработало. От рома не было особого толку, не говоря уже о том, что ром не притупил чувства, в чем так нуждался Грэм Коутс. Он вышагивал по дому с бутылкой в одной руке и наполовину наполненным бокалом в другой, делая большие глотки то из бутылки, то из бокала. В одном из зеркал он заметил свое отражение: подлый, потный. «Веселей», — сказал он вслух. Не ровен час. Не все коту. Без ненастья не проживешь. У семи

нянек. Худо без добра.

Ром почти закончился.

Он вернулся на кухню, открыл несколько дверец, прежде чем заметил в глубине бутылку хереса. Грэм достал ее и благодарно прижал к груди, словно крохотного старого друга, много лет ходившего в море и только что возвратившегося.

Он отвинтил крышку. Это был сладкий десертный херес, но пил он его как лимонад.

В поисках выпивки Грэм Коутс заметил кое-что еще. Например, ножи. Некоторые из них были весьма остры. А в ящике стола нашлась маленькая ножовка из нержавейки. Ножовка — это хорошо, это очень простое решение проблемы, образовавшейся в подвале.

– *Habeas corpus*, — сказал он. — Или *habeas delicti.* Что-то вроде того. Нет тела, нет и преступления. *Ergo. Quod erat demonstrandum*[84].

Он вытащил из кармана пиджака пистолет и положил на кухонный стол. Там же узорно разложил ножи — как спицы в колесе.

---

[84] Примечания: 84

Грэм Коутс смешивает несколько юридических норм. На самом деле ему нужно не habeas corpus (постановление о доставке арестованного в суд) и не habeas delicti (такой нормы и вовсе нет), а habeas corpus delicti, согласно которой для обвинения в убийстве должны быть материальные доказательства того, что убийство было совершено. «Следовательно, что и требовалось доказать», — заключает Грэм Коутс (Ergo, quod erat demonstrandum).

— Ну, — сказал он тем же тоном, каким уговаривал невинных бойз-бэндов подписать с ним контракт и отправиться навстречу славе, если не сказать богатству, — не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Три кухонных ножа он заткнул за пояс, ножовку положил в карман и, с пистолетом в руке, спустился по лестнице в подвал. Там он включил свет, подмигнул винным бутылкам, лежавшим в своих ячейках и покрытым слоем пыли, — и остановился перед железной дверью в мясную холодильню.

— Ладно! — крикнул он. — Вам будет приятно узнать, что я не собираюсь причинить вам вред. Сейчас я вас отпущу. Небольшое недоразумение. Так что не держите зла. Слезами горю не поможешь. Встаньте у дальней стены. Ноги на ширине плеч, руками упритесь в стену. И без глупостей.

Довольно отрадно, подумал он, отпирая засовы, что так много клише придумано для людей с оружием. Грэм Коутс чувствовал себя членом большого братства: рядом стояли *Богарт*, и *Кэгни*[85], и все участники перестрелок в сериале «Копы».

---

[85] Примечания: 85

Хамфри Богарт (1899–1957) и *Джеймс Кегни* (1899–1986) — знаменитые голливудские актеры.

Он включил свет и потянул дверь на себя. Мать Рози стояла у дальней стены спиной к нему. Когда он вошел, она приподняла юбку и покачала ошеломительно костлявой коричневой задницей.

У него отвисла челюсть. И как раз в этот момент Рози изо всех сил ударила ржавой цепью по его запястью, и пистолет вылетел, оказавшись на другом конце помещения.

С энтузиазмом и точностью, которые обычно свойственны женщинам помоложе, мать Рози ударила Грэма Коутса в пах, а когда он схватился за промежность и согнулся пополам, издавая звуки такой высоты, какие могут слышать только собаки и летучие мыши, Рози и ее мать вывалились из холодильни.

Они захлопнули дверь, Рози задвинула один из засовов, и они обнялись.

Они были еще в погребе, когда выключился свет.

— Это пробки, — сказала Рози, чтобы успокоить мать. Сама она не была в том уверена, но другого объяснения у нее не было.

— Надо было запереть и вторую дверь, — сказала мать. И вдруг ойкнула, будто обо что-то споткнулась, и выругалась.

— Хорошая новость заключается в том, — ска-

зала Рози, — что он тоже нас в темноте не видит. Держи меня за руку. Думаю, лестница прямо по курсу.

Когда выключился свет, Грэм Коутс полз на четвереньках по бетонному полу холодильни. По ноге стекало что-то теплое. На один крайне неприятный миг он подумал, что обмочился, однако почти сразу понял, что лезвие одного из ножей, которые он заткнул за пояс, глубоко порезало ему бедро.

Он остановился и лег на пол. Это было очень разумно — так здорово напиться: алкоголь действовал почти как обезболивающее. Грэм Коутс решил поспать.

Но в холодильне он был не один. Здесь был кто-то еще. И этот кто-то передвигался на четырех лапах.

— Вставай, — зарычал кто-то.

— Я не могу. Я ранен. И я хочу спать.

— Ты маленькое жалкое существо, и ты разрушаешь все, к чему прикасаешься. Вставай.

— Я бы с радостью, — сказал Грэм Коутс благоразумным голосом пьяного. — Но не могу. Я немножко полежу на полу. В любом случае. Она заперла дверь на засов. Я слышал.

Он слышал царапанье со стороны двери, словно

кто-то медленно отодвигал засов.

— Дверь не заперта. И теперь, если останешься здесь, ты умрешь. — Нетерпеливый шорох, рассекающий воздух взмах хвоста; сдавленный рык. — Мне нужна твоя рука и преданность. Вмести меня в себя.

— Я не понима…

— Дай мне руку, или ты истечешь кровью.

В черноте мясной холодильни Грэм Коутс вытянул руку, и кто-то ободряюще ее пожал.

— А теперь ты позволишь мне войти в тебя?

На секунду Грэм Коутс совершенно протрезвел. Он зашел слишком далеко. Что бы он теперь ни сделал, хуже не будет.

— Безу*слав*но, — прошептал Грэм Коутс, и не успел он это сказать, как начал меняться. Теперь он мог видеть во тьме так же хорошо, как днем. Он подумал, только на секунду, что видит кого-то рядом с собой, и этот кто-то больше человека, и у него острые-преострые зубы. Но затем это прошло, и Грэм Коутс почувствовал себя прекрасно. Кровь из раны уже не шла.

Он отлично видел в темноте. Он вытащил из-за пояса ножи, бросил их на пол. Стянул с себя туфли. На полу лежал пистолет, но он и его оставил. Орудия нужны обезьянам, воронам и слабакам. А

он не обезьяна.

Он охотник.

Охотник встал на четвереньки и, мягко ступая всеми четырьмя лапами, вышел из погреба.

Он мог видеть женщин. Они нашли лестницу наверх и поднимались по ней наугад, держась за руки.

Одна старая и жилистая. Вторая — молодая и сочная. Рот того, кто был отчасти Грэмом Коутсом, наполнился слюной.

* * *

Толстяк Чарли сошел с моста, сдвинув отцовскую зеленую шляпу на затылок, и ступил в сумрак. Он шел по каменистому пляжу, поскальзываясь на камнях, шлепая по лужам. А потом он шагнул на что-то шевелящееся. Теряя равновесие, он отпрыгнул в сторону.

А то, на что он наступил, начало подниматься вверх и расти. Чем бы это ни было, оно было огромным. Сперва он подумал, что эта штука размером со слона, но она все росла и росла.

Свет, подумал Толстяк Чарли. Он запел, и все жуки, светляки этого места, мерцая своим холодным зеленым светом, собрались вокруг него, и в этом свете он мог разглядеть, что сверху, с

надменной рептильей морды на него смотрят глаза, огромные, как обеденные тарелки.

Он не стал отводить взгляд.

— Добрый вечер! — сказал он радостно.

Голос у существа был скользким, как масло масляное.

— При-вет, — сказало существо. — Динь-дон. Ты замечательно похож на ужин.

— Меня зовут Чарльз Нанси, — сказал Чарльз Нанси. — А ты кто?

— Я — Дракон, — сказал дракон. — И я не спеша проглочу тебя за один присест, человечек в шляпе.

Чарли моргнул. *Как бы поступил отец,* подумал он. *Как бы поступил Паук*? Он понятия не имел. *Ну что же. В конце концов, Паук был, типа, частью меня. Я могу сделать все, что мог сделать он.*

— Э-э-э. Тебе наскучило со мной болтать, и ты беспрепятственно пропустишь меня, — сказал он дракону, вложив в свои слова столько убежденности, сколько смог.

— Черт возьми. Хорошая попытка. Но, боюсь, неудачная, — с энтузиазмом откликнулся дракон. — Все-таки я тебя съем.

— Ты ведь не боишься лаймов, не так ли? — спросил Чарли, прежде чем вспомнил, что отдал

лайм Дейзи.

Создание презрительно засмеялось.

— Думаешь, — сказало оно, — я чего-то боюсь?

— Ничего?

— Ничего, — подтвердило существо.

— Значит, ты *чрезвычайно* боишься ничего? — спросил Чарли.

— Я от него в полном ужасе, — признался Дракон.

— Видишь ли, — сказал Чарли, — у меня в карманах как раз ничего нет. Хочешь взглянуть?

— Нет, — тревожно сказал Дракон, — совершенно точно: не хочу.

Парусами захлопали крылья, и Чарли остался на пляже один.

— Это было даже слишком просто, — сказал он.

И пошел дальше. Он придумал себе песню для этого путешествия. Чарли всегда хотел сочинять песни, но никогда этого не делал, в основном из-за того, что был убежден: если он даже и напишет песню, кто-нибудь попросит ее спеть, а из этого ничего хорошего не выйдет — и это будет хуже смерти через повешение. Сейчас он все меньше о том беспокоился, и он пел свою песню светлячкам, которые следовали за ним, пока он поднимался наверх. Это была песня про то, как он

встретит Женщину-Птицу и найдет своего брата. Он надеялся, что светлячкам песня нравится: и действительно, их свет пульсировал и мерцал в такт мелодии.

Женщина-Птица ждала его на вершине холма.

Чарли стянул с себя шляпу и вытащил из-под ленты перо.

— Вот. Это, я думаю, ваше.

Она даже не шелохнулась.

— Сделка окончена, — сказал Чарли. — Я принес перо. Мне нужен мой брат. Вы его взяли. Я хочу его обратно. Потомки Ананси вообще не мои, чтобы я их отдавал.

— А если твой брат уже не у меня?

При свете светлячков трудно было разобрать, но Чарли был уверен, что она сказала это не размыкая губ. Ее слова окружили его криками козодоя и визгом и уханьем сов.

— Я хочу брата назад, — сказал он. — Целым и абсолютно невредимым. Прямо сейчас. Или все, что произошло между тобой и моим отцом за эти годы, окажется только прелюдией. Ну, типа, увертюрой.

Чарли еще никогда никому не угрожал. Он и понятия не имел, как претворит в жизнь свои угрозы, хотя не испытывал никаких сомнений в

том, что сделает это.

— Он был у меня, — сказала она далеким криком выпи. — Но я оставила его, безъязыкого, в мире Тигра. Я не могла причинить вред роду твоего отца. Тигр может, если осмелится.

Молчание. Ночные лягушки и ночные птицы не нарушали тишины. Она без выражения смотрела на него, ее лицо растворялось в ночных тенях. Она сунула руку в карман плаща.

— Дай мне перо, — сказала она.

Чарли вложил перо ей в руку. И сразу почувствовал себя легче, будто она забрала у него не только старое перо…

Взамен она вложила в его руку что-то холодное и влажное, как кусок мяса, и Чарли подавил в себе желание отбросить его подальше.

— Верни это ему, — сказала она голосом ночи. — Теперь у нас с ним нет причин для раздоров.

— Как я попаду в мир Тигра?

— А как ты попал сюда? — спросила она, и голос звучал так, будто она улыбнулась, а затем ночь сомкнулась, и Чарли остался один на холме.

Он разжал руку и посмотрел на мягкий, с заостренным кончиком, кусок мяса в своей ладони. Кусок мяса был похож на язык, и Чарли знал, кому этот язык принадлежал.

Он надел обратно шляпу и подумал, дело в шляпе, но когда он так подумал, это уже не показалось ему забавным. Дело было не в шляпе, хотя его зеленая шляпа была похожа не те шляпы, какие носят люди, умеющие не только мечтать и думать, но и делать жизненно важные дела.

Он представил себе миры как паутину: она сверкала в его разуме, соединяя его со всеми, кого он знал. Нить, что вела от него к Пауку, была крепкой и яркой, и она холодно светилась, как светлячок или звезда.

Когда-то Паук был его частью. Он ухватился за это, позволяя паутине заполнить его разум. В руке его лежал язык брата, совсем недавно язык был частью Паука, и теперь преданно желал воссоединиться с ним. Живое помнит.

Вокруг него паутина разгоралась диким светом. И все, что требовалось от Чарли, — следовать ей…

И он пошел, а за ним двинулась стая светлячков.

— Эй, — сказал он. — Это я!

Паук издал короткий, ужасный звук.

В тусклом сиянии светлячков Паук выглядел жутко: загнанным и израненным. Лицо и грудь в струпьях.

— Думаю, это твое, — сказал Чарли.

Паук забрал у брата язык, театрально поклонившись, засунул его в рот, прижал и подержал. Чарли наблюдал и ждал, пока язык пустит корни. И очень скоро Паук удовлетворенно поводил туда-сюда челюстью, прижал язык сначала к одной щеке, потом к другой, словно собираясь бриться, потом широко открыл рот и поболтал языком в воздухе. Закрыл рот и замер. Наконец, голосом, который по краям еще слегка дрожал, Паук произнес:

— Неплохая шляпа.

* * *

Рози взбежала по ступенькам первой и толкнула дверь винного погреба. Переступая порог, она чуть не упала и подождала мать, а потом захлопнула дверь и закрыла на задвижку. Электричества не было и здесь, но почти полная луна стояла высоко, так что после кромешной тьмы мертвенно-бледный лунный свет, проникавший в дом через кухонные окна, казался таким же ярким, как свет прожектора.

Мальчишки, девчонки, гулять идем, подумала

Рози. *Светло на улице как днем*[86]...

— Звони в полицию, — сказала мать.

— Где телефон?

— Откуда, черт возьми, я могу знать, где здесь телефон? А этот сидит внизу.

— Ладно, — сказала Рози, размышляя, что лучше: позвонить в полицию или сначала выбраться из дома. Впрочем, не успела она прийти к решению, как стало поздно.

Раздался удар, такой громкий, что ушам стало больно, и дверь погреба разлетелась в щепки.

А из погреба поднялась тень.

Тень была реальна. Рози знала, что она реальна. Рози смотрела прямо на нее. Но это было невозможно: это была тень большой кошки, лохматой, огромной. И странное дело, там, где на тень падал лунный свет, она казалась еще *темнее*. Рози не видела ее глаз, но знала, что тень смотрит на нее. И что тень голодна.

Тень собиралась ее убить. Этим все и закончится.

— Ему нужна ты, Рози, — сказала мать.

— Я знаю.

Рози подобрала ближайший крупный предмет

---

[86] Примечания: 86

Детский стишок «Лунный вечер» (английская народная поэзия). *Перев. С. Маршака.*

— деревянную подставку для ножей, — и со всей силой швырнула в тень, а затем, не дожидаясь, чтобы узнать, попала или нет, рванула из кухни в коридор. Она помнила, где входная дверь…

Но темное и четырехногое ее опередило: перепрыгнув через Рози, почти беззвучно приземлилось перед дверью.

Рози прижалась к стене. Во рту пересохло.

Зверь преграждал им дорогу и мягко, на подушечках, приближался к Рози, так медленно, словно в его распоряжении было все время мира.

Ее мать выбежала из кухни, пробежала мимо Рози и нетвердой походкой приблизилась по залитому луной коридору к огромной тени, молотя перед собой руками. Своими тощими кулачками она ткнула тварь под ребра. Все замерло, словно мир задержал дыхание, и тварь повернулась к ней. Размазанное скоростью движение — и мать Рози уже на полу, а тень треплет ее, словно собака тряпичную куклу.

В дверь позвонили.

Рози хотела позвать на помощь, но вместо этого просто заорала, громко и настойчиво. Наткнувшись в ванной на паука, Рози могла орать, как орет второразрядная актриса при первой встрече с человеком в костюме монстра. Теперь же она

находилась в погруженном во тьму доме, где были призрачный тигр и потенциальный серийный убийца, и одно, а может, сразу оба эти существа только что напали на ее мать. Она успела подумать о том, что можно сделать дальше (*пистолет*: лежит на полу в погребе, она должна спуститься и взять его. Или *дверь*: она может проскочить мимо матери и тени и открыть входную дверь), но ее легкие и рот продолжали сотрясать воздух.

Кто-то ломился во входную дверь. *Они пытаются попасть в дом,* подумала она. *Но через эту дверь не пройдут. Она прочная.*

Ее мать лежала на полу, в лоскутке лунного света, и тень склонилась над ней, а потом подняла голову и заревела, и в этом глубоком рокочущем реве слышались страх, вызов и одержимость.

Это галлюцинации, подумала Рози с дикой уверенностью. *Я провела взаперти два дня, и у меня галлюцинации. Никакого тигра здесь нет.*

Кроме того, она была уверена, что никакой бледной женщины в лунном свете тоже нет, хотя и видела, как женщина идет по коридору, женщина со светлыми волосами, длинными-предлинными ногами и узкими бедрами танцовщицы. Дойдя до тени тигра, женщина остановилась.

— Привет, Грэм, — сказала она.

Зверь-тень повернул к ней тяжелую голову и зарычал.

— И не думай, что можешь спрятаться от меня в этом глупом костюме животного, — сказала женщина. Выглядела она недовольной.

Рози поняла, что видит сквозь женщину окно, и изо всех сил прижалась к стене.

Зверь зарычал снова, однако уже не так грозно.

— Я не верю в привидения, Грэм, — сказала женщина. — Всю мою жизнь я в них не верила. А затем я встретила тебя. Ты испортил Моррису карьеру. Ты грабил нас. Ты убил меня. И наконец, будто этого мало, ты принуждаешь меня поверить в привидения!

Тень большой кошки, скуля, отступала по коридору.

— Не думай, что можешь отделаться от меня, ты, бесполезный человечишко! Прикидывайся тигром сколько угодно. Ты не тигр. Ты крыса. О нет, это оскорбление благородной и многочисленной разновидности грызунов. Ты хуже крысы. Ты — хорек.

Рози побежала. Она пробежала мимо призрачного зверя, мимо лежавшей на полу матери. Она пробежала сквозь бледную женщину, и это было

как пройти сквозь туман. Она добежала до двери и уже коснулась засова.

В своей голове — или наяву — Рози слышала спор. Один голос говорил:

— Не обращай на нее внимания, идиот. Она не может тебя коснуться. Она всего лишь даппи, она едва реальна. Лови девчонку! Останови девчонку!

А другой ему возражал:

— В том, что вы говорите, несомненно, есть смысл. Но я не уверен, что вы учли все возможные обстоятельства относительно благоразумия, хм, этого главного достоинства храбрости[87]*, если вы понимаете, к чему я веду…*

— Веду я. А ты следуешь за мной.

— Но…

— Что бы я хотела знать, — сказала бледная женщина, — так это насколько ты сейчас призрачен. В смысле, я не *могу* касаться людей. Я и вещей касаться не могу. Но я могу касаться привидений.

Бледная женщина попыталась сильно пнуть зверя в морду. Тень-тигр зашипел и на шаг от-

---

[87] Примечания: 87

Отсылка к Шекспиру. «Главное достоинство храбрости — благоразумие», — говорит Фальстаф, комический персонаж ряда пьес Шекспира, в данном случае, «Генриха IV» (*Перев. Е. Бирукова*).

ступил, и женщина промахнулась меньше, чем на дюйм.

Следующий удар попал в цель, и зверь взвыл. Еще один удар, как раз в то место, где у этой кошачьей тени должен быть нос, и зверь закричал, как кот во время мытья с шампунем, это был одинокий вопль страха и возмущения, позора и поражения.

В коридоре раздался смех мертвой женщины, смех ликования и восторга.

— Хорек! — сказала бледная женщина. — Грэм Хорек!

По дому пронесся холодный ветер.

Рози отперла последний засов и повернула ручку. Входная дверь распахнулась. Слепящие лучи фонариков, люди, машины.

Женский голос сказал:

— Это одна из пропавших туристок, — а затем: — О боже…

Рози обернулась.

В свете фонарей Рози разглядела мать, скорчившуюся на кафельном полу, а рядом с ней босого, без сознания, но несомненно в человеческом образе Грэма Коутса. Повсюду вокруг них, словно краска, была разбрызгана красная жидкость, и Рози, задержав дыхание, не сразу поняла, что

это такое.

К ней обратилась женщина.

— Вы Рози Ной, — сказала она. — Меня зовут Дейзи. Давайте вас куда-нибудь посадим. Вы бы хотели присесть?

Кто-то, должно быть, нашел распределительный щиток, потому что в этот момент по всему дому зажегся свет.

Крупный мужчина в полицейской форме склонился над телами.

— Это определенно мистер Финнеган, — сказал он, подняв голову. — И он не дышит.

— Да, — сказала Рози, — да, пожалуйста. Я бы очень хотела присесть.

* * *

Чарли сидел рядом с Пауком на обрыве, в лунном свете, болтая ногами в пустоте.

— Знаешь, — сказал он, — ты был частью меня. Когда мы были детьми.

Паук склонил голову набок.

— Правда?

— Думаю, да.

— Ну, это кое-что объясняет. — Он вытянул руку: у него на ладони сидел, ощупывая лапками воздух, семиногий глиняный паучок. — И что

теперь? Ты заберешь меня обратно или что?

Чарли наморщил лоб.

— Думаю, самому по себе тебе гораздо лучше. И уж точно намного веселее.

— Рози, — сказал Паук. — Тигр знает о Рози. Мы должны что-то сделать.

— Конечно, должны, — сказал Чарли. Это похоже на бухгалтерию, подумал он: в одной графе добавляешь, в другой вычитаешь, и если все сделал правильно, в итоге должно сойтись. Он взял брата за руку.

Они встали и сделали шаг вперед, с обрыва… и вокруг стало ярко…

Между мирами дул холодный ветер.

— Ты не волшебная часть меня, кстати, — сказал Чарли.

— Нет? — Паук сделал еще один шаг. Звезды валились на них дюжинами, исполосовав темное небо. Кто-то где-то играл на флейте возвышенную сладостную мелодию.

Еще один шаг, и теперь зазвучали далекие сирены.

— Нет, — сказал Чарли. — Не часть. Хотя, кажется, так думала миссис Данвидди. Она разделила нас, но никогда толком не понимала, что сделала. Мы с тобой, скорее, как две половинки

морской звезды. Ты вырос в целого человека. Ну и, — сказал он, только сейчас понимая, что это действительно так, — я тоже.

Они стояли на краю обрыва на заре. Вверх по склону ехала «скорая» с включенной мигалкой, а за ней — еще одна. «Скорые» припарковались на обочине, рядом с полицейскими машинами.

Всем и всеми, похоже, там заправляла Дейзи.

— Нам тут делать нечего. По крайней мере сейчас, — сказал Чарли. — Пойдем.

Последние светлячки уже улетели, мерцая на своем пути домой.

На первом же утреннем микроавтобусе они отправились в Вильямстаун.

* * *

Мэв Ливингстон сидела на втором этаже дома Грэма Коутса, в библиотеке, окруженная произведениями искусства, а также книгами и DVD, и смотрела в окно. Там, внизу, специалисты экстренных служб поместили Рози и ее мать в одну «скорую», Грэма Коутса — в другую.

Ей действительно, поняла она, понравилось бить эту звериную тварь, в которую превратился Грэм Коутс. Это было самое приятное, что она сделала с того момента, как ее убили, — хотя,

если быть честной, танцы с мистером Нанси шли вторыми с минимальным отрывом. Он замечательно проворен и легок на ногу.

Она устала.

— Мэв!

— Моррис!

Она огляделась, но комната была пуста.

— Я не хотел бы беспокоить тебя, если ты еще занята, зайка.

— Это очень мило с твоей стороны, — сказала она. — Но, думаю, я здесь закончила.

Стены библиотеки начали блекнуть, терять форму и цвет. За стенами показался окружающий мир, и в его свете она увидела невысокую фигурку человека в ладном костюме, который ее поджидал.

Ее рука утонула в его руке.

— Куда теперь, Моррис? — спросила она.

И он сказал.

— Ох. Ну, это приятная перемена, — заметила она. — Всегда хотела туда попасть.

Рука об руку, они туда и отправились.

Глава 14
благодаря которой можно прийти к нескольким заключениям

Чарли проснулся от громкого стука в дверь. Спросонок оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что находится в гостиничном номере, а в голову к нему, как мотыльки к лампе без абажура, слетелось множество маловероятных событий последних дней, и пока он разбирался, что все это значит, ноги сами довели его до двери. Он подмигнул висевшей на двери схеме, в которой говорилось, куда следует бежать в случае пожара, и попытался вспомнить, что же случилось прошлой ночью. Затем отпер дверь и открыл ее настежь.

И встретился взглядом с Дейзи.

— Ты что, так и спал в этой шляпе? — спросила она.

Чарли поднял руку и пощупал голову. На нем определенно была шляпа.

— Да, — ответил он. — Должно быть, в ней.

— Ну и ну, — сказала она. — Хорошо хоть, туфли снял. Ты вчера все веселье пропустил, ты

в курсе?

— Да?

— Почисть зубы, — сказала она, — и смени рубашку. Да, пропустил. Пока ты… — тут она засомневалась. По здравом размышлении, казалось совершенно невероятным, что он действительно взял и исчез во время сеанса. Такого ведь не бывает. Не в этом мире. — Пока тебя не было, я заставила начальника полиции отправиться в дом Грэма Коутса. И у него были те туристки.

— Туристки?…

— Он на ужине сказал что-то насчет того, что мы подослали двух человек к нему в дом. Это была твоя невеста с матерью. Он запер их в подвале.

— С ними все в порядке?

— Обе в больнице.

— Ох.

— Ее мама в тяжелом состоянии. Но, думаю, с невестой все будет хорошо.

— Ты перестанешь ее так называть? Она мне не невеста. Она разорвала помолвку.

— Она — да. Но ты-то, кажется, нет.

— Она меня не любит, — сказал Чарли. — Она влюблена в моего брата. А он в нее. А теперь я собираюсь почистить зубы и сменить рубашку, так что если не возражаешь…

— И душ прими, — сказала она. — А эта шляпа воняет, как сигара.

— Это фамильная ценность, — сказал он, зашел в ванную и запер за собой дверь.

* * *

Больница находилась в десяти минутах ходьбы от отеля. Паук сидел в приемном покое с истрепанным экземпляром журнала «Энтертейнмент уикли», делая вид, будто читает.

Чарли хлопнул его по плечу, и Паук подскочил от неожиданности. Он осторожно повернул голову, но, увидев брата, расслабился, хотя и не вполне.

— Они сказали, чтобы я здесь подождал, — сказал Паук, — потому что я не родственник или что-то там еще.

— Но почему ты не сказал, что ты родственник? Или врач? — поразился Чарли.

Паук смутился.

— Такие вещи легко делать, когда тебе *наплевать*. Если бы для меня было не важно, пройду я или нет, я бы с легкостью прошел. Но теперь мне не наплевать, и я очень не хотел бы помешать или сделать что-то не так, ну, в смысле, вдруг я попытаюсь, а они скажут «нет», а я… Чего это ты

ухмыляешься?

— Да так, — сказал Чарли. — Просто звучит как будто знакомо. Ладно. Пойдем искать Рози. Видишь ли, — сказал он Дейзи, когда они шли по выбранному наугад коридору, — есть два способа передвижения по больнице. Или ты выглядишь, будто ты местный… Вот, Паук, белый халат на двери, как раз твоего размера. Надевай. …Или ты должен выглядеть абсолютно чуждым, чтобы никого твое появление не возмутило. И обычно кто-то другой решает, как именно ты выглядишь.

И начал напевать себе под нос.

— Что это за песня? — спросила Дейзи.

— «Желтая птичка», — сказал Паук.

Чарли вновь надел шляпу, и они вошли в палату Рози.

Рози сидела на кровати и читала журнал. Выглядела она встревоженной. Увидев всех троих, она как будто встревожилась еще сильнее и стала смотреть то на Паука, то на Чарли.

— Далековато вы оба от дома, — вот и все, что она сказала.

— Мы все далековато, — сказал Чарли. — С Пауком ты уже знакома, а это Дейзи. Она из полиции.

— Не уверена, что я еще полицейский, — сказала Дейзи. — У меня, надо полагать, у самой проблемы с законом.

— Это же вы вчера там были? И вызвали полицию острова? — Рози умолкла. И спросила: — О Грэме Коутсе что-нибудь известно?

— Он в палате интенсивной терапии, как и ваша мать.

— Ну, если она первая придет в себя, — сказала Рози, — думаю, она его убьет. — Затем она сказала: — Они ничего не говорят о ее состоянии. Просто говорят, что тяжелое и что сразу сообщат, если будет что-то новое.

Она посмотрела на Чарли чистыми глазами.

— Она не так дурна, как ты думаешь, правда. Если появляется время узнать ее получше. У нас была куча времени для разговоров, когда нас заперли в темноте. Она в порядке. — Тут Рози высморкалась и продолжила: — Они не верят, что она выкарабкается. Прямо они не сказали, но это понятно без слов. Забавно. Я думала, она и не такое переживет.

— Я тоже, — сказал Чарли. — Я полагал, что после ядерной войны на Земле останутся радиоактивные тараканы и твоя мама.

Дейзи наступила ему на ногу.

— Известно что-нибудь новое, как это произошло? — спросила Дейзи.

— Я все рассказала, — сказала Рози. — В доме было какое-то животное. Может, это был сам Грэм Коутс. То есть, в каком-то смысле он, но не только он, а кто-то еще. Она отвлекла его, и он на нее набросился…

Утром она подробно рассказала о случившемся полиции острова, но о женщине-призраке решила не упоминать. Иногда разум просто не выдерживает давления обстоятельств, и ей не хотелось, чтобы все знали, что с ней именно так и случилось.

Рози умолкла. Она смотрела на Паука, словно только что вспомнила, кто это.

— Знаешь, я все еще ненавижу тебя, — сказала она.

Паук ничего не ответил, но на лице его отразилось отчаяние, и он уже совершенно не походил на врача: сейчас он был похож на человека, который позаимствовал белый халат и беспокоится, что кто-нибудь это заметит. А в ее голосе появились мечтательные нотки.

— Только, — сказала она, — когда я была в темноте, я думала, что ты мне помогаешь. Сдерживаешь зверя. Что у тебя с лицом? Оно все

расцарапано.

— Это зверь.

— Знаешь, — сказала она, — когда вы вместе, вы совсем друг на друга не похожи.

— Я симпатичней, — сказал Чарли, и Дейзи снова наступила ему на ногу.

— О боже, — тихо сказала Дейзи и добавила чуть громче: — Чарли! Мы с тобой должны обсудить кое-что. Прямо сейчас.

Они вышли в больничный коридор, оставив Паука в палате.

— Что? — спросил Чарли.

— Что что? — переспросила Дейзи.

— Что мы должны обсудить?

— Ничего.

— Тогда зачем мы вышли? Ты же слышала. Она его ненавидит. Их нельзя оставлять вдвоем. Она его уже убила, наверное.

Дейзи посмотрела на него с таким выражением, с каким Иисус мог бы посмотреть на человека, который только что сообщил, что у него, кажется, аллергия на хлеб и рыбу, и попросил по-быстрому приготовить ему салат с курицей: в этом взгляде были жалость и почти бесконечное сострадание.

Она сделала ему знак молчать и подтолкнула Чарли обратно к двери. Он заглянул в палату: не

похоже было, чтобы Рози убивала Паука. Совсем даже наоборот.

— О, — сказал Чарли.

Они целовались. Впрочем, эти слова позволят вам предположить, что то был обычный поцелуй, губы в губы, ну, может, даже с языком. Но вы не могли видеть, как он улыбался и как светились его глаза. И еще вы не видели, когда они перестали целоваться, как он стоял: как человек, который только что открыл искусство стояния и знает теперь, как стоять лучше, чем кто-либо когда-либо это делал.

Чарли, обернувшись к Дейзи, обнаружил, что она беседует с несколькими врачами и полицейским, с которым они познакомились накануне вечером.

— Ну, у нас-то он всегда был на плохом счету, — говорил полицейский. — В смысле, откровенно говоря, такого поведения можно ожидать только от иностранцев. Местные, они бы такого никогда не сделали.

— Очевидно, нет, — сказала Дейзи.

— Очень, очень благодарны, — сказал начальник полиции, похлопав Дейзи по плечу, так что у нее лязнули зубы. — Эта дамочка спасла той женщине жизнь, — сообщил он Чарли, в довершение

похлопав и Чарли, прежде чем отправиться с врачами дальше по коридору.

— И что тут происходит? — спросил Чарли.

— Ну, Грэм Коутс мертв, — сказала она. — Более или менее. И в отношении мамы Рози надежд они тоже не питают.

— Понятно, — сказал Чарли. Он обдумал ее слова, а закончив думать, принял решение: — Не возражаешь, если я перекинусь парой слов с братом? Думаю, нам нужно поговорить.

— Я как раз собиралась в отель. Проверю почтовый ящик. Может, придется долго извиняться по телефону. Заодно узнаю, числюсь ли я еще в полиции.

— Но ты же герой, разве нет?

— Не думаю, что мне платили именно за это, — сказала она немного виновато. — Найдешь меня в отеле, когда покончишь с делами.

Паук и Чарли шли под утренним солнцем по главной улице Вильямстауна.

— Знаешь, это действительно хорошая шляпа, — сказал Паук.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Дашь примерить?

Чарли протянул Пауку шляпу. Паук надел ее и изучил свое отражение в витрине. Скорчив

гримасу, отдал шляпу обратно.

— Ну, — разочарованно сказал он, — тебе она, во всяком случае, идет.

Чарли снова надел шляпу. Некоторые шляпы можно носить лишь тогда, когда вы веселы и беззаботны, надеваете их под нужным углом и ходите такой пружинистой походкой, будто еще немного — и вы пуститесь в пляс. В такой шляпе с вас многое спросится. Шляпа Чарли была из таких, и он был к этому готов.

— Мать Рози умирает, — сказал он.

— Ага.

— Мне она совсем, *совсем* не нравилась.

— Я не знал ее так хорошо, как ты. Но уверен, со временем мне бы она тоже совсем, совсем опротивела.

— Мы, наверное, должны попытаться спасти ей жизнь, — сказал Чарли. Он сказал это без энтузиазма, таким тоном обычно говорят, что пора навестить стоматолога.

— Не думаю, что мы на это способны.

— Отец сделал что-то подобное для мамы. Ей на какое-то время стало лучше.

— Так то отец. Я не знаю, как это делают.

— Место в конце света, — сказал Чарли. — С пещерами.

— Это не в конце, а в начале. И что?

— Можем мы просто туда отправиться? Без всех этих свечей и прочей муры?

Помолчав, Паук кивнул.

— Думаю, да.

Они дружно повернули в направлении, какого вообще-то здесь не было, — и сошли с главной улицы Вильямстауна.

Теперь солнце поднималось, а Чарли и Паук шли по пляжу, усеянному черепами. Это были ненастоящие человеческие черепа, но они покрывали пляж, как желтая галька. Чарли по возможности их обходил, тогда как Паук хрустел напрямик. В конце пляжа они повернули налево — налево по отношению ко всему вообще, и над ними теперь высились горы у начала мира, а под ногами резко уходили вниз скалы.

Чарли вспомнил, как был здесь в последний раз, кажется, тысячу лет назад.

— Где все? — сказал он вслух, и голос его, отразившись от камней, вернулся. — Эй! — произнес он уже громче.

Они были там и наблюдали за ними. Все. Теперь они казались величественнее, в них было меньше человеческого, а больше животного, *дикого*. Он понял, что в прошлый раз видел в них

людей, потому что ожидал увидеть людей. Но они не были людьми. На камнях над Чарли и Пауком возвышались Лев и Слон, Крокодил и Питон, Кролик и Скорпион и все остальные, и их были сотни, и они без тени приязни смотрели на Чарли: животные, которых он узнал; животные, которых ни один человек в мире не смог бы определить. Все животные, что когда-либо были в историях. Все животные, о которых люди мечтали, которым поклонялись и которых задабривали.

Чарли видел их всех.

Одно дело, подумал он, петь, спасая свою жизнь, в зале, заполненном ужинающими, под влиянием момента, когда ствол приставлен к ребрам девушки, которую ты…

Которую ты…

Ох.

Ладно, решил Чарли. *Я подумаю об этом позже*[88].

Теперь же ему страшно хотелось подышать в бумажный пакет или исчезнуть.

— Тут их, должно быть, сотни, — сказал Паук, и голос его дрогнул.

Воздух над соседним камнем пришел в движе-

---

[88] Примечания: 88

Прекрасный принцип, впервые провозглашенный Скарлет О'Хара, героиней романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

ние, и там обнаружилась Женщина-Птица. Она смотрела на братьев, сложив руки на груди.

— Что бы ты ни собирался сделать, — сказал Паук, — лучше тебе поторопиться. Они не будут ждать вечно.

Во рту у Чарли пересохло.

— Ладно.

— Ну. Гм, — сказал Паук. — Что конкретно мы собираемся делать?

— Мы им споем, — просто ответил Чарли.

— Что?

— Так можно все исправить. Я разобрался. Мы просто споем, ты и я.

— Не понимаю. Споем *что*?

– *Песню*, — сказал Чарли. — Чтобы что-то исправить, надо спеть. — В его голосе совсем не осталось уверенности. — Песню.

Глаза Паука стали как лужи после дождя, и в них Чарли увидел то, что раньше не замечал: кажется, любовь, и смущение, но больше всего — мольбу.

— Не понимаю, о чем ты.

Лев наблюдал за ними с огромного валуна, Обезьяна — с верхушки дерева, а Тигр…

Чарли увидел Тигра. Тигр осторожно ступал на четырех лапах. Морда у него была опухшая и

разбитая, но глаза сверкали, и, похоже, он был бы совершенно счастлив, если бы удалось сравнять счет.

Чарли открыл рот. Оттуда донеслось тихое кваканье, будто Чарли только что проглотил особенно нервную лягушку.

— Без толку все, — прошептал он Пауку. — Дурацкая была идея, да?

— М-да.

— Как думаешь, мы сможем просто уйти? — Чарли нервно пробежал глазами по горному склону и пещерам, коснувшись каждого из сотен тотемных существ от начала времен. Но теперь здесь был тот, кого он прежде не заметил: невысокий человек в лимонно-желтых перчатках, с тонкими усами — и без шляпы, которая прикрыла бы редеющую шевелюру.

Старик подмигнул, поймав его взгляд.

Не очень-то много, но этого хватило.

Чарли набрал в легкие воздуха и запел.

— Я Чарли, — пел он. — Я сын Ананси. Так слушайте, как я пою. Слушайте мою жизнь.

Он спел им песню мальчика-полубога, которого разделила надвое сварливая старуха. Он спел об отце и спел о матери.

Он спел об именах и словах, о кирпичиках, из

которых складывается реальность, миры, которые создают другие миры, истины, что кроются за ходом вещей, он спел об уместных концовках и простых заключениях для тех, кто нанесет обиду ему или его близким.

Он спел им мир.

Это была хорошая песня, и это была его песня. Порой в ней были слова, порой — слов не было вообще никаких.

И пока он пел, все, кто его слушал, начали хлопать, топать и подпевать. Чарли чувствовал себя исполнителем великой песни, в которой нашлось место всем и каждому. Он спел о птицах, о том, как волшебно, подняв глаза, видеть их полет, о том, как переливаются на утреннем солнце их крылья.

Теперь тотемные создания плясали, каждое на свой лад. Женщина-Птица танцевала круговой птичий танец, обмахиваясь хвостовыми перьями и запрокидывая клюв.

Только одно создание на горном склоне не танцевало.

Тигр бил хвостом. Он не хлопал, не пел, не плясал. На морде от синяков места живого не осталось, и весь он был в рубцах и следах от укусов. Он мягко, по шажочку, спустился по камням,

подобравшись к Чарли.

— Песни не твои! — прорычал он.

Чарли посмотрел на него и спел про Тигра, и про Грэма Коутса, и про тех, кто нападает на беззащитных. Обернувшись, он увидел, что Паук смотрит на него с восхищением.

Тигр злобно заревел, а Чарли подхватил его рев и сплел вокруг него песню. А потом заревел так же, как ревел Тигр. Точнее, он начал реветь как Тигр, но потом стал реветь иначе, совсем бестолковым ревом, и все создания, что смотрели на это с камней, засмеялись. Они ничего не могли с собой поделать. Чарли еще раз бестолково заревел. Как любая пародия, как любая удачная карикатура, это передразнивание сделало смешным и объект пародии. Теперь каждый, кто услышит рев Тигра, услышит и рев Чарли. «Какой бестолковый рев, так мог бы реветь только Гуфи», — скажут люди.

Тигр повернулся к Чарли спиной. Он ринулся сквозь толпу, но реветь не перестал, отчего все засмеялись еще громче, а разъяренный Тигр укрылся в своей пещере.

Паук быстро взмахнул рукой.

Раздался грохот, и зев пещеры Тигра завалило камнями. Паук выглядел довольным. А Чарли

продолжал петь.

Он пел песню Рози Ной и песню ее матери: он напел ей долгую жизнь и столько счастья, сколько она заслужила.

Он спел о своей жизни, обо всех жизнях, и в своей песне увидел, что узор их жизней — это паутина, в которую по ошибке залетела муха, и песней он запутал муху, чтобы та не вырвалась, а в паутину вместо поврежденных нитей добавил новых.

Теперь песню можно было, пожалуй, и закончить.

Ни капельки тому не удивившись, Чарли понял, что ему нравится петь другим людям, и это то, чему он посвятит остаток своей жизни. Он будет петь: не большие волшебные песни, что создают миры или одухотворяют существующие, а обычные песни, поменьше, которые на миг делают людей счастливее, заставляют их танцевать и, пусть и ненадолго, забыть о своих проблемах. Он знал, что мандража перед выступлением не избежать, страх сцены никуда не уйдет, но он также понял, что это как прыгнуть в бассейн — холод пробирает только первые несколько секунд, а потом дискомфорт проходит, и становится хорошо…

Но *не так* хорошо. Так хорошо не будет больше никогда. И все-таки хорошо.

И он допел. Чарли опустил голову. Создания на утесе дали утихнуть последним нотам, перестали топать, хлопать и танцевать. Чарли снял отцовскую зеленую шляпу и обмахнул лицо.

— Это было удивительно, — сдавленно прошептал Паук.

— Ты тоже так можешь, — сказал Чарли.

— Не думаю. Что это было в конце? Я чувствовал, что ты *что-то* делаешь, но на самом деле не могу сказать, что это было.

— Я подправил кое-что, — сказал Чарли. — Для нас. Я думаю. Но я не уверен…

И он не был уверен. Песня закончилась, а о чем она была, забывалось так же стремительно, как утренний сон.

— Твоя работа? — указал он на заваленный камнями вход в пещеру.

— Да, — сказал Паук. — Это меньшее, что я мог сделать. Впрочем, Тигр когда-нибудь выберется. Честно говоря, хотел бы я не просто захлопнуть за ним дверь, а по-настоящему ему навредить.

— Не переживай, — сказал Чарли. — Я навредил. По-настоящему.

Он окинул взглядом расходившихся животных

и нисколько не удивился, не увидев отца.

— Пойдем, — сказал он. — Пора возвращаться.

* * *

Чтобы повидать Рози, Паук пришел в часы для посещений. В руках он держал огромную упаковку шоколадок, самую большую из тех, что были в больничном магазинчике.

— Это тебе, — сказал он.

— Спасибо. Мне сказали, что мама, кажется, выкарабкается. То есть она вдруг открыла глаза и потребовала овсянки. Врач говорит, это чудо.

— Твоя мать попросила еды? Действительно чудо.

Она шлепнула его по руке, но не убрала своей.

— Послушай, — сказала она спустя мгновение, — ты, конечно, решишь, что это глупо, но там, в темноте, с мамой, я думала, что ты мне помогаешь. Я чувствовала, что ты загоняешь зверя. Что если бы не ты, он бы нас убил.

— Гм. Может, я и помог.

— Правда?

— Не знаю. Мне так кажется. Я тоже попал в переделку, и я думал о тебе.

— В большую переделку?

— В огромную.

— Дай мне воды, пожалуйста.

Он подал ей стакан воды.

— Паук, что ты делаешь?

— Делаю?

— Где ты работаешь?

— Да где захочу!

— Думаю, — сказала она, — я могу тут немного задержаться. Нянечки всё рассказывают, как нужны здесь учителя. Вдруг я могла бы помочь.

— Это может быть интересно.

— А ты чем будешь тогда заниматься?

— Ну, если ты останешься здесь, я уж точно найду, чем заняться.

Их пальцы сплелись так туго, словно в морской узел.

— Думаешь, у нас получится? — спросила она.

— Думаю, да. — рассудительно сказал Паук. — А если ты мне наскучишь, я уеду и займусь чем-нибудь еще. Так что не волнуйся.

— О, — сказала Рози. — Я вовсе не волнуюсь.

Она действительно не волновалась. В мягком голосе звенела сталь. Теперь понятно, чем они с матерью похожи.

* * *

Чарли нашел Дейзи на пляже, в шезлонге. Он решил, что она дремлет на солнце. Но когда его тень ее коснулась, она сказала:

«Привет, Чарли». Не открывая глаз.

— Как ты узнала, что это я?

— Твоя шляпа воняет, как сигара. Ты не собираешься от нее избавиться в ближайшем будущем?

— Нет, — сказал Чарли. — Я же говорил. Фамильная реликвия. Я собираюсь носить ее, пока не умру, а тогда она достанется в наследство моим детям. Вот. А ты все еще работаешь в полиции?

— Типа того, — сказала она. — Босс сказал, они решили, что у меня нервное истощение из-за переработок, и я на больничном, пока не почувствую себя достаточно хорошо, чтобы вернуться.

— А. И когда это произойдет?

— Не знаю, — сказала она. — Передай, пожалуйста, масло для загара.

У него в кармане лежала коробочка. Он вытащил ее и положил на ручку раскладного кресла.

— Через минутку. Э-э-э. — Он выдержал паузу. — Видишь ли, — сказал он, — один раз мы уже прошли через такое стыдобище под дулом пистолета. — Он открыл коробочку. — Но это тебе. От

меня. Точнее, мне вернула его Рози. И его можно обменять на то, которое тебе понравится. На другое. Это наверняка и по размеру не подходит. Но оно твое. Если ты его хочешь. И, гм, меня.

Она достала из коробки кольцо.

— Хмф. Ну ладно, — сказала она. — Если только ты делаешь это не ради того, чтобы получить назад свой лайм.

* * *

Тигр рыскал по пещере. Хвост у него ходил ходуном, пока Тигр вышагивал взад-вперед. Во тьме глаза его горели, как изумрудные факелы.

— Весь этот мир, и все, что в нем есть, было моим, — сказал Тигр. — И луна, и звезды, и солнце, и истории. Все принадлежало мне.

— Я чувствую, что обязан отметить, — сказал тихий голосок из глубины пещеры, — что вы это уже говорили.

Тигр остановился и развернулся к дальней части пещеры. Во время ходьбы по его шкуре шла рябь, словно мех был натянут поверх гидравлических пружин. Он подошел к обглоданной туше буйвола и тихо сказал:

— *Прошу прощения.*

Внутри туши что-то скреблось. Наконец из

грудной клетки высунулся кончик носа.

— На самом деле, — сказал хозяин носа, — я был, так сказать, согласен с вами. Вот что.

Маленькие белые лапки вытянули из ребер полоску сушеного мяса, и перед Тигром появился зверек цвета грязного снега. Это мог быть мангуст-альбинос или, возможно, какой-то особо изворотливый хорек в зимней шкурке. Глаза у него были как у того, кто жрет отбросы.

— Весь этот мир, и все, что в нем есть, было моим. И луна, и звезды, и солнце, и истории. Все принадлежало мне, — сказал он. — Все это вновь принадлежало бы мне.

Тигр уставился на маленького зверька, а потом, без предупреждения, одним ударом лапы разнес грудную клетку буйвола, разбив остов на несколько зловонных фрагментов и пригвоздив маленькое животное к земле. Зверек вырывался и изворачивался, но убежать не смог.

— Ты здесь, — сказал Тигр, приблизив свой огромный нос к носику бледного зверька, — ты здесь, пока я тебя терплю. Это понятно? Потому что когда в следующий раз ты скажешь что-нибудь, что меня разозлит, я тебе голову откушу.

– *Ммммффф*, — сказало нечто хорьковое.

— Тебе ведь не понравится, если я откушу тебе

голову, не так ли?

— Ннгк, — сказало животное. Глаза у него были бледно-голубые, два кристаллика льда, и они так и сверкали из-под огромной тигриной лапы.

— И ты обещаешь, что будешь хорошо и тихо себя вести? — прогремел Тигр. Он чуть отпустил лапу, чтобы зверек мог ответить.

— Коне-ечно, — чрезвычайно вежливо ответило маленькое белое существо. А затем одним хорьковым движением извернулось и погрузило свои острые зубки в тигриную лапу. Тигр заревел от боли и дернул лапой так, что зверек подпрыгнул, ударился о каменный потолок, отскочил и метнулся грязно-белой вспышкой в дальнюю часть пещеры, где потолок сходился с полом и где было множество мест, в которых может спрятаться маленькое животное, мест, куда животное побольше не пролезет.

Тигр подошел и остановился там, где мог еще с легкостью передвигаться.

— Думаешь, я не умею ждать? — спросил он. — Рано или поздно тебе придется выйти. А я буду здесь.

Тигр лег. Он закрыл глаза и вскоре начал довольно убедительно похрапывать.

Спустя полчаса тигриного храпа бледное жи-

вотное выбралось из-за камней и, скользя от тени к тени, направилось к большой кости, на которой еще оставалось достаточно хорошего мяса, если вас, конечно, не смущает вонь, а животное она не смущала. Однако, чтобы добраться до кости, зверек должен был миновать Тигра. Он еще немного попрятался в тени, а затем все же рискнул выбраться, тихонько ступая своими крохотными лапками.

Когда он крался мимо спящего Тигра, тот выбросил вперед переднюю лапу и ударил когтем по его хвосту, пригвоздив зверька. Вторая лапа схватила маленькое создание за загривок. Большая кошка открыла глаза.

— Откровенно говоря, — сказал Тигр, — мы тут с тобой вместе застряли. Так что я прошу, чтобы ты постарался. Мы вместе постараемся. Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь станем друзьями, но возможно, мы научимся выносить друг друга.

— Я понял вашу точку зрения, — сказала маленькая хорьковая тварь. — Плетью обуха не перешибешь.

— Как раз это я и имел в виду, — сказал Тигр. — Тебе просто нужно научиться держать рот на замке.

— Кому война, — сказал зверек, — а кому мать

родна.

— Ты опять меня раздражаешь, — сказал Тигр. — Я пытаюсь объяснить тебе: не раздражай меня, и я не откушу тебе голову.

— Вы все время употребляете этот оборот. Как я понимаю, когда вы говорите «откушу тебе голову», вы на самом деле, употребляете своего рода метафору, подразумевающую, что вы на меня накричите, возможно, довольно сердито?

— Я откушу тебе голову. Разгрызу. Разжую. И проглочу, — сказал Тигр. — Ни один из нас не может покинуть пещеру, пока дитя Ананси не забудет, что мы здесь. Этот ублюдок все так организовал, что даже если я убью тебя утром, ты реинкарнируешься в этой проклятой пещере уже к вечеру того же дня. Так что не серди меня.

— Ну ладно. Один день…

— Если ты скажешь «один доллар», я рассержусь, а это приведет к серьезным последствиям. Не. Говори. Ничего. Что. Меня. Рассердит. Ты понял?

На короткое время в пещере на краю мира воцарилась тишина. Ее прервал тоненький крысиный голосок, сказавший: «Безу*слав*но».

А потом он начал говорить «о-о-о-у-у», но с этим шумом справились внезапно и эффективно.

И больше никаких звуков, кроме хруста, из пещеры не доносилось.

* * *

В книжках никогда не говорится, что гробы — потому что, откровенно говоря, людям, которые их покупают, все равно, — весьма удобны.

Мистер Нанси был очень доволен своим гробом. Теперь, когда все волнения закончились, он вернулся к себе в гроб, устроился поудобнее и вздремнул. Изредка он просыпался, вспоминал, где находится, переворачивался на другой бок и засыпал снова.

Могила, как уже было отмечено, это неплохое местечко, не говоря уже о том, что уединенное, и она отлично подходит для того, чтобы в ней на время залечь. Шесть футов под землей, лучше не бывает. Лет через двадцать, решил он, надо будет подумать о возвращении.

Когда начались похороны, он приоткрыл один глаз.

Он слышал их наверху: Келлиэнн Хигглер, и эту Бустамонте, и еще одну, тощую, не говоря уже о маленькой орде внуков, правнуков и праправнуков. Все они вздыхали, и стенали, и все глаза себе выплакали по ушедшей миссис Данвидди.

Мистер Нанси подумал, не пробиться ли рукой сквозь дерн и не схватить ли Келлиэнн Хигглер за лодыжку. Он хотел это сделать еще со времен просмотра «Кэрри» в открытом кинотеатре тридцать лет назад, но теперь, когда такой шанс сам шел в руки, устоял перед искушением. Честно говоря, лучше, чтобы тебя не беспокоили. Она бы ведь заорала, у нее случился бы сердечный приступ, и она бы умерла, и в этот чертов сад упокоения пришло бы еще больше народу, чем сейчас.

Слишком похоже на тяжкую работу, в любом случае. В подземном мире ему снились прекрасные сны. *Двадцать лет*, подумал он, *может, двадцать пять*. К тому времени, глядишь, и внуки пойдут. Всегда интересно узнать, откуда берутся внуки.

Он слышал, как наверху все причитала Келлиэнн Хигглер. Затем она надолго прервала рыдания, чтобы объявить:

— И все же нельзя отрицать, что она прожила хорошую и долгую жизнь. Этой женщине было сто три года, когда она нас покинула.

— Што четыре! — раздался рядом с ним раздраженный голос из-под земли.

Мистер Нанси резко постучал иллюзорной рукой в новенький соседский гроб.

— Потише там, женщина! — рявкнул он. — Некоторые тут пытаются уснуть.

* * *

Рози ясно дала понять Пауку, что она хочет, чтобы он устроился на постоянную работу, из тех, когда нужно вставать по утрам и куда-то идти.

Так что однажды утром, за день до выписки Рози из больницы, Паук встал пораньше и отправился в городскую библиотеку. С помощью библиотечного компьютера он вышел в Интернет и очень осторожно снял с оставшихся счетов Грэма Коутса (с тех, которые полицейские силы нескольких континентов так и не нашли) все, что мог. Конный завод в Аргентине он продал. Он купил небольшой готовый бизнес, вложил в него деньги и перерегистрировал как благотворительную организацию. От имени Роджера Бронштейна он отправил письмо, нанял адвоката для управления делами фонда и предложил адвокату отыскать мисс Рози Ной из Лондона, что сейчас находится на Сент-Эндрюсе, и нанять ее Творить Добро.

Работу Рози получила. Первой ее задачей было найти помещение для офиса.

После этого Паук провел целых четыре дня,

гуляя (а по ночам спя) по пляжу, который окружал большую часть острова, и пробуя еду во всех ресторанчиках и кафе, которые встречались ему на пути, пока не пришел в «Рыбную хижину Доусона». Он попробовал жареную летающую рыбу, вареные зеленые фиги, курицу на гриле и кокосовый пирог, после чего отправился на кухню, нашел шеф-повара, который был также владельцем, и предложил ему столько денег, что хватило и на партнерство, и на уроки кулинарии.

Теперь «Рыбная хижина Доусона» — это ресторан, а сам мистер Доусон вышел на пенсию. Иногда Паук выходит к людям, иногда работает на кухне: если вы зайдете туда и поищете, вы его увидите. Еда там лучшая на острове. Он раздобрел, хотя вовсе не так толст, каким станет, если продолжит пробовать все, что готовит.

Хотя Рози ничего не имеет против.

Она немного преподает, немного помогает, и очень много Творит Добра, а если когда скучает по Лондону, никому этого не показывает. В то же время мать Рози скучает по Лондону постоянно и все время об этом говорит, но любое предположение, что она могла бы туда вернуться, воспринимает как попытку разлучить ее с еще не рожденными (и если уж на то пошло, незачатыми) внуками.

Ничто не доставило бы автору большего удовольствия, чем возможность заверить вас в том, что вернувшись из долины смертной тени мать Рози стала другим человеком, веселой женщиной, у которой для каждого находится доброе слово, а ее вновь обретенный аппетит может сравниться только с ее вкусом к жизни и ко всему, что жизнь может предложить. Увы, уважение к истине вынуждает меня быть совершенно честным, а правда заключается в том, что при выписке из больницы мать Рози оставалась такой же мнительной и немилосердной, какой и была, хотя значительно более субтильной, и отныне отходила ко сну только со светом.

Она объявила, что продаст свою квартиру в Лондоне и переедет туда, где будут жить Паук и Рози, где бы это ни было, чтобы быть поближе к внукам; и само собой, отпускала язвительные комментарии по поводу их отсутствия, а также количества и подвижности сперматозоидов Паука, частоты сексуальных сношений Паука и Рози, позиций, в которых эти сексуальные сношения производятся, относительной дешевизны и легкости зачатия в пробирке — так что в какой-то момент Паук всерьез начал подумывать о том, чтобы вообще больше не спать с Рози, просто

назло ее матери. Он думал об этом примерно одиннадцать секунд, пока мать Рози передавала им фотокопию журнальной статьи, в которой женщине предлагалось после секса полчаса стоять на голове. Той ночью Паук рассказал Рози о своей мысли, и она засмеялась и ответила, что ее матери доступ в их спальню все равно воспрещен, а она, Рози, не собирается стоять на голове, с кем бы она любовью ни занималась.

Квартира миссис Ной расположена в Вильямстауне, неподалеку от дома Паука и Рози, и дважды в неделю один из многочисленных племянников Келлиэнн Хигглер заглядывает к ней, пылесосит, вытирает пыль со стеклянных фруктов (восковые здесь плавились от жары), готовит немного еды и оставляет в холодильнике. И иногда мама Рози ее съедает.

* * *

Чарли теперь поет. Он вовсе не такой мягкий, как прежде. Это худощавый мужчина в фетровой шляпе, которая стала его опознавательным знаком. Шляп у него множество, разных цветов; но зеленая — его любимая.

У Чарли есть сын. Его зовут Маркус, ему четыре с половиной, и он обладает той чрезвычайной

важностью и серьезностью, какая свойственна лишь маленьким детям и горным гориллам.

Никто больше не зовет Чарли Толстяком Чарли, и, честно говоря, иногда ему этого не хватает.

Это случилось ранним летним утром, когда было уже светло. В соседней комнате зашумели. Чарли позволил Дейзи поспать. Он тихо выбрался из постели, подхватил футболку и шорты и вышел за дверь, где увидел сына, который голым ползал по полу и играл с маленькой деревянной железной дорогой. Вместе они надели футболки, шорты и сандалии, а Чарли надел еще и шляпу, и отправились на пляж.

— Папа! — сказал мальчик. Его челюсти были сжаты и, казалось, он что-то обдумывает.

— Да, Маркус.

— Какой из президентов был короче?

— В смысле, по росту?

— Нет, по дням. Кто был самым коротким?

— Гаррисон. Он подхватил воспаление легких во время инаугурации и умер. Он был президентом чуть дольше сорока дней, и большую часть этого времени умирал.

— Ох. Ну ладно, а кто был дольше всех?

— Франклин Делано Рузвельт. Он отработал три полных срока.

Умер в кабинете во время четвертого. Здесь мы снимаем обувь.

Они оставили обувь на камне, а сами пошли к волнам, зарываясь пальцами во влажный песок.

— Как ты узнал так много о президентах?

— Потому что мой папа, когда я был маленьким, думал, что это принесет мне пользу, если я буду много о них знать.

— А.

Они зашли в воду и направились в сторону большого валуна, который был виден только во время отлива. Через какое-то время Чарли поднял мальчика и посадил себе на плечи.

— Папа!

— Да, Маркус.

— Пичунья говорит, ты знаменитость.

— А кто такая Петуния?

— Из детского сада. Она говорит, у ее мамы все твои диски. Она говорит, что любит тебя слушать.

— А.

— Так ты знаменитость?

— Не особенно. Немножко.

Он опустил Маркуса на верхушку валуна, а сам взобрался и встал рядом.

— Окей. Готов петь?

— Да.

— Что ты хочешь?

— Мою любимую.

— Не знаю, понравится ли ей.

— Понравится. — В отдельных случаях Маркус был тверд, как скала.

— Ну ладно. Раз, два, три…

Они спели вместе «Желтую птичку», которая на этой неделе была любимой песней Маркуса, а потом они спели «Пирушку зомби», которая была его второй любимой песней, а за ней «Она прямо за горой», которая была третьей. Маркус, чьи глаза были лучше, чем у Чарли, заметил ее, когда они допевали «Она прямо за горой», и замахал руками.

— Вон она, папа.

— Ты уверен?

Из-за утреннего тумана граница между морем и небом смазалась в бледную белизну, и Чарли бросил быстрый взгляд на горизонт.

— Я ничего не вижу.

— Она нырнула. Скоро появится.

Раздался плеск, и она тут же всплыла прямо позади них; она сделала в воздухе сальто и плюхнулась на камень рядом с ними, игриво покачивая серебристым хвостом и поднимая ма-

ленькие фонтанчики брызг. У нее были длинные красно-оранжевые волосы.

И они запели вместе: мужчина, мальчик и русалка. Они спели «Леди — бродягу» и «Желтую подводную лодку», а потом Маркус научил Русалку словам песни из «Флинтстоунов».

— Он напоминает мне тебя, — сказала она, — в детстве.

— Ты разве знала меня тогда?

Она улыбнулась.

— Ты и твой отец приходили на пляж. Твой отец, — сказала она, — вот это был джентльмен. — Она вздохнула. Русалки вздыхают лучше всех на свете. А потом сказала: — Вам пора возвращаться. Надвигается прилив. — Она отбросила длинные волосы назад и, сгруппировавшись, прыгнула. Прежде чем скрыться под водой она приподняла голову и, прижав пальцы к губам, послала Маркусу воздушный поцелуй.

Чарли посадил сына на плечи, а когда добрел по морю к пляжу, тот соскользнул на песок. Чарли снял зеленую шляпу и надел на сына. Она была очень велика, но Маркус в ней всегда улыбался.

— Эй, — сказал Чарли. — Хочешь, кое-что покажу?

— Хочу. Но я уже голоден. И я хочу блинов. Нет,

овсянки! Нет, блинов.

— Смотри, — Чарли исполнил песочный танец, загребая босыми ногами песок.

— И я так могу, — сказал Маркус.

— Правда?

— Смотри, папа!

И у него действительно получилось.

Так они доплясали по песку до дома, напевая песню без слов, которую придумали по пути, и она еще долго звучала в воздухе после того, как они ушли завтракать.